

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

*Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина*

Кафедра общего языкознания и стилистики

Воронежская психолингвистическая ассоциация

**Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина**

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Выпуск 9

*Посвящается 75-летию со дня рождения доктора филологических
наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ*

Иосифа Абрамовича Стернина

*и 50-летию со дня основания кафедры общего языкознания и
стилистики Воронежского государственного университета*

**Москва
2023**

УДК 81'33

ББК 81

Редакционная коллегия:

Рудакова Александра Владимировна – *научный редактор*, д.ф.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета; директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина (Воронеж, Россия)

Стернина Марина Абрамовна – *зам. научного редактора*, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой английского языка естественнонаучных факультетов Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Заварзина Галина Анатольевна – д.ф.н., заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Маклакова Елена Альбертовна – д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия)

Новичихина Марина Евгеньевна – д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Стеблецова Анна Олеговна – д.ф.н., заведующий кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (Воронеж, Россия)

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Продолжающееся научное издание

Издается с 2014 г.

В сборнике представлены статьи ученых, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции теоретико-лингвистической научной школы профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации, юрислингвистики.

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – Вып. 9. – 302 с.

ISBN 978-5-00208-074-8

От научного редактора

Девятый выпуск продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, а также статьи ученых других вузов, работающих в русле проблематики данной научной школы из Воронежа, Барнаула, Бийска, Борисоглебска, Брянска, Краснодара, Липецка, Луганска, Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Сургута, Твери, Тольятти, Челябинска, Якутска, Ярославля, а также вузов Казахстана, Киргизии, Китая, Шри-Ланки.

В сборнике также представлены материалы докладов IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией, кафедрой общего языкознания и стилистики и Центром коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета 27 октября 2023 г.

В сборнике впервые представлены исследования, посвященные вопросам юрислингвистики и лингвокриминалистики как отдельному направлению изучения языкового сознания.

Сборник представляет интерес для филологов, специалистов в области психолингвистических исследований, семасиологии, лексикографии, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, юрислингвистики.

Редколлегия приглашает к участию авторов, занимающихся исследованиями в рамках тематики данного сборника.

Адрес редколлегии: a-rudakova@list.ru.

А.В. Рудакова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Н.В. Акованцева (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ДЕНЬГИ»

Аннотация. В статье приводится психолингвистическое описание семантики слова «деньги», сформулированное по результатам свободного ассоциативного эксперимента. Проводится сопоставление психолингвистического значения слова «деньги» с его с лексикографическим значением.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, психолингвистика, семантика, ассоциативный эксперимент, обыденное языковое сознание

Abstract. The article provides a psycholinguistic description of the semantics of the word "money", formulated according to the results of a free associative experiment. The psycholinguistic meaning of the word "money" is compared with its lexicographic meaning.

Keywords: psycholinguistic meaning, psycholinguistics, semantics, associative experiment, everyday language consciousness

В современном мире происходит изменение отношения к понятию **деньги**. Владимир Познер в интервью, опубликованном в газете «Коммерсант», отметил, что «отношение к деньгам стало совершенно другим, стремление иметь их стало гораздо более очевидным» [Коммерсант 2017].

Изменения, произошедшие в конце XX века в экономической и политической системах, дали толчок к формированию нового восприятия некоторых ключевых понятий новой эпохи. Возрастающее число рекламных сообщений о проводимых тренингах и марафонах по привлечению денег в свою жизнь, улучшению благосостояния, качества жизни формируют и транслируют новые смыслы, которые выражаются в употреблении синонимичных деньгам понятий: свобода, независимость, безопасность, комфорт, успех, возможности, удовольствия, уверенность в завтрашнем дне, энергия, драйв, власть и т.п.

Цель настоящего исследования – зафиксировать происходящие изменения в структуре значения лексемы «деньги».

В 2023 г. нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, испытуемыми которого стали студенты экономического, медико-биологического факультетов и факультета компьютерных наук Воронежского государственного университета. Опрошено было 142 испытуемых (ИИ). Приведем ассоциативное пол «деньги».

ДЕНЬГИ 142: власть 13; работа 11; возможности 10; время, счастье 5; богатство, возможность, слава 4; зло, кошелек, много, нужны, успех, хорошо 3; бумага, валюта, достаток, зарплата, золото, купюры, машина,

необходимость, оплата, средства, средство, труд, ценность 2; безопасность, бизнес, бумажки, бумажный самолетик, важность, выгода, главное, глупость, движение, доллар, еда, заработать, имеются, инвестиции, инструмент, интеллект, карта, карьера, кончились, копилка, круто, кэш, лужа, мелочь, монета, на ветер, надо заработать, наличные, не проблема, нужно, подкуп, ресурс, ресурсы, рубли, рубль, рынок, свобода, траты, удовольствие, усилия, финансы, цена 1; отказ 1.

Затем было сформулировано психолингвистическое значение слова «деньги» по методике И.А. Стернина и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011].

Психолингвистическое значение

1. Большие средства, дающие возможности, власть; являются показателем успешности; необходимы.

Средства 0,05 (*средство 2, средства, ресурс, ресурсы, финансы, инструмент*), большие 0,07 (*богатство 4, много 3, достаток 2, на ветер*), дающие возможности 0,1 (*возможности 10, возможность 4*), власть 0,1 (*власть 13*); являются показателем успешности 0,05 (*успех 3, слава 4*), важны 0,04 (*главное, время 5*), необходимы 0,05 (*необходимость 2, нужны 3, нужно, важность*); приносят счастье 0,04 (*счастье 5*), удовольствие 0,01 (*удовольствие*); дают свободу 0,01 (*свобода*), чувство безопасности 0,01 (*безопасность*); необходимо сделать карьеру 0,01 (*карьера, интеллект*), прилагать усилия 0,01 (*движение, усилия*), чтобы их было больше; их можно инвестировать 0,01 (*инвестиции*), за них приобретать что-то ценное 0,05 (*машина 2, золото 2, ценность 2, не проблема*), занимаясь бизнесом 0,01 (*бизнес*); хранятся на карте 0,01 (*карта*); оценивается положительно 0,03 (*хорошо 3, круто*), оценивается отрицательно 0,03 (*зло 3, глупость*).

То же, что: финансы 0,01, достаток 0,01

Фразы: время 0,04, зло 0,02, на ветер 0,01, не проблема 0,01

СИЯ – 0,66

Отчаянные попытки найти денег на операцию для своего сына вынуждают блестящего эксперта-криминалиста оказаться по ту сторону закона.

Большие деньги, заработанные честно или украденные, найденные или выигранные, накопленные за долгие годы или свалившиеся разом, не способны сами по себе сделать человека счастливым, наоборот, это испытание, а иногда – трагедия.

2. Купюры бумажные или монеты, которые получают в качестве оплаты за работу, хранятся в кошельке; их можно тратить, они могут закончиться.

Бумажные 0,03 (*бумага 2, бумажки, бумажный самолетик*), купюры 0,05 (*валюта 2, купюры 2, доллар, рубли, рубль*) или монеты 0,01 (*монета, мелочь*), наличные 0,01 (*наличные, кэш*); получают в качестве оплаты за работу 0,13 (*работа 11, зарплата 2, оплата 2, труд 2, заработать, надо заработать*); хранятся в кошельке 0,03 (*кошелек 3, копилка*), могут закончиться 0,01 (*кончились, имеются*); их можно тратить 0,02 (*траты,*

рынок, еда), покупать за них что-либо по определенной цене 0,01 (цена), выгодно 0,01 (выгода); могут быть использованы в незаконных целях 0,01 (подкуп).

СИЯ – 0,32

Он вытащил деньги из кармана и положил на стол.

Когда вы платите за товар наличными деньгами и получаете сдачу.

Не интерпретируются: лужа 0,01

Не актуально (отказы): 0,01

Наличие более ярко выраженного значения в семантеме лексемы **деньги** «*Большие средства, дающие возможности, власть; являются показателем успешности; необходимы*» подтверждает гипотезу о том, что в сознании современных носителей языка происходит мифологизация понятия **деньги**. Особенно показательным в этом отношении является наличие наиболее ярких ассоциатов (*власть 13, возможности 10, счастье 5, слава 4, успех 3, зло 3, безопасность, свобода*). Все чаще носители языка под деньгами понимают не просто бумажные купюры, которые они получают в качестве оплаты труда, которыми они расплачиваются в магазинах, а некие абстрактные понятия нематериального мира, что ловко используют «торговцы счастьем», предлагая в своих тренингах и марафонах рецепт «волшебной таблетки».

В 2019 году на основе ассоциативного поля **деньги**, взятого из ЕВРАС, Е.И. Колесникова, И.А. Стернин и А.В. Рудакова сформулировали психолингвистическое значение слова **деньги** [Психолингвистический словарь 2019]. Сопоставим оба психолингвистических значения (см. Таблицу 1).

Психолингвистические значения, сформулированные на основе полученных ассоциатов в результате проведения свободных ассоциативных экспериментов в 2014 г. (в Европейской части России) и 2023 г. (в Воронеже), во многом схожи. Яркие семы первого значения, например, «*Средства, большие, дают возможности, являются показателем успешности*» схожи. Отличия находим только в единичных реакциях.

Второе значение «*Купюры бумажные или монеты, которые получают в качестве оплаты за работу, хранятся в кошельке; их можно тратить, они могут закончиться*» значительно менее ярко представлено в семантеме психолингвистического значения, сформулированного нами в 2023 году. Можно предположить, что деньги все меньше воспринимаются как материальная единица, используемая для оплаты чего-либо, а в большей степени семантизируются как некая абстракция, нечто желаемое, что трудно, но достижимо при условии, что будут приложены определенные усилия.

Таблица 1

Сопоставление психолингвистических значений лексемы «деньги»

САЭ ДЕНЬГИ 2023 (ВГУ)	САЭ ДЕНЬГИ 2014 (ЕВРАС)
<p>1. Большие средства, дающие возможности, власть; являются показателем успешности; необходимы</p> <p>Средства 0,05, большие 0,07, дающие возможности 0,1, власть 0,1; являются показателем успешности 0,05, важны 0,04, необходимы 0,05; приносят счастье 0,04, удовольствие 0,01; дают свободу 0,01, чувство безопасности 0,01; необходимо сделать карьеру 0,01, прилагать усилия 0,01, чтобы их было больше; их можно инвестировать 0,01, за них приобретать что-то ценное 0,05, занимаясь бизнесом 0,01; хранятся на карте 0,01; оценивается положительно 0,03, оценивается отрицательно 0,03.</p> <p><i>То же, что:</i> финансы 0,01, достаток 0,01</p> <p>СИЯ – 0,66</p>	<p>1. Большие средства, являются злом, не главное в жизни</p> <p>Средства 0,02; большие 0,14, маленькие 0,01; не главное в жизни 0,06; дают власть 0,05; необходимы человеку 0,03; получены незаконным путем 0,03; их не хватает 0,02; обеспечивают возможности 0,01; их надо заработать 0,01; их тратят на личные потребности 0,01; являются показателем успеха 0,01; портят людей 0,01; это зло 0,08, это хорошо 0,03; (менее 0,01) их копят; легко полученные; для бизнеса; на них построена экономика; их много у Романа Абрамовича; от них зависят; дают благополучие; решают многие проблемы, с них платят налоги, позволяют роскошно жить; защищают; дают независимость, чувство свободы; хранятся на карте, их тратят на друзей, на квартиру, на лечение; на здоровье, на секс, в Египте; приводят к возникновению чувства жадности; ссорят людей; не являются ценностью; приносят радость, вызывают неприятные чувства; можно заработать донором.</p> <p><i>То же, что:</i> достаток 0,01; (менее 0,01) золото, злато, доход, состояние, финансы</p> <p>СИЯ – 0,63</p>
<p>2. Купюры бумажные или монеты, которые получают в качестве оплаты за работу, хранятся в кошельке; их можно тратить, они могут закончиться</p> <p>Бумажные 0,03, купюры 0,05 или монеты 0,01, наличные 0,01; получают в качестве оплаты за работу 0,13; хранятся в кошельке 0,03, могут закончиться 0,01; их можно тратить 0,02, покупать за них что-либо по определенной цене 0,01, выгодно 0,01; могут быть использованы в незаконных целях 0,01.</p>	<p>2. Денежные единицы в виде бумажных купюр, например, рубль, доллар</p> <p>Денежная единица 0,02 (государства) в виде монет 0,04, бумажных купюр 0,06; их много 0,07, мало 0,01; например, рубль 0,05, доллар 0,05, евро 0,01; получают в виде заработной платы 0,05; нужны 0,03; хранятся в кошельке 0,02, банке 0,01; золотые 0,01, крупные 0,01, грязные 0,01; являются мерой стоимости купленного товара 0,01; являются ценностью 0,01;</p> <p>(менее 0,01) это банкноты; например, лира; лежат в кармане, в чемодане; получают в кассе; мелкие, металлические; наличные; новые; фальшивые; шелестят; выполняют роль</p>

СИЯ – 0,32	взятки; ими отдают долг; не являются ценностью. <i>То же, что:</i> валюта 0,02, бабло 0,01, монеты 0,01; (менее 0,01) бабки, лаве, money, денежный знак СИЯ – 0,57
<i>Фразы:</i> время 0,04, зло 0,02, на ветер 0,01, не проблема 0,01	<i>Фразы:</i> деньги на ветер 0,02; деньги не пахнут 0,02; время – деньги 0,01; деньги – это сила 0,01; (менее 0,01) легкие деньги; шальные деньги; быстрые деньги; бешеные деньги; пустить деньги в оборот; деньги утекают как вода; денег много не бывает; левые деньги; деньги липнут; деньги правят миром; отмывание денег; деньги – мусор; деньги любят счет; деньги на бочку; денег куры не клюют; деньги сразу; фраза из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» «утром деньги – вечером стулья»; где деньги; где взять; забрал; мои; сразу; чьи-то; нет!!!
Не интерпретируются 1: лужа 0,01 Не актуально (отказы) 1: 0,01	Не интерпретируются 2: час, ого Не актуально (отказы): 3

Можно сделать вывод о том, что за последние 10 лет не произошло каких-либо значительных изменений в структуре психолингвистического значения слова ДЕНЬГИ.

А.В. Загребельный в своей работе, исследовав материалы русской сатирической печати конца XIX – начала XX веков, сформулировал следующие психолингвистические значения слова **деньги** [Загребельный 2014]:

1. **Монеты** 0,18 (*пятиалтынный* 1, *двугривенный* 2, *копейка* 7, *целковый* 3, *пятак* 3, *полтинник* 1, *рубель (рунь)* 15, *монета* 1, *грош* 1, *ни сантима* 1, *фунтов стерлингов* 1, *долларов* 1) или кредитные билеты 0,02 (*кредитный билет* 2, *бумажка* 2), являющиеся мерой стоимости 0,05 (*стоить* 1, *цена* 2, *цены* 4, *дороже* 1, *дорогой* 1, *дешевый* 1, *прейскурант* 1) чего-либо при покупке 0,05 (*закупают* 1, *купил* 4, *куплен* 2, *купить* 1, *выкулю* 1, *выкупной* 1, *купец* 1, *купеческий* 1) и продаже 0,01 (*продам* 1, *продать* 2), позволяющие оплачивать 0,1 (*платить* 7, *уплачивать* 1, *заплатить* 6, *заплатит* 1, *не оплачен* 1, *оплачивают* 1, *бесплатно* 2, *бесплатный* 1, *плата* 1, *платежи* 1) что-либо.

2. **Банковская деятельность** 0,14: банк 0,05 (*в банковом* 1, *банковские* 2, *банковых* 1, *в... банках* 1, *банкиры* 2, *банковская* 1, *банк* 2, *банкир* 1, *банкирский* 1), вклад 0,01 (*вкладчикам* 1, *вклад* 2), проценты 0,01 (*процент* 1, *проценты* 1, *процентный* 1), взнос 0,004, сумма 0,01, ссуда

0,004, ассигновка 0,004, акции 0,004, залог 0,01, кредит 0,01 (*кредиторов 1, кредитоспособности (кого-л.) 2*), котироваться 0,004, заём 0,004.

3. **Средства** 0,1: государственные 0,01: *казна 0,01 (казна 1, казначей 1, казначейство 1)*; личные 0,08: средства 0,004, финансы 0,03 (*финансовый 1, финансов 3, финансовая 1, финансы 1*), капитал 0,04 (*капитала 1, капитал 5, капиталы 1, капиталист 1*), наличность 0,01 (*о наличных 1, наличность 2*).

4. **Финансовая деятельность** 0,09: коммерция 0,01 (*коммерсантов 1, коммерция 2*), ломбард 0,004, бедный 0,01, торговля 0,01 (*торговля 1, торговец 1*), рассрочка 0,03 (*в рассрочку 6, рассрочка 1*), расходы 0,01 (*расходы 2, израсходовать 1*).

5. **Трудовая деятельность** 0,09: компенсации расходов по командировке 0,01 (*подъёмные 1, суточные 1, прогонные 1*); оплата труда 0,07 (*оклад 1, пособие 1, гонорар 2, жалование 3, содержание 2, премия 1, прибавка 2, вознаграждение 3, поддержка 1*);

6. **Богатство** 0,05: богатый 0,03 (*богатый 2, богатство 1, разбогатеть 2, богач 1*), сберечь 0,004, скопить 0,01 (*копить 1, скопить 2*).

7. **Драгоценности** 0,05: золото 0,04 (*золото 5, золотом 1, золотой 1, золотое 1*), бриллианты 0,004, серебряный 0,004.

8. **Доход** 0,04: пошлина 0,01, рента 0,02;

9. **Место хранения** 0,03: бумажник 3, касса 4;

10. **Бюджет** 0,01 (*бюджет 2, бюджетик 1*).

Сопоставление психолингвистических значений, сформулированных по материалам сатирических текстов конца XIX – начала XX веков [Загребельный 2014], со значениями, полученными при обработке СЭЭ 2023 года, показывает отсутствие значения «*Большие средства, дающие возможности, власть; являются показателем успешности; необходимы*», что дает основание говорить о том, что раньше было отношение к деньгам как к средствам для купли-продажи чего-либо.

Данное психолингвистическое значение коррелирует с лексическим значением изучаемого слова. Например, Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова дает следующие значения [БТС 2008]:

ДЕНЬГИ, денег, деньгам и деньгам, деньгами и деньгами, о деньгах и о деньгах; **мн.** 1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже; то или иное их количество, сумма. *Бумажные д. Обращение денег. Разменять д. Пересчитать д. Тратить д. Получить д. за работу. Копить д. на пальто. Одолжить немного денег. Живые д.* (наличные). *Большие, хорошие д.* (о значительной сумме денег). *Карманные д.* (суммы для личных мелких трат). *Пластиковые д.* (платежные карточки, предназначенные для безналичных расчетов за товары и услуги). 2. Капитал, средства. *Располагать деньгами. Он человек с деньгами. Д. на строительство уже отпущены.* * *Время – деньги* (Погов.). ♦ **На медные деньги (учиться, быть воспитанным).** На скудные, ничтожные средства; недостаточно. **При деньгах (быть).** Иметь деньги; быть со средствами. **Не при деньгах (быть).** Без денег; без свободных, излишних денег. **Бросать (кидать, швырять и т.п.) деньги на ветер**

(см. Ветер). <Денежки, -жек, -жкам. Ласк. Денежек дать? Плакали мои д. Пропали, не вернёшь. * Денежки счет любят (Погов.). Денежный (см.).

Таким образом, изменения в значении слова **деньги**, действительно, происходят. В языковом сознании современных носителей русского языка формируется новое понимание слова **деньги**. Зафиксированное значение «*Большие средства, дающие возможности, власть; являются показателем успешности; необходимы*» более ярко представлено в семанте психолингвистического значения.

Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.

ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. – М., 2014. – URL:http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf.

Загребельный А.В. Психолингвистическое значение слова «деньги» (на материале русской сатирической печати к. XIX – нач. XX века) // Язык и культура. – Новосибирск, 2014.

Отношение к деньгам не просто меняется, оно изменилось // Коммерсант. – 28.11.2017. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3468711>.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 6/1. Частотная лексика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – 129 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Т.В. Бондарева, К.О. Селезнева (Борисоглебск)

ЛЕКСЕМА «УЧИТЕЛЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ (на материале направленного ассоциативного эксперимента)

Аннотация. Целью данного исследования является выявление и описание психолингвистического значения лексемы «учитель» в русском языковом сознании студентов. Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента, которые были систематизированы и проанализированы.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, лексема, учитель, направленный ассоциативный эксперимент

Abstract. The aim of this article is revealing and description of psycholinguistic meaning of the lexeme *Teacher* in Russian students' language consciousness. The results of a directed associative experiment were the material of the study. They were systematized and analyzed. The associative field of the lexeme *Teacher* was made.

Keywords: psycholinguistic meaning, lexeme, teacher, directed associative experiment

2023 год указом президента РФ объявлен Годом педагога и наставника. Основная цель этого – повышение престижа профессии

учителя, привлечение молодых специалистов в сферу образования. Совершенно очевидно, что чем больше будет расти популярность этой профессии, тем больше ярких, мотивированных абитуриентов будет приходить в педагогические вузы.

Желание учиться, интерес к науке и энтузиазм помогут молодым специалистам влиться в педагогическую деятельность. Поддержка более опытных коллег и наставников, разнообразие профессиональных конкурсов в этой области способствуют появлению новых «педагогических звезд».

Именно учителя окружают нас с самых ранних лет, помогая расширить кругозор, сформировать мировоззрение и найти свое место в жизни. Как говорил Генри Адамс: «Учитель влияет на вечность: никогда нельзя быть уверенным, где кончается его влияние» [Adams 1988].

Становление личности ребенка зависит не только от того, что в него вложат родители, но и от того, что он получит от первого учителя. Это, безусловно, накладывает на учителя серьезную ответственность.

В свете вышеизложенного особую актуальность приобретает изучение психолингвистического значения лексемы **Учитель** в русском языковом сознании, а тем более среди студентов вузов педагогического направления.

Не вызывает сомнения тот факт, что лексикографическое и психолингвистическое значения далеко не всегда совпадают. Принимая во внимание, что поколения молодых людей сейчас сменяются через каждые пять-семь лет, так важно становится определение психолингвистического значения слов в языковом сознании молодежи, выяснение, что именно данная возрастная группа подразумевает под тем или иным понятием. Исследования подобного рода «помогут облегчить общение представителей разных поколений, что особенно актуально в сфере образования при взаимодействии «учитель – ученик», «преподаватель – студент» и т.д.» [Селезнева 2021a].

Данная статья является частью цикла публикаций в рамках исследования педагогической лексики с психолингвистической [Селезнева 2021a, 2022] и лексикографической точки зрения [Селезнева 2019, 2021б].

В нашем исследовании был использован направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме. Для его проведения мы воспользовались методикой, изложенной И.А. Стерниним и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011].

Эксперимент проводился в 2023 году. В эксперименте приняли участие студенты 1-5 курсов ФГБОУ ВО Борисоглебский филиал «ВГУ» мужского и женского пола в возрасте от 16 до 25 лет. Всего 100 человек.

Перед испытуемыми ставился вопрос: Учитель – какой? Никаких ограничений в ответах на вопрос не предусматривалось. В конце листа ответов участники указывали свой пол и возраст, учебное заведение, курс. Отказов не было. Результаты направленного ассоциативного эксперимента

были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативного поля.

УЧИТЕЛЬ 100: добрый 26; умный 12; строгий, хороший 10; понимающий, справедливый 5; мудрый 4; терпеливый 3; веселый, квалифицированный, отзывчивый 2; авторитетный, взрослый, классный, коммуникабельный, лучший, любящий, многогранный, надежный, образованный, ответственный, первый, профессиональный, разумный, рассудительный, родной, сильный, статный, требовательный, эмпатичный 1.

Всего было зафиксировано 100 реакций, из них различных – 30.

На основе ассоциативного поля были сформулировано психолингвистическое значение лексемы *Учитель* в языковом сознании студентов.

В своей работе мы исходим из того, что «психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более или менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2011].

Вслед за В.В. Левицким и И.А. Стерниным, нами были вычислены индексы яркости семы для каждого компонента психолингвистического значения (далее – ИЯ) как «отношение числа выделивших данный признак к числу участников эксперимента» [Левицкий, Стернин 1989].

УЧИТЕЛЬ

1. **Обладает набором личностных, нравственных и интеллектуальных качеств 0,76** (добрый 0,26; умный 0,12; строгий 0,1; справедливый 0,05; мудрый 0,04; терпеливый 0,03; веселый, отзывчивый 0,02; взрослый, коммуникабельный, многогранный, надежный, образованный, ответственный, разумный, рассудительный, сильный, статный, требовательный, эмпатичный 0,01).

2. **Состоит в дружеских отношениях с учащимся 0,06** (понимающий 0,05; родной 0,01).

3. **Имеет определенный статус и положение в коллективе 0,05** (квалифицированный 0,02; авторитетный, первый, профессиональный 0,01).

4. **Высоко оценивается 0,03** (лучший, хороший, классный 0,1).

5. **Испытывает чувство любви к ученикам 0,01** (любящий 0,01).

Принимая во внимание приведенные результаты можно сделать вывод о том, что в семантике лексемы *Учитель* выделяются пять семантических параметров, из которых наиболее важным является «обладает набором личностных, нравственных и интеллектуальных качеств» (ИЯ 0,76). Здесь

стоит упомянуть слова К.Д. Ушинского, которые по сей день остаются актуальными: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания» [Ушинский 1948].

Второй семантический параметр психолингвистического значения лексемы *Учитель* – «состоит в дружеских отношениях с учащимся» с ИЯ 0,06. Полагаем, что без возможности «живого» взаимодействия «учитель-ученик» обходиться нельзя, ведь важно наличие у учителя не только умения транслировать тот комплекс знаний и навыков, владение которыми делает его мастером своего дела, но и определенных человеческих качеств, без которых невозможно представить истинного педагога – умение стать другом для своего подопечного.

Третий семантический параметр психолингвистического значения лексемы *Учитель* – «имеет определенный статус и положение в коллективе» с ИЯ 0,05. Учитель – это первый представитель государства, с которым начинает взаимодействовать ребенок. Ответственность учителя перед страной и обществом очень велика. Несмотря на тот факт, что у этого параметра не самый высокий ИЯ, важно то, что необходимость наличия у учителя определенного статуса и положения в обществе осознается респондентами.

В семантической структуре психолингвистического значения слова Учитель был вербализован и коннотативный компонент значения: оценочный и эмоциональный, что свидетельствует о неравнодушных отношениях между педагогами и их учениками.

Полученные данные позволяют предположить, что профессия учителя вызывает всё больший интерес у носителей русского языка. В перспективе было бы интересно сравнить экспериментальные данные в диахроническом аспекте, рассмотреть профессиональные, возрастные и гендерные особенности ПЛЗ лексемы *Учитель* в современном русском языке, сопоставить полученные психолингвистические значения лексемы *Учитель* с лексикографическими значениями.

Henry Adams. The Education of Henry Adams (1907) / Пер. М.Шерешевская. – М.: Прогресс, 1988. – OCR&spellcheck by HarryFan. 5 June 2002. – //https://www.booksite.ru (дата обращения 03.10.2023).

Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии: монография. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1989. – 192 с.

Макеева Т.В., Гурьянчик В.Н. Только уважая учителя, сам станешь учителем // Деловой партнерият: сборник статей регионального научно-методического семинара / Под ред. О.А. Коряковцевой. – Ярославль, 2018. – С. 111-118.

Селезнева К.О. Лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы «Образование» // Сопоставительные исследования 2022: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина. – Вып. 19. – Воронеж: РИТМ, 2022. – С. 129-134.

Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексем «Образование» (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 60-62.

Селезнева К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» // Казанская наука. – 2019. – № 3. – С. 99-103.

Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2021. – Вып. 8. – С. 115-122.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Ушинский К.Д. Собрание сочинений. – Т. 2. – М., 1948. – 655 с. // <http://elib.gnpbu.ru> (дата обращения 03.10.2023).

В.Ю. Бурносова (Воронеж)

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

(на материале слова «соловей»)

Аннотация. В статье представлена методика психолингвистического описания семантики наименования птиц. На примере слова «соловей» представлено описание возрастных и гендерных особенностей семантики слова в языковом сознании школьников.

Ключевые слова: психолингвистика, эксперимент, семантика, гендер

Abstract. The article presents a method of psycholinguistic description of the semantics of naming birds. Using the example of the word "nightingale", a description of the age and gender features of the semantics of the word in the language consciousness of schoolchildren is presented.

Keywords: psycholinguistics, experiment, semantics, gen

Цель данной статьи – психолингвистическое описание семантики наименований птиц в языковом сознании школьника. Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка, а также результаты психолингвистического эксперимента (были опрошены школьники 9-х классов). Анализ проводился на основе пяти лексических единиц: *ворона, дятел, попугай, синица, соловей, птица*.

На первом этапе исследования было выполнено лексикографическое описание для указанных выше единиц на основе пяти толковых словарей (словари С.А. Кузнецова, Т.Ф. Ефремовой, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, А.П. Евгеньевой) [БТС, ТСЕ, ТСОШ, ТСУ, МАС].

В качестве примера рассмотрим лексикографическое описание лексемы СОЛОВЕЙ.

1. Маленькая 0,60 (БТС, ТСЕ, МАС) перелетная 0,40 (БТС, МАС) певчая 0,60 (ТСЕ, ТСУ, МАС) птица 1 (БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ, ТСУ) семейства дроздовых 0,80

(БТС, МАС, ТСОШ, ТСУ), отряда воробьиный 0,20 (ТСЕ) с серовато-бурым 0,80 (БТС, ТСУ, МАС, ТСОШ) оперением, стройного сложения 0,20 (ТСУ) отличающаяся красивым пением 1 (БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ, ТСУ). БТС, ТСЕ, МАС, ТСОШ, ТСУ. ЛИЯС 1

*Трели соловья. * Соловья баснями не кормят (Погов.). Тут Соловей являть свое искусство стал. Зацелкал, засвистал На тысячу ладов, тянул, переливался. И. Крылов, Осел и Соловей.*

2. Человек 0,40 (ТСЕ, ТСУ) с чистым 0,20 (ТСУ) красивым 0,40 (ТСЕ, ТСУ), высоким 0,40 (ТСЕ, ТСУ) голосом, славящийся своим пением 0,40 (ТСЕ, ТСУ). Разг. 0,40 (ТСЕ, ТСУ). ТСЕ, ТСУ. ЛИЯС 0,40

Николай Басков – русский соловей, известный во всём мире.

3. Краснойбай 0,20 (ТСЕ). Разг. 0,20 (ТСЕ). ЛИЯС 0,20

ФЕ

◇ Петь (заливаться, разливаться) соловьем. Ирон. Говорить о чем-л. с жаром, с увлечением, красноречиво.

На втором этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент с указанными выше стимулами. Затем были сформированы ассоциативные поля соответствующих стимулов.

На третьем этапе методом семантической интерпретации элементов ассоциативных полей были сформулированы психолингвистические значения всех исследуемых лексем (методика И.А. Стернина и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011]).

Приведем пример психолингвистического описания значения слова СОЛОВЕЙ, составленного на основе письменного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2022 г. среди школьников 9-х классов (136 человек).

Ассоциативное поле

СОЛОВЕЙ 136: птица 34; разбойник 18; воробей 10; поет 6; песня 5; голосистый 4; маленький 3; свист 3; певец 2; певучий 2; пение 2; весна 2; голубь 2; синица 2; белый; весна, спокойствие; головей; голос; дупло; звук; каша; Кеша; молчит; нет слов; небо; одинокий; петух; петь; подвеска; поет летом; покойник; пост; поют; поющий; птица в живой природе; рециркулятор; свистит; свистун; свобода; скворечник; слово; соло; соловьем разливается; трель; фильм 1; отказ 8.

Психолингвистическое значение

1. Птица, которая поет

Птица 0,26; в ряду птиц: воробей 0,07, голубь 0,01, синица 0,01, петух 0,01; маленький 0,02; издает громкие звуки 0,08, свистит 0,04, красиво 0,01 поет 0,16; обитает в живой природе 0,01, весной 0,02, летом 0,01, летает в небе 0,01, [ест] кашу 0,01; живет в дупле 0,01, в скворечнике 0,01; бывает белый 0,01, одинокий 0,01; вызывает чувство покоя 0,01, вызывает восторг 0,01.

СИЯ 0,79

Соловей поет на ветке дерева.

2. Человек, который поет

Человек 0,03, хорошо поет 0,18.

СИЯ 0,21

Лев Леценко – настоящий соловей! Он прекрасно поет!

Фразы: сказочный персонаж Соловей-разбойник 0,13, молчит 0,01; разливаться соловьем 0,01; фильм «Соловей» 0,01

Ложные реакции: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь 0,09

Не интерпретируются 3: подвеска, пост, рециркулятор

Не актуально (отказ 8): 0,06

Сопоставление лексикографического и психолингвистического значений слова СОЛОВЕЙ показывает, что их семантемы различаются количественно и качественно. Совпадение наблюдается в семемах «Птица» и «Человек, который поет». В языковом сознании девятиклассников не вербализовано значение «Краснобай».

Анализ совпадающих значений показывает, что количество сем в психолингвистическом значении «Птица» значительно больше, чем в лексикографическом.

Для языкового сознания школьников актуальны следующие признаки, не актуализированные в лексикографическом описании: местоположение, особенности системы питания, способность вызывать определенные чувства.

Для выявления гендерных особенностей семантики слова были сформулированы психолингвистические значения лексем в языковом сознании мальчиков и девочек 9-х классов. Рассмотрим полученные результаты на примере лексемы СОЛОВЕЙ (см. Таблица). Жирным шрифтом выделены несовпадающие элементы.

Таблица

Гендерные значения слова СОЛОВЕЙ

Девочки	Мальчики
Ассоциативные поля	
СОЛОВЕЙ 79: птица 18; разбойник 9; воробей 5; поет 4; голосистый 3; песня 3; голубь 2; маленький 2; певец 2; свист 2; весна, спокойствие; весна; головой; дупло; звук; каша; Кеша; одинокий; певучий; пение; петь; подвеска; поет летом; покойник; пост; птица в живой природе; синица; скворечник; слово; соло; соловьем разливается; трель; фильм 1; отказ 4.	СОЛОВЕЙ 57: птица 16; разбойник 9; воробей 5; песня 2; поет 2; белый; весна; голос; голосистый; маленький; молчит; нет слов; небо; певучий; пение; петух; поют; поющий; рециркулятор; свист; свистит; свистун; свобода; синица 1; отказ 4.
Психолингвистические значения	
1. Птица, которая поет Птица 0,24; в ряду птиц: воробей 0,06, голубь 0,03 , синица 0,02; маленький 0,03; издает громкие звуки 0,06, свистит 0,03, поет 0,18 красиво 0,02; обитает в живой природе 0,02 весной 0,03, летом 0,02, [ест] кашу 0,02; живет в дупле 0,02, в скворечнике 0,02, бывает одинокий 0,02, вызывает чувство покоя 0,02. СИЯ 0,83	1. Птица, которая поет Птица 0,28; в ряду птиц: воробей 0,09, синица 0,02, петух 0,02 , маленький 0,02; издает громкие звуки 0,04, свистит 0,05, поет 0,14 весной 0,01 ; обитает в живой природе 0,02; бывает белый 0,02, вызывает чувство восторга 0,02. СИЯ 0,73

2. Человек, который поет Человек 0,05, хорошо поет 0,22. СИЯ 0,27	2. Человек, который поет [Человек], хорошо поет 0,18. СИЯ 0,18
Фразы: сказочный персонаж Соловей-разбойник 0,11; разливаться соловьем 0,02; фильм «Соловей» 0,02	Фразы: сказочный персонаж Соловей-разбойник 0,16, молчит 0,02
Ложные реакции: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь 0,08	Ложные реакции: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь 0,11
Не интерпретируются 2: подвеска, пост Не актуально (отказ 8): 0,06	Не интерпретируется 1: рециркулятор Не актуально (отказ 4): 0,07

Комментарий

Лексема СОЛОВЕЙ в языковом сознании девочек и мальчиков 9-х классов совпадает по двум значениям: «Птица, которая поет», «Человек, который поет». Эндемичные значения не выявлены.

Значение «Птица, которая поет»

Оба значения являются актуальными для языкового сознания для мальчиков и девочек (СИЯ 0,83 и 0,73 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий (различие на 10 пунктов).

Интегральные семантические компоненты гендерных значений являются (1,30): птица 0,24 – 0,28, в ряду птиц: воробей 0,06 – 0,09, синица 0,02 – 0,02, маленький 0,03 – 0,02, издает громкие звуки 0,06 – 0,04, свистит 0,03 – 0,05, поет 0,18 – 0,14, обитает в живой природе 0,02 – 0,02. Всего 16 сем.

Наиболее яркие различия отмечены у следующих интегральных сем: птица 0,24 – 0,28, в ряду птиц: воробей 0,06 – 0,09, поет 0,18 – 0,14.

Дифференциальные женские семы (0,20): в ряду птиц: голубь 0,03, [поет] красиво 0,02, весной 0,03, летом 0,02, [ест] кашу 0,02, живет в дупле 0,02, в скворечнике 0,02, бывает одинокий 0,02, вызывает чувство покоя 0,02. Всего 9 сем.

Дифференциальные мужские семы (0,07): в ряду птиц: петух 0,02, весной 0,01, бывает белый 0,02, вызывает чувство восторга 0,02. Всего 4 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 29 сем, из них 16 интегральных сем и 13 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,55; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,45.

Совокупная яркость интегральных сем значений – 1,30, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У дифференциальных сем индекс совокупной яркости почти в 5 раз ниже (0,27).

Таким образом, и мальчики, и девочки отмечают, что соловей – это птица, которая обитает в живой природе, умеет петь, свистеть.

Девочки дополнительно указывают времена года, в течение которых можно увидеть соловья, а также места его обитания.

Значение «Человек, который поет»

Всего у данной пары совпадающих значений 3 семы, из них 2 интегральных сем и 1 дифференциальная сема.

Индекс семного совпадения значений – 0,67; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,33.

Совокупная яркость интегральных сем значений – 0,40, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У дифференциальных сем индекс совокупной яркости в 8 раз ниже (0,05).

Параметр «Фразы»: обе группы испытуемых указывают на соловья как на героя былин, легенд, сказок, фильмов. Девочки отмечают также умение человека хорошо петь (соловьём разливаясь).

Кроме того, и мальчики, и девочки указывают на поговорку «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь». Однако данная реакция является ложной, вызвана контаминацией со словом «воробей».

Также было проведено лингвистическое интервьюирование среди учащихся 8-9 классов, цель которого – выяснить, какие устойчивые выражения известны школьникам. Всего было опрошено 40 человек. Детям предлагалось записать известные им устойчивые выражения и поговорки со словами «ворона», «дятел», «попугай», «синица», «соловей», «птица».

Как показало исследование, школьники знают небольшое количество таких выражений: *свободен, как птица в полете; лучшие синица в руках, чем журавль в небе; синяя птица; белая ворона; считать/ловить ворон*. В дальнейшем планируется сравнение полученных в ходе психолингвистических экспериментов данных для выявления возрастных особенностей.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

ТСЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – Москва: АСТ, 2005. – 1168 с.

ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с.

ТСУ – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М.: Альта-Принт, 2008. – 1239 с.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии: дис. ... доктора филол. наук. – Воронеж, 2022. – 430 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP. LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

УМК «Школа России»; «Окружающий мир» (А.А. Плешаков) // media.prosv.ru/content/item/12869/?ysclid=lo6t5qbzui847619578.

Е.А. Дьяконова (Москва), В.И. Федосова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ «В», «ИЗ», «НА» (по результатам психолингвистического эксперимента)

Аннотация. Данная статья посвящена описанию психолингвистических значений предлогов **в**, **из** и **на**, сформулированных на основе данных психолингвистического эксперимента. Делается вывод о наличии лексического значения у служебных слов.

Ключевые слова: предлог, психолингвистическое значение, психолингвистический эксперимент

Abstract. This article is dedicated to psycholinguistic meanings of prepositions **в**, **из** and **на** based on the results of psycholinguistic experiments.

Keywords: preposition, psycholinguistic meaning, psycholinguistic experiment

С целью описания психолингвистических значений предлогов **в**, **из**, **на** было проведено пилотное экспериментальное исследование, которое представляло собой свободный ассоциативный эксперимент.

Эксперимент был проведен в июне-июле 2023 года. В нем приняло участие 50 испытуемых – лиц мужского и женского пола в возрасте от 11 до 78 лет. Испытуемыми выступали жители нескольких городов – Москвы, Воскресенска, Егорьевска, Раменского, Воронежа, Казани и Озерска.

Испытуемым была предложена следующая анкета-инструкция:

Какая ПЕРВАЯ ассоциация приходит вам в голову, когда вы слышите/видите слова: *в, утро, молодой, из, красиво, на*.

Испытуемым было также предложено указать возраст, пол и дату заполнения анкеты.

Эксперимент проводился на фоне так называемого «шума» – слов, которые не представляют исследовательского интереса. Это осуществлялось с целью «расфокусировки» внимания испытуемых. В качестве «шума» были использованы слова «утро», «молодой» и «красиво».

На следующем этапе исследования были составлены ассоциативные поля исследуемых стимулов:

САЭ 50 В: *в доме (4), в субботу (2), в комнате, в лесу (2), в голове, в магазин, в клетке, в сад, в море, в друзьях, внутри (2), в добрый путь, в настоящем, в летнее жаркое утро; внутрь чего-то, мысль пришла в голову; в этот день, вечер, вверх, в дверь, в темном лесе, вечер, платье в шкафу, в 7 утра, в – на, в космосе, в моменте, предлог, в лес по грибы, в маршрут, во-первых, в ус не дует, во внутрь, в городе, в – из, в*

университете, вовремя, в суете, в интернете, в кофейне, в лето, в радиусе.

САЭ 50 ИЗ: из дерева (4), из Москвы (4), из леса (2), из грязи в князи (2), из-за острова на стрежень (2), из деревни, из-за угла, выглядывать из окна, из ведра, из дома (2), из головы (2), из города (2), из квартиры, из магазина, из-за куста, из крана, из банки, из огня да в полымя, вне, из-за острова, из полей, из атмосферы, издавека, из чего же из чего же сделаны наши девчонки, кошелька, из сумки, из – снаружи, из воздуха, из детства, из-за этого, откуда-то (предлог), из кирпича, из гугла, из стекла, из тетради, из окна, из-за границы.

САЭ 50 НА: на море (4), на столе (2), на ... (ненормативная лексика) (2), на полу (2), на работу, на лавочке, на картине, на нервах, сидеть на берегу, на ловца и зверь бежит, на небе, давай на море, на поверхности стола, наверх, пожалуйста, на заре голоса зовут меня, книга на столе, на поезде, на – в, на позитиве, на встречу, на фиг, предлог (расположение), на прощание, на своих двоих, наверху, на крыше, на дереве, на дороге, на рожон, на краю, на горе, на парах, на лестнице, на графике, на природу, на берегу, пирог на столе, на четыре буквы; отказ 1.

Далее ассоциаты поля были обработаны методом сематической интерпретации и сформулированы психолингвистические значения слов «в», «из», «на» [Рудакова, Стернин, 2015].

В

Нахождение в пространстве:

1) Нахождение в каком-либо локальном замкнутом пространстве – 0,24: в д оме (4), внутри (2), в голове, в комнате, в клетке, платье в шкафу, в университете, в кофейне.

2) Нахождение в открытом пространстве – 0,12: в лесу (2), в космосе, в темном лесу, в городе, в море.

3) Нахождение в виртуальном пространстве – 0,02: в интернете.

4) Нахождение во временном пространстве – 0,10: в субботу (2), в настоящем, в летнее жаркое утро, в этот день, вечер.

5) Обозначает точку во временном пространстве – 0,06: в 7 утра, в моменте, вовремя.

Обозначает направление действия/движения – 0,22: в магазин, в сад, в добрый путь, внутрь чего-то, мысль пришла в голову, вверх, в лес по грибы, в маршрут, в ус не дует, во внутрь, в дверь.

Обозначает расстояние – 0,02: в радиусе.

Обозначает нахождение в процессе – 0,02: в суете.

Обозначает быть в числе кого-либо – 0,02: в друзьях.

Обозначает порядок при счете – 0,02: во-первых.

Является буквой – 0,02: вечер.

Является предлогом – 0,02: в.

Образует антонимические пары: *в – на, в – из.*

Устойчивое выражение: *в ус не дует.*

Не интерпретируется: *в лето.*

ИЗ

Обозначает точку исхода/старта/ источник – 0,64: *из Москвы (4), из леса (2), из грязи в князи (2), из дома (2), из головы (2), из города (2), из деревни, из квартиры, из магазина, выглядывать из окна, из ведра, из крана, из банки, из огня да в полымя, кошелька, из сумки, из полей, из атмосферы, издалека, из детства, откуда-то (предлог), из окна, из гугла, из тетради.*

Обозначает материал, из которого сделано что-либо – 0,16: *из дерева (4), из чего же из чего же сделаны наши девчонки, из воздуха, из кирпичика, из стекла.*

Входит в состав сложного предлога «из-за» – 0,14: *из-за острова на стрежень (2), из-за угла, из-за куста, из-за острова, из-за этого, из-за границы.*

Обозначает нахождение снаружи – 0,04: *вне, из – снаружи.*

Является предлогом – 0,02: *откуда-то (предлог).*

Прецедентные тексты: *из-за острова на стрежень (2), из-за острова, из полей, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки.*

Устойчивое выражение: *из огня да в полымя.*

НА

Обозначает расположение на поверхности/плоскости/основании – 0,36: *на столе (3), на полу (2), на лавочке, на картине, сидеть на берегу, на поверхности стола, книга на столе, на крыше, на дереве, на дороге, на горе, на лестнице, на графике, на берегу, пирог на столе.*

Обозначает направление движения – 0,22: *на (ненормативная лексика) (2), на ловца и зверь бежит, давай на море, на встречу, на фиг, на рожон, на природу, на четыре буквы, на работу, наверх.*

Обозначает место расположения в пространстве – 0,16: *на море (4), на краю, предлог (расположение), на небе, наверху, предлог (расположение).*

Обозначает время – 0,06: *на заре голоса зовут меня, на парах, на прощание.*

Обозначает средство передвижения – 0,04: *на своих двоих, на поезде.*

Обозначает эмоциональное состояние – 0,04: *на нервах, на позитиве.*

Является предлогом – 0,02.

Образует антонимическую пару: *на – в.*

Прецедентные тексты: *на заре голоса зовут меня.*

Устойчивые выражения: *на своих двоих, на рожон.*

Симиляры: *то же, что «возьми» – пожалуйста.*

Отказ – 1.

Сформулируем психолингвистические значения данных предлогов в виде связанных дефиниций.

В

1. Обозначает расположение в локальном замкнутом (0,24) или открытом (0,08), временном (0,16) или виртуальном (0,02) пространстве. СИЯ – 0,50.

2. Обозначает направление действия/движения. СИЯ – 0,22.

3. Обозначает расстояние. СИЯ – 0,02.

4. Обозначает нахождение в процессе. СИЯ – 0,02.

5. Обозначает быть в числе кого-либо. СИЯ – 0,02.

6. Обозначает порядок при счете. СИЯ – 0,02.

7. Является буквой. СИЯ – 0,02.

8. Является предлогом. СИЯ – 0,02.

Образует антонимические пары: *в – на, в – из.*

Устойчивое выражение: *в ус не дует.*

Не интерпретируется: *в лето.*

Отказы – *нет.*

ИЗ

1. Обозначает точку исхода/старта/источник. СИЯ – 0,64.

2. Обозначает материал, из которого сделано что-либо. СИЯ – 0,16.

3. Входит в состав сложного предлога «из-за». СИЯ – 0,14.

4. Обозначает нахождение снаружи. СИЯ – 0,04.

5. Является предлогом. СИЯ – 0,02.

Прецедентные тексты: *из-за острова на стрежень, из-за острова, из полей, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки.*

Устойчивое выражение: *из огня да в полымя.*

Отказы – *нет.*

НА

1. Обозначает расположение на поверхности/плоскости/основании (0,36) или в пространстве (0,16). СИЯ – 0,52.

2. Обозначает направление движения. СИЯ – 0,22.

3. Обозначает время. СИЯ – 0,06.

4. Обозначает средство передвижения. СИЯ – 0,04.

5. Обозначает эмоциональное состояние. СИЯ – 0,04.

6. Является предлогом. СИЯ – 0,02.

Образует антонимическую пару: *на – в.*

Прецедентные тексты: *на заре голоса зовут меня.*

Устойчивые выражения: *на своих двоих, на рожон.*

То же, что «возьми» – *пожалуйста*.

Отказ – 1

Выводы:

1. В обыденном сознании носителей русского языка предлоги могут ассоциироваться с прецедентными текстами, подобно остальным частям речи, а также они могут, входя в состав устойчивых выражений, ассоциироваться с ними.

2. В обыденном сознании носителей русского языка предлоги являются многозначными словами, подобно другим частям речи. Наиболее многозначным из трех исследуемых предлогов является предлог **В** – 8 значений, предлог **НА** имеет 6 значений, предлог **ИЗ** – 5.

3. В обыденном сознании носителей русского языка предлоги могут образовывать антонимические пары, что является аргументом в пользу наличия у предлогов полноценного лексического значения.

Рудакова А.В., Стернин И.А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С.100-108. // <http://tverlingua.ru/>

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

О.В. Земцова (Липецк)

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ «КОУЧ», «МЕНТОР», «ФАСИЛИТАТОР»

Аннотация. В статье рассматриваются результаты психолингвистического эксперимента со словами «коуч», «ментор», «фасилитатор». Данные слова, по мнению автора, являются наиболее популярными среди английских заимствований в сфере образования. Однако эти слова представляют сложности для употребления в русском языковом сознании из-за смежности их значений. Это и было продемонстрировано описанным в статье экспериментом.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, заимствования

Abstract. The article deals with the associative experiment concerning the English borrowings into the Russian language «coach», «mentor», «facilitator». According to the author, these words are among the most popular English borrowings in the sphere of education. However these lexical units present certain difficulties for Russian native-speakers because their meanings are confusing and mistakenly understood. The meanings revealed in the experiment have demonstrated this statement.

Keywords: associative experiment, psycholinguistic meaning, borrowings

В 2008 году под руководством доктора филологических наук, директора Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессора Стернина Иосифа Абрамовича мной была успешно завершена работа над кандидатской диссертацией под названием «Национальная специфика семантики лиц, занятых в сфере образования (на материале русского и английского языков)». Считаю Иосифа Абрамовича не только своим Учителем в академической науке, но и в жизни в самом широком понимании этого слова. Именно ему я обязана интересом, с которым я наблюдаю за процессами, происходящими с английскими заимствованиями в русском языке.

В последнее десятилетие, благодаря бурно развивающемуся рынку информационных и образовательных услуг, наряду с уже прочно закрепившимися в языковом сознании носителей языка лексемами «учитель», «педагог», «наставник», в употребление вошел целый ряд английских заимствований. Полагаем, что самыми популярными среди английских заимствований в сфере образования сейчас являются слова «коуч», «ментор», «фасилитатор». Кроме того, на выбор именно этих лексем для проведения эксперимента повлиял личный языковой и профессиональный опыт исследователя. Обучаясь в 2022 – 2023 году на курсе под названием «Менторство и комьюнити», как и остальные участники курса, я испытывала определенные трудности при разграничении значений данных слов.

Целью написания данной статьи является попытка систематизировать и проанализировать результаты ассоциативного эксперимента, направленного на изучение языкового сознания носителей русского языка. В ходе эксперимента испытуемым необходимо было дать реакцию на слова-стимулы: «ментор», «коуч» и «фасилитатор».

Как известно, психолингвистическое значение – это значение, которое реально представлено в сознании носителей языка (в отличие от лексикографического значения, представленного в словарях). Под психолингвистическим значением слова, вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой, понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»; «объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов...» [Стернин, Рудакова 2011, с. 99]. Чаще всего для определения психолингвистического значения слова используется ассоциативный эксперимент, результаты которого подтверждаются процедуре семного анализа.

В ходе описываемого эксперимента было опрошено 111 респондентов. Они заполнили анкету, которая имела следующий вид:

«Просим Вас принять участие в лингвистическом эксперименте, направленном на изучение языкового сознания носителей русского языка.

Необходимо закончить фразу в каждой строке. Работайте быстро, не задумывайтесь долго над каждым словом. Нас интересует Ваша немедленная реакция. Любые Ваши ответы будут правильными. Степень подробности ответа – на Ваше усмотрение. Если затрудняетесь ответить, поставьте прочерк. Ваши ответы будут исследованы в обобщенном виде.

Также укажите свой возраст и род занятий.

Ментор – это

Коуч – это

Фасилитатор – это

Спасибо за участие!»

Большая часть из опрошенных респондентов – студенты и преподаватели Института филологии Липецкого государственного педагогического университета, Липецкого филиала РАНХ и ГС, а также люди разнообразных профессий, уровня образования, возраста и пола (от 18 до 85 лет).

В результате обработки результатов эксперимента были построены ассоциативные поля всех стимулов по убыванию частотности полученных реакций.

Ассоциативные поля

КОУЧ 111: тренер 56, наставник 18, обучает 11, учитель 8, помогает 6, преподаватель 5, направляет 4, имеет углубленные знания в определенной сфере 4, персональный (личный) 4, дает советы по развитию в какой-то деятельности 3, оттренировывает навык или умение 2, дает знания 2, преподает личный рост 2, репетитор 2, куратор, что-то рассказывает, прокачивает soft-skills (социальные скиллы), поддерживает во время тренировок, помогает закрепить материал, поддерживает мотивацию, работает за деньги, вдохновитель, мотиватор, психолог, инструктор, работает с запросом по своей сфере, следит за систематичностью процесса обучения, современное слово для квалифицированного обучателя, занимается общественной деятельностью, расслабленный учитель, в спорте, преподает курс онлайн, может ответить на любые вопросы, помогает решить проблему, вид транспорта, иностранное слово (не знаю значения).

Отказы – 5.

МЕНТОР 111: наставник 32, обучает людей чему-либо 8, учитель 5, дает советы 5, управляет (руководит, лидер, глава) 5, преподаватель 4, направляет 4, помогает 4, педагог 3, работает с духовной стороной 3, контролирует 2, наставляет других на истинный (верный) путь 2, учит жизни 2, наблюдает за чем-либо 2, объясняет новую информацию 2, мыслитель 2, воспитатель 2, профессор, поучает, дает мотивацию делать что-то, берет ответственность за другого человека, фокусируется на

психологическом состоянии подопечного, отслеживает процесс и прогресс группы людей, очень уважительно, помогает в процессе обучения, студент, помогает дойти до результата в определенной сфере, сопровождая это объяснением материала, психолог, направляет на познание чего-то нового, мозговой деятель, способен направить и помочь с решением конкретных задач, направляет в развитии, обучении, достижении целей, обладает большим знанием в определенной сфере, разбирается во всем, инструктор, товарищ по партии, помогает освоить программу, пастырь, участвует в воспитании, иностранное слово (не знаю значения).

Отказы – 30.

ФАСИЛИТАТОР 111: помогает 6 (избрать правильные пути действия, в организации деятельности, общаться с другими людьми), облегчает 5 (конфликты, задачи, занятия, чужие страдания, нам жизнь) (to facilitate), лидер 4, наставник 4 (в т.ч. в учреждении), психолог 3, главный в компании 2 (в т.ч. директор), переговорщик 2, вдохновляет 2, мотивирует 2, проводник, переводчик?, посредник, активный представитель группы, управляет дискуссией, позиционирует себя лидером, налаживает отношения между другими в коллективе, устраняет (трудности), направляющий учитель, способствует продвижению деятельности, работает в сфере коммуникации, контролирует и отслеживает прогресс, выявляет сильные стороны клиента, педагог – психолог, что-то связанное с выбором специальности, раздражитель, очень умный человек, продавец, фаси – что?, сын у меня работает, говорит, помогает коллегам меньше ругаться, зачем ругаетесь?, иностранное слово (не знаю значения).

Отказы – 61.

По результатам анализа проведенного эксперимента с лексемами «коуч», «ментор», «фасилитатор» можно сделать следующие выводы:

1. Больше половины испытуемых (61 из 111) не смогли определить значение слова «фасилитатор» вообще – они отказались выполнить задание. Это подтверждает мысль о том, что значение данной лексемы содержательно не освоено значительным числом носителей русского языка.

2. Согласно количеству отказов от интерпретации, самым понятным для носителей русского языка слов из всех анализируемых является слово «коуч» (только 5 отказов из 111).

3. По данным эксперимента все реакции на слова-стимулы можно разделить на взаимопересекающиеся группы. Другими словами, все три анализируемые лексемы синонимичны по своим следующим семантическим признакам: «помогает», «обучает», «наставник», «мотивирует», «учитель», «психолог».

4. Интересной представляется одинаковая реакция одного из респондентов на все три слова – «иностранное слово (не знаю значения)».

Данная реакция подтверждает присутствующее в обществе мнение о нежелании и нежелательности употребления иностранных слов.

5. Не менее интересной оказалась реакция одного респондента на все слова стимулы словом «учитель». «Коуч – расслабленный учитель, ментор – контролирующий учитель, фасилитатор – направляющий учитель». Несмотря на некоторое обесценивание слова «учитель» в современном русскоязычном пространстве, оно обладает большим смысловым потенциалом.

В заключение позволим себе дать собственную интерпретацию слов-стимулов в соответствии со своим пониманием их значения в современном контексте.

Коуч – это тренер личностного роста, помогающий находить и поддерживать мотивацию в решении различных жизненных задач.

Ментор – человек, помогающий в решении конкретной задачи и достижении определенного результата (в бизнесе, в определенной сфере деятельности, в духовном развитии).

Фасилитатор – это человек, обеспечивающий успешную групповую коммуникацию. Обеспечивая соблюдение правил встречи группы, ее регламента, фасилитатор помогает членам группы сконцентрироваться на целях и содержании встречи. Фасилитатор превращает процесс обсуждения вопросов в группе в удобный и легкий для всех его участников. При этом в случае дискуссии фасилитатор не занимает и не защищает ни одну из сторон. Используя метафорический образ, фасилитатора можно представить как дирижера оркестра.

Очевидно, что логическим продолжением описанного эксперимента может быть сопоставление лексикографического и психолингвистического значений описанных слов-стимулов в русском языке.

Что касается места анализируемых слов в системе русского языка, сделать вывод о том, закрепится ли слово или вскоре выйдет из употребления, можно только с учетом диахронической перспективы.

Стернин И.А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? // Вопросы психолингвистики. – 2021. – №1(47). – С. 98–109. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-98-109.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Н.И. Иванова (Якутск)

НАПРАВЛЕННЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК КАЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДВУ- И МНОГОЯЗЫЧИЯ

Аннотация. Этносоциопсихолингвистический подход в исследовании языковой ситуации на макро- и микросоциолингвистическом уровнях, благодаря синкретичности теоретико-методологического аппарата, смежности исследуемого поля, оптимальному совмещению методов позволяет формировать системную мониторинговую модель с достаточно чувствительными индикаторами. Лингвистический, этносоциолингвистический, психолингвистический уровни анализа, рассмотренные в динамике, способствуют установлению основных тенденций развития якутского языка и носителей данного языка в контексте современной языковой ситуации первых 20 лет XXI в.

Ключевые слова: языковая ситуация, этноязыковая идентичность, направленный ассоциативный эксперимент

Abstract. The ethnosociopsycholinguistic approach to the study of the language situation at the macro- and microsociolinguistic levels, due to the syncretism of the theoretical and methodological apparatus, the contiguity of the field under study, and the optimal combination of methods, allows us to form a systemic monitoring model with fairly sensitive indicators. Linguistic, ethnosociolinguistic, psycholinguistic levels of analysis, considered in dynamics, contribute to the establishment of the main trends in the development of the Yakut language and speakers of this language in the context of the modern linguistic situation of the first 20 years of the 21st century.

Keywords: language situation, ethnolinguistic identity, directed associative experiment

В научных проектах, посвященных исследованию комплекса детерминирующих современную языковую ситуацию объективных и субъективных факторов и их причинно-следственных связей, нами интегрируются различные исследовательские парадигмы. Двойственность природы социолингвистики, а также принцип детерминизма, манифестирующий взаимосвязь и взаимную зависимость всех явлений и процессов, позволили автору разработать этносоциопсихолингвистический подход в исследовании языковой ситуации в условиях языковой неоднородности, включающий в себя этносоциолингвистический и психолингвистический анализы материала на макросоциолингвистическом и микросоциолингвистическом уровнях.

Этносоциопсихолингвистический подход концептуализирован автором, прошел апробацию в виде защиты в 2021 г. докторской диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект)» (09.09.2021, Казанский (Приволжский) федеральный университет) по специальности 10.02.19 – Теория языка [Иванова 2021].

Синкретичность теоретико-методологического аппарата, смежность исследуемого поля, оптимальное совмещение методов позволили, на наш взгляд, обоснованно сформировать весь теоретико-методологический аппарат в рамках единой социолингвистической парадигмы.

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные труды социолингвистов Е.Д. Поливанова, В.А. Аврорина, А.Д. Швейцера, В.Ю. Михальченко, В.М. Алпатов, В.А. Виноградова, А.Н. Баскакова, Л.Л. Аюповой, Г.А. Дырхеевой, Т.Г. Боргояковой, С.И. Тресковой.

Принимая систематизацию отраслей антропоцентрического языковедения К.Ф. Седова в рамках функциональной парадигмы современного языкознания; в разработке психолингвистической составляющей, служащей интерпретирующим базисом, мы опираемся на труды И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Э.В. Хилхановой; в обосновании введения категории современного риторического (коммуникативного) идеала как компонента этноязыковой идентичности, но в авторском социолингвистическом осмыслении, воспользовались идеей И.А. Стернина, приняли во внимание суждения А.К. Михальской, А.П. Сковородникова, С.С. Аверинцева.

Метаязык описания базируется на терминологической традиции, разработанной и основанной социолингвистами Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (далее – РАН), представленной в Словаре социолингвистических терминов (2006 г.) под редакцией В.Ю. Михальченко [Словарь 2016]. В ряде случаев вводятся уточнения и авторские рабочие определения в соответствии с выбранным аспектом исследования.

Смежность исследовательского поля, метод триангуляции, комбинирующий количественные (социолингвистические опросы) и качественные (направленный ассоциативный эксперимент, далее – НАЭ) процедуры, расширяют возможности получения репрезентативных результатов. Итоги НАЭ также экстраполируются на область исследования языковой компетенции, этноязыковой идентичности и национально-языковых отношений.

Социолингвистика, как отметил в свое время Р. Белл, объединяя две разные отрасли знаний, разграничивает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств» [Белл 1980, с. 45], т.е. макросоциолингвистику, и изучение индивида в совокупности неформальной внутригрупповой интеракции малых групп, определяемой как микросоциолингвистика.

Стратегия этносоциопсихолингвистического исследования охватывает два уровня: макро- и микросоциолингвистический, на каждом из которых проводится аналитическое исследование, ставящее своей целью не только

описание структурных элементов изучаемого явления, но и выявление факторов, которые лежат в его основе и обуславливают характер, распространенность, актуальность для этноса выявленных ориентаций, установок и мотивов. К.Ф. Седов, ссылаясь на Р. Белла, проводит параллель между макро- и микроуровнями социалингвистики и новыми антропоцентрическими направлениями: первый исследовательский уровень представлен социалингвистикой (макросоциалингвистикой); второй – социальной социопсихалингвистикой (микросоциалингвистикой) [Седов 2007, с. 6]. На микросоциалингвистическом уровне рассматриваем компоненты языковой ситуации параллельно и в психалингвистическом аспекте, подвергая их ассоциативному испытанию, с последующим помещением анализа ассоциативного поля в широкий социалингвистический контекст.

З.Д. Попова и И.А. Стернин под термином коммуникативное сознание понимают «...совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения [Попова, Стернин 2009, с. 49], при этом под коммуникативными категориями они понимают самые общие коммуникативные концепты (понятия), упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления [Попова, Стернин 2009, с. 49]. В коммуникативное сознание входит, по мнению авторов концепции и информация о других (неродных, изучаемых) языках, – «отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.» [Попова, Стернин 2009, с. 48]. Поэтому описание коммуникативного сознания в нашей работе не ограничивается одним определенным предметом и распространяется и на другие компоненты понятия языкового сознания (далее – ЯС): языковую компетенцию, этноязыковую идентичность, национально-языковые отношения и т.д., правомерно внедряясь в область экспликации менталитета, определяемого З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как *«специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей»* [Попова, Стернин 2009, с. 57-58].

В сборе эмпирического материала использован НАЭ как наиболее эффективный метод для выявления необходимой нам локальной дополнительной информации к имеющимся социалингвистическим характеристикам современной этнической общности и в то же время достаточно продуктивный в получении оценочности, поскольку ассоциативный поток ограничен по инструкции НАЭ рамками одного грамматического класса – в нашем случае прилагательными. Концепция

З.Д. Поповой, И.А. Стернина, основываясь на семантико-когнитивном анализе языка, сформулированном в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского университета, представляет одно из направлений когнитивной лингвистики, ключевым понятием которой является понятие концепта. Однако использование термина «концепт» в нашей работе ограничено рамками психолингвистического анализа, т.к. основная методология основывается на социолингвистической парадигме.

Таким образом, макро- и микросоциолингвистический подходы к объекту исследования соотносятся сообразно законам диалектики, составляя взаимодополняющие части единого целого, и не могут существовать одна без другой: *крупномасштабные процессы – язык либо этническое сообщество – человек и его непосредственное окружение*; микросоциолингвистический подход предполагает использование качественных методов, выражая субъективные оценки, макросоциолингвистический – количественных и качественных в совокупности, отражая объективную действительность.

Анализ различных стратегий изучения ЯС predeterminedил ведущий исследовательский подход – комплексный социолингвистический, включающий в себя макросоциолингвистический (характеризующий этническое сообщество и крупномасштабные процессы и отношения) и микросоциолингвистический (характеризующий человека и его непосредственное окружение, отношение к другим языкам) аспекты. Комплексный подход позволяет провести социолингвистический, лингвистический, психолингвистический анализ количественных, качественных и эстимационных признаков понятия «языковая ситуация».

Способы познания отношений «язык – общество» на каждом уровне имеют специфику, сопряженную с массовым / индивидуальным, качественным / количественным, объективным / субъективным характером объекта исследования. Следовательно, набор исследовательских методов для каждого уровня должен быть специфичный, соответствующий своему уровню. Если посредством количественных методов устанавливается статистическая модель объекта исследования, которая выделяет его сущностное начало среди прочих, то качественные методы отличает экспланаторный, объяснительный, интерпретативный характер изучения объекта в совокупности его причинно-следственных взаимосвязей, изучение всего спектра проявлений объекта.

Этносоциопсихолингвистический аспект позволяет по-новому рассмотреть сущность и своеобразие этноязыковой идентичности. Этническое, этничность в полиэтничном обществе имплицитно и эксплицитно пронизывают буквально все уровни жизнедеятельности человека, усиливая свою значимость в случае воздействия внешних факторов. В рамках психолингвистического подхода проводится процедура экспликации основных компонентов этноязыковой ситуации.

Так, например, компонент «языковая компетенция», кроме количественных данных социолингвистического опроса, снабжается качественным описанием концепта «якутский язык», полученным в ходе НАЭ, а также обобщением аналитического материала экспертных интервью. Также эксплицируются другие компоненты: этноязыковая идентичность, национально-языковые отношения.

Модель этноязыковой идентичности, как компонент языковой, снабжена дополнительным параметром – формулировкой современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка, конституирующего имплицитно присутствующий в структуре каждого языка «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Попова, Стернин 2010, с. 59], иными словами, национальный менталитет (мировосприятие). При этом вслед за И.А. Стерниным термины риторический идеал и коммуникативный идеал используем в синонимичном значении [Стернин 2001, с. 11-13]. В своем понимании риторического (коммуникативного) идеала мы во многом исходили из интерпретации, предложенной в свое время Л.В. Щербой: «Риторический идеал представляет совокупность психолингвистических единиц, представляющих собой категориальную совокупность суждений, установок, понятий, упорядочивающих знание человека об общении и правилах его проведения» [Щерба 1974, с. 78].

Обоснованием выбора формулировки современного риторического (коммуникативного) идеала в качестве параметра этноязыковой идентичности послужили: интегральный характер самой дисциплины риторики, «объектом которой является теория красноречия, ораторское искусство, способы построения выразительной речи во всех областях речевой деятельности (прежде всего во всех областях письменной и устной речи); близко соприкасающейся с поэтикой, стилистикой, культурой речи» [Культура русской речи 2003, с. 592]; ее историческая изменчивость, этнокультурная вариативность [Сковородников 2003e]; социальная обусловленность [Михальская 1996].

Благодаря данным свойствам риторика воспроизводит новые риторические идеалы, интегрируя традиционные ценности и новые прагматические смыслы, и тем самым способствует формированию актуального для современников идеала национальной речевой культуры.

Важным аргументом в выборе указанного компонента явился факт того, что у народа саха сохранились высокие требования к слову, к владению родным языком, интерес к фольклору, эпическому наследию, благодаря чему автор имеет четкое представление об этнокультурном осмыслении якутского риторического идеала как феномена национального сознания. Следовательно, считаем целесообразным и логически выдержанным преобразование формулировки современного риторического

(коммуникативного) идеала в этносоциолингвистическую модифицирующую категорию, подвергающуюся анализу на микросоциолингвистическом уровне.

Резюмируя теоретико-методологические предпосылки работы, констатируем, что в данном комплексном исследовании ЯС наряду с социолингвистическим подходом используется методология социальной психолингвистики, а именно фиксация коммуникативного сознания взаимодействующих этнических сообществ с целью изучения современного риторического идеала в этнической общности современных носителей этнического языка, взаимных установок, национально-языковых отношений.

Таким образом, в нашей концепции комплексный интегрированный этносоциопсихолингвистический подход в исследовании языковой ситуации в условиях языковой неоднородности включает в себя следующие компоненты:

1) социальные условия (социально-экономический, культурный (языковые традиции, литературный язык), этнодемографическая, демолингвистическая характеристика по итогам переписей);

2) функциональный статус якутского языка (функциональная дистрибуция якутско-русского двуязычия в регламентируемых и нерегламентируемых сферах: семейного общения, образования, массовой коммуникации);

3) языковая компетенция (уровень владения языками в комплексе детерминирующих факторов и актуальных тенденций);

4) этноязыковая идентичность (детерминируется функциональным статусом и уровнем владения этническим языком и включает в себя комплекс следующих категорий: речевое поведение (выбор родного языка; выбор языка обучения, выбор языка в массмедиа, мотивация изучения языков невладеющими), современный риторический (коммуникативный идеал) носителей языка, характер национально-языковых отношений, тип языковой политики, защита языка правовыми актами).

Последний компонент в числе своих основных показателей и комплекса детерминирующих категорий может представлять собой модель изучения этноязыковой идентичности, менталитета.

Выводы. Комплексное исследование этносоциолингвистических, лингвистических, психолингвистических особенностей количественных, качественных и эстимационных признаков языковой ситуации в полиэтническом городе и моноэтническом селе с позиций якутского языка в общем контексте этноязыковых процессов при учете развивающихся в ней динамических тенденций позволил выстроить систему мониторинга с достаточно чувствительными индикаторами.

Смежность исследовательского поля, метод триангуляции, комбинирующий количественные (социолингвистические опросы) и

качественные (НАЭ) процедуры, расширяют возможности получения репрезентативных результатов. Итоги НАЭ экстраполируются не только на область исследования национально-языковых отношений, риторического идеала, но и на атрибуцию языковой компетенции и этноязыковой идентичности.

Белл Р. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.

Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихоллингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – Якутск, 2021. – 375 с. [Электронный ресурс] // Казанский (Приволжский) Федеральный университет. – URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F18736470/Ivanova_NI_DD_na_sajt_KFU.pdf (дата обращения: 01.09.2022).

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

Михальская А.К. Основы риторики: мысли и слово. – М., 1996. – 416 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2009. – 314 с.

Седов К.Ф. Социальная психоллингвистика в системе смежных наук // Социальная психоллингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – 336 с.

Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень / Краснояр. гос. ун-т. – Вып. 5. – Красноярск–Ачинск, 1997. – С. 27–37.

Словарь социоллингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Стернин, И.А. О русском коммуникативном идеале (экспериментальное исследование) // Профессиональная риторика: Проблемы и перспективы. – Воронеж, 2001. – С. 11-13.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / Ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.

О.И. Лыткина (Москва)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ПЯТИЭТАЖКА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Исследование посвящено описанию психоллингвистического значения лексемы «пятиэтажка». На основе анализа лексической сочетаемости, парадигматических связей лексемы «пятиэтажка», результатов ассоциативных экспериментов, контент-анализа художественных и публицистических текстов второй половины XX – начала XXI века установлены значения лексемы «пятиэтажка», которые не зафиксированы в толковых словарях русского языка, однако четко закреплены в русском языковом сознании за лексемой «пятиэтажка».

Ключевые слова: лексикография, психоллингвистическое значение, пятиэтажка

Abstract. The study is devoted to the establishment and description of the psycholinguistic meaning of the lexeme «pyatietazhka» (*colloquial for* «a five-storey building»). On the basis of analysis of lexical compatibility, paradigmatic relations of the lexeme «pyatietazhka» (a five-storey building), results of associative experiments, content analysis of artistic and journalistic texts of the second half of the XX - the beginning of the XXI century, the meanings of the lexeme «pyatietazhka» (a five-storey building) were established but are not fixed in the explanatory dictionaries of the Russian language, however they are clearly fixed in the Russian language consciousness for the lexeme «pyatietazhka» (a five-storey building).

Keywords: lexicography, psycholinguistic meaning, «pyatietazhka» (a five-storey building)

В данной работе представлено описание психолингвистического значения лексемы «пятиэтажка», которая в сознании носителей русского языка и русской культуры не соотносится с тем значением, которое зафиксировано в толковых словарях русского языка, а именно: пятиэтажка – «пятиэтажный дом».

Как показало наше исследование, значение лексемы «пятиэтажка» в русском языковом сознании совсем не ограничивается представлением о доме в пять этажей. Для носителя русской культуры пятиэтажка – это представление не столько о здании, сколько об определенном образе жизни и определенной эпохе. И если о США И. Ильф и Е. Петров когда-то сказали, что настоящая Америка одноэтажная, то через несколько столетий Е. Пищикова будет писать очерки о настоящей России – «пятиэтажной». Все сказанное выше определяет актуальность темы исследования.

Под психолингвистическим значением слова мы, вслед за И.А. Стерниним, понимаем «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»; «объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов...» [Стернин, Рудакова 2011, с. 99].

Чаще всего для определения психолингвистического значения слова используется ассоциативный эксперимент, результаты которого подвергаются процедуре семного анализа. Кроме указанного метода, мы также использовали метод контент-анализа примеров функционирования лексемы «пятиэтажка», извлеченных из Национального корпуса русского языка, а также публицистических и художественных текстов. Анализу подвергались данные лингвистических словарей русского языка, результаты ассоциативных экспериментов.

Самой частотной реакцией на слово-стимул «пятиэтажка» являются лексемы «хрущевка» и «хрущоба». Стоит обратить внимание на стилистическую характеристику этих лексем. Лексема «пятиэтажка» определяется как разговорный вариант нейтральной номинации «пятиэтажный дом», а ее синонимы находятся уже за пределами

литературного языка: «хрущевка» отмечается в словарях как просторечное слово, «хрущоба» (производное от сочетания фамилии «Хрущев» и «трущоба») – как жаргонизм. Таким образом, в языке отражается резко негативное отношение носителей русского языка к тому явлению, которое стоит за номинациями «пятиэтажка», «хрущевка», «хрущоба». Чтобы объяснить причину резко негативного отношения, которое, кстати, не всегда было таким, необходимо обратиться к истории строительства пятиэтажных домов в России.

Перед руководством страны, которая только что пережила войну, стояла задача в кратчайшие сроки переселить граждан из коммунальных квартир и бараков не просто в отдельные квартиры, а в жилье с комфортными для жизни условиями: газовой плитой, канализацией, санузлом, водопроводом, центральным отоплением.

Для решения жилищного вопроса изучался опыт европейских стран, в частности опыт по строительству блочных домов во Франции. Н.С. Хрущев во время официального визита во Францию впервые увидел французские жилые пятиэтажки из крупноразмерных панелей. Французские малоэтажные муниципальные дома, с высотой потолков 2,5 м, минимальными удобствами и без лифта, должны были решить жилищную проблему в СССР. У Франции была закуплена технологическая линия для производства железобетонных панелей, и с 1957 г. в СССР начинается массовое строительство пятиэтажных домов [Горлов 2018].

С развитием массового индустриального строительства на второй план отходит создание художественного образа, и в архитектуре возобладал утилитаристский подход, основанный на отказе любого рода «излишеств» и стремлении к экономии. По мысли архитекторов, художественный образ должен был создаваться не отдельно стоящим домом, а сочетанием жилых домов и общественных зданий, объединенных в квартал. В скором времени отказались и от идеи, что каждый строительный комбинат должен производить уникальные панели, все пятиэтажки были очень похожи, а название экспериментального района Новые Черемушки в Москве, который был застроен первыми пятиэтажками, становится именем нарицательным, олицетворением одинаковости и безликости. В каждом городе появились свои Черемушки. Вот почему сюжет фильма режиссера Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975 г.) не кажется таким уж фантастическим человеку, знакомым с советским прошлым.

Стремление к дешевизне проявлялось не только в отказе от элементов декора, но и в строжайшей экономии площади. В хрущевских домах, как правило, были одно-, двухкомнатные квартиры, реже трех- или четырехкомнатные, с высотой потолков 2,5-2,7 м, площадью кухни 4,5 м², смежными комнатами, совмещенным санузлом, редко бывали в них кладовые, отсутствовали лоджии, лифт, мусоропровод. Тем не менее,

благодаря строительству пятиэтажек, удалось улучшить жилищные условия миллионов советских граждан. Однако к концу 60-х гг. радость от обладания отдельной квартирой сменилось критикой нового типа жилья. Пятиэтажки критиковали за маленькую площадь кухни, смежные комнаты, совмещенные санузлы, отсутствие лоджий, плохую тепло- и звукоизоляцию, некрасивый фасад и т.д.

Нельзя отрицать, что пятиэтажки изменили облик российских городов, да так, что, когда в настоящее время обсуждается вопрос об их сносе, архитекторы признают тот факт, что многие города без пятиэтажек потеряют свой привычный образ, и отмечают необходимость реконструкции их ради сохранения облика города. Кроме того, пятиэтажки способствовали формированию нового образа жизни, знакомого всем жителям России и представляемого тут же, как только речь заходит о квартире в пятиэтажке или районе пятиэтажек.

Как показало наше исследование, в русском языковом сознании пятиэтажка прочно ассоциируется с *городом, подъездом, этажом, микрорайоном/кварталом, пустырем, двором, окраиной, жильцами, подвалом, гаражом, комбинатом/заводом, зданием, мусором, чердаком, фасадом, бараком, ларьком, реконструкцией* и др. Самыми частотными определениями лексемы «пятиэтажка» были *обычная, хрущевская, типовая, типичная, одинаковая, стандартная, безликая, унылая, невзрачная, серая, скучная, кирпичная, блочная, панельная, обшарпанная, облезлая, убогая, уродливая, аварийная, старенькая, ветхая, соседняя, грязная* и т.п. Среди ассоциатов-глаголов отмечены следующие: *обшарпать, застроить, разрастись, ободрать, разваливаться, потрескаться, выситься, торчать, проживать, обитать, виднеться, выситься, проклинать* и т.д.

Таким образом, как показывает анализ результатов ассоциативных экспериментов и лексической сочетаемости, пятиэтажка – это *обычный типовой дом, кирпичный или панельный/блочный, уже старый, ветхий, аварийный, требующий реконструкции, с грязным обшарпанным подъездом. Во дворе пятиэтажки гаражи, много мусора. Находится такой дом на окраине города, рядом с комбинатом/заводом. Скорее всего, этот дом был построен заводом или комбинатом для своих рабочих. Нельзя сказать, что такой дом гармонично вписывается в ландшафт, о чем свидетельствуют глаголы выситься, торчать, виднеться* и др. Люди в таком доме *проживают* или *обитают*. Об их эмоциональном состоянии свидетельствуют ассоциаты *унылый, серый, скучный*.

Приведем наиболее показательные примеры, подтверждающие наши выводы (примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка <https://ruscorpora.ru/>):

«А жила она в микрорайоне *на краю* города – у нее там все из параллельных прямых: на одной параллельной – ее *пятиэтажка* в ряду прочих, вдоль другой –

узенькая битая дорога, на следующей – красно-бурые зубья *гаражей*, криво насаженные в земляные десна, за ними, так же вдоль – речушка, промерзшая насквозь – лед ее полопался на ровные молочные кубы, ладно сбитые вместе; а на том берегу – вдоль – тропа под сводом тополей» [Андрей Белозеров. Люди до востребования // «Волга», 2012].

«Отчего-то улица, по которой я уезжал из Юрьева-Польского, называлась улицей Чехова. Стояли на ней *одинаковые серые панельные пятиэтажки с одинаковым серым* выражением лица. Так и хотелось восклицать на разные сестринские голоса – В Москву! В Москву! Жаль только, что музыка не играла весело» [М.Б. Бару. Кольчуга из щуцней чешуи // «Волга», 2010].

«Башня дубайского центра сотовой связи увенчана огромным граненым шаром, в каждой точке пересечения граней установлен мощный светильник. В ночи все это выглядит шаровым скоплением звезд. Все архитекторы мира считают за превеликое счастье выстроить здесь свое здание – арабы принимают любой безумный проект. Это, кстати, был единственный у меня случай *депрессивного шока* при возвращении в Россию – это когда после ослепительного зрелища Абу-Даби я увидел наши *серые пятиэтажки с осыпавшейся штукатуркой*» [Алексей Буданов. Перевернутый месяц // «Пятое измерение», 2003].

«*Двор*, с трех сторон окруженный *одинаковыми панельными пятиэтажками*, был *типичным* для застройки шестидесятых годов, когда в наспех состряпанные *хрущевки*, в *стандартные квартиры*, похожие на склепы, расселялись жильцы воспетых поэтами той же поры коммуналок» [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)].

О жителях пятиэтажек, их образе жизни и ценностях, которые они исповедуют, написала Е. Пищикова в очерках «Пятиэтажная Россия»: «Это пятиэтажная Россия – сердце страны, место самодетельного «изобретенного общества»» [Пищикова, 2009, с.159]. Жители пятиэтажек живут и жили по принципу – чтобы «как у людей», даже в том случае, если это им не по карману. Возможно, это является наследием советской пропаганды идеи всеобщего равенства и воспитания духа коллективизма.

Стандартный облик пятиэтажек получил продолжение и в типовом интерьере квартир (ковер на стене в «зале», обои в крупный золотой завиток, сервант с хрустальной посудой или гэдэровским сервизом «Мадонной», полированная мебель, холодильник, телевизор), одинаковых жизненных ценностях (в основном материальных, даже книги приобретались, чтобы было, «как у всех»), в стандартном времяпровождении (в будние дни – завод, вечером – разговор с телевизором, а в праздничные и выходные дни – дача).

Но время Советского Союза прошло, а вместе с ним постепенно в прошлое уходит и мир старых пятиэтажек, они остаются на обочине жизни, как и их обитатели, привыкшие плыть по течению:

– Я *всегда плыл по течению*, – рассуждает он [Грищенко], – но это было главное течение, основное. Плыл, так сказать, с народом. А сейчас сижу на берегу. На обочине. Но, с другой стороны, на обочине тоже со всем народом сижу. При этом учти – я не жалеюсь. Лично мне на обочине хорошо.

– А что значит – *плыть по течению*?

– Это когда ты кому-то нужен такой, как ты есть. Совпадаешь с нуждами времени. Я никогда не хотел меняться. Никогда ничего сам не выбирал. *Как жизнь течет, так она и течет*» [Пищикова, 2009, с. 163].

В последнее время стали говорить о хрущевских пятиэтажках как примере историко-культурного наследия, об их ценности в деле воспитания молодежи [Хизбуллина 2021]. Возможно, что уже в скором времени лексема «пятиэтажка» будет иметь уже совсем другое психолингвистическое значение.

Горлов В.Н. Опыт Франции в решении жилищного кризиса в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2018. – № 4. – С. 213-218.

Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.10.2023).

Пищикова Е.В. Пятиэтажная Россия. – М.: Ключ-С, 2009. – 240 с.

Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Город-сад: советская повседневность 1960-х в социальной памяти горожан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2020. – Т. 65. – № 4. – С. 1124-1135.

Сеть словесных ассоциаций // <https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/пятиэтажка?start=0> (дата обращения: 10.10.2023).

Словарь ассоциаций русского языка онлайн // <https://sinonim.org/as/пятиэтажка> (дата обращения: 10.10.2023).

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания. – Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. – 200 с.

Хизбуллина Р.З., Зарипова Л.А., Сидорова Н.И., Бигильдина Э.Р., Сидорова А.Г. Уфимские «хрущевки» как пример культурно-исторического наследия в деле воспитания молодежи // ЦИТИСЭ. – 2021. – № 1 (27). – С. 85-98.

И.А. Морозова, М.М. Ткаченко (Борисоглебск)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «УЧИТЕЛЬ» (описание полевой структуры ассоциативного поля)

Аннотация. В статье анализируются результаты свободного и направленного ассоциативных экспериментов, сравниваются ассоциативные статьи, представленные в виде полевой структуры, методом когнитивной интерпретации определяются значимые для респондентов качества современного учителя.

Ключевые слова: свободный, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциация, респондент, ассоциативное поле, полевая структура

Abstract. The article analyzes the results of free and directed associative experiments, compares associative articles presented in the form of a field structure, and uses the method of cognitive interpretation to determine teacher qualities that are significant for respondents.

Keywords: free, directed associative experiment, association, respondent, associative field, field structure

В рамках группового научно-исследовательского проекта, посвященного Году педагога и наставника, преподавателями и студентами Борисоглебского филиала ВГУ (3 курс, профиль обучения «Русский язык и литература. История») в 2023 году среди различных групп обучающихся (школьники средних и старших классов, студенты, курсанты) был проведен ряд ассоциативных экспериментов, в которых одним из основных стимулов являлась лексема УЧИТЕЛЬ.

Как известно, ассоциативный эксперимент во всех своих разновидностях (свободный, направленный и др.) получил особую популярность. Он прост и удобен в применении, так как может проводиться с большой группой испытуемых одновременно, он позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка, он считается «самым объективным исследовательским методом» [Леонтьев 1999, с. 74].

Экспериментальные методики позволяют определить психолингвистическое значение слова в языковом сознании носителей языка, которое, как правило, существенно отличается от его лексикографических описаний, подробнее представить содержание и структуру исследуемой лексической единицы, определить актуальные семантические компоненты для определенных социальных групп.

Цель нашего исследования – охарактеризовать и сравнить ассоциативные поля, полученные по результатам свободного и направленного ассоциативных экспериментов (далее – САЭ, НАЭ), на основе экспериментальных данных определить значимые для респондентов качества современного учителя.

Материалом для нашего исследования послужили результаты свободного и направленного ассоциативного экспериментов, которые проводились в 2023 году среди курсантов старших курсов Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова. Возраст участников – 22-25 лет, пол – мужской. Всего было опрошено 100 респондентов. Анализ экспериментальных данных осуществлялся в соответствии с методикой, разработанной И.А. Стерниным, А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011].

Полученные реакции каждого эксперимента были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативных полей. Считается, что ассоциативное поле, получаемое в результате проведения эксперимента, – это «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2009, с. 98].

Охарактеризуем и сравним полевою структуру ассоциативных полей, отражающих экспериментальные данные (Таблица).

Полевая структура ассоциативных полей стимула УЧИТЕЛЬ

По результатам свободного эксперимента	По результатам направленного эксперимента
Ядро	
Знания 30; школа 23 (53 ассоциации – 14% от общего количества реакций)	Умный 33; добрый 28; строгий / требовательный 24 (85 ассоциаций – 24% от общего количества реакций)
Ближняя периферия	
Преподаватель 19; наставник 16; урок 12; опыт; педагог 11 (69 ассоциаций – 19%)	Грамотный; справедливый 16; знающий / квалифицированный / компетентный / профессиональный / профессионал своего дела 16; понимающий 14; веселый; хороший / лучший / отличный 13; опытный; ответственный 11 (97 ассоциаций – 28%)
Дальняя периферия	
Добрый; учеба 9; умный 7; друг 6; занятия; помощник; помощь; пример; руководитель 5; домашнее задание; женщина; класс; класный руководитель; обучение; общение; профессия; работа; учитель математики 4; забота; интерес; интересный; мудрость; сенсей; справедливый; указка 3 (69 ассоциаций – 30%)	Образованный / начитанный 10; интересный 9; отзывчивый 7; внимательный; заботливый; мудрый; пожилой / возрастной / взрослый; старый 6; тактичный 4; злой; молодой; правильный; серьезный; уважаемый; умелый 3 (78 ассоциаций – 22%)
Крайняя периферия	
Важный; грамотный; доска; инструктор; математика; ответственность; оценки; очки; понимание; понимающий; профессионал; справедливость; старший; строгость; терпение; труд; уроки; ученик; учитель русского языка; учитель физики; хороший; экзамен 2; 1 сентября; important; teacher; адекватный; английский; Ахман Расулович; веселый; внимание; волосы; воспитание; всегда готов помочь; глаза; грамотность; деятельность; диплом; дневник; добро; дружелюбный; друзья; жизнь; журнал; задания; квалифицированность; квалифицированный; книга; компьютер; контроль; куратор; курс; Магомед Расулович; мама; мастер; местами забота; мозг; мотивация; музыка; навыки; Наталья; наука; научная	Важный; вредный; душевный; искренний; коммуникабельный; красивый; находчивый; нормальный; рассудительный; сильный; скучный; толковый; трудолюбивый 2; funny; smart; авторитетный; адекватный; активный; вежливый; военный; <u>глупый</u> ; деловой; доброжелательный; дружелюбный; женщина; забавный; заинтересованный; заслуженный; индивидуальный; <u>коррумпированный</u> ; культурный; <u>любит все рассказывать родителям</u> ; любящий; любящий свое дело; <u>мерзкий</u> ; мировой; многогранный; <u>монотонный</u> ; мотивированный; мотивирующий; мужчина; надежный; настойчивый; <u>незнающий</u> ; <u>нелюбопытный</u> ; <u>необразованный</u> ; <u>необходимый</u> ; <u>не уверенный в своих учениках</u> ; <u>нудный</u> ; образцовый;

<p><i>работа; новое; ОБЖ; образованность; образованный; опека; ответ; отзывчивый; парта; первый учитель; поджак; подготовка; поддержка; подход; порядочный; призвание; примерный; пунктуальность; пустота; работа с детьми; развитие; репетитор; ручка; самая легкая профессия; сдержанность; смотритель; совет; советчик; спокойный; тактичность; тест; тичер; товарищ; требовательный; трудолюбие; туфли; уважение; умеет преподавать; умения; университет; учебник; учебное заведение; учебный класс; учит; учитель английского языка; учитель истории; учитель литературы; учитель русского языка и литературы; учитель физкультуры; химия; человек; честность; эрудированность; юность 1 (137 ассоциаций – 37%)</i></p>	<p><i>обученный; опрятный; оптимистичный; относится к своему делу с чувством долга и самоотверженности; первый; плохой; поддерживающий; помогающий; понятный; приставучий; противный; разносторонний; русский язык; самый лучший наставник; своеобразный; сдержанный; сложный; смелый; спокойный; старший; творческий; терпеливый; упорный; уставший; харизматичный; честный; школьный; явно знает больше, чем ты 1 (91 ассоциация – 26%)</i></p>
<p>Всего 372 реакции, из них различных – 149, единичных – 95. Отказов – 1. Из полученных три реакции (<i>жизнь; пустота; юность 1</i>) требуют верификации, поэтому не интерпретировались.</p>	<p>Всего 351 реакция, из них различных – 91, единичных – 52. Отказов – 6.</p>

Как видим, по результатам проведенных экспериментов ядерная часть ассоциативного поля компактная, представлена 2-3 наиболее частотными ассоциациями: *знания 30; школа 23 (САЭ); умный; добрый; строгий / требовательный (НАЭ)*. Полученные данные позволяют констатировать, что в языковом сознании юношей учитель связан со знаниями (обладает ими, передает их) и школой как образовательной организацией. Самыми важными качествами учителя являются умение мыслить, познавать что-либо, готовность помочь, делать добро окружающим, между тем подчеркивается и обязательная требовательность к обучающимся.

В ближней периферии поля САЭ отражены парадигматические связи лексемы УЧИТЕЛЬ, дифференциация его деятельности (*преподаватель, наставник, педагог*), основная форма занятий (*урок*), значимость опыта работы. В этой же зоне НАЭ содержатся ассоциации, отражающие профессионально направленные качества педагога: *грамотный; квалифицированный; опытный; справедливый; ответственный*; универсальные коммуникативные качества: *понимающий; веселый*; а также выражающие общую положительную оценку учителя: *хороший*.

Дальняя периферии поля, полученного по результатам САЭ, содержит перечень положительных интеллектуальных и личностных качеств учителя

(умный, мудрость, добрый, интересный, справедливый), обязанностей (руководитель / классный руководитель; учитель математики), социальных ролей (друг, помощник, пример), составляющих педагогической профессии (домашнее задание, класс, обучение, общение, указка).

В дальней периферии поля НАЭ, наряду с перечнем реакций, обозначающих интеллектуальные и личностные качества учителя (образованный/ начитанный; интересный; отзывчивый; внимательный; заботливый; мудрый; тактичный; умелый), его положительную оценку в обществе (правильный; серьезный; уважаемый), появляются реакции, указывающие на возраст педагога (пожилой / возрастной / взрослый; старый; молодой), и его отрицательные качества (злой).

Крайняя периферия обоих ассоциативных полей представлена, по сути, индивидуальными ассоциациями (1-2 реакции), среди которых в НАЭ встречаются слова с отрицательной коннотацией (см. подчеркнутые реакции). Неодобрительная оценка касается профессиональных и личностных качеств учителей, полагаем, что она связана с негативным опытом участников эксперимента.

Компактность ядра и ближней периферии ассоциативных полей свидетельствует о сложившемся, ярко выраженном стереотипном представлении об учителе в обыденном языковом сознании молодых людей. Между тем обширная крайняя периферия указывает на разносторонний разнооценочный образ педагога, имеющийся в индивидуальном сознании носителей языка.

В перспективе в рамках реализуемого научно-исследовательского проекта возможно выявление и рассмотрение возрастных, гендерных, профессиональных особенностей психолингвистического значения лексемы УЧИТЕЛЬ в сознании современных носителей языка.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 98-111.

А.В. Рудакова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

(на материале ФЕ «нектар и амброзия» и «яблоко раздора»)

Аннотация. В статье представлены результаты психолингвистического описания семантики устойчивых единиц русского языка. Выделены три типа значений: мифологическое, фразеологическое и контаминированное.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, фразеологизм, семантика

Abstract. The article presents the results of the psycholinguistic description of the semantics of stable units of the Russian language. Three types of meanings are distinguished: mythological, phraseological and contaminated.

Keywords: psycholinguistic experiment, phraseology, semantics

В 2022 г. под нашим руководством было проведено исследование семантики устойчивых выражений (дипломная работа бакалавра филологии А.В. Поповой).

На первом этапе исследования было описано лексикографическое значение 25 фразеологических сочетаний, представлена историческая справка их появления.

На следующем этапе исследования было описано психолингвистическое значение 15 фразеологических единиц (источник происхождения – мифы Древней Греции, исторические события): АВГИЕВЫ КОНЮШНИ, АХИЛЛЕСОВА ПЯТА, ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ, ЗОЛОТОЕ РУНО, ПЕТЬ ДИФИРАМБЫ, ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ и др.

Для этого был проведен свободный ассоциативный эксперимент со 100 и более испытуемыми в возрасте от 15 до 67 лет: студенты разных факультетов Воронежского государственного университета, а также школьники, инженеры, художники, литературные редакторы, менеджеры, экономисты и др. Среди испытуемых две трети – женщины, одна треть мужчины, родной язык – русский. Форма эксперимента – письменная.

Затем были сформированы ассоциативные поля стимулов, семантическая интерпретация которых стала основой психолингвистического описания семантики устойчивых выражений [Стернин, Рудакова 2011].

Покажем результаты психолингвистического исследования семантики фразеологических единиц на примере двух выражений НЕКТАР И АМБРОЗИЯ и ЯБЛОКО РАЗДОРА,

НЕКТАР И АМБРОЗИЯ

Ассоциативное поле

НЕКТАР И АМБРОЗИЯ 80: пища богов 9; наслаждение; трава 3; аллергия; аромат; противоположность; пчела; сладости 2; бессмертие; блаженство; богатые

ресурсы; боги; божественное начало; божественный напиток; вино; вкус; вкусно поест; вкусный напиток и напиток богов; вкусняшка; водка с пивом; духи; запах; и хочется и колется; кайф; корм; кулинария; между злом и добром; напиток; напитки богов; напиток и еда; напиток и еда древнегреческих богов; напиток и пища богов; наркотик; наслаждаться; наслаждаться чем-либо; нега; отравя; очень вкусно; персик; плохие и хорошие; противоположности; пьянство; райские наслаждения; райская пища; растение; сладость и гадость; сладость и сорняк; сладость и яд; собака и таракан; сок; супер вкус; торт 10 уровня в симс 3; то, что дает молодость и бессмертие; ты мой серотонин а не амброзия с нектаром я сказал железно все но ты коррозия металла; фрукты; цветок; что-то вкусное; что-то неизвестное; яства 1; отказ 3.

Психолингвистическое значение

1. Приятные на вкус еда, напиток

Еда и напитки 0,26 (*пища богов 9; божественный напиток; вкусно поест; вкусный напиток и напиток богов; корм; кулинария; напиток и еда; напиток; напитки богов; напиток и еда; напиток и пища богов; древнегреческих богов; напиток и пища богов; яства*), **приятные на вкус** 0,09 (*вкус; вкусно поест; вкусный напиток и напиток богов; вкусняшка; очень вкусно; супер вкус; что-то вкусное*), **например, сладкие блюда** 0,08 (*сладости 2; сладость и гадость; сладость и сорняк; сладость и яд; торт 10 уровня в симс 3*), **алкогольные напитки** 0,04 (*вино; водка с пивом; пьянство*), **фрукты** 0,03 (*персик, фрукты*), **сок** 0,01 (*сок*); **приносят наслаждение, удовольствие** 0,14 (*наслаждение 3; блаженство; кайф; наслаждаться; наслаждаться чем-либо; наслаждения; райские наслаждения; нега*); **вызывает желание употреблять снова** 0,01 (*наркотик*).

То же, что 0,01: райская пища 0,01 (райская пища)

Противоположно 0,01: отравя 0,01 (отравя)

СИЯ – 0,68

2. В древнегреческой мифологии пища и напиток богов

В древнегреческой мифологии 0,01 (*напиток и еда древнегреческих богов*) **пища и напиток богов** 0,34 (*пища богов 9; боги; божественное начало; божественный напиток; вкусный напиток и напиток богов; напитки богов; напиток; напиток и еда; напиток и еда древнегреческих богов; напиток и пища богов*), **дает молодость и бессмертие** 0,03 (*бессмертие; то, что дает молодость и бессмертие*).

СИЯ – 0,38

3. Растение (контаминация со словом «амброзия»)

Растение 0,06 (*трава 3; растение; цветок*), **является сорняком** 0,01 (*сладость и сорняк*); **с сильным запахом** 0,05 (*аромат 2; духи; запах*); **опыляется пчелами** 0,03 (*пчела 2*); **вызывает аллергию** 0,03 (*аллергия 2*);

вызывает неодобрение 0,05 (*отрава; плохие и хорошие; сладость и гадость; сладость и яд*).

СИЯ – 0,23

4. Противоположные понятия

Противоположные понятия 0,04 (*противоположность 2; противоположности*), например, **желание и опасение** 0,01 (*и хочется и колется*), **добро и зло** 0,03 (*между злом и добром; плохие и хорошие*), **сладкое и опасное для человека** 0,04 (*сладость и гадость; сладость и сорняк; сладость и яд*), **собака и таракан** 0,01 (*собака и таракан*).

СИЯ – 0,13

Фразы: фраза из песни Оксимирона «Крокодиловы слезы» 0,01 (*ты мой серотонин а не амброзия с нектаром я сказал железно все но ты коррозия металла*)

Не интерпретируются 2: *что-то неизвестное; богатые ресурсы*

Не актуально (отказ 3): 0,04

Комментарий

Психолингвистическая семантика фразеологизма НЕКТАР И АМБРОЗИЯ включает четыре семемы (в отличие от лексикографической семантемы, в состав которой входит два значения).

Семема «Приятные на вкус еда, напиток» (СИЯ 0,68) является «фразеологическим значением», зафиксированным в словарных источниках, и составляет ядро психолингвистического значения. Она содержит симилятивную сему – райская пища (0,01) и оппозитивную сему – отравы (0,01).

К ближней периферии относится семема «В древнегреческой мифологии пища и напиток богов» (СИЯ 0,38), которая указывает на источник фразеологического оборота – древнегреческую мифологию.

Дальняя периферия представлена семемами «Растение» (СИЯ 0,23) и «Противоположные понятия» (СИЯ 0,13). Первая представляет собой контаминацию со словом «амброзия» (реакция на только один компонент фразеологического оборота). Второе значение не отмечено в словарных источниках и является контаминированным (нектар воспринимается как нечто хорошее, а амброзия представляет негативно воспринимаемое явление).

Параметр «Фразы» представлен цитатой из песни Оксимирона «Крокодиловы слезы» (0,01).

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Ассоциативное поле

ЯБЛОКО РАЗДОРА 125: ссора 19; причина ссоры 10; конфликт 7; яблоко 4; предмет ссоры; причина конфликта; развод 3; Адам и Ева; Афродита; война; грусть; змей; предмет спора; причина; спор; Эрида 2; Assasins creed; Адам; Адам и Ева/ссоры в семье; апельсин; Афина; белый налив; бог; вражда; Греция; грех; груша примирения; груша сладости; да; девушка; дети; Ева; жадность; зелёное; змея; золотое яблоко; золотое яблоко из древнегреческих мифов; Илиада; камень преткновения; ключ; конь; корень ссоры; крыса; ложь; любая мелочь; меч; *обида, вина*; обман; объект ссоры, спора; плод конфликта; прекраснейшая; причина вражды; раздора; расставание; религия; семе; семейная ссора; семья раздора; сочное вкусное красное яблоко; спорный вопрос; *ссора, вражда, конфликт*; стакан; топор; третий лишний; человек; что-то, из-за чего поссорились люди; что-то, что притягивает негатив; шкатулка; яблоко Адама и Евы; *яблоко, ссора, причина 1*; отказ 4.

Психолингвистическое значение

1. Предмет конфликта

Причина, предмет 0,2 (*причина ссоры 10; предмет ссоры; причина конфликта 3; предмет спора; причина 2; ключ, объект ссоры, спора; плод конфликта; корень ссоры; причина вражды; яблоко, ссора, причина*) **ссоры, спора, конфликта** 0,41 (*ссора 19; причина ссоры 10; конфликт 7; предмет ссоры; причина конфликта; предмет спора; спор 2; Адам и Ева/ссоры в семье; объект ссоры, спора; семейная ссора; ссора, вражда, конфликт; что-то, из-за чего поссорились люди; яблоко, ссора, причина; спорный вопрос*); **например, обман** 0,02 (*обман; ложь*), **жадность** 0,01 (*жадность*), **желание быть с человеком** 0,03 (*девушка; дети; третий лишний; человек*), **желание получить животное или предмет** 0,03 (*конь; любая мелочь; меч; шкатулка*); **приводит к войне** 0,02 (*война 2*), **к разводу** 0,03 (*развод 3*), **к обиде** 0,02 (*обида, вина*), **к вражде** 0,03 (*вражда; причина вражды; ссора, вражда, конфликт*), **к расставанию** 0,01 (*расставание*); **вызывает негативные чувства** 0,02 (*что-то, что притягивает негатив; обида, вина*), **вызывает чувство грусти** 0,02 (*грусть 2*).

То же, что: семя раздора 0,01; камень преткновения 0,01; топор войны 0,01 (*топор*)

Противоположно: груша примирения 0,01

СИЯ – 0,88

2. В древнегреческих мифах яблоко

В древнегреческих мифов 0,03 (*золотое яблоко из древнегреческих мифов; Греция; Илиада; Assasins creed*) **золотое яблоко** 0,06 (*яблоко 4; золотое яблоко; золотое яблоко из древнегреческих мифов; яблоко, ссора, причина*), **с надписью «прекраснейшей»** 0,01 (*прекраснейшая*); **было**

брошено богиней хаоса и раздора Эридой 0,02 (Эрида 2), чтобы поссорить богинь Афродиту 0,02 (Афродита 2) и Афины 0,01 (Афина).

СИЯ – 0,15

3. Плод с Древа познания добра и зла

Яблоко 0,05 (яблоко 4; яблоко Адама и Евы; яблоко, ссора, причина), которое съели Адам и Ева 0,06 (Адам и Ева; Адам; Адам и Ева/ссоры в семье; девушка; Ева; человек; яблоко Адама и Евы) по совету змея 0,03 (змея 2; змея), за что были наказаны Богом 0,01 (бог, грех, религия).

СИЯ – 0,15

4. Плод (контаминация со словом «яблоко»)

Плод яблони 0,05 (яблоко 4; яблоко, ссора, причина; золотое яблоко), например, белый налив 0,01 (белый налив); в ряду других плодов – апельсин 0,01 (апельсин), груша 0,02 (груша примирения; груша сладости), бывает зеленое 0,01 (зелёное), красное 0,01 (сочное вкусное красное яблоко), сочное 0,01 (сочное вкусное красное яблоко), вкусное 0,01 (сочное вкусное красное яблоко).

СИЯ – 0,13

Не интерпретируются 4: крыса; семе; стакан; да

Не актуально (отказ 4): 0,03

Психолингвистическая семантема фразеологизма ЯБЛОКО РАЗДОРА включает четыре семемы (в отличие от лексикографической семантемы, содержащей только одно значение).

Лексикографическая семема вербализована в психолингвистическом значении и имеет высокий индекс яркости (составляет ядро психолингвистического значения):

1. Предмет конфликта, ссоры, раздора / Предмет конфликта (СИЯ 0,88). Она содержит симилятивные семы: семя раздора, камень преткновения, топор войны (0,03) и оппозитивную сему – груша примирения (0,01).

Данные ассоциативного эксперимента позволили выделить три новые семемы, относящиеся к дальней периферии психолингвистического значения:

2. «В древнегреческих мифах яблоко» (СИЯ 0,15);

3. «Плод с Древа познания добра и зла» (СИЯ 0,15);

4. «Плод» (СИЯ 0,13).

Семемы «В древнегреческих мифах яблоко» и «Плод с Древа познания добра и зла» не имеют фразеологического характера и указывают на разные источники данного выражения – древнегреческие мифы о Троянской войне, библейский сюжет об изгнании человека из рая.

Семема «Плод» (СИЯ 0,13) относится к контаминированным (реакция на элемент ФЕ «яблоко» в прямом значении).

Не представлен семантический параметр «Фразы».

Сделаем некоторые выводы.

Психолингвистическое описание семантики фразеологизмов показывает, что среди них отсутствуют однозначные языковые единицы, у всех выражений вербализовано два и более значения.

Сопоставление двух типов значения показывает, что психолингвистическое значение значительно шире лексикографического: все лексикографические «фразеологические» значения были актуализированы в ходе эксперимента (кроме семемы «Лестное высказывание» фразеологизма ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ, указанного только в словаре Е.Н. Телии).

В семантемах практически всех описанных фразеологических единиц выделяется три типа значения: фразеологическое, мифологическое и контаминированное.

К ядерной части семантем исследуемых устойчивых выражений относятся «фразеологические значения», только у фразеологизма АХИЛЛЕСОВА ПЯТА отмечено ядро семантемы, в состав которого входят два значения – «фразеологическое» и «мифологическое».

Яркой особенностью семантики фразеологических выражений в языковом сознании носителей языка является то, что, кроме «фразеологических значений», в состав семантем 12 проанализированных выражений входят «мифологические значения» (ФЕ УЗЫ ГИМЕНЕЯ, ПЕТЬ ДИФИРАМБЫ и ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ, где отсылка к древнегреческим преданиям имеет неявный характер).

Также в структуре семантем исследуемых фразеологизмов часто было вербализовано контаминированное значение (объективация значения одного из компонентов устойчивого сочетания; близость по фонетическому или семантическому признакам).

Таким образом, семантика фразеологических единиц может быть исследована психолингвистическими методами и зафиксирована в психолингвистическом словаре фразеологизмов.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И.С. Брилева и др.]; отв. ред. – В. Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс, 2009. – 781 с.

А.В. Синелева (Нижний Новгород)

**ФРЕЙМОВЫЙ МЕТОД ОПИСАНИЯ
АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ**
(на материале свободного ассоциативного эксперимента)

Аннотация. В статье рассматриваются возможности описания результатов ассоциативного эксперимента, возможности выделения сигнификативной и коннотативной зон в ассоциативно-семантических полях фреймовым методом. Фреймовые структуры представляют собой иерархически систематизированную модель памяти человека и его сознания и наиболее эффективны для структурного описания сложных понятий, поэтому они представляются достаточно результативными при анализе данных ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативное поле, денотат, десигнат, коннотат, парадигматические отношения, синтагматические отношения, фрейм

Abstract. The article discusses the possibilities of describing the results of an associative experiment and identifying the significant and connotative zones in associative-semantic fields using the frame method. Frame structures represent a hierarchically systematized model of human memory and consciousness. They are most effective for the structural description of complex concepts, so they seem to be quite effective when analyzing data from an associative experiment.

Keywords: associative field, denotation, designatum, connotation, paradigmatic relations, syntagmatic relations, frame

Ассоциативно-семантическое поле, формируемое в результате обработки результатов свободного, цепочечного или направленного ассоциативного эксперимента – подсчета частоты слов-реакций и расположения их по мере убывания частоты, имеет ядро и периферийные участки различной степени удаленности, включая единичные, часто индивидуальные, ситуативные, случайные реакции. По мнению ученых, полевые структуры являются проявлением лексической системности в языке: «поле – это совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Языкознание: БЭС 1999, с. 380], «совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта» [Ахманова 1966, с. 334]. В лингвистических исследованиях выделяют лексико-семантические поля – совокупности лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих определенный предметно-понятийный отрезок объективной действительности; коммуникативно-тематические поля – «совокупности номинативных единиц языка, притягиваемых с различной силой и на различные расстояния, поддающиеся математическому исчислению, словом-темой» [Мартиневич 1997, с. 23].

А.А. Залевская развивает положение: «Ассоциативное поле значения слова построено таким образом, чтобы обеспечить пересечение смысловых

пространств не только на уровне актуально идентифицируемой части поля, но также и на уровне зон перспективного развития, которые определяют области привлечения дополнительной информации» [Залевская 2007, с. 107].

Не вызывает сомнений, что ассоциативные поля отражают лексическое значение слова, но, по мнению некоторых ученых (А.А. Залевская, Е.И. Горошко, Н.С. Болотнова), они не тождественны ассоциативному значению, которое «можно интерпретировать как инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов и формирующийся не только на основе семантической структуры, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей и фонетической особенностей, но и имеющейся в обществе традиции употребления» [Залевская 2007, с. 16].

Существуют разные способы интерпретации результатов ассоциативного эксперимента. Одним из способов является выделение парадигматических и синтагматических ассоциаций. Считается, что они подчиняются принципу, в соответствии с которым, чем меньше отличаются слова-стимулы и слова-реакции по составу семантических компонентов, тем выше вероятность актуализации данной ассоциативной связи. Подтверждением этого предположения является следующее: по словам-реакциям, которые содержат признаки, характеризующие слово-стимул в грамматическом или семантическом аспекте, носитель языка может его восстановить. Например, по реакциям, которые составляют ядро и ближнюю периферию (в скобках указана частота) ассоциативного поля: *горе* (29), *не приходит одна* (11), *слезы* (8), *несчастье* (7), *помощь* (4), *радость* (4), *отчаянье* (3), *плохо* (3) [Синелева 2019, с. 176] – можно с большой степенью вероятности восстановить слово-стимул *беда*, на которое указывают синонимы *горе*, *несчастье*, антоним *радость*, фразеологизм *не приходит одна*, оценочная реакция *плохо* и реакции *слезы*, *помощь*, *отчаянье*, связанные причинно-следственными отношениями.

Таким образом, можно констатировать наличие двух обязательных семантико-параметрических характеристик ассоциативных полей: ядра и периферии, парадигматических и синтагматических отношений.

В ассоциативно-вербальной сети, понимаемой как «научная модель знания языка, основанная на массовом ассоциативном эксперименте и представляющая собой сложное пересечение, прежде всего, парадигматических и синтагматических отношений слов» [Жербилло 2010, с. 19], запечатлены особенности менталитета и национального характера носителей языков, а «способ фиксации ассоциативно-вербальной сети, лежащей в основе языковой способности носителя языка...» [РАС 1998, с. 7], Ю.Н. Караулов видит в ассоциативном тезаурусе.

Представление ассоциаций в виде ассоциативно-вербальной сети позволяет интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента в виде фреймовой структуры. Целью исследования является представление возможностей фреймового метода анализа и описания информации на материале данных свободного ассоциативного эксперимента.

Как известно, любое слово в языке включено в денотативные, сигнификативные и структурные отношения, и этим отношениям соответствуют три типа соотнесенности слов: объектные, субъектные, структурные. В основу фреймовой структуры, интерпретирующей ассоциативно-семантическое поле, положен широко известный семантический треугольник (треугольник Фреге), дополненный еще одним элементом, обязательным для всех знаков естественного языка, – коннотатом. Понятие – общее для всех носителей данного языка, а коннотат – ассоциативное, эмоционально-чувственное, индивидуальное значение, возникающее у каждого человека. Можно предположить, что в случае репрезентативной выборки слова-реакции с той или иной степенью полноты должны отразить существующие в сознании носителей языка денотативные, сигнификативные и коннотативные связи, что позволяет интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента в виде фреймовой структуры. Фрейм, будучи структурой данных для представления некоторого концептуального объекта, используется для репрезентации общего, сложного понятия, имеющего классификационную иерархическую структуру [Минский 1979]. Как уже говорилось, по определению М. Минского, «верхние уровни» фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов или «ячеек» (субфреймы, слоты), которые должны быть заполнены характерными примерами или данными [Минский 1979]. Таким образом, набор «верхних» уровней фреймов, который всегда справедлив по отношению к объекту описания – любому слову-стимулу, составляют совокупности слов-реакций, содержащих сигнификативное значение, денотативное и коннотаты. Следовательно, десигнаты – это слова-реакции, дающие представление или с той или иной степенью точности (или приблизительности) раскрывающие понятие слова-стимула, которые присутствуют в толковых, энциклопедических, терминологических словарях или тесно с ними связаны (например, синонимическими или антонимическими отношениями, каким-то видом логической связи: причинно-следственной, родо-видовой, видо-родовой и др.). Денотаты – это слова-реакции, соотносящие слово-стимул с каким-то предметом или прецедентным явлением. Коннотаты – это слова-реакции, содержащие субъективную эмоционально-экспрессивную оценку. Во всех трех группах на основе структурных отношений можно предположить два подмножества: слова-реакции, связанные со словом стимулом

парадигматическими отношениями, и слова-реакции, связанные со словом стимулом синтагматическими отношениями. К парадигматическим отношениям традиционно относим слова одного грамматического класса, но не образующие словосочетание, к синтагматическим – разным.

Приведем результаты свободного ассоциативного эксперимента и интерпретируем полученную информацию в виде фреймовых структур.

Очевидно, что наибольший интерес представляет общественно значимая на данный момент времени лексика, определяемая по частоте функционирования в корпусе Национального русского языка, а также (в зависимости от цели исследования) абстрактная, полисемичная или стилистически маркированная, кроме того, необходимо заметить, что в качестве слов-стимулов могут выступать любые части речи.

Испытуемыми (респондентами) являются носители русского языка, пропорционально представляющие разные биосоциальные группы и разные области профессиональной деятельности, возраст испытуемых от 18 до 75 лет, приводятся только первые реакции, слова-ассоциаты расположены по мере убывания их частоты, которая указывается в круглых скобках, реакции с одинаковой частотой упорядочены по алфавиту, встречающиеся иногда нули – отказы респондентов, последняя цифра – общее количество респондентов. В качестве первого объекта анализа рассмотрим лексему *мода*.

Мода – одежда (23), платье (15), красота, стиль (7), из комода, подиум (5), шмотки, элегантность (3), время, духи, журнал, каблук, манекенищица, модели, модель, показ, современная, стайл, туфли, тренд, фэшин (2), Америка, анорексия, бижутерия, быстротечна, Васильев, веселье, весна, ветреное, вкус, восьмидесятых, временна, Гуччи, девушка, деньги, джинсы, джинсы рваные, Джорданы, дизайнер, для богатых, Дольче Габбана, за ней не уследить, заманчиво, Зверев, Италия, класс, красиво, кросы, круто, копирование, лицо, люблю, Милан, мини-юбка, не слежу, не по карману, недоступная, неважно новизна, обновки, отстой, педики, писк, показ мод, пустота, сумка, телевизор, умеренная, устарелость, холод, яркие цвета (145).

Для выделения сигнификативных отношений, составляющих субфрейм первого уровня иерархической фреймовой структуры, т.е. терминал, содержащий понятийное значение слов-стимулов, отраженное в сознании носителей языка, необходимо обратиться к словарям.

Мода – 1. Совокупность привычек и вкусов, господствующих в определенной общественной среде в определенное время. 2. Образцы предметов одежды, отвечающие таким вкусам [Ожегов 1981, с. 315].

Мода – 1. Господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в особенности в одежде. 2. Образцы предметов одежды,

отвечающие господствующим вкусам данного времени. 3. Обыкновение, привычка» [Словарь русского языка 1999, т. 2, с. 285].

Произведем сжатие информации выделенной словарной статьи: методом координатного индексирования выделим ключевые слова, раскрывающие понятие. Для лексемы *мода* они следующие: *вкус, одежда, общественная среда (общество), время, привычка*, и, таким образом, субфрейм *десигнат* в данном случае составляют следующие реакции: *одежда (23), стиль (7), шмотки (3), обновки, время (2), быстротечна, ветренное, временна, новизна, устарелость, вкус. Одежда, время, вкус* – ключевые слова в определении лексемы *мода*, *шмотки* – просторечный синоним одежды, вещей, *обновки* – недавно приобретенная вещь, одежда; реакции *быстротечна, временна, новизна, устарелость* в той или иной степени характеризуют временное значение; реакции *стиль* и *стайл* (англ. *style*) косвенно соотносятся с понятием мода, т.к. в речи функционирует словосочетание *стиль в одежде, феин* (в переводе с английского *fashion* – мода), их мы тоже включаем в группу *десигнагов*.

Субфрейм *денотат*, отражающий предметную соотнесенность слова-стимула и слов-реакций: *платье (15), подиум (5), духи, журнал, из комода, каблук, манекеница, модели, модель, показ, современная, туфли, тренд, Америка, анорексия, бижутерия, Васильев, весна, восьмидесятых, Гуччи, девушка, деньги, джинсы, джинсы рваные, Джорданы, дизайнер, Дольче Габбана, Зверев, Италия, кросы, лицо, Милан, мини-юбка, педик, показ мод, сумка, телевизор, яркие цвета*. Кроме конкретных предметов и персоналий, в силу абстрактного значения лексемы *мода* к этой группе относим также опредмеченные действия – сценарии (*показ*) и характеристики, в той или иной степени сужающие понятие (*яркие цвета, восьмидесятых*).

Субфрейм *коннотат* составляет оценочная лексика, выражающая субъективное отношение респондентов: *красота, элегантность (3), веселье, восьмидесятых, для богатых, за ней не уследить, заманчиво, класс, красиво, круто, копирование, люблю, не слежу, не по карману, недоступная, неважно, отстой, писк, пустота, умеренная, устарелость, холод*.

В распределении единиц естественного языка по множествам всегда имеют место быть переходные случаи, когда слова-реакции можно отнести к той или иной группе лишь с некоторой степенью вероятности, или элементы (в случае ассоциативного эксперимента – слова-реакции), которые выпадают из предметно-понятийной структуры, т.е. не могут быть включены ни в одну группу, например, фонетические ассоциации (*дом – том, палка – галка* и др.), или реакции, определяемые экстралингвистическими факторами, в том числе и такими, как несерьезное отношение респондента к эксперименту, усталость и др. С большой вероятностью подобные реакции будут единичными, т.е. войдут

дальнюю периферию ассоциативного поля и не окажут влияния на распределение зон в ассоциативном поле. Ю.Н. Караулов определяет подобные реакции как «некоторый «остаток», некоторый набор реакций, выходящих за пределы лексической семантики и грамматических отношений стимула и несущих когнитивную или прагматическую информацию, т.е. передающих знания о мире или отношение к миру носителей языка» [Караулов 2002, с. 757]. Такие реакции, несмотря на то, что входят в эту когнитивную систему, не отражают связей со словом-стимулом. Можно объединить их в отдельную группу, но не включать в структуру фрейма или включить их в группу коннотатов, основанием чего в данном случае можно считать наличие немотивированного субъективного фактора.

Слот второго уровня, отражающий **парадигматические** связи составляющих **десигнагов**: *одежда (23), стиль (7), шмотки (3), обновки, время (2), новизна, устарелость, вкус*; слот второго уровня, отражающий **синтагматические** связи составляющих **десигнагов**: *быстротечна, ветреное, временна*.

Слот второго уровня, отражающий **парадигматические** связи **денотативных** составляющих: *платье (15), подиум (5), духи, журнал, каблуки, манекенищица, модели, модель, показ, туфли, тренд, Америка, анорексия, бижутерия, Васильев, весна, Гуччи, девушка, деньги, джинсы, джинсы рваные, Джорданы, дизайнер, Дольче Габбана, Зверев, Италия, кросы, лицо, Милан, мини-юбка, педика, показ мод, сумка, телевизор, яркие цвета*. Слот второго уровня, отражающий **синтагматические** связи **денотативных** составляющих: *из комода, современная, восьмидесятых*.

Парадигматические связи **коннотативных** составляющих слота второго уровня: *красота, элегантность (3), веселье, класс, копирование, отстой, писк, пустота, устарелость, холод*. **Синтагматические** связи **коннотативных** составляющих слота второго уровня: *для богатых, за ней не уследить, заманчиво, красиво, круто, люблю, не слежу, не по карману, недоступная, неважно, умеренная*.

Таким образом, в случае интерпретации результатов ассоциативного эксперимента в виде фреймовой структуры слоты первого уровня будут всегда одинаковыми. Парадигматические и синтагматические отношения, представляющие следующий уровень фреймовой структуры, – субфреймы (слоты) второго уровня, один из которых в различных вариациях может отсутствовать.

Далее можно выделить слоты третьего уровня: они являются факультативными и формируются в соответствии с наблюдаемыми между словом-стимулом и словами-реакциями логическими связями, тематическим сходством, в соответствии с которыми можно распределить или объединить слова-реакции каждого конкретного слова-стимула.

В качестве слотов третьего уровня субфрейма **десигнат** выделяем следующие: **предмет** (*одежда, шмотки, обновки*), **время** (*время, новизна, устарелость*), **отражение определенных предпочтений** (*стиль, вкус*) (субфрейм **парадигматика**), а в субфрейме **синтагматика** – бытийный признак **время** (*быстротечна, ветренное, временна*). Можно заметить, что слова-реакции содержат в себе признак бытийности определяемы на основании того, что в сознании носителей языка устанавливается связь между словом-стимулом и словами-реакциями по моделям *что есть что, что делает что, что каково*, которые можно отнести к предикативным отношениям: *мода – это одежда, стиль, шмотки* и т.д., *мода быстротечна, ветренное (явление)* и т.д.

Слоты третьего уровня субфрейма **денотат** можно представить следующими признакам, косвенно, предметно опосредованно характеризующим слово-стимул **мода**: **предмет** (*платье, духи, журнал, каблуки, туфли, бижутерия, деньги, джинсы, джинсы рваные, кросы, лицо, мини-юбка, сумка*), **действие** (*показ, показ мод*), **место** (*подиум, Америка, Италия, Милан*), **персоналии** (*манекенищица, модели, модель, Васильев, Гуччи, девушка, Джорданы, Дольче Габбана, Зверев, педики*), **состояние** (*анорексия*), **время** (*весна*), **цвет** (*яркие цвета*). Данные слова-реакции не вступают со словом-стимулом в предикативные отношения, так как характеризуют его косвенно, но можно сказать, что они представляют собой свернутое тематическое предложение, например: *По журналам можно следить за модой; Каблуки всегда в моде; Зверев представляет отечественную моду* и т.д. Реакции, объединенные **синтагматическими** отношениями, составляют признак **время** (*из комода, восьмидесятых, современная*).

В качестве слотов третьего уровня субфрейма **коннотат** в группе **парадигматических** отношений можно выделить такие признаки, как **положительная оценка** (*красота, элегантность, класс, писк*), **отрицательная оценка** (*отстой, пустота, устарелость, холод*), **действие** (*копирование*), а в **синтагматических** отношениях – признаки **материальная стоимость** (*для богатых, не по карману, недоступна*), **положительная оценка** (*заманчиво, красиво, круто, люблю*), **нейтральная оценка** (*не слежу, неважно, умеренная*), **время** (*за ней не уследить*).

Таким образом, если остановиться на третьем уровне предметно-понятийной и эмоционально-экспрессивной классификации связей и отношений, то структура ассоциативного поля лексемы **мода** представлена следующим образом (см. Рис. 1).

Необходимо отметить, что слово-стимул может иметь не одновариантное описание по классификационным признакам, выделяющим уровни фреймовой структуры, а также количество уровней.

стандартную структуру, которая может быть по-разному наполнена. Если наполнением фрейма считать элементы содержательного значения слов, то различие может быть связано с индивидуально-авторскими особенностями текстов, с различием в толкованиях в разных словарях, с различием взглядов наук на то или иное понятие и с другими факторами. Языки представления знаний, основанные на фреймовой модели, эффективны как способы репрезентации сложных понятий.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Сов. энциклопедия, 1966. – 474 с.

Жербило Т.В. Словарь Лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 487 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. – М.: АСТ, 2002. – Т. 1.

Мартинovich Г.Я. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 70.

Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – 815 с.

Русский ассоциативный словарь: в 3 ч., 6 кн. / сост. Ю. Н. Караулов и др. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. – М.: Институт русского языка РАН, Кн. 1, 1994. Кн. 2, 1996. Кн. 3, 1998.

Синелева А.В. Фреймовый метод анализа структуры и содержания лингвистических объектов. – Нижний Новгород: ННГУ им.Н.И.Лобачевского, 2019. – 197 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Лингвистические энциклопедические словари, 1999. – 685 с.

Е.В. Старостина, Д.К. Шапошникова (Саратов)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И АССОЦИАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Исследование посвящено изучению динамики ассоциативных полей трех ассоциативных словарей (САНРЯ, РАС и ЕВРАС) методом подсчета степени наложения реакций. В ходе исследования выявляется, что стабильность или изменчивость поля может быть связана не только с семантикой слова-стимула, но и с его частеречной принадлежностью.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативное значение, динамика языкового сознания, психолингвистика

Abstract. This study is devoted to the study of the dynamics of the associative fields of three associative dictionaries by calculating the degree of overlap of reactions. The study reveals that the stability or variability of the field can be associated not only with the semantics of the stimulus word, but also with its part-speech affiliation.

Keywords: associative field, associative meaning, dynamics of linguistic consciousness, psycholinguistics

Исследования динамики языкового сознания на материале ассоциативных словарей, изданных в разные годы, и результатов ассоциативных экспериментов разных лет (см. работы Н.В. Уфимцевой, Е.С. Ощепковой, И.Л. Гарбар, В.Е. Гольдина, Е.И. Горошко и других исследователей) показывают, что скорость и интенсивность изменений, происходящих в ассоциативных полях, зависит от многих факторов. Во-первых, это зависит от того исторического периода, который подвергается исследованию, а именно от того, приходятся ли на этот период какие-либо существенные изменения в общественной, политической, социальной, культурной жизни людей.

Так, например, серьезные изменения в нашей жизни, которые произошли в период с 70-х по 90-е годы XX века, нашли свое отражение и в ассоциациях. Это показывает сопоставление материалов САНРЯ и РАС [Ощепкова 2006]. Как показывает исследование Е.С. Ощепковой, реакции на целый ряд стимулов (**время, дело, занятие, курс, любовь, место, народ, передавать, право, сделать, сила, слава, счет, труд, человек, школа**) изменились настолько сильно, в полях САНРЯ и РАС совпадает всего около 20-30% реакций. С другой стороны, поля целого ряда стимулов (**белый, вернуться, войти, пить, прислать, садиться, сесть, темный, течение**) показывают минимальное изменение, в этих полях совпадает около 60-74% реакций [Ощепкова 2006, с. 210-211].

Сопоставление материалов РАС и ЕВРАС (словаря, который отражает языковое сознание носителей языка 2010-х годов), проведенное нами на той же группе стимулов с использованием того же метода подсчета степени наложения реакций показало, что изменения в языковом сознании носителей языка продолжались и в XXI веке. Набор стимулов, изменившихся минимально или максимально, остался практически неизменным, за исключением нескольких слов-стимулов, реакции на которые стали меняться медленнее (**место, право, сделать, труд**) или, наоборот, быстрее (**пить**). Данные поля перешли в группу полей, изменившихся в средней степени. Результаты подсчетов представлены в таблицах 1 и 2.

Интересно то, что в группе полей, изменившихся минимально, процент общих реакций почти всегда уменьшается (за исключением полей **белый** и **течение**), что говорит о том, что данные поля в период с 90-х годов по 2010-е начинают меняться более активно, оставаясь при этом, однако, в группе минимально изменившихся полей.

Таблица 1

**Результаты подсчета степени наложения реакций в группе 1
(поля, изменившиеся минимально)**

Стимул	САНРЯ и РАС Степень наложения реакций	РАС и ЕВРАС Степень наложения реакций	Рост или уменьшение числа общих реакций
Белый	59,99%	63,22%	Увеличивается на 3,23%
Вернуться	66,57%	64,98%	Уменьшается на 1,59%
Войти	63,81%	62,51%	Уменьшается на 1,3%
Пить	62,23%	56,72%	Уменьшается на 7,53%
Прислать	73,19%	61,83%	Уменьшается на 11,36%
Садиться	63,32%	61,61%	Уменьшается на 1,71%
Сесть	62,87%	62,72%	Уменьшается на 0,15%
Темный	68,51%	64,10%	Уменьшается на 4,41%
Течение	66,59%	68,11%	Увеличивается на 1,52%

Таблица 2

**Результаты подсчета степени наложения реакций в группе 2
(поля, изменившиеся максимально)**

Стимул	САНРЯ и РАС Степень наложения реакций	РАС и ЕВРАС Степень наложения реакций	Рост или уменьшение числа общих реакций
Время	30,18%	38,82%	Увеличивается на 8,64%
Дело	14,75%	27,42%	Увеличивается на 12,67%
Занятие	24,15%	35%	Увеличивается на 10,85%
Курс	27,80%	35,69%	Увеличивается на 7,89%
Любовь	21,76%	27,51%	Увеличивается на 5,75%
Место	26,07%	48,90%	Увеличивается на 22,83%
Народ	23,94%	28,79%	Увеличивается на 4,85%
Передавать	33,66%	26,13%	Уменьшается на 7,53%
Право	36,82%	44,68%	Увеличивается на 7,86%
Сделать	26,42%	52,06%	Увеличивается на 25,64%
Сила	15,56%	30,20%	Увеличивается на 14,64%
Слава	23,22%	31,82%	Увеличивается на 8,6%
Счет	24,22%	36,70%	Увеличивается на 12,48%
Труд	27,46%	42,53%	Увеличивается на 15,07%
Человек	30,18%	38,76%	Увеличивается на 8,58%
Школа	23,15%	31,07%	Увеличивается на 7,92%

В группе же полей, максимально изменившихся, наблюдается обратная тенденция – практически во всех случаях (кроме поля **передавать**) процент общих реакций увеличивается, т. е. данные поля меняются уже не так быстро, как это было в 90-е годы. Таким образом, в целом мы наблюдаем некоторое «выравнивание» полей, что вполне можно объяснить отсутствием столь же серьезных изменений в общественной и политической жизни в начале XXI века.

В работе [Уфимцева, Черкасова 2014], где сопоставляются данные трех ассоциативных словарей – САНРЯ, РАС и ЕВРАС, также говорится о том, что за последние двадцать лет изменений произошло меньше, чем за период перестройки: «хочется зафиксировать близость рангов для ассоциатов в ЕВРАС и РАС, хотя есть и различия. А вот в САНРЯ связи «советской» эпохи несколько отличаются» [Уфимцева, Черкасова 2014, с. 195].

При этом мы не наблюдаем резких колебаний в проценте общих реакций в рассматриваемых полях, т. е. если изменения в языковом сознании испытуемых и происходят, то происходят они достаточно плавно. В среднем доля общих реакций уменьшается или увеличивается в пределах от 0,15 до 15 %. Исключения составляют поля **место** (количество общих реакций увеличивается на 22,83%) и **сделать** (количество общих реакций увеличивается на 25,64%), которые переходят в разряд средне изменившихся полей. Поля **право** и **труд** также переходят в другую категорию, но не за счет резкого изменения общего количества реакций, а за счет того, что процент общих реакций в них и ранее был на достаточно высоком уровне (36,82% и 27,46% соответственно).

Другим интересным наблюдением является то, что в группе минимально изменившихся полей практически все стимулы – глаголы или прилагательные (за исключением стимула **течение**), тогда как в группу максимально изменившихся полей входят всего два глагола (**передать** и **делать**), а все остальные стимулы – существительные. Это позволяет сделать вывод о некотором влиянии частеречной принадлежности стимула на характер динамики поля.

Необходимо отметить, что похожие результаты дает сопоставление материалов РАС и ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2005–2007 гг. Список исследуемых полей был иным, но, как и в предыдущем случае, в группе минимально изменившихся полей оказались поля стимулов-прилагательных (**тяжелый, взрослый, школьный**), а в группу максимально изменившихся полей попали восемь существительных (**институт, армия, ученик, компьютер, дружба, государство, измена, работа**) и только пять глаголов (**думаем, ненавидеть, работать, врать, болтаться**) [Старостина 2007].

При этом мы отметили, что реакции не на все стимулы, связанные с одной и той же сферой жизни, меняются с одинаковой интенсивностью. Так, реакции на стимул **институт** изменились достаточно сильно (степень наложения реакций 9%), реакции на стимул **ученик** изменились уже в меньшей степени (20% общих реакций), а реакции на стимул **школьный** изменились минимально (55% общих реакций).

То, что реакции на стимул **институт** в РАС и в нашем эксперименте имеют столь малый процент сходства, можно объяснить не только тем, что изменилось отношение к учебе и институты практически исчезли,

превратившись в университеты, но и тем, что ассоциативные эксперименты проводились в разных городах, и поэтому в реакциях испытуемых много названий конкретных институтов (*МВТУ, МГУ, СПИ, СГПИ, СКИ, ЧГПИ* и т.д.).

Причина незначительного изменения реакций на стимул **школьный** заключается, на наш взгляд, в том, что данный стимул относится к разряду прилагательных. Прилагательные и все признаковые слова имеют более простую семантику, чем существительные, поэтому реакции на стимулы-прилагательные более устойчивы и менее подвержены изменениям с течением времени.

Возможно, большая стабильность полей прилагательных связана также с тем, что у испытуемых существует гораздо меньше вариантов реагирования на стимулы-прилагательные, чем на стимулы-существительные. Чаще всего поля стимулов-прилагательных содержат в качестве реакций существительные, синтаксически связанные с прилагательным. Например, если мы посмотрим на поле **школьный** в РАС, то увидим, что из 43 разных реакций всего 4 не являются существительными, при этом все они единичны (*принадлежащий школе, университетский, учебный, форма синяя*). Частотными реакциями на стимул **школьный** являются существительные, чаще всего сочетающиеся с данным прилагательным: *учитель, звонок, портфель, товарищ, двор, урок, предмет, учебник, вальс, вечер, друг, дневник, парта, пенал*.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что, во-первых, в целом ряде случаев изменения в одноименных полях, полученных из разных по времени источников, могут быть обусловлены теми изменениями в обществе, которые произошли со времени проведения предыдущего ассоциативного эксперимента.

Во-вторых, большую роль играет частеречная принадлежность слова-стимула. По-видимому, поля стимулов-прилагательных являются наиболее стабильными полями, а поля стимулов-существительных меняются наиболее активно. Следовательно, можно говорить о том, что стабильность или изменчивость поля может быть связана не только с семантикой слова-стимула, но и с его частеречной принадлежностью.

Хотелось бы также отметить, что более глубокие исследования динамики отдельных ассоциативных полей имен существительных, таких, как «народ» [Старостина 2010] и «деньги» [Старостина 2016; Шапошникова 2023], показали, что в языковом сознании носителей русского языка со временем могут происходить достаточно существенные изменения: меняется их отношение к ценностям русской культуры, происходят определенные изменения содержания тех образов сознания, которые стоят за данным словом. Другими словами, в сознании носителей языка могут появиться новые компоненты значения, важные для испытуемых. Как отмечают И.А. Стернин и А.В. Рудакова, эти новые

компоненты могут быть не указаны в толковых словарях, но их можно выявить путем анализа ассоциативных реакций и сравнения психолингвистических и лексикографических дефиниций [Стернин, Рудакова 2020, с. 137].

Определенную информацию о характере изменений, произошедших со временем, дает сопоставление «главных ассоциатов» полей, т. е. реакций с частотой более 5%. Сравним, например, «главные ассоциаты» поля **народ**: САНРЯ – *люди 19,31%, великий 9,41%, советский 8,42%, русский 7,92%*; РАС – *толпа 14,68%, безмолвствует 5,5%*; АЭ 2005-2007 гг. – *толпа 26,83%, люди 25,28%*; ЕВРАС – *люди 13%, толпа 11%, русский 6,6%*. Как мы видим, самой устойчивой является реакция *люди* (она не входит в число самых частотных реакций только в РАС), но уже в РАС появляется реакция *толпа*, которая впоследствии занимает первое либо второе места. Только для поколения 60-70-х *советский / русский народ* – это *великий народ*, для всех последующих поколений это просто *люди/толпа*. Интересно, что только в РАС прецедентная реакция *безмолвствует* является столь частотной, в ЕВРАС она встречается всего 2 раза.

Если проанализировать то, какие прецедентные реакции дают испытуемые разных поколений, сразу же бросается в глаза наличие большого количества прецедентных реакций именно в РАС (15%) (ср.: в САНРЯ – 4,5%, в ассоциативном эксперименте – 1%, в ЕВРАС – 3,1%). Большое количество штампов, устойчивых выражений в реакциях может свидетельствовать об отсутствии в сознании испытуемых четкого образа «народа». Во-вторых, интересен характер этих реакций: за исключением частотной реакции *безмолвствует*, которая является цитатой из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, и единичной реакции *Ельцин*, все остальные представляют собой отсылки к лозунгу советской эпохи «Народ и партия (армия) едины». Точно такие же реакции дают и испытуемые АЭ, несмотря на то, что многие из них родились или провели сознательную часть своей жизни уже в постсоветское время. Это свидетельствует о том, что следы влияния советской эпохи можно найти даже в языковом сознании современных носителей языка. Однако эти следы не столь значительны, реакции такого типа составляют всего 1% от общего числа реакций. В ЕВРАС остается всего одна прецедентная реакция подобного рода – *земля крестьянам*, зато появляются новые типы прецедентных реакций: реакции, связанные с интернетом – *народ.ру, точка.ру (narod.ru* — интернет-сервис бесплатного хостинга, который был очень популярен в начале 2000-х), и телевидением – *против* («Народ против» – российская телеигра, выходящая в эфир в 2002-2003 годах).

Еще больше информации о тех изменениях, которые произошли в структуре ассоциативного поля, дает фреймовый анализ, т. е. распределение всего массива реакций поля по содержательным узлам

(слотам) и дальнейшее сопоставление получившихся фреймов. Как показывает исследование, в большинстве случаев структура фреймов совпадает, однако закономерно различается наполнение слотов конкретными реакциями и доля реакций каждого узла фрейма по отношению к общему количеству реакций. Например, во фрейме, составленном по материалам САНРЯ, на первое место выходит узел «позитивная оценка и характеристика народа» (33% реакций). Народ оценивается и характеризуется крайне положительно – как *великий, могучий, несгибаемый, дружный* и т.д. При этом отрицательных оценок народа очень мало, они составляют всего 3,5% реакций.

Во фрейме РАС на первое место выходит узел «негативная оценка и характеристика народа» (37,5% реакций). Народ оценивается как *глупый, темный*, характеризуется как *толпа, стадо, быдло* и т. д., при этом в РАС присутствуют реакции типа *беден, голодный, многострадальный, страдает, угнетенный, жалость*, свидетельствующие о том, что испытуемые не только негативно оценивают народ, но и сочувствуют его угнетенному положению. Во фрейме присутствует и достаточно большое количество положительных оценок народа (15%), причем эти реакции практически совпадают с теми, которые давали испытуемые в САНРЯ: *великий, веселый, гордый, дружный, могучий* и т.д.

Если мы посмотрим на материалы экспериментов 2005-2007 гг. и материалы ЕВРАС, то увидим, что здесь первое место занимает узел «семантические корреляты» (40% и 26% соответственно). Узел «негативная оценка» также достаточно объемен, он занимает второе место по количеству реакций (32% и 19%). Негативные оценки народ получает в основном в связи со своей инертностью и глупостью (*толпа, стадо, бараны, куча дураков, тупой, бестолковый, быдло* и т.д.). При этом если во фрейме, составленном по данным эксперимента, положительной оценки народу испытуемые практически не дают (реакции этого узла составляют всего 3%), то в ЕВРАС этот узел представлен уже 9,3% реакций.

На стимул **деньги** в качестве первой в РАС дается реакция *большие* 7,7%, в АЭ 2005-2007 гг. – *много* 6,8%, в ЕВРАС – *зло* 8,3%, *много* 6,3%, *власть* 5,3%, в АЭ 2023 г., проведенном Д.К. Шапошниковой – *власть* 5,5%. Таким образом, АЭ 2005-2007 гг. и ЕВРАС сближает то, что реакция *много* выступает в ЕВРАС как реакция второго ранга (с частотой 6,3%), а общей для ЕВРАС и АЭ 2023 г. является реакция *власть*. Реакция *большие* входит в число главных ассоциатов только в РАС.

Фреймовый анализ ассоциативных полей «деньги» разных лет также позволяет прийти к выводу о том, что в них отражаются те изменения, которые происходят в жизни людей: появление новых платежных средств (банковских карточек), рост популярности иностранных валют (евро, доллар), изменения в характере основных трат: в 1990-е испытуемые предпочитают тратить свои денежные средства на развлечения (*машина,*

кольцо, мотоцикл, отдых, поездка, часы и пр.), но постепенно покупки становятся более прагматичными, в 2020-е появляются реакции *лечение, здоровье, еда, жизнь, счет* и пр.

Интересно то, что **деньги** всеми испытуемыми оцениваются отрицательно, об этом свидетельствует большое количество отрицательных эмоциональных реакций во всех исследованных полях. Но при этом испытуемые склонны отмечать скорее положительное влияние денег на человека, нежели чем негативное, и процентный показатель положительных реакций в этом узле фрейма стремительно увеличивается. Кроме того, испытуемыми дается большое количество реакций, которые связаны с нуждой и необходимостью иметь деньги.

Таким образом, можно говорить о том, что ассоциативный материал является надежным и ценным источником получения информации о тех динамических процессах, которые происходят в языковом сознании носителей языка, анализ его результатов может помочь зафиксировать, в том числе изменения, происходящие в ассоциативном значении слова.

ЕВРАС – Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. – М., 2014. – Т. 1. От стимула к реакции.

Ощепкова Е.С. Опыт исследования динамики языкового сознания русских (70-90-е годы) // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов. – Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Ред. Е.Ф. Тарасов. – Калуга, 2006. – С. 210-211.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 2002.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Некоторые проблемы психолингвистической лексикографии // Горизонты психолингвистики – 3: сборник научных трудов. – Тверь, 2020. – С. 134-140.

Старостина Е.В. Изменения в языковом сознании носителей русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: МАКС пресс, 2007. – С. 507-508.

Старостина Е.В. Динамика языкового сознания носителей русского языка трех разных поколений (на примере ассоциативных реакций на стимул «народ») // Проблемы динамической лингвистики: материалы Междуна. научн. конф., посвященной 80-летию профессора Л.Н. Мурзина (Пермь, 12-14 мая 2010 г.). – Пермь, 2010. – С. 316-322.

Старостина Е.В. Динамика ассоциативных значений слов (на материале ассоциативного поля «деньги») // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой, Саратов, 27-28 октября 2016 г. – Саратов, 2016. – С. 241-247.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследование языкового сознания // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 193-199.

Шапошникова Д. К. Динамика русского языкового сознания 1990-х – 2000-х гг. (на материале фреймового анализа ассоциативного поля «деньги») // Язык и мир изучаемого языка: сборник научных статей. – Вып. 11. – Саратов, 2023. – С. 113-118.

Е.В. Харченко (Челябинск), С.С.Т. Васадуве (Шри-Ланка)

ОБРАЗ СВОБОДЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ СИНГАЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Аннотация. Целью статьи является комплексное описание понятия **свобода** с использованием разных методов в русской и сингальской лингвокультурах на материале толковых и ассоциативных словарей и результатов ассоциативного эксперимента, проведенного в Шри-Ланке. Контрастивные исследования позволяют выявить и описать универсальное и уникальное, специфическое в образах мира, зафиксированных в языковом сознании носителей разных национальных культур. Полученные результаты могут использоваться при подготовке учебных курсов и спецкурсов, лексикографии, а также в практике межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: психолингвистика, ассоциативный эксперимент, образ мира, сингальская лингвокультура, русская лингвокультура, свобода

Abstract. The purpose of this article is to integrate the concept of freedom using different methods in Russian and Sinhalese linguocultures on the material of explanatory and associative dictionaries and the results of an associative experiment conducted in Sri Lanka. Contrastive studies make it possible to identify and describe the universal and unique, specific in the images of the world fixed in the linguistic consciousness of speakers of different national cultures. The results obtained can be used in the preparation of training courses and special courses, lexicography, as well as in the practice of intercultural interaction.

Keywords: psycholinguistics, associative experiment, image of the world, Sinhalese linguoculture, Russian linguoculture, freedom

Понятие **свобода** обсуждается людьми с древних времен и до наших дней как одна из важнейших человеческих ценностей. О важности обращения к толкованию свободы в современном мире пишут И.А. Бубнова и О.В. Казаченко в своей работе: «Во-первых, неопределенность таких терминов, как свобода, демократия, социализм, равенство и т.д., необычайно значима в социальном аспекте: она позволяет использовать их для оказания влияния на людей, создания виртуальной реальности, практически не имеющей отношения к действительности, благодаря способности этих слов вызывать в сознании человека самые разные (в том числе конструируемые и направляемые извне) образы <...>. Во-вторых, изменение значений таких слов в сознании даже небольшой группы, однако обладающей возможностью транслировать новые смыслы в общественное сознание, способно постепенно трансформировать национальную культуру посредством перестройки системы этических и нравственных ценностей народа» [Бубнова 2018, с. 28]. Проведя комплексный анализ динамики этого понятия, авторы приходят к выводу о

том, что «современное значение слова свобода расширяется, пополняется новыми компонентами, связанными, прежде всего, с отсутствием понимания сути демократии, стремлением к независимости, свободными отношениями между мужчинами и женщинами, с растущим желанием молодых людей обладать никем и ничем ограниченной свободой любой ценой (даже применяя насилие)» [Бубнова 2018, с. 36].

В данной статье предлагается попытка исследовать значение понятия «свобода» в двух лингвокультурах (русской и сингальской) с помощью разных подходов.

Проанализируем данное понятие с помощью метода словарных дефиниций. Для этого обратимся к толковым словарям.

«Свобода – 1. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни общества. *С. манифестаций. Политическая с. Борцы за свободу народа. Гражданские свободы. С. личности* (право граждан беспрепятственно участвовать в экономической, культурной и общественно-политической жизни страны; право на неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, телефонных и телеграфных сообщений). *Демократические свободы* (совокупность всех политических и правовых прав граждан, определяющих положение их в государстве). 2. Государственная независимость, суверенитет. ... 3. Отсутствие крепостной зависимости, рабства. ... 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. ... 5. Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению» [Кузнецов 1998].

Согласно сингальскому словарю, «свобода – это 1. Освобождение от рабства. Свободный, никому не подчиняющийся, неподвластный, независимый, свободный от обязательств, необремененный, свободный, относящийся к свободе. 2. Свободно данный. 3. Свобода, независимость, неприкосновенность частной жизни. 4. Избавление от семейного бремени. 5. Отдых от работы, выход на пенсию. 6. Уклонение от судебного преследования и т. д.

(1) දාස භාවයෙන් මිදුණු නිදැල්ලේ සිටින, කිසිවකුටත් යටත් නැති, යටත් නොවන, ස්වාධීන, බැඳීමේවලින් නොර, වගකීමේ ආදියෙන් මිදී සිටින, අවහිරකම නැති, නිදහස පිළිබඳ, නිදහසට අදාළ

2) නොමිලයේ දෙන.

3) නිවහල් බව, ස්වාධීනත්වය, සවෛරී භාවය

4) පවුල් බරින් මිදීම.

5) වැඩකටයුතු වලින් විවේකයක් ලැබීම, විශ්‍රාමය.

6) නඩු දඬුවමේ ආදියෙන් බේරීම¹⁾ [විජයතුංග 2012].

¹ Здесь и далее перевод с сингальского языка С.С.Т. Васкадуве.

Анализ словарных дефиниций показал, что в русскоязычном словаре большая часть толкований связана с общественно-политической сферой (1-4 значения), только 5 значение можно отнести к личной жизни человека. В сингальскоязычном словаре соотношение обратное: только первую трактовку можно условно отнести к общественно-политической сфере, а все остальные (2-6 значения) относятся к личной жизни.

Далее мы проанализировали ассоциативные поля к стимулу **свобода**. Для анализа было отобрано 500 анкет, которые были получены в результате ассоциативного эксперимента, проведенного на Шри-Ланке (возрастная группа 17-25, как мужского, так и женского пола). Затем было проведено сравнение полученных результатов с данными Русского ассоциативного словаря [Караулов 2000]. Поскольку количество респондентов было разным (500 и 108), при анализе мы использовали процентное соотношение.

В качестве основного метода для анализа был выбран метод семантического гештальта, предложенный Ю.Н. Карауловым [Караулов 1998, 2000]. Использование данного метода при анализе предполагает под собой разделение всех реакций, которые могут быть получены на определенный стимул, на семантические группы. В нашем исследовании мы выделили группы: «КТО», «ЧТО», «КАКОЙ», «ЧТО ДЕЛАЕТ», «ГДЕ» и «ДРУГИЕ».

Далее в нашем исследовании мы обратимся к анализу ассоциативных полей на стимул **свобода**, распределенных нами в соответствии с семантическим гештальтом.

При анализе реакции на стимул **свобода** в группе КТО проценты 4,8% и 6,48% можно увидеть в сингальской и русской лингвокультурах соответственно. Среди реакции в группе КТО в СЛК на первое место был поставлен *සුදු පරවියා* (*Белый голубь*) (9 = 1,8%), символ мира. Также среди реакции можно было увидеть *කුරුල්ලා* (*птица*) и *කුරුල්ලෝ* (*птицы*) по одной реакции. А в РЛК в этой группе на первом месте было *попугаям* (2 = 1,85%). «Свободу попугаям», как и «свободу Юрию Деточкину» – это прецедентные высказывания, первое заимствовано из мультфильма «Возвращение блудного попугая» (Россия, 1984), второе – из кинофильма «Берегись автомобиля» (Россия, 1966).

В СЛК мы также выделили прецедентные феномены: *වීර පුරන්දර්ශන* (*Великий Пуран Аппу*), *ප්‍රභාකරන්* (*Прахакаран*), *මහින්ද රාජපක්ෂ* (*Махинда Раджапакса*), *සුමංගල නිමි* (*Сумангала Тхеро*).

Великий Пуран Аппу (1812-1848) – национальный герой Шри-Ланки. Рожденный обычным гражданином, он в 1848 году возглавил борьбу за свободу против британского колониального господства и их несправедливых налоговых законов. В Шри-Ланке есть несколько буддийских монахов, известных как Сумангала Тхеро, но Сумангала

Тхеро, связанный со свободой, – это Варияпола Сумангала Тхеро. Согласно сингальской традиции, тот, кто владеет реликвией зуба Будды, имеет право управлять страной. Поэтому в 1818 году монах передал зубную реликвию Будды на сторону ланкийцев во время борьбы за свободу против британских колоний. Это придало большую силу борьбе за свободу. Поэтому в языковом сознании ланкийцев они зафиксированы как герои, борющиеся за свободу.

ජේනාකරන් (Прабхакаран) – лидер террористической группировки, которая тридцать лет вела войну на севере Шри-Ланки. Поэтому он выступает в языковом сознании ланкийцев как противоположность свободе (олицетворение несправедливости). *මහින්ද රාජපක්ෂ* (Махинда Раджапакса) обеспечил политическое руководство, чтобы положить конец войне.

В СЛК свобода занимает большое место в жизни обычного человека (*අම්මා* (мама), *මම* (я), *ගනුදි* (Шануди – имя), *කතෝල්ලෝ සමට් එක* (набор мальчиков), *දම්මවිජයන්* (родители), *පමේවතිය* (любимая девушка), *මල්ලී* (младший брат), *සාදුවෝ* (друзья)). Реакция мама совпала в обеих лингвокультурах.

В отличие от СЛК в РЛК мы видим связь свободы с религией («Бог») и абстрагирование, желание избежать конкретики: *всем, для всех*.

При анализе реакции на стимул **свобода** в группе ЧТО проценты 54,4% и 63,88% можно увидеть в сингальской и русской лингвокультурах соответственно. Группа «ЧТО» является группой с самым высоким процентом реакции в обеих лингвокультурах.

Анализируя реакции сингальских и русских респондентов на стимул **свобода**, мы выявили, что в сингальской лингвокультуре на 1 месте оказалась реакция *සනුට* (счастье) (84 = 16,8%), тогда как в русской лингвокультуре – реакция *слова* (16 = 14,81%). Свобода слова – это устойчивое выражение, которое очень часто использовалось в СССР в связи с цензурой. Реакция *счастье* в РЛК стоит на 5 месте (2,77%), в СЛК реакции *слова* не было. Таким образом, мы можем увидеть, что для жителей Шри-Ланки свобода и счастье – это два взаимосвязанных понятия в языковом сознании. На наш взгляд, это обусловлено историей страны. День независимости означает День свободы на сингальском языке. Поэтому среди реакций можно увидеть много реакций, связанных с Днем независимости Шри-Ланки: *ජාතික කතෝචිය* (государственный флаг) 10; 1948, *නිදහස් දිනය* (День независимости) 7; *පබෙරවාරි* 4 (4 февраля), *සැමරීම* (праздник) 2; *කතෝචියක්* (флаг), *නිදහස් උත්සවය* (День независимости), *නිදහස්වීම* (освобождение), *නිවාඩු* (праздничный день), *සිංහ කතෝචිය* (государственный флаг) 1. Шри-Ланка получила свободу (независимость) 4 февраля 1948 года, положив конец британскому

колониальному правлению, существовавшему с 1815 года. Кроме того, когда обсуждается День независимости, то выделяют несколько тем, о которых часто говорят в связи с ним. Они также были замечены среди реакций в СЛК: *සාමය* (*мир*) 4; *අයිතිය* (*право*), *අරගලය* (*борьба*) 2; *යුද්ධය* (*война*), *ආරක්ෂාව* (*безопасность*), *සමභිය* (*гармония*) 1.

Также в сознании носителей сингальского языка свобода ассоциируется с весельем и отдыхом: *සනුව* (*счастье*) 84; *සැහැල්ලුව* (*легкость*) 10; *හුක්කි විදීම* (*наслаждение*), *විදීම* (*наслаждение*), *චිතෝදය* (*веселье*) 8; *ඇවිදීම* (*ходьба*), *නිදා ගැනීම* (*сон*) 7; *ආශාව* (*желание*), *කැමැත්ත* (*желание*) 4; *ආනල්* (*веселье*), *නිසල බව* (*неподвижность*), *පාචීම* (*плавающий*), *චිතෝද චාරිකාව* (*экскурсия*), *සැමරීම* (*праздник*) 2; *අතීතය* (*прошлое*), *ඇඳ* (*кровать*), *උඩ පැනීම* (*прыжок*), *චාරිකාව* (*путешествие*), *ටී.වී.* (*телевизор*), *නුගුල* (*объятия*), *නෘප්තිය* (*удовлетворение*), *නිදහසේ සිටීම* (*будучи свободным*), *නිවාඩු* (*праздничный день*), *ප්‍රීතිය* (*радость*), *භාවනාව* (*медитация*), *මිහිර* (*сладкое*), *වැකුණින් එක* (*каникулы*), *සහනය* (*комфорт*) *සැනසිල්ල* (*комфорт*), *සැනසුම* (*комфорт*), *සිනහව* (*улыбка*), *සුන්දරත්වය* (*красота*), *සමාමිතස* (*счастье*), *උත්* (*веселье*), *ලිල්ම* (*фильмы*), *හිනාව* (*улыбка*) 1.

Среди реакции в РЛК также есть реакции, связанные с природой, отдыхом и весельем: *счастье* 3; *лето*, *природа*, *радость*, *степь*.

При анализе реакции на стимул **свобода** в группе ЧТО замечено, что в сознании носителей русской лингвокультуры свобода ассоциируется с политикой (*слова* 16; *равенство* 5; *выбор*, *независимость*, *братство*, *равенство и братство* 2; *власть*, *демократия*, *и независимость*, *и равенство*, *мир*, *сила*, *слово и совесть*, *слово* 1). Реакции в СЛК делятся на две группы: связанные с историей страны и с весельем, отдыхом.

В группе КАКОЙ было почти в два раза больше реакции в РЛК (11 = 10,18%), чем в СЛК (25 = 5,2%). Замечено, что в сознании носителей сингальского языка свобода – это их собственное дело: *අපේ* (*наша*) 4; *මගේ* (*моя*) 1. Анализ реакций в СЛК и в РЛК в группе КАКОЙ показал, что преобладают реакции, основанные на оценке: в СЛК – *හොඳ* (*хорошая*) 3; *අත්වැයිය* (*основная*), *සීමාසහිත* (*ограниченная*), *සුන්දර* (*красивая*) 2; *අපරිමිත* (*безграничная*), *නිසිකලංක* (*тихая*), *පරණ නාලමේ* (*старомодная*), *පුංචී* (*маленькая*), *පුළුල්* (*широкая*), *බාධක නැති* (*без барьерная*), *බැඳීම නැති* (*без привязанная*), *ස්වාධීන* (*независимая*), *හිස්* (*пустая*) 1; в РЛК – *полная* 5; *желанная* 2; *ограниченная*, *редкая*, *счастливая* 1.

Количество реакций на стимул **свобода** в группе ЧТО ДЕЛАЕТ 5,8% и 5,55% в сингальской и русской лингвокультурах соответственно. При

анализе этих реакций можно заметить, что в сознании носителей сингальского и русского языков свобода фиксируется как нечто, что необходимо достичь (в СЛК – *මින (хочу)* 8; *ලබාගන්න මිනෑ (хочу получать)*, *සමායා ගන්නවා (выяснить)* 1; в РЛК – *бороться, добиться, завоевать* 1. В РЛК встретилась реакция *даруется*, которая показывает, что свободу может подарить кто-то. Реакции, указывающие на перцептивное восприятие свободы, можно было увидеть среди реакций в обеих лингвокультурах: в СЛК – *ඉඟිලයාම (летать)* 4; *පියාමනවා (летать)*, *නානවා (купание)*, *විදින්න (наслаждаться)*; в РЛК – *пьянит*.

При распределении реакций по группам у нас возникла проблема, к какой группе (ЧТО и ГДЕ) отнести такие реакции, как *නිදහස් චතුරස්‍රය (Площадь независимости)*, *රට (страна)*, *ගම (деревня)*, *Нью-Йорк, рай, США*. Эти реакции были включены в группу ГДЕ, потому что эти реакции, на наш взгляд, соответствуют представлениям о том, где находится «свобода».

При анализе реакции на стимул **свобода** в группе ГДЕ было выявлено, что количество реакций 8,4% и 5,55% от общего количества в сингальской и русской лингвокультурах соответственно. Анализ реакций показал, что в СЛК свобода связана с домом (*ගෙදර (дома)* 14; *කාමරය (комната)*, *නිවෙස (дома)* 1, окружающей средой (*අහස (небо)* 3; *පරිසරය (окружающая среда)* 2; *කඳු මුදුන (вершина горы)*, *කැලය (джунгли)*, *මුහුද (море)* 1).

Как мы уже писали выше, свобода в сознании говорящих на сингальском языке ассоциируется в первую очередь с Днем независимости, с этим связаны и реакции в группе ГДЕ: *නිදහස් චතුරස්‍රය (Площадь независимости)*, *රට (страна)* 5; *ශ්‍රී ලංකාව (Шри-Ланка)* 1. Также здесь представлены образовательные учреждения: *කැමපස් (университеты)*, *පාසල (школа)*, *විශ්ව විද්‍යාලය (университет)* 1, потому что дети там себя чувствуют более свободными, чем дома. Реакции *අපාය (ад)* и *කුඩුව (клетка)* могут быть идентифицированы как антонимы к понятию «свобода». Интересно, что в СЛК реакцией к стимулу **свобода** был *අපාය (ад)*, а в РЛК – *рай*.

Судя по реакциям в РЛК, получается, что свобода для носителей русской лингвокультуры часто находится за границей (*за рубежом, Нью-Йорк, США* 1). Была также реакция, связанная с окружающей средой (*берег моря во время восхода* 1).

Реакции в группе ДРУГИЕ чаще оценочные: в СЛК – *අවශ්‍යයි (нужно)* 15; *වච්චවා (стоит)* 5; *අඩුයි (мало)*, *පට්ට (круто)* 1, в РЛК – *отлично, прекрасно, ура!* 1.

Также еще есть реакции, которые показывают, что свободы нет: в СЛК – නැහැ (нет) 12; අන්නම ම නැහැ (не совсем), කවදාවත් නැහැ (никогда нет) 1; в РЛК – нам и не снилась 1. В РЛК есть прецедентное высказывание – *вас встретит радостно у входа*. Это искаженная строчка из стихотворения А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...»:

...Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут. [Пушкин 1827]

Распределив полученные реакции по группам, мы выявили, что в русской лингвокультуре наиболее многочисленными получились группы КТО, ЧТО и КАКОЙ, а в сингальской – ЧТО ДЕЛАЕТ, ГДЕ и ДРУГИЕ (Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Семантический гештальт на стимул **свобода**

По нашим наблюдениям, свобода в СЛК часто ассоциируется с независимостью страны, что отражается в реакциях, называющих людей и вещи, связанные с этим. Также **свобода** ассоциируется с весельем и отдыхом. В сознании носителей РЛК **свобода** ассоциируется в первую очередь с политикой. Также можно видеть, что в сознании носителей сингальского и русского языках **свобода** фиксируется как нечто, чего необходимо достичь.

Теперь попробуем проанализировать психолингвистическое значение понятия **свобода** в русской и сингальской лингвокультуре по методике, предложенной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой. Под психолингвистическим значением слова ученые понимают «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которое актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве более и менее ярких, ядерных и периферийных, все из которых реально связаны с данной звуковой оболочкой (лексемой)» [Стернин 2011, с. 97].

СВОБОДА

Психолингвистическое значение в русской лингвокультуре

Семема 1. Независимость

Симиляры 12 – *воля 4; счастье 3; независимость, раздолье, демократия, жизнь, власть.*

Оппозиты 2 – *бремя, необходимость.*

Разновидности 10 – *полная 5, желанная 2, ограниченная, редкая, счастливая.*

Актуализация прецедентных текстов 5 – *попугаям 2, Юрию Деточкину, нагая* (строчки из стихотворения В. Хлебникова: «Свобода приходит нагая, Бросая на сердце цветы, И мы с нею в ногу шагая Беседуем с небом на ты»), *вас встретит радостно у входа.*

Актуализация устойчивых выражений 40 – *слова 16, действий 7, выбора 2, равенство и братство 2, совести 2, чести, слова и совести, слово, сила, равенство 5, братство, пьянит.*

Возможная сочетаемость 3 – *и независимость, и равенство, за рубежом.*

Идентификация 0.

Символическая актуализация 3 – *Бог, рай, шалаш.*

Актуализация окружающих реалий 6 – *баррикады, природа, берег моря во время восхода, на баррикадах, Нью-Йорк, США.*

Актуализация исторических реалий 0.

Актуализация мифологических реалий 0.

Коммуникативная реакция 0.

Метаязыковые признаки 0.

Оценочная характеристика 5 – *навсегда, нам и не снилась, отлично, прекрасно, ура!*

නිදහස (СВОБОДА)

Психолингвистическое значение в сингальской лингвокультуре

Семема 1. Независимость общества

Симиляры 111 – *සනුට (счастье) 84; ජීවිතය (жизнь) 19, අදහස් (мнение), අභිමානය (гордость), අයිතිය (право), අරමුණ (цель), ආරක්ෂාව (безопасность), එකමුතුකම (единство), ජරාඵලතාව (желание), විශ්වාසය (вера).*

Оппозиты 9 – *අන්තම ම නැහැ (не совсем), එහා (не), කවදාවත් නැත (никогда нет) 2; අපාය (ад), කුඩුව (клетка), නතො ලැබෙන දෑයක් (что-то недоступно).*

Разновидности 6 – *සීමාසහිත (ограниченная), පරණ නාලම (старомодная), පුළුල් (широкая), බාධක නැති (без барьеров), ස්වදේශික (родная), ස්වාධීන (независимая).*

Актуализация прецедентных текстов 5 – *වීර පුරන්අප්පු (Великий Пуран Аппу), ජර්නාකරන් (Прабхакаран), මනින්ද රාජපක්ෂ (Махинда Раджапакса), සුමංගල නිමී (Сумангала Теро), හමුදා සමායුරන් (армейские братья).*

Актуализация устойчивых выражений 7 – *සමාජය (общество), අනාගත පරපුර (будущее поколение), අරගලය (борьба), ආඩම්බරය (гордость), යුද්ධය (война), නිදහසේ සිටීම (будучи свободным), නිදහස්වීම (освобождение).*

Возможная сочетаемость 0.

Идентификация 0.

Символическая актуализация 14 – *සුදු පරවියා (Белый голубь) 9; අහස (небо) 3; කුරුල්ලා (птица), කුරුල්ලෝ (птицы).*

Актуализация окружающих реалий 10 – *රට (страна) 5, අතීතය (прошлое), ජාතික කොඩිය (государственный флаг), කොඩියක් (флаг), නිදහස් චතුරස්රය (Площадь независимости), ශ්‍රී ලංකාව (Шри-Ланка).*

Актуализация исторических реалий 6 – *පබරවාරි 4 (4 февраля), 1948, සිංහ කොඩිය (Львиный флаг), නිදහස් දිනය (День независимости), නිදහස් උත්සවය (День независимости), සැමරීම (праздник).*

Актуализация мифологических реалий 0.

Коммуникативная реакция 0.

Метаязыковые признаки 0.

Оценочная характеристика 1 – *අඩුයි (мало).*

Семема 2. Независимость личная

Симилары 81 – *සැහැල්ලුව (легкость) 10; හුක්නි වීදීම (наслаждение), වීදීම (наслаждение), විනෝදය (веселье) 8; ඇවිදීම (ходьба), නිදා ගැනීම (сон) 7; ආදරය (любовь) 5; ආශාව (желание), කැමැත්ත (желание), ලැබීම (получение), සාමය (мир), සල්ලීම (игра) 4; ආනල් (веселье), තෘප්තිය (удовлетворение), පාවීම (плавающий), ජර්තිය (радость), වීදින්න (наслаждаться), සිනහුව (улыбка), සමාමිතස (счастье), ෆන් (веселье).*

Оппозиты 0.

Разновидности 19 – *අපේ (наша) 4; හොඳ (хорошая) 3; අත්යවශ්‍ය (основная), සුන්දර (красивая) 2; අපරිමිත (безграничная), නිස්කලංක (тихая), පුංචි (маленькая), බැඳීම නැති (без привязанности), මගේ (моя), මානසික (психическая), සනි අන්ත (выходная), හිස් (пустая).*

Актуализация прецедентных текстов 0.

Актуализация устойчивых выражений 0.

Возможная сочетаемость 5 – කතෝල්ලෝ සටේ එක (набор мальчиков), දමව්පියන් (родители), අමේවතිය (любимая девушка), මල්ලී (младший брат), යාළුවෝ (друзья).

Идентификация 1 – මම (я).

Символическая актуализация 34 – ගදෙර (дома) 14; අමමා (мама), පරිසරය (окружающая среда), සුදු පාට (белый цвет), හුළඟ (ветер) 2; ඇද (кровать), කාමරය (комната), කුදු මුදුන (вершина горы), කැමපස් (университеты), කැලය (джунгли), ගම් (деревня), නුගුල (объятия), නිවස (дома), පාසල (школа), මුහුද (море), විශ්ව විද්‍යාලය (университет), හතොටල් එක (отель).

Актуализация окружающих реалий 37 – ජීවත් වීම (жить) 4; අත් විදීම (опыт), අවකාශය (пространства), ඉල්ලීම (запрос), කාලය (время), තීරණ (решения), දිනය (день), අභේදගලිකත්වය (конфиденциальность), පාසල් කාලය (школьное время), විනෝද චාරිකාව (экскурсия), ටී.වී. (телевизор), දුරකතනය (телефон), නිවාඩු (праздничный день), පවුල (семья), පවුල් ජීවිතය (семейная жизнь), එදිනදො ජීවිතය (повседневная жизнь), චාරිකාව (путешествие), භාවනාව (медитация), මෝටර් සයිකලය (мотоцикл), බොවුරක් (ложь), මරණය (смерть), මිහිර (сладкое), රැකියාවක් (работа), රෑ (ночь), වැකෝන් එක (каникулы), සමඟිය (гармония), සල්ලි (деньги), සහනය (комфорт) සැනසිල්ල (комфорт), සැනසීම (комфорт), සුන්දරත්වය (красота), ෆිල්ම් (фильмы), හිනාව (улыбка), හීනයක් (мечта).

Актуализация исторических реалий 0.

Актуализация мифологических реалий 0.

Коммуникативная реакция 0.

Метаязыковые признаки 0.

Оценочная характеристика 6 – වචනවා (стоит) 5; පට්ට (круто).

Таким образом, мы видим, что в русской и сингальской лингвокультуре есть как совпадающие, так и специфические элементы в образе свободы. Основным отличием можно назвать то, что в русской лингвокультуре свобода связана в первую очередь с общественно-политической жизнью, а в сингальской есть четкое разделение понятия свободы страны и свободы личности.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – Москва: Изд-во Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.

Пушкин А.С. Во глубине сибирских руд. – 1827. – URL: <https://www.culture.ru/poems/5324/vo-glubine-sibirskikh-rud>.

Рудакова А.В. Проблемы описания психолингвистического значения слова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 36-42.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии: дис. ... докт. филол. наук по спец. 10.02.19 – Теория языка. – Воронеж, 2022.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

විජයනුංග හ. ජ්‍යෙෂ්ඨ භාෂා විද්‍යාඥයාගේ සිංහල භාෂාවේ විශේෂය / හ. විජයනුංග. – කොළඹ : සංස්කෘතික කටයුතු පිළිබඳ අමාත්‍යාංශය, 2012 – පි. 1924.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ф.Ш. Бекмурзаева (Санкт-Петербург)

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ КАК ОТРАЖЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена энтомологическому концепту *божья коровка* в аспекте анализа и раскрытия его символического компонента в языковом сознании носителей русского языка. На примере фактического материала, представленного в виде сказок, примет, закличек и стихотворений, выделена группа признаков, отражающая божественное начало в символической структуре исследуемого концепта. Все признаки, заложенные в энтомологическом концепте *божья коровка*, идентифицируют русскую этнокультуру как ту, в которой подчеркивается единство природы и Бога – ее Творца, а также отмечается косвенное присутствие и проявление божества во всем. Символические признаки по сей день значимы и ценны в языковом сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: энтомологический концепт, языковое сознание, божественное начало, символический компонент, культурная идентичность

Abstract. The article is devoted to the entomological concept «*божья коровка*» (ladybug) in the aspect of revealing its symbolic signs in the linguistic consciousness of the Russian language native speakers. Using the factual material (fairy tales, ritual songs, poems) a group of signs reflecting divinity in the symbolic structure of the concept is highlighted. The revealed number of signs is not limited. All the signs of the entomological concept identify the Russian ethnoculture as one in which the unity of nature and its Creator is emphasized and the indirect manifestation of the deity is noted. Symbolic signs are still significant and valuable in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.

Keywords: entomological concept, linguistic consciousness, divinity, symbolic component, cultural identity

Животный мир и мир людей неразрывным образом переплетены. С самых древних времен животные считались первопредками, служили тотемами и им приписывали божественные очертания. В мифологии многих народов мира встречаются зооморфные божества и создания, представляющие симбиоз человеческого облика и животного. Неразрывная связь людей и животных способствовала появлению специфических явлений, маркирующих культурную идентичность. Культурная идентичность содержится в сознании носителей языка. «Язык выступает не только средством речевого общения, но также оказывает влияние на способ мышления его носителей. Он способствует сплоченности общества и выступает механизмом включения в общество и выключения из него» [Солеймани 2017]. Ничто так не идентифицирует этнокультуру, как набор

символов, создавших этнос и его культуру. Самые ценные аспекты этнокультуры – самобытность, самосознание, неповторимость – кодируются языком и хранятся в виде символов. «За языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры» [Мильруд 2013, с. 43–60].

В современном научном пространстве активно проводятся изыскания, отражающие национально-культурную идентичность сознания носителей языка. Наиболее точно раскрыть культурную специфичность помогают труды, включающие в предмет своего исследования представителей фауны. Тематический диапазон научных трудов варьируется и представлен, например, такими работами, как: «Метафорические признаки концептов рыба / 鱼» в русской и китайской картинах мира на материале словарей» [Берендеева 2022, с. 338–351], «Аксиология как важнейшая составляющая лингвокультуры (на примере концепта ЛАСТОЧКА в поэтической и народной картинах мира)» [Бекмурзаева 2021, с. 9–15], «Зооморфные признаки концептов душа и жан» [Айдарбекова 2015, с. 81–84] и др.

Следует заметить, что не только крупные животные и птицы культурно значимы. Не менее важное, а местами даже превосходящее по значимости, место занимают такие представители царства животных, как насекомые. Несмотря на совсем невнушительные размеры, насекомые вносят внушительный вклад в отражение национально-культурной идентичности самосознания.

Рассмотрим значимость энтомологического концепта *божья коровка* как проявление культурной идентичности через анализ символического компонента его одноименного репрезентанта в русскоязычной картине мира.

В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера *божья коровка* – насекомое «Coccinella», происходит от слова «бог». Для подтверждения происхождения приводятся слова из немецкого языка (Gotteskäblein, Herrgottskühlein) и финского (jumalanlehmä) [Фасмер].

Божественное начало исторически заложено в лексеме *божья коровка*, о чем свидетельствует этимологический анализ репрезентанта концепта. Определим, насколько расширились божественные культурные смыслы в энтомологической концептуальной структуре репрезентанта и как они манифестируются на уровне языка. В качестве фактического материала использованы стихотворения, сказки, закладки и приметы.

Божью коровку восхваляют как божество. Связь насекомого с небесным телом – Солнцем – символизирует высшие космические силы, сердце космоса, теофанию.

*Обрядись в пятишовку,
И пойдем в синь и гать,
Солнце – Божью коровку
Аллилуйем встречать.*

Н.А. Клюев. «Облиняла буренка...»

В мифологическом словаре упоминается сюжет «свадьба Солнца», в котором роль невесты Солнца-Ивана (Еню) выбирается девочка, одетая в красное, как крылья Божьей коровки, свадебное покрывало. Ее солнечная природа проявляется в запрете ставить девочку на землю – «чтобы земля не сгорела»» [Славянская мифология: энциклопедический словарь].

Во времена предков славяне считали божью коровку небесным созданием, посланницей солнца и тем самым нарекали ее «Солнышком». У древних славян коровка олицетворяла богиню Солнца, которая дарует свет, урожай и жизнь [Божьи коровки и дети Солнца].

*На мизинце моем
твое солнце – как божья коровка.*

А.А. Вознесенский. Второе вступление: «Обожаю...»

Солярная символика насекомого подтверждается соответствующими лексемами, которые встречаются в исследуемых произведениях.

*Гуляет по листьям ловко
Красавица **Божья коровка**.
Похожа она на цветочек –
Вся красная с множеством точек.
Покушает тлю, улетит –
Как самолетик **в зенит**.
Зимой она спит под листвою,
Прикрывшись опавшей травой.*

Михаил Панфёров

Стремление передать различные свои просьбы указывают на веру славян в способность божьей коровки летать к Богу («*Божья коровка, улети на небо, принеси мне хлеба: черного, белого, только не горелого*»; «*Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают конфетки – всем по одной, а тебе ни одной*»).

Божья коровка – символ изобилия, урожая и защиты. Как божья посланница, коровка не только передает послания людей, но прилетает с божественной помощью к человеку. Бытует легенда о снисхождении с небес на посевы, пожираемые вредителями, огромного облака мелких пятнистых оранжево-красных насекомых. Результатом этого явления стал спасенный урожай. В знак благодарности население наградило это милое и полезное насекомое именем «Жук Богоматери», впоследствии ставшим символом защиты [Божья коровка – символ защиты и удачи].

*Стадо божьих коровок
в многи тысячи головок
украшает огород
и само себя пасет.*

Л.Л. Аронзон. Беседа: «Где кончаются заводы...»

Славяне отождествляли божью коровку с Мокошью – Великой Матерью, Богиней плодородия [Божья коровка – символ защиты и удачи].

Божья коровка – символ посланной Богом удачи, счастья и благодати. В русском языке до сих пор сохранились соответствующие приметы (*Если насекомое село на руку или волосы, его нельзя прогонять, чтобы не спугнуть удачу; Если божья коровка залетела в дом, это значит, что там поселится гармония, мир и покой*).

Божья коровка – символ исполнения желаний. Существует поверье, что если божья коровка сядет на человека, то это сулит ему какое-то счастье и нужно обязательно загадать желание.

*Подарю тебе цветок
С маленьким сюрпризом.
Там живет один жучок
С маленьким капризом.
Любит в небо уносить
Крошки он от хлеба,
А взамен нам всем дарить
Счастье на полнеба.*

Линна Леонова

Символ Божьей благодати в образе коровки передается через ономаликсему Иван. Имя Иван в переводе с древнееврейского языка означает «благодать Господня» [Семенов].

**Божья коровка,
Черная головка,
Рыжая рубаишка,
Милая Иваишка.**
*На краю сорочки
Черненькие строчки.
На рубаишке точки –
Капельки от ночки.
У Иваишки детки,
Рядом спят на ветке.
Лапки у них цепки,
Каждый в черной кепке.
Утречком проснутся,
Сладко улыбнутся.
Полетят к цветочкам
За росой с листочков.
Есть и пить возьмутся,
После облизнутся.
На болотных кочках
Пьют росу глоточком.
**Так живут Иваишки –
Рыжая рубаишки,
Черные головки,
Божие коровки.***

Ираида Мордовина

На какую бы часть тела человека ни села божья коровка, она несет в себе исключительно положительный божественный посыл, касающийся личной жизни, здоровья, карьеры (*Если насекомое села на лицо, то примета предупреждает об изменениях в сфере любовных отношений* (долгая, гармоничная и счастливая жизнь). *Божья коровка села на шею – символ долголетия; на живот – женщинам сулит скорую беременность; ползает по животу новорожденного – знак благословения высших сил*).

Приметы касаются и цвета насекомого. Встреча божьей коровки красного окраса толкуется как хороший урожай, желтого цвета – успешное достижение поставленной цели. Количество точек на теле насекомого также имеет огромное значение (*Божья коровка с одной точкой на теле сулит удачу во всех начинаниях; две точки говорят о гармонии и счастье в семье*). Более того, эстетическая привлекательность божьей коровки олицетворяет великолепие и превосходство всего того, что сотворено Богом. Красный цвет подчеркивает ее необычайную красоту.

Божья коровка красива – нет слов!

... Даже красивой обычных коров.

Платьице красное в черный горох –

Вкус у нее, безусловно, неплох.

Зайцева Р. Божья коровка красива – нет слов!

Вот, растопыря крылышки

Во всей своей красе,

Бежит Коровка Божья

По взлетной полосе.

Отважно устремляется

С травинки в благодать!

А вам, скажите, нравятся

Коровок отпускать?

Жданова Е. Вот, растопыря крылышки...

Гуляет по листьям ловко

Красавица Божья коровка.

Похожа она на цветочек –

Вся красная с множеством точек.

Михаил Панфёров. Божья коровка

Божья коровка известна как насекомое, которое нельзя обижать, дабы не навлечь беду. В старину «божьими» называли добрых и безобидных людей [Божьи коровки или дети Солнца].

Божья коровка – символ безмерной божественной любви ко всему миру.

Божья коровка села на ладошку,

А потом сказала, помолчав немножко:

- Если ты с любовью проживешь свой век,

Будешь называться Божий человек.

Галина Глова-Закрияева. Божья коровка

Я зовусь коровкой, что не велика.

И еще во мне есть капля молока.

Оттого я божья, что мне мил весь свет!

*Солнце, небо, звезды, розовый рассвет!
 Приношу спасенье,
 Тем, что мир люблю.
 На цветах, растеньях
 Пою даю тлю.*

Голова Г. Божья коровка
[\[http://stihi.zima24.ru/0/1/2/stihi_pro_boj'yu_korovku.html\]](http://stihi.zima24.ru/0/1/2/stihi_pro_boj'yu_korovku.html).

Пятна на спинке не просто так даны божьей коровке. Пятна являются особой отметиной, божественной защитой от недоброжелателей, помогают насекомому выполнять главное свое предназначение – нести божью помощь в массы.

Утро Маленькая Божья Коровка проснулась, грустная подошла к зеркалу и на ее лице тут же появилась улыбка – на спине красовалось яркое черное пятнышко! Она накинула свой дождевик и радостная побежала к маме. «Мама, мама, чем я могу тебе помочь?» – не дожидаясь просьб спросила Маленькая Божья Коровка. В этот день мама попросила ее просто собрать нектар с пионов, растущих неподалеку. Маленькая Божья Коровка вылетела из дома в ту же секунду, она насобирала полные ведерки нектара за пару часов и еле донесла их до дома – мама была очень рада и удивлена, а когда дочка рассказала ей, что на кустике пионов она помогла еще и соседской дочке – божьей коровке собрать нектар для ее бабушки, мама была просто счастлива! Когда вечером Маленькая Божья Коровка уснула, мама аккуратно стерла всю краску с ее спины и все ее черные пятнышки стали снова видны. (Сказка про Маленькую Божью Коровку и пропавшие пятнышки)

«Наши предки верили, что по количеству точек можно предсказать количество счастливых дней» [Количество точек на божьей коровке. Приметы, в которые верят].

Умение божьей коровки летать говорит о божественном даре. Крылья – дар, который предоставляет обладателю возможность находиться в двух мирах (земном и небесном). Этим даром наделены именно божественные создания, которые являются носителями духовного знания и мудрости. Божья коровка – символ вестника Бога.

Как Божья коровка взлететь.

Одно остается – смотреть.

Коровы жуют, наблюдая,

Как Божья коровка летает.

Михаил Панфёров
[\[http://stihi.zima24.ru/0/1/0/stihi_pro_boj'yu_korovku.html\]](http://stihi.zima24.ru/0/1/0/stihi_pro_boj'yu_korovku.html).

Таким образом, можно сделать вывод, что национальная ценность божьей коровки весьма велика. Божественное начало насекомого заложено в языковом сознании носителей русского языка. Ее воспевают в стихотворениях, ею восхищаются в приметах, детских зачинках, сказках. Божья коровка воспринимается как символ, олицетворяющий следующие признаки: ‘божество’, ‘солнце’, ‘просьба Богу / вестник Бога’, ‘исполнение желания’, ‘божья посланница / божественный посыл’, ‘божественная помощь’, ‘божественная защита’, ‘божественная любовь’, ‘плодородие’, ‘удача’, ‘счастье’, ‘благодать’, ‘необычайная красота’.

Как видно из проведенного анализа энтомологического концепта, в языковом сознании русского народа *божья коровка* – символическое насекомое. Божью коровку можно отнести к разряду теологических концептов. Самый главный признаки (“бог”) свидетельствует о темпоральной инвариантности, прототипности божественного начала в символической структуре концепта *божья коровка*.

Символические признаки культурно значимых концептов и по сей день значимы и ценны в языковом сознании носителей русского языка.

Айдарбекова А.С. Зооморфные признаки концептов душа и жан // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 1. – С. 81-84.

Бекмурзаева Ф.Ш. Аксиология как важнейшая составляющая лингвокультуры (на примере концепта ЛАСТОЧКА в поэтической и народной картинах мира) // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – Вып. 4. – С. 9-15.

Берендеева М.С., Ло Вэй. Метафорические признаки концептов РЫБА / 鱼 в русской и китайской картинах мира на материале словарей // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 2. – С. 338–351. DOI 10.17223/18137083/79/24

Божьи коровки или дети Солнца. – URL: https://my.mail.ru/community/blog_birag6209/4FB0FB7FDF460F92.html (дата обращения 10.10.2023).

Божья коровка – символ защиты и удачи. – URL: <https://siriussib.ru/bozhya-korovka-simvol-zashhity-i-udachi/> (дата обращения 10.10.2023).

Количество точек на божьей коровке. Приметы, в которые верят. – URL: <https://bavly-tat.ru/news/polezno-znat/kolichestvo-toчек-na-bozhey-korovke-primety-v-kotorye-veryat> (дата обращения 12.10.2023).

Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // Язык и культура. – 2013. – № 2 (22). – С. 43–60.

Семенов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/%D0%B8/%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD> (дата обращения 10.10.2023).

Славянская мифология: энциклопедический словарь. – URL: <https://culture.wikireading.ru/hGPdHY7Куq> (дата обращения 10.10.2023).

Солеймани С. Концепция культурной идентичности в социологии // Теория и практика общественного развития. – 2017. – Вып. 6.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/б/божья-коровка> (дата обращения 10.10.2023).

П.Е. Белова (Нижний Новгород)

ГОРОДСКИЕ ПЛОЩАДИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ФУНКЦИЙ И ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению того, как в русской языковой картине мира осознается и воспринимается площадь в пространстве города путем обращения ко множеству контекстов употребления данной леммы в Национальном корпусе русского языка. В ходе исследования были рассмотрены дистрибутивные возможности слова *площадь*, установлены его предметно-понятийные корреляции, а также построены пропозициональная и метафорическая модели.

Ключевые слова: городское пространство, площадь, языковая картина мира, корпусная лингвистика, НКРЯ

Abstract. This article is devoted to the study of the square perception in the city space in the Russian language picture of the world by referring to the contexts of this lemma use in the Russian National Corpus. During the study the distributional possibilities of the word *square* were considered, subject-conceptual correlations were established, and propositional and metaphorical models were constructed.

Keywords: urban space, square, linguistic picture of the world, corpus linguistics, RNC

Город как пространство жизнедеятельности человека и среда его обитания уже давно привлекает исследователей, которые обращают внимание на его различные аспекты. Каждый наш выход на улицу так или иначе погружает нас в пространство и предполагает взаимодействие с ним. Пространство также выполняет эстетическую и символическую функцию. Находясь в пространстве города, человек приобщается к заложенным в нем смыслам и удовлетворяет свои эстетические потребности. Помимо этого, взаимодействие человека с городом возможно в познавательном аспекте, например, при изучении архитектуры старинных зданий.

Пространство города условно можно поделить на внутреннее (частное) и внешнее (полуобщественное и общественное) или, другими словами, на закрытое и открытое. К частному пространству в первую очередь относятся квартиры, офисы, предприятия, то есть места, доступные ограниченному кругу лиц – собственникам, арендаторам, сотрудникам. Полуобщественные территории контролируются определенной группой лиц, к ним относятся дворы, территории школ, детских садов и т.п. Общественное открытое пространство включает в себя площади, проспекты, улицы, бульвары, набережные, парки, скверы и т.п., свободно доступные людям [Ненько 2020, с. 5]. Открытое пространство предоставляет человеку свободу перемещения в границах локуса, а также возможность общения с внешним миром.

Особым общественным пространством с точки зрения его наличия практически в любом городе является площадь. Само название, вероятно, заимствованное из старославянского языка и восходящее к греческому *plateiades*, производному от *plateia* «широкая» [Шанский, Боброва 1994],

обозначает незастроенное большое и ровное место (в городе или селе) [Ожегов, Шведова 1997], ровное незастроенное пространство общественного назначения, обычно архитектурно организованное [Ефремова 2006], от которого в разные стороны расходятся улицы. Компоненты значения '*незастроенный*', '*большой*', '*ровный*', '*имеющий общественное назначение*', '*архитектурно организованный*' указывают на основные признаки площади – ее размер, наполненность чем-либо, вид поверхности, предназначение, оформленность. В дефиниции также отражается одна из функций площади – она является элементом планировочной структуры города, а именно центром, от которого в разные стороны расходятся улицы.

Площадь выступала исходным местом, вокруг которого формировалось городское пространство, и издавна выполняла различные функции. На ней шла рыночная торговля, располагались административные и общественные здания, объекты культурной – театры, концертные залы, музеи, дома культуры и пр., духовной и религиозной жизни города. Предназначение площади как основного публичного пространства заключалось в том, чтобы на ней по поводу или без повода собирались люди. При этом наибольшая функциональная нагрузка в городском пространстве приходится на центральную площадь, к которой ведут главные улицы и проспекты города, поскольку помимо всего прочего она также является местом проведения праздничных и иных общественных городских мероприятий.

Уже на стадии строительства площади делились на типы (транспортные, пешеходные), классифицировались по специальному назначению, определялись размеры и формы площадей, планировалась их застройка зданиями государственного и общественного назначения. Значимость площади в жизни города находит отражение в сознании горожан – главных пользователей городского пространства. Обращение к примерам (почти 3,5 тысячи вхождений леммы «площадь»), содержащимся в подкорпусе художественных прозаических текстов разных жанров и направлений, созданных в XXI веке (2000-2023 гг.) и представленных в НКРЯ, позволяет раскрыть многомерность восприятия данного элемента открытого городского пространства. В ходе анализа всего множества контекстов употребления будут рассмотрены дистрибутивные возможности слова *площадь*, установлены его предметно-понятийные корреляции, построены пропозициональная и метафорическая модели.

Как показывают входящие в корпус примеры, **по размеру площадь** может быть маленькой (18 – количество словоупотреблений): *...открылась маленькая площадь с уютным, тоже белым храмом...* (А. Матвеева, 2002), небольшой (14): *...окруженная торговыми рядами небольшая площадь...* (Е. Чижов, 2012), большой (6): *...выходили с большой, украшенной фонтанами площади...* (Н. Дежнев, 2009),

крошечной (5): *...на крошечной, словно театральной, абсолютно пустой, средневековой площади...* (М. Палей, 2010), огромной (5): *...какую-то огромную, всегда пустынную площадь...* (А. Макушинский, 2012), гигантской (2): *Вся гигантская, лучисто расчерченная площадь Ватикана...* (Д. Рубина, 2008-2009), махонькой: *... на всю махонькую булыжную площадь...* (С. Гандлевский, 2002), широкой: *...на широкой, необозримой площади...* (Е. Чижова, 2002), куцей: *...на куцей тусклой площади...* (С. Данилюк, 2003), мелкой: *Он шел через газоны, мелкие площади...* (У. Нова, 2004), громадной: *...обступивших полукольцом громадную площадь* (А. Рекемчук, 2006), обширной: *...начиналась обширная площадь имени Карла Маркса* (В. Михальский, 2009);

по конфигурации – круглой (3): *...стоит на южной стороне круглой городской площади...* (Н. Огнева, 2015), квадратной (2): *...большую квадратную площадь* (Н. Дежнев, 2002), овальной (2): *...заросшая травой и кустарником овальная площадь* (В. Кунгурцева, 2009), полукруглой (2): *...на тихой полукруглой площади...* (Д. Рубина, 2014), прямоугольной: *...прямоугольной площади с огромной бесплатной стоянкой в центре...* (Д. Рубина, 2008-2009), треугольной: *Вышел на треугольную крошку-площадь...* (Д. Рубина, 2008-2009);

по назначению и расположенным на ней сооружениям – привокзальной (69): *...расположен прямо на привокзальной площади...* (А. Пермяков, 2010), рыночной (38): *...в переулок, ведущий к рыночной площади...* (С. Лукьяненко, 2014), вокзальной (27): *...отправляясь от вокзальной площади...* (С. Есин, 2005), базарной (18): *...лениво оглядывала базарную площадь...* (Д. Рубина, 2006), соборной (6): *...выйдя на соборную площадь и найдя ее непривычно пустою...* (В. Фадин, 2009), театральной (5): *...явилась на театральной площадь...* (В. Шапко, 2016), торговой (4): *...торговая площадь, соборная площадь и ратуша...* (Е. Пищикова, 2007), ратушной (3): *...пошли на ратушную площадь смотреть, что осталось от города* (М. Кантор, 2011), дворцовой (2): *... недалеко все от той же дворцовой площади...* (А. Макушинский, 2012), гостиничной: *...тут, на гостиничной площади...* (М. Богатов, 2001), ярмарочной: *...в городок какой-нибудь на ярмарочную площадь...* (А. Иличевский, 2009), храмовой: *...выйти на маленькую храмовую площадь...* (И. Сахновский, 2009), парадной: *...в кафе на полукруглой парадной площади перед герцогским дворцом...* (А. Макушинский, 2012), университетской: *...Вольф Карлович видел университетскую площадь...* (Г. Яхина, 2015), цумовской: *Из кафе на цумовской площади...* (В. Шапко, 2016);

по наполненности – пустой (14): *Вышла на пустую привокзальную площадь* (В. Шапко, 2014), пустынной (5): *...какую-то огромную, всегда пустынную площадь...* (А. Макушинский, 2012), людной: *Но всё смешалось на московской людной площади* (В. Галактионова, 2004),

безлюдной: *Осталась только маленькая безлюдная площадь с автобусной остановкой...* (И. Васюченко, 2014);

по местоположению – городской (25): *...ведущей на городскую площадь...* (С. Кузнецова, 2015), московской (3): *...московские проезды, бульвары, площади, улочки...* (О. Павлов, 2009), петроградской: *...трава петроградских площадей и улиц* (В. Березин, 2012), петербургской: *...петербургская площадь Искусств* (И. Стогов, 2012), соседней: *Зато на соседней площади процветал модный магазин-галерея...* (Д. Рубина, 2011-2015), столичной: *...я и прибыл на столичную площадь Трех Вокзалов...* (А. Найман, 2013), итальянской: *...вынырнул на знакомую итальянскую площадь...* (В. Пелевин, 2014), европейской: *...на фоне какой-то европейской площади с летними кафешками...* (О. Славникова, 2014-2016);

по значимости – центральной (79): *...как Ленин на центральной площади города* (А. Иванов, 2012), главной (39): *...он направился прямо к главной площади* (Г. Хирчаев, 2009), крупнейшей: *...была крупнейшей московской рыночной площадью.* (В. Черкасов, 2000), культовой: *На середине культовой площади...* (А. Гаррос, 2001), знаменитой: *Да и знаменитая площадь Святого Петра в Ватикане...* (А. Рекемчук, 2006);

по типу покрытия – булыжной (5): *...стоящий на булыжной площади рядом с остальными* (А. Тавров, 2013), застеленной асфальтом: *...виднелась большая застеленная асфальтом площадь...* (Д. Глуховский, 2005), брусчатой: *...остановился на неровной брусчатой площади...* (Ю. Буйда, 2003);

по степени освещенности – тусклой: *...на куцей тусклой площади...* (С. Данилюк, 2003), светящейся: *...и все эти светящиеся каким-то бездонным светом московские проезды, бульвары, площади, улочки...* (О. Павлов, 2009), тенистой: *Бессистемно покружив по городу, я остановился на тенистой площади...* (С. Иванов, 2013), сумрачной: *Она шагнула навстречу сумрачной площади...* (В. Пелевин, 2014), светлой: *...по светлым просторным площадям...* (А. Краснящих, 2015);

по звуковому впечатлению – шумной (5): *Улицы большого города шире, площади шумнее...* (Д. Сабитова, 2007), тихой: *... на тихой, как больничный дворик, центральной площади...* (О. Славникова, 2017);

по степени освоенности – знакомой: *Мелькнула вдали уже слишком знакомая нам Сенная площадь...* (В. Попов, 2003), чужой: *...по чужим далеким проспектам и площадям...* (В. Галактионова, 2010);

по оценочной квалификации – просторной (4): *...очутился на просторной площади* (М. Панин, 2002), красивой (2): *...открывался вид на красивую площадь...* (И. Стогов, 2012), невзрачной: *На невзрачной площади у монинского автовокзала...* (В. Громов, 2000), сумасшедшей: *...недалеко от Сенной, сумасшедшей площади* (А. Рыбин, 2000), казенной: *...обрамляли казенную пустынную площадь* (В. Скворцов.

Каникулы вне закона, 2001), таинственной: *...город с узкими и таинственными площадями...* (Д. Каралис, 2001), горбатой: *Мы стояли на горбатой центральной площади Таллина* (И. Стогов, 2001), диковинной: *...за овальной диковинной площадью с маленьким бездействующим фонтаном...* (С. Гандлевский, 2002), необозримой: *...на широкой, необозримой площади...* (Е. Чижова, 2002), суетной, бестолковой: *...на суетную и бестолковую привокзальную площадь...* (Н. Дежнев, 2002), грязной: *...пересек тесную грязную площадь...* (М. Тарковский, 2003), всполошившейся: *...подковы неистово чиркали всполошившуюся площадь* (И. Бояшов, 2008), голой: *...да и другого-то на голой площади не имелось* (В. Кунгурцева, 2009), праздничной: *Я увидела толпу народа на праздничной площади...* (Е. Тюгаева, 2011), старой: *Так, в Европе, на старых площадях...* (М. Кантор, 2011), прекрасной: *И была одна из самых прекрасных площадей...* (А. Макушинский, 2012), щербатой: *Он торопился по щербатой площади...* (В. Шапко, 2014), уютной: *...по его извилистым улочкам и уютным площадям...* (А. Рейнеке, 2015), некрасивой: *...какие бывают на некрасивых и пустых, советской постройки площадях...* (О. Славникова., 2014-2016).

Предметно-понятийные соответствия. На материале НКРЯ были также установлены предметно-понятийные корреляции. По принципу дополнительности *площадь* сочетается с другими элементами городского пространства, и в первую очередь с улицами, поскольку в структуре города площади возникали в местах пересечения улиц: *...привокзальную площадь и прилегающие улицы...* (Б. Васильев, 1990-2000), затем с проспектами: *...огромные площади, широкие проспекты...* (А. Трушкин, 1990-2002), вокзалом: *на площади трех вокзалов...* (В. Пьещух, 2000), ратушей, домами: *...городом: с рыночной площадью, с ратушей, с тесно прижатыми друг к другу домами...* (А. Житков, 2000), дворами, переулками: *...целый город, с площадями, дворами и переулками* (В. Попов, 2000), рынком: *...а вот и Нахичеванский рынок, и площадь Карла Маркса...* (А. Ростовский, 2000), сувенирными лавками, ресторанами: *Сувенирные лавки, ресторанчики, крохотные торговые площади* (Д. Рубина, 2000), бульварами: *...знал его бульвары и площади...* (Д. Маркиш, 2001), аэропортом: *...на привокзальной площади аэропорта...* (А. Измайлов, 2001), районом: *...я пойду на любую площадь, в любой район* (Т. Набатникова, 2001), стадионом: *...у толпы, запрудившей вначале площади, стадионы...* (В. Алейников, 2002), скверами: *...с площадей и куцых скверов...* (Д. Емец, 2002), небоскребами, парками: *...не знать названий небоскребов, парков, площадей* (В. Месяц, 2002), мостом: *... площадь, мост этот гигантский на Васильевский остров* (А. Столяров, 2002), дворцами и фонтанами: *Фонтаны, площади, дворцы – кино!*

(Н. Кожевникова, 2003), административными зданиями: *...рядом с центральной площадью и административными зданиями* (Г. Садулаев, 2009), цирком: *...там была рыночная площадь и гигантское кольцо Цирка* (В. Пелевин, 2011).

Таким образом, с *площадью* в основном ассоциируются элементы открытого городского пространства (улицы, проспекты, дворы, переулки, бульвары и др.), а также объекты, его наполняющие (вокзалы, рынки, рестораны, административные здания, стадионы, небоскребы и др.). Кроме того, упоминаются различные мероприятия и действия, которые проходят на площадях – парады: *...парады на Красной площади...* (А. Терехов, 1997-2008), митинги: *Сначала был митинг на Манежной площади* (В. Белоусова, 2000); салюты: *На площадях – салюты...* (Е. Гришкoveц, 2004), гуляния: *Площадь, где проходили гуляния на узбекских праздниках...* (Д. Рубина, 2006).

Неотъемлемой частью площади также является памятник, без которого образ площади кажется незавершенным. Еще в Древней Греции жители городов сочли площадь, ее ровное обширное пространство, подходящим местом для установки какого-то памятника или памятного знака. Памятник является зоной притяжения людей на площади, местом встреч и ориентиром для гостей города. Неслучайно в художественных текстах XXI в. встречаются неоднократные упоминания памятников на площадях: *... в центре маленькой площади стоял памятник легендарному полководцу* (Н. Дежнев, 2009), *Такая же история приключилась и с памятником Лермонтову, который одно время стоял на центральной площади города вместо памятника Сталину* (М. Бару, 2013); *Оказалось, самый радиоактивный объект города – памятник приморским партизанам на центральной площади, облицованный гранитом* (В. Авченко, 2015). При этом самым распространенным памятником на площадях российских городов является монумент вождю Октябрьской революции В.И. Ленину: *Слухи о том, что памятник Ленину на центральной площади уберут, рождались каждый апрель* (С. Таранов, 2001); *Пересечение проспектов Гагарина и 50-летия ВЛКСМ образовывало небольшую площадь с бронзовым трехметровым Лениным* (М. Елизаров, 2007); *...площадь с Лениным и универмагом...* (Е. Колина, 2011); *...были, в городишках пустынно-бульжные площади, где неизбежный Ильич шурился на нас с постамента...* (А. Макушинский, 2012).

Пропозициональная модель, построенная на подкорпусе художественных текстов XXI в. НКРЯ, дает информацию о разнообразии приложимых к *площади* действий-предикатов в зависимости от их позиции в синтаксической структуре высказывания. *Площадь* может находиться в позиции субъекта (носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния) и объекта (того предмета, на которое

направлено действие) [Шведова 1980]. Кроме того, она может являться локативом – местом, где происходит действие.

В функции семантического объекта к *площади* приложимы следующие предикаты – пересекать (27): *Когда пересекал рыночную площадь...* (Г. Яхина, 2018), обойти (9): *...решили обойти несколько площадей...* (Д. Рубина, 2015), миновать (8): *...Бах миновал рыночную площадь...* (Г. Яхина, 2018), перейти (5): *Потом мы перешли площадь трех вокзалов...* (Д. Филиппов, 2009), заполнить (4): *...выбежали, заполняя площадь...* (Р. Амосов, 2012), объехать (3): *...объезжая огромную площадь с обелиском* (Р. Вереск, 2015), окружить (3): *...медленно окружали площадь...* (М. Бару, 2013), перебежать (3): *...перебежала Дворцовую площадь* (Н. Александрова, 2010), проехать (3): *...проезжая площадь с рынком...* (А. Русских, 2019), запрудить (2): *...запруживая привокзальную площадь...* (Г. Зеленина, 2014), обогнуть (2): *...обогнув Славянскую площадь...* (С. Данилюк, 2004), покинуть (2): *Мягкое солнце покидало площадь...* (Д. Рубина, 2015), пройти (2): *Пройдя площадь, он так же торопливо шел...* (В. Шапко, 2014), проскочить: *...наспех проскочили главную площадь...* (Д. Бендицкий, 2006) и т.д.

При этом значение объекта может конкретизироваться, например, объект, на который распространяется действие, объект речи, мысли, чувства, восприятия, удаления или приближения, желания, ожидания, предмет эмоционального отношения, орудие или средство действия и др. Так, *площадь* в основном выступает в функции объекта удаления или приближения: к *площади* катятся: *Поток машин покотился к площади...* (А. Волос, 2000), бегут: *Мне выпало бежать к площади* (Н. Климонтович, 2001), выходят: *...выхожу к площади Льва Толстого...* (Е. Чижова, 2002), сворачивают: *Голев свернул к площади...* (А. Матвеева, 2002), шагают: *Голев уже шагал к площади...* (А. Матвеева, 2002), бредут: *...и побрела к площади Восстания* (А. Иличевский, 2007), двигаются: *...передали команду двигаться к площади* (Р. Амосов, 2012), подползают: *Пробка подползла к площади...* (А. Иванов, 2012), приближаются: *Уже приближаясь к площади...* (М. Кучерская, 2012).

От площади плетутся: *...плелась от площади Тевелева...* (М. Блехман, 2012), спускаются: *...нужно спуститься от площади...* (М. Блехман, 2012), уходят: *...граждане поспешно уходили от площади...* (О. Славникова, 2017).

С площади выезжают: *...выезжаю с площади* (В. Кунгурцева, 2007), уходят: *...не ушел с площади* (С. Алексиевич, 2013), выталкивают: *...вытолкали с площади взашей* (Б. Евсеев, 2010), вытесняют: *Всех аккуратно вытеснить с площади!* (А. Пашкевич, 2013), выходят: *Выйдя с площади...* (П. Рейнеке, 2015), исчезают:

...быстро исчезали с площади и окрестных улиц (Д. Рубина, 2015), сходят: ...сойти с площади на улицу... (Д. Кирилук, 2015).

В случае, когда *площадь* выступает в функции локатива, к ней приложимы следующие предикаты: стоять (16): ...стоящая на площади Маяковского... (М. Бару, 2015), собираться (4): ... снова собрались на площади (В. Никитин, 2019), митинговать (3): ...до тысячи митингует на площади... (А. Пашкевич, 2013), оказываться (3): ...со свитой оказаться на площади... (М. Аницкая, 2015), находиться (2): ...находящуюся на площади Индиры Ганди (А. Уткин, 2007), ночевать (2): Нам надо было дневать и ночевать на площадях (С. Алексиевич, 2013), петь (2): ...как поют на площади перед дворцом... (В. Михальский, 2005), появляться (2): Кто-то другой появился на площади (О. Рэйн, 2015), гулять: ...погулять на площади у вокзала... (О. Павлов, 2001), продавать: ...люди, продающие на площади всякую ерунду... (Д. Донцова, 2004), ждать: Пусть Людочка ждёт на площади (К. Шаинян, 2007), встречаться: Мы с Аркашей встречались на площади... (А.А. Андропова, 2008), гарцевать: ...гарцевал на площади... (В. Березин, 2012), выступать: Она выступал на площади... (С. Алексиевич, 2013), играть: Оркестр играет на площади... (К. Букша, 2013), танцевать: ...ей предстояло танцевать на площади... (О. Славникова, 2014-2016).

В функции семантического субъекта *площадь* пустеет (4): Вокзальная площадь вскоре опустела (А. Иличевский, 2000), пустует (2): Площадь пустовала (А. Чиж, 2012), краснеет: ...как вся площадь постепенно краснеет от человечей и звериной крови... (А. Иванов, 2000), оглашается: ...и площадь огласилась радостными криками (Н. Желунов, 2007), суетится: Совсем внизу суетилась площадь... (А. Уткин, 2007), вмещает: Ее с трудом вместила просторная площадь... (В. Баевский, 2008), открывается: За спиной девицы открывалась заснеженная площадь... (Л. Элтанг, 2012), выглядит: ...примерно так же, должно быть, выглядела площадь... (Е. Чижев, 2012), обозревает: Вся площадь обозревала нас (Б. Клетинич, 2015) и др.

Употребление *площади* в функции семантического субъекта служит источником для формирования предикативных метафор, в которых задано свойство, но требуется установить, кому оно принадлежит. В метафорической проекции *площадь* нередко переосмысливается в сознании горожан как некое живое существо, жидкость, сосуд, пласт земли, картина, некое природное явление. Зачастую подобная концептуализация площади настолько укореняется в обыденном сознании и становится нам привычной, что мы уже не замечаем этой метафоричности.

По аналогии с жидкостью – перетекает: Площадь перетекала в пешеходную улицу... (З. Прилепин, 2006), закипает: Площадь закипала

(В. Пелевин, 2011); по аналогии с сосудом – наполняется: *Когда площадь наполнилась...* (Е. Водолазкин, 2009), переполняется: *...все улочки и маленькая площадь Старого Города переполняются принарядившимися обитателями...* (С. Каф, 2011); по аналогии со снегом – похрустывает: *...было слышно, как похрустывает площадь, трется друг о друга брусчатка* (А. Проханов, 2001), хрустит: *Хрустела свежим снегом Кремлевская площадь...* (А. Пашкевич, 2013); по аналогии с поверхностным пластом земли – сползает: *Гостиница оказалась на площади, сползавшей к Дунаю* (В. Скворцов, 2001); по аналогии с картиной – разворачивается: *Площадь разворачивалась сразу за длинным, давно заколоченным дощатым ларьком...* (Д. Рубина, 2006); по аналогии с природным явлением – растворяется: *Сенная площадь растворилась в сером свете ночи* (А. Чиж, 2012).

Таким образом, приходим к следующим выводам:

- данные Национального корпуса русского языка содержат информацию о том, как в русской языковой картине мира осознается и воспринимается *площадь* в пространстве города;

- пропозициональные установки, задающие наше знание о *площади* как элементе открытого городского пространства, содержат информацию о том, что в синтаксической структуре высказывания она может находиться в позиции субъекта, объекта и локатива. В функции семантического объекта к *площади* приложимы предикаты *пересекать, обойти, миновать, перейти, заполнить, объехать* и др.; в функции семантического субъекта – *пустеть, краснеть, ликовать, суетиться, открываться* и др.; в функции локатива – *стоять, собираться, митинговать, оказываться, находиться* и др.;

- *площадь* определяется по размеру, конфигурации, предназначению и расположенным на ней и вблизи нее сооружениям, наполненности, местоположению, значимости, типу покрытия, степени освещенности, звуковому впечатлению, оценочной квалификации, степени освоенности;

- в отношении дополнительности *площадь* входит чаще всего с другими элементами городского пространства (улицами, проспектами, дворами, переулками и др.), а также объектами, его наполняющими (вокзалами, рынками, ресторанами, административными зданиями и др.);

- в метафорическом представлении *площадь* определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в том числе «жидкость», «сосуд», «пласт земли», «картина», «природное явление», о чем свидетельствуют присоединенные предикаты вида *закипеть, наполняться, хрустеть, сползть, разворачиваться*.

Данные наблюдения показывают, что площади являются своего рода «узлами», формирующими облик города, раскрывающими его сущность и влияющими на перемещение в нем людей, которые движутся чаще в направлении к площади, нежели от нее, поскольку площадь является

общественным центром города. При этом площадь часто воспринимается метафорически как субъект (живой или неживой предмет), способный действовать, то есть происходит перенос значения по смежности в первую очередь с людьми, ее наполняющими.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – Москва: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 3298 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2023).

Ненько А.Е. Социологические методы изучения общественных пространств. – СПб.: Университет ИТМО, 2020. – 55 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: «Прозерпина» ТОО «Школа», 1994. – 400 с.

А.Р. Бутешова (Бишкек)

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Язык играет важную роль в формировании культурной и социальной идентичности людей. Он не только служит средством общения, но и формирует наше восприятие мира и влияет на наше сознание. В этой статье мы рассмотрим проблему языкового сознания носителей кыргызского языка и выявим ключевые аспекты этой проблемы.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая и культурная идентичность

Abstract. Language plays an important role in shaping people's cultural and social identity. It not only serves as a means of communication, but also shapes our perception of the world and influences our consciousness. In this article we will consider the problem of language consciousness of Kyrgyz language speakers and identify the key aspects of this problem.

Keywords: language consciousness, linguistic and cultural identity

Язык является неотъемлемой частью культурного и социального контекста общества. Он не только служит средством общения, но и формирует языковое сознание, которое влияет на восприятие мира и образ жизни носителей этого языка.

Понятие «языковое сознание» в лингвистике относится к идеям, связанным с тем, как язык влияет на наше восприятие и мышление, а также на нашу способность коммуницировать. Языковое сознание описывает осознанное восприятие и понимание языка как явления, включая знание о правилах грамматики, семантике, структуре предложений и т.д. Оно также может включать в себя сознание о культурных и социальных аспектах

языка. Понятие языкового сознания стало активно изучаться в лингвистике с начала XX века, и разные авторы внесли свой вклад в исследование данного понятия.

Одним из ранних авторов, который занимался исследованием языкового сознания, является Леонтьев Алексей Николаевич (1903-1979). Он работал в области психолингвистики и развития концепции «психического отражения», которая включает в себя вопросы о восприятии и осознании языка.

Исследование языкового сознания продолжается и в современной лингвистике, и это понятие является важной частью психолингвистических исследований, а также исследований когнитивной лингвистики. Следует отметить таких ученых лингвистов, как Н.В. Уфимцева, А.А. Залевская, И.А. Стернин, Т.Н. Ушакова, В.В. Красных и др., работы которых внесли огромный вклад в развитие языкознания и когнитивной лингвистики.

В Кыргызстане вопросами языкового сознания занимались такие ученые лингвисты, как М.Дж. Тагаев, М.И. Лазариди, К.З. Зулпукаров, У.Дж. Камбаралиева, З.К. Дербишева, А.Н. Сыдыков и др. Особый интерес вызывают исследования, проводимые в сопоставительном плане, когда рассматривается языковое сознание двух и более этносов.

Вопросы о проблеме языкового сознания носителей кыргызского языка как никогда актуальны сегодня. Это проблема, требующая внимания ученых и их усилий, ее решение непосредственно влияет на образование, культуру и общество Кыргызстана.

Кыргызский народ традиционно был кочевым и взаимодействовал с природой на протяжении многих поколений. Это отразилось в их языке и языковом сознании. Кыргызский язык содержит богатую лексику, связанную с природой, скотоводством и пастбищами. Эти темы играют важную роль в культуре и менталитете кыргызов.

Сохранение и развитие кыргызского языка имеет важное значение для культурной и языковой идентичности кыргызского народа. Совместными усилиями общество, правительство и образовательные учреждения делают всё, чтобы решить эту проблему и обеспечить будущее для кыргызского языка.

Кыргызский язык богат историей и культурой, но, как и многие другие языки в историческом контексте, он также подвергался влиянию различных языков и культур на протяжении веков. Важно отметить, что воздействие этих языков и культур оказало разнообразное влияние на кыргызский язык. В результате этого воздействия носители кыргызского языка столкнулись с проблемой сохранения и развития своего родного языка.

Как известно кыргызский язык является частью семьи тюркских языков и, следовательно, имеет общие лингвистические корни с другими тюркскими языками, такими как турецкий, узбекский, таджикский,

казахский и другие. Общее происхождение с этими языками влияет на грамматику, лексику и структуру предложений в кыргызском языке. Это влияние особенно заметно в регионах, граничащих с соседними странами. Наблюдения и социологический опрос показывают, что языковое сознание жителей южной части Кыргызстана во многом вообрало в себя язык и традиции соседнего Таджикистана, на западе – влияние узбекского языка и культуры. Данное явление проявляется не только в речи, но и в манере поведения, находит свое отражение в традициях и культуре, в одежде, в образовании, начиная с дошкольного образования.

Мы сами на практике столкнулись с тем, что при подготовке учебных пособий по русскому и кыргызскому языкам было выдвинуто требование переводить не только на кыргызский, но также на узбекский и таджикский языки, так как имеются школы с узбекским и таджикским языками обучения. Встречаются исследовательские работы и статьи молодых ученых, в которых авторы невольно начинают приводить примеры из узбекской или таджикской культуры, выдавая его за кыргызскую, так как для них это стало неотделимой частью их менталитета и языкового сознания, частью их жизни, и они не видят особой разницы между двумя разными культурами.

В период советской эпохи русский язык стал языком межнационального общения, образования и административной документации в Кыргызстане. В связи с этим наблюдаются заимствования ряда русских слов и выражений в кыргызском языке, влияние русской культуры на кыргызскую культуру.

Проведенный социологический опрос показывает, что несмотря на то, что на данный период среди местных жителей нет такого количества русскоязычных местных жителей, как в советское время, однако влияние русского языка и культуры до сих пор большое, так как все это прививается в школе, затем в вузе, и уже совершенно незаметно для себя каждый человек стремится немного упростить культуру и традиции кыргызского языка за счет перехода на русский.

Рассмотрим это на примере проведения свадебного обряда. Городское население в своем большинстве живет, можно сказать, по русским традициям, которое считается более упрощенным. В городе родители молодых договариваются завершить всю церемонию в один день на свадьбе в большом кафе или ресторане, отказываются от «киитов» – это подарки для родных невесты, начиная от бабушки с дедушкой и заканчивая младшим братом или сестрой. Некоторые семьи отказываются от выплаты калыма и, следовательно, от приданого за счет проведения совместной свадьбы. Невесты надевают белые свадебные платья, до кафе идут на «гулянку по городу» и завершают всё свадебным застольем в кафе. Собирают самый близкий небольшой круг родственников и друзей, максимум до 100 человек.

В деревнях наблюдается смешение культур русской и кыргызской, так как старшее поколение, соблюдая все традиции прошлого, стараются сделать все по принятым правилам, сначала привозят невесту домой: или по договоренности, или крадут по старым обычаям. В первый же день делают «нека» (мулла читает молитву, спрашивает согласие молодых и благословляет данный брак), затем приглашают всю родню и проводят той, в котором не участвуют родственники со стороны невесты. После проведенного тоя идут на поклон к родителям невесты с подарками и калымом. По кыргызским традициям родители и родственники невесты не участвуют в тое, иногда они узнают о том, что их дочь украли именно в тот момент, когда приходят сваты, говоря «кулдугубуз бар», что означает, что они готовы на все, потому что взяли их дочь в свою семью. В течение двух дней старшие снохи невесты и брат приезжают с приданым, знакомятся с новыми родственниками, чтобы потом рассказать родителям о том, в какую семью попала их дочь. Если семья может позволить, то по просьбе молодых проводят свадьбу и уже туда приглашают гостей со стороны невесты, человек 20-25. Таким образом, смешивая две культуры и две разные традиции проведения данного обряда, семья жениха претерпевает большие затраты, так как обычно на такие свадьбы приходят минимум 200-250 человек только со стороны жениха, потому что он полностью сам проводит свадьбу. Такое смешение культур можно привести и на примере других традиций и обычаев.

Влияние арабского и персидского языков становится ощутимым в Кыргызстане. Множество арабских и персидских слов и терминов вошли в лексику кыргызского языка, особенно в области религии и культуры. За последний период (5-6 лет) было построено очень много мечетей. Появилась такая новая модная традиция, как проведение «ифтара» во время поста Рамазан. Много молодых людей стали ходить в мечети по пятницам на пятничную молитву, это отражается и на работе, потому что они начинают просить перерыв для молитвы, в это время даже некоторые врачи в частных клиниках не принимают пациентов, т.к. это время для молитвы. Многие женщины стали покрываться, хотя ношение хиджаба никогда не было традицией кыргызского народа. Некоторые религиозные семьи заставляют маленьких детей носить хиджаб, несмотря на то, что страна светская, и в школах это не приветствуется. Очень горько наблюдать за тем, как родители таких детей отказываются от новогодних подарков для детей в школе, говоря, что им «религия не позволяет». А их дети вынуждены наблюдать за тем, как их одноклассники радуются полученным подаркам.

Результаты проведенного опроса «о ношении хиджаба» показали, что не все женщины приходят к этому осознанно. Многие из них начинают носить хиджаб и молиться, потому что попали в такую среду, где все соседи или родственники покрытые, и они испытывают неудобства,

находясь рядом с ними, поэтому невольно следуют их примеру. Среди молодежи это считается новым стилем в одежде. И лишь немногие говорят, что они почувствовали, что должны так сделать, что так им спокойно и хорошо. Но на вопрос о том, что это не являлось никогда культурой кыргызского народа, они пожимают плечами. Так постепенно и меняется языковое сознание и менталитет кыргызского народа.

С развитием глобализации и доступностью мировых медиа и интернета, следует сказать и о влиянии английского и других иностранных языков на кыргызский язык и языковое сознание молодого поколения, в основном на подростков. Заимствование иностранных слов и фраз, подражание в манере общения, в стиле ношения одежды стало распространенным явлением среди старших школьников и студентов. В их разговоре очень часто проскальзывают слова «хэштег», «абьюзеры», «лайкать», «вайб» и многое другое.

Все культурные аспекты, такие как традиции, обычаи, религиозные обряды и искусство, также оказывают влияние на языковое сознание носителей кыргызского языка. Эти влияния формируют особенности языка и его специфические нюансы.

Важно отметить, что воздействие этих языков и культур на кыргызский язык имеет множество аспектов, и оно как обогащает язык новыми элементами, так и представляет вызовы для сохранения его уникальной идентичности.

Одной из основных проблем языкового сознания носителей кыргызского языка является низкий уровень грамотности на родном языке. В целом данная проблема наблюдается в городской среде, и лишь в отдельных районах сельской местности, где есть русские школы или классы. Многие молодые люди предпочитают использовать в основном русский язык в повседневной жизни и в образовательных целях, стремятся выучить английский язык или очень модно стало изучать китайский язык. Это может привести к постепенной утрате богатства и культурного наследия кыргызского языка. Так как общеизвестно, что с изучением языка мы также изучаем и принимаем культуру того языка и стараемся бессознательно подчиняться ей.

В образовательной сфере также наблюдается проблема с использованием кыргызского языка. Многие учебные заведения предоставляют обучение на русском или английском языке, появились школы с турецким и китайским языком обучения, что снижает мотивацию молодежи изучать кыргызский язык. Политическая обстановка в стране заставляет молодежь задуматься о своем будущем и о будущем своих детей за пределами страны, что и мотивирует их уделять больше внимания изучению иностранных языков, нежели изучению родного кыргызского языка. Например, в Бишкеке очень мало кыргызских детских садов, в русских детских садах не открываются кыргызские группы, так как все

родители стараются отдать детей в русские группы, говоря, что кыргызский язык они могут выучить и дома. Родители считают нужным отдать ребенка в русскую школу, говоря, что обучение на русском языке даст их детям больше возможностей в будущем. И очень участились случаи, когда отдают в первый класс ребенка, плохо говорящего на русском языке, а его родители и вовсе не говорящие. Таким образом родители сами хотят поменять языковое сознание и менталитет своего ребенка.

Несмотря на все выше сказанное, сохранение кыргызского языка имеет большое значение не только с образовательной и культурной, но и с социальной и экономической точки зрения. Язык играет ключевую роль в формировании идентичности нации и обеспечении коммуникационных потребностей внутри страны. Без языкового сознания и навыков на кыргызском языке носители могут столкнуться с проблемами в трудоустройстве и общественной жизни. Хорошее знание кыргызского языка может открыть двери для работы в государственных учреждениях, культурных и образовательных организациях, а также в сферах, связанных с туризмом и культурным наследием.

Сохранение языка способствует развитию литературы, искусства и культурных выражений, приводит к более глубокому и разнообразному социокультурному развитию общества.

Все эти факторы подчеркивают важность сохранения кыргызского языка как ключевого элемента культурной и социальной структуры Кыргызстана, а также как средства укрепления национальной идентичности и содействия устойчивому развитию страны. Вследствие этого существуют различные учреждения и программы, направленные на поддержку и развитие кыргызского языка и культуры.

Исследование языкового сознания в контексте кыргызского менталитета может быть интересным направлением для лингвистов и антропологов. Языковое сознание отражает специфические культурные и ментальные особенности сообщества, и его изучение может помочь понять, как язык влияет на восприятие мира и самоопределение группы.

Однако сохранение двуязычия в рамках многоязычного общества способствует многоязычной грамотности, что может быть полезно для международных связей и культурного обмена.

Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М., 1998. – С. 35–55.

Камбаралиева У.Дж., Зайнидинова Г.Ш. Этнокультурная специфика понятия длины в языковом сознании киргизов // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: «ООО РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 16-19.

Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж: РИТМ, 2021. – 220 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 135-170.

Ушакова Т.Н. Природные основания речезыковой способности // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 7-23.

Н.Е. Захарова (Якутск)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «ТЯА КИИТЭ/ДОЛГАН»: КОНЦЕПТ «КИИ/ЧЕЛОВЕК» И «ТЯА/ТУНДРА»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-09-00257А «Хатанго-Анабарский регион в XX – начале XXI века: антропология культурного ландшафта»; НИР по госзаданию FWRS -2021-0030 «Вербальные традиции коренных малочисленных народов севера: документирование, описание, систематизация»

Аннотация. Хатанго-Анабарский регион – уникальное полиэтническое пространство, в котором исторически сложились свои алгоритмы мирного и созидательного сосуществования разных этносов. Выявление этого алгоритма, своего рода неких точек соприкосновения контактирующих культур, важно не только для реконструкции и описания национальной картины мира этноса, но и для дальнейшего успешного развития языка и культуры. С этой точки зрения, исследование культурно-языкового ландшафта представляется нам актуальной. В долганском языке семантика слова *тяа* связана и с их самоназванием: *тяа кихитэ* как самоназвание употребляется чаще всего в сочетании с определяемыми *кихи* (человек), *дьон* (народ) и *хир* (земля): *тяа дьоно* «долганы», *тяа хирэ* «земля долган» (*тяа* указывает на национальность, а не на пространство). Есть и другое значение *тяа кихи* – кочевые люди.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, семантическое значение слова, языковое сознание долган, культурно-языковой ландшафт, полиэтническое пространство

Abstract. Khatango-Anabar region is a unique multiethnic space, which historically has its own algorithms for peaceful and creative coexistence of different ethnic groups. The identification of points of contact between contacting cultures is important for the reconstruction and description of the national picture of the world of the ethnos, for the further successful development of language and culture. From this point of view, the study of the cultural and linguistic landscape seems relevant to us. In the Dolgan language, the semantics of the word *tya* is also connected with their self-designation: *tya kihite* as a self-designation is used most often in combination with the defined *kihi* (person), *djion* (people) and *hir* (land): *tya djiono* dolgans, *tya hire* dolgan land (*tya* indicates nationality, not space)). There is another meaning of *tya kih* — nomadic people.

Keywords: associative experiment, semantic meaning of the word, Dolgan language consciousness, cultural and linguistic landscape, polyethnic space

Хатанго-Анабарский регион – уникальное полиэтническое пространство, в котором исторически сложились свои алгоритмы мирного и созидательного сосуществования разных этносов. Выявление этого алгоритма, своего рода неких точек соприкосновения контактирующих

культур, важно не только для реконструкции и описания национальной картины мира этноса, но и для дальнейшего успешного развития языка и культуры. С этой точки зрения, исследование культурно-языкового ландшафта представляется нам актуальной.

Обратимся к языку не просто как к средству общения, рассмотрим его как систему, состоящую из значения и знака. Язык отображает социокультурную действительность. И в нем существуют архетипы и константы, в значениях которых заложен весь опыт предков. На них и держится этническая культура. Содержание постоянных концептов можно описать с помощью ассоциативного эксперимента. Он является методом реконструкции языкового сознания, позволяющий максимально приблизиться к ментальному лексикону, вербальной памяти и культурным стереотипам человека. Реконструированная с помощью ассоциативного эксперимента модель лексикона представляет собой систему пересекающихся ассоциативных полей. Ассоциации дают возможность исследовать содержащуюся в сознании говорящих картину мира. Из ответов-реакций носителей языка на одно слово-стимул формируется ассоциативное поле. Содержание АП в разных языках говорит о совпадении или несовпадении образов мира разных культур.

Итак, в долганском языке семантика слова *тыя* связана и с их самоназванием: *тыя кихитэ* как самоназвание употребляется чаще всего в сочетании с определяемыми *кихи* (человек), *дьон* (народ) и *хир* (земля): *тыя дьоно* «долганы», *тыя хирэ* «земля долган» (*тыя* указывает на национальность, а не на пространство). Есть и другое значение *тыя кихи* – кочевые люди.

В связи с этим хотелось остановиться немного и на самом этнониме. В данный момент происходит процесс смены этнонима «һака» на «долганин»/«долганка» в официальных документах жителей Таймыра. Большинство представителей старшего поколения, рожденные до 50 – 60-х гг. XX века, в свидетельствах о рождении и в паспортах были зарегистрированы как «саха». В местной администрации есть специальная памятка с ответом на вопрос о том, как изменить национальность родителей на «долганина» и «долганку», если в свидетельстве о рождении они указаны как «саха». Смена записи «саха» на «долган/долганка» производится решением суда. Большую помощь в оформлении необходимых документов оказывают территориальные органы, находящиеся в поселках и ассоциации коренных малочисленных народов Севера. В интервью старожил таймырского пос. Сындасско высказал свои мысли по этому поводу: «Всю жизнь, более 70 лет, я был һака, и вот только последние три года я стал долганом». При этом представители старшего поколения порой отмечают, что данные изменения были приняты без учета их волеизъявления. Примечателен тот факт, что при непосредственном общении жители с. Сындасско чаще используют

этноним «һака», «һакалыы» (в противопоставлении «дьокуут», «дьокууттуу»), когда общаются на родном языке, в особенности это касается представителей старшего и среднего поколений. Если разговор идет на русском языке, то чаще употребляется этноним «долган», «долганин», «долганский».

Согласно данным этносоциологических исследований, проведенных на Таймыре, наряду с этнонимом «долганы» на Таймыре в разговорной речи большинство респондентов продолжают использовать этноним «һака» (63,7%), «саха» (7,4%), «тыя» (7,5%) [Кривоногов 2014].

Во время полевых исследований нами был проведен анкетный опрос. В нем предлагалось самому вписать свою национальную принадлежность, национальность матери и отца. По результатам опроса было выявлено, что есть также некоторая разница в обозначении своей национальности. Так, в пп. Попигаи, Хатанга и Сындаско Хатангского района Красноярского края большинство респондентов мужского пола (представителей долганского этноса) национальную принадлежность обозначили как **долганин (75,6%)** и **долган (24,4%)**. А в Анабарском районе Республики Саха (Якутия), где процесс оформления официальных документов практически закончен, функционирует этноним **долган (97,4%)** и **долганин (2,6%)**.

Таким образом, самоназвания *һака*, *тыя киһи* в значении этнонима **долган** на территории Хатанго-Анабарского региона, где компактно проживают этнические долганы, все еще сохраняются.

Рассмотрим семантическое поле *тыя киһитэ* (долган), туда вошли следующие стимулы: *киһи* (человек), *тыя/тундра*.

Для сравнения языковых сознаний населения долганских сел и русских, якутов и эвенков, живущих в другом языковом пространстве, мы использовали региональный ассоциативный словарь якутского языка [Ассоциативный словарь якутского языка. URL: <http://www.adictsakha.nsu.ru/dict>]. В качестве эталона русского языкового сознания были использованы материалы «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный словарь 2002] и «Эвенкийский ассоциативный словарь: эвенки Якутии» [Эвенкийский ассоциативный словарь 2022]. В нашем исследовании применяются сокращения, которые получают следующие обозначения: ТД – долганы Таймыра, АД – долганы Анабара, Адр – другие народы (эвенки, саха) Анабар, ОЭ – якутоязычные эвенки Оленекского улуса Якутии, РАС – русское языковое сознание, ЯАС – якутское языковое сознание, – эвенкийское языковое сознание.

На стимул *киһи* (человек) было получено 57 разных реакций, из которых 34 единичных употреблений и 3 отказа от ответа. Остальные реакции распределили по их семантическому значению и выявили ядро (от 5% и выше) и ближнюю периферию (2%-5%) этого концепта:

человек/киһи 21%

эр/эр киһи/мужик/мужчина/дьээдьэ 8%
доҕор/друг/атас 7%
улакан/улахан/дорубай/большой/здоровый/модьу 5%
дьактар/дьахтар/женщина 4%
дьон/дьоннор/люди 4%

Сравним с содержанием этого же концепта с соседями ОЭ.

На стимул *киһи* (человек) было получено 73 разных реакций, из которых 55 единичных употреблений и 6 отказов от ответа. Ядро и ближняя периферия получается следующая:

дьон/дьоннор (люди) 7%
киһи/человек 6%
доҕор/табаарыс/друг 5%
эр/эр киһи (мужчина) 4%

Для сравнения также рассмотрим ядро и ближнюю периферию эвенкийского языкового сознания (ЭАС). Оно представлено на двух языках (эвенкийском и русском) и четко выявляется древний архетип: *Бэ* (человек-мужчина) – это охотник, охотник на копытных зверей, охотится, медведь (может охотиться и на него), идет, ходит, ходить; работают, работает; оленевод, оленей (имеет), оленей пасет, дорога (находится чаще в дороге):

ая/хороший 9%
мужчина/мужик 8%
человек 7%
хэгды/большой 7%
бултāмнй (охотник)/бултāдяра (охотятся) 4%
хавалдяра (трудятся) 4%

Человек в русском языковом сознании (РАС) – это *невидимка* 4% и *амфибия* 3%, это словосочетания, ставшие устойчивыми по названию популярных произведений «Человек-невидимка» и «Человек-амфибия». Присутствуют такие оценочные характеристики человека, как *хороший* 4%, *добрый* 3%, *умный* 2%, *большой* 2%.

Многочисленными и высокочастотными реакциями являются на якутский *Киһи* (человек) (ЯАС) *сүдһү* (скот) 5%; *кыыл* (животное) 2% и на русский *Человек – животное* 2%, *зверь* 2%, *обезьяна* 2%, *ыт* (собака) (0,8%); а также *разумный* 3% и *өйдөөх* (умный/разумный) 2%. Таким образом, если в якутском и русском языковом сознании человек и животное являются чем-то единым, то у эвенков *бэ* (человек) прежде всего это *человек* (10%).

В якутском языковом сознании *Киһи* (человек) ассоциируется с *дьон* (люди) 8%; *аймах* (родня) 5%; *киһи* (человек) 3%; обозначения человека – *эр киһи* (мужчина) 3%; *мин* (я), *эр* (мужчина) 2%; *тыыннаах* (живой) 2%.

При сопоставлении языкового сознания контактных этносов русских, якутов, эвенков и населения Хатанго-Анабарского региона – долган,

выявлено разное количество совпадений в ядрах концептов, соответствия и различия в стратегиях ассоциирования. Так, например, русское языковое сознание больше дает оценочные характеристики *человеку*, якутское языковое сознание больше собирательных образов и обозначений самого *человека*. Ближе всего содержание концепта эвенкийского языкового сознания, оленекских якутоязычных эвенков (ОЭ) и долган. Это вполне закономерно, так как тип хозяйствования и образ жизни у этих народов схож. Прослеживается такая особенность – в содержании концептов эвенков и долган нет реакций, обозначающих животных, кроме объектов промысла (*кыыл* (зверь), *бэюн* (копытный зверь) и *олений*). Так же у эвенков ЭАС, как и у долган, собирательные образы (*люди, народ, общность* и т.п.) не входят в ядро, т. е. низкочастотные.

Таким образом, для населения Хатанго-Анабарского региона, *киһи* (человек) это: 1) человек вообще, независимого рода занятий, родственной принадлежности, разумный, друг, ходит на ногах, с руками и лицом; 2) большой, здоровый и крепкий, мужчина или женщина, занимающиеся какой-то деятельностью; 3) долган или долганка – люди хака.

Второй концепт *Тыа/Тундра* рассмотрим по-отдельности *Тыа* и *Тундра*. В ходе наблюдений и при разговоре с информантами были обнаружены некоторые особенности употребления этих двух слов.

На стимул *тыа* было получено 18 разных реакций, из которых 10 единичных употреблений и 1 отказ от ответа. Ядро и периферия:

Тундра 80%

киэн/улакан/нэлэмэн/ ыраас 6%

ойуур 3%

Һирэ 2%

булт/бултуубут 1,5%

дэриэбинэттэн таҕыстын да/ дэриэбинэ таһа 1,5%

мас 1,5%

таба 1,5%

Сравним с ближайшими территориальными соседями из лесотундры ОЭ.

На стимул *тыа* было получено 49 разных реакций, из которых 22 единичных употреблений и 3 отказа от ответа. Остальные реакции распределили по их семантическому значению и выявили ядро (от 5% и выше) и ближнюю периферию (2%-5%) этого концепта:

Ойуур 34%

мас/мастар/мастаах ойуур/хойуу мас 10%

айылҕа 5%

лес 3%

сир/сирэ 3%

Отличие содержания концепта, стоящего за словом *Тыа*, в языковом сознании жителей соседнего Оленекского эвенкийского национального района и жителей Хатанго-Анабарского региона явно. Тут разница скорее

не в семантике слова, а в окружающем ландшафте: якут. *тыя* (лес, тайга) это прежде всего «*ойуур* (непролазная тайга)», тогда как у долган *тыя* это в первую очередь *тундра*. Но если разобрать содержание концептов, то можно вывести следующее значение слову *тыя* – это природное пространство жизнедеятельности человека, которое находится за пределами жилого сектора.

80% респондентов населения Хатанго-Анабарского региона на слово-стимул *тыя* дало реакцию *тундра*. Рассмотрим, есть ли отличия в содержаниях этих концептов.

На стимул *тундра* получено 47 разных реакций, из которых 25 единичных употреблений и 23 отказа от ответа. Остальные реакции распределили по их семантическому значению и выявили ядро (от 5% и выше) и ближнюю периферию (2%-5%) этого концепта:

Тыя 43%

киэн/нэлэмэй/простор/раздолье 7%

балок 4%

төрөөбүт дойдум/дойдум/малая родина/земля наша 4%

природа 2%

тыя һирэ 2%

земля/һир 2%

трава/ото 2%

Таким образом, *тундра* – это просторное природное пространство с низкой растительностью (травы, мох, грибы, ягоды), пригодное для ведения оленеводческого хозяйства, охотничьего промысла, собирательства грибов и ягод, отдыха и рыбалки, является землей, в нашем случае, долган.

Анаабыр улууһун Дьэһэй уонна Сааскылаах нэһилиэктэрин түөлбэ тылларын кылгас быһаарыылаах тылдыгыта / Анабарский диалект якутского языка. – Якутск: Дани-Алмаз, 2014. – 44 с.

Ассоциативный словарь якутского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения 14.10.2023).

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдыгыта: в 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2018.

Долганско-русский словарь: 10-11 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А.А. Барболина, Н.С. Кудрякова, Н.Н. Жаркова, С. Фудзисиро. – СПб.: Алмаз-Граф, 2019. – 471 с.

Кривоногов В.П. К вопросу об этническом самосознании долган // Социодинамика. – 2014. – № 11. – С. 73–10.

Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. – М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1998. – 202 с.

Спиридонова А.Е., Спиридонов В.Е. Үрүн-Хайа долганнардын олохтоох тылларын (диалектарын) тылдыгыта: Диалект жителей Юрюнг-Хая. – 2002. – 40 с.

Эвенкийский ассоциативный словарь: эвенки Южной Якутии / Н.Е. Захарова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 248 с.

Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрук. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

О.О. Ипполитов, О.М. Дедова (Воронеж)

ЧАСТНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КОГНИТИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ «НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Аннотация. Рассматривается применение рабочего аппарата когнитивной лингвистики в современной педагогической практике. Выделяются когнитивные структуры, оптимальные для проведения образовательно-воспитательной работы в процессе рассмотрения повести А.И. Одинцова и Д.В. Юферева «Ступени мужества» в старших классах и техникумах.

Ключевые слова: когнитология, концепты, педагогика

Abstract. The application of the working apparatus of cognitive linguistics in modern pedagogical practice is considered. The cognitive structures optimal for carrying out educational work in the process of reviewing the story of A.I. Odintsovo and D.V. Yuferev "Stages of Courage" in high schools and technical schools are highlighted.

Keywords: cognitology, concepts, pedagogy

Мемуарная литература, она же литература воспоминаний, представляет собой богатейший источник описания различных педагогических ситуаций, столь важных для подрастающего поколения. Весьма перспективным представляется привлечение научно-методического аппарата когнитивной лингвистики (см.: [Попова, Стернин 2007; Ипполитов 2012, 2013, 2014]) в практику преподавания общеобразовательных дисциплин студентам СПО и вузов, только начинающим «взрослый» этап собственного жизненного пути.

Для наглядного рассмотрения этого вопроса воспользуемся фрагментами повести А.И. Одинцова и Д.В. Юферева «Ступени мужества» [Одинцов, Юферев 1980], основанной на личных воспоминаниях одного из соавторов о партизанских действиях осенью 1941 года на коммуникациях немецко-фашистских оккупантов.

В процессе изучения студенты должны были выявить определенные спорные моменты (как партиции – группы когнитивных признаков), согласиться или нет с поступками и решениями героев романа, предложить свои пути выхода из ситуаций и т.д.

В числе наиболее примечательных когнитивных партиций, объективируемых прецедентными текстами, целесообразно для проводимой в аудитории работы с учащимися выделить следующие:

1. Полезность доведения до своих бойцов фрагментов пропаганды врага, предназначенной для его войск: «...Ты, германский солдат... вытрави в себе жалость и сострадание к побежденным. И вскоре целый мир будет стоять перед тобой на коленях...» Может быть, так уменьшится количество готовых сдаться в «гуманный и сытный» плен к «цивилизованным европейцам», если свои солдаты будут знать, какое обращение на самом деле они в том плену получат.

2. Необходимость перепроверять сообщаемые потенциальными исполнителями сведения о самих себе, так как цена их обмана (пусть и сделанного из самых высоких и жертвенных побуждений) может оказаться непомерно высокой для выполняемого дела: *«Почему вы скрыли в райкоме комсомола, что болели туберкулезом? И притом уверяли, будто бы можете выполнить любое боевое задание, даже за линией фронта. Что же, заодно с вами лейб-медика снарядить, личного врача?»* Случается, что благими намерениями дорога известна куда выстилается...

3. Несоизмеримость цены недостаточной подготовленности или оплошности в мирное время и в условиях войны: *«Например, если надо втихую проскользнуть между немецкими постовыми? Если промокнувшая под ледяным дождем девочка с ее сильной волей, но не окрепшими легкими вдруг закашляет – обнаружит себя и товарищей?!»* Такое же отражено и в другом примере: *«Про летчиц я знаю. Но одно дело с высот оземь долбануться, но совсем иное – живой в гестаповские когти... Там не краткие секунды мучений – там неделями станут жилы вытягивать...»*

4. Неадекватная мотивация потенциальных исполнителей чрезвычайно важного и ответственного задания: *«Ну а ты, Зиночка? У тебя какие заслуги? На какие дистанции чемпионка?.. И заслуг у тебя никаких, а тоже вызываешься. Наверное, потому, что подруга нахрапом на фронт лезет. И ты – за ней. Да?»* От подобного следует остерегать учащихся во всех видах деятельности – «и сам с заданием не справишься, и товарищей (начальство, командование) подведешь, лучше уж выбери дело себе по силам, а с товарищем потом пересечетесь уже на своих новых должностях!».

Можно возразить, что, с одной стороны, совместность исполнения задания повышает ответственность носителя сознания, самодисциплинирует, мотивирует его. Но, с другой стороны, переоценка исполнителем своих сил, решение браться за очевидно чрезмерную для себя работу может погубить и дело, и находящихся в боевой связке других людей.

5. Предложение потенциально ненадежному исполнителю альтернативных вариантов службы, чтобы и его не обидеть, и иметь возможность использовать его имеющийся потенциал: *«Подумайте с Ниной вдвоем еще! Может статья, лучше вас обучить на санитарок или на фельдшеров? Тоже бойцы, тоже большие, нужные дела. Проверьте себя, хватит ли стойкости перенести всё. Запомни, Зина: вовсе не стыдно отказаться, пока есть время; другое стыдно – не отказаться, если не чувствуешь полнейшей в себе уверенности. К тому же, повторяю, мы не ждем отказа начисто, вообще отказа от военной службы. Медики тоже дозарезу требуются, телефонистки тоже. Вот я бы, на твоём месте, захотел бы сестрой милосердия...»* К сожалению, в жизни далеко не всегда имеется возможность предложить носителю сознания какой-либо

другой, альтернативный вариант работы, не всегда начальство вообще желает предоставлять соискателю на конкретную должность возможность замещения другой вакансии или проводить разделение требуемого круга обязанностей на две-три должности, прежде всего по финансово-зарплатным причинам («Не являешься многопрофильным суперпрофи – значит, ты мне вообще не нужен, другой найдется!»), не всегда начальству хватает приведенной выше тактичности объяснить причину своего отказа.

6. Нежелание брать на себя ответственность за судьбу других людей, хотя сам носитель сознания уже вызвался отправиться добровольцем на смертельно опасное задание: *«Вот я бы напрочь отказалась проверять новеньких, испытывать их. Девчата, понимаете, чем оно может обернуться?.. Выйдет так, что я застращаю правдивую девчонку до того, что вдруг откажется; но в результате все мы лишимся прекрасного бойца... Того, кто просто не разглядел сразу-то всех своих сил!..»* Это может обуславливаться и пониманием недостаточности собственного жизненного опыта для указанного «разглядения» в другом человеке качеств, которые тот и сам в себе найти не смог, и повышенной ответственностью к самому себе в отношении вынесения подобных вердиктов, и опасением предстать в глазах начальства нерезультативным исполнителем вследствие высокого отсева среди кандидатур добровольцев.

7. Необходимость учета ситуативно обусловленных возможностей носителей сознания: *«Уже близко, наверно? – Близко – да склизко. Вернее, спотыкливо. Ребята сейчас охладелие, прозяблише, никого не подожджешь [на активную деятельность]»*. Крепкие, здоровые добровольцы уже за несколько дней рейда по вражеским тылам израсходовали свои силы до степени, исключающей продолжение активной деятельности в прежнем режиме. О таком тоже часто старается не думать вышестоящее начальство, как на военной, так и на гражданской службе, часто вводящее режим выполнения исходя из возможностей и нормативов только начального периода работы.

8. Требовательность к курсантам на многократных тренировках, обусловленная и педагогическими причинами (чтобы лучше усвоили материал), и административно-командными (чтобы не сорвалось выполнение предстоящего вскоре боевого задания): *«Спасибо придирмайору: десятки раз заставлял прилаживать взрыватели»*.

9. Избыток лести снижает доверие к говорящему, тем более, если эта лесть необоснованная, по мнению слушающего: *«На всех других я начал бы, но в твоих глазах осрамиться, Зиночка, – свыше сил моих! – уверял Самсон [знакомый с ней как с бойцом своего отряда на протяжении лишь нескольких дней]. – Я же тебя люблю... Не казни презрением, а посочувствуй. – И так далее, всё в том же духе... Офицер вернулся через час. Объявил, что подозрения о «самострельстве» снято... Зина*

обрадовалась, но все-таки не могла преодолеть неприязни к недавнему товарищу». Совершенно естественно, что находящийся под следствием чудом выживший боец стремится заручиться поддержкой единственной свидетельницы, но использование сильных адресных заявлений (в начале сороковых годов уверенность в своей любви к девушке значило намного больше, чем в XXI веке) могло понизить доброжелательность свидетельницы и вызвать негативную (пусть и полностью объективную и правдивую) реакцию в духе: «Я его едва знаю, ничего плохого или хорошего сказать не могу, разбирайтесь с ним сами». Возможно, разумнее было бы не позиционировать свою влюбленность к этой девушке, а использовать заведомо внеадресные доводы, например: «Ты же меня видела в деле, разве мог я поступить так, как мне инкриминируют?!».

10. Невозможность в условиях войны полного доверия вследствие каких-либо причин: «Испытай Владика на деле. Проверь. – Нет у нас времени ставить эксперименты! Лучшие я приму пятнадцатилетнего радиста Витьку Рубахина, чей отец погиб на фронте. А Владик твой пойдет воевать на фронт, а не в тыл оккупантов». То, чего в мирное время просто не опасались, в условиях партизанских действий может привести к гибели всего отряда.

11. Неоднозначное восприятие благих побуждений других людей: «Девки, слышь? – выкрикивал боец. – Братская могила нам – овражек этот! А швырнуло меня, девки, в расщелинку. Там спрятаться можно, немцы не найдут. И времени у них нет долго задерживаться. Залазьте, девки! Авось хоть вы-то живы будете! – Пошел ты! – злобно крикнула Аня. – Погибать, так всем!»

12. Необходимость учитывать все возможные факторы для собственного выживания, в том числе и такие, которым в мирной жизни вообще не придали бы значения: «Это что? – хозяйка ткнула на мокрую трехпалую рукавицу Винценты. Аня поняла: такие рукавицы были только у тех, кому приходилось стрелять. – Думаете, немцы дурае вас?! Они пригляделись уже к военным девкам! Этаких, как вы, многих переловили да перевешали!» Откровенный просчет верховного командования: если бы перед войной такие рукавицы широко производили для народного хозяйства, то не было бы броского фактора, демаскирующего партизан и окруженцев.

В число рассматриваемых факторов можно отнести еще два примера, объективируемых следующими прецедентными текстами: «Забор она специально пустила на дровишки. Где голый двор, туда немцев особо не тянет...» и «Хозяйка оглушила [молодых девушек-партизанок]: потребовала состричь волосы, словно тиф перенесли. Немцы к таким не подступаются».

13. Необходимость перепроверять все факторы собственного выживания через призму своего мнения: «Если немцы вдруг остановят –

не плети про тиф, а скажи: была только простуда и сильный жар... Родные заподозрили тиф и остригли. Дошло?.. Потому что не дома сидим... И патрульные на пути. Застрелить нас – им это плевое дело! Чтобы заразу не разносили!» То есть вполне взвешенный и искренний совет сведущей местной жительницы вполне мог привести к смерти, пускай и по совсем другой причине.

14. Необходимость избегать в своей пропаганде некоторых тем, которые в сложившейся ситуации могут вызвать отторжение у слушающих: *«На политзанятии, когда говорили: "За всё немцам отомстим!" – ты вякала против... – Я действительно возразила. Пойми, когда вступим в Германию, не станем же мы сжигать целые деревни да детей бросать в огонь! Не станем брать десятки заложников и вешать их за каждого нашего убитого! – Вообще-то, ты права... Но ты, Винька, смекай... Бойцу, например, если родных его поубивали немцы, легче воевать с такой верой?»*

15. Помощь товарища, несравнимо более значимая, чем в гражданской жизни: *«Нина догадалась: Лёлька свои собственные портянки просушила за пазухой, теперь эти почти просохшие наматывает обессиленному бойцу. А на свои ноги Лёлька накрутит сырые»* или же *«Лёлька! Ты на себе меня тащила?»* (из немецкого тыла к нашим).

Студенты на уроках проявляли высокую заинтересованность в выполнявшейся ими работе. Дальнейшее рассмотрение данной темы мы собираемся провести в последующих наших исследованиях.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

Ипполитов О.О. Рассмотрение свойства этапности как одной из особенностей когнитивной структуры концепта «Путь-дорога» // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 332-339.

Ипполитов О.О. Некоторые замечания о маркировании человеческим сознанием этапов жизненного пути // Когнитивные исследования языка. Вып. 14: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всероссийской науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. – Тамбов: Изд. ТГУ, 2013. – С. 282-286.

Ипполитов О.О. Классификации граничных аспектов субконцепта ВСТРЕЧА как элемента концепта ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ-ДОРОГА // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. – М.: Ин-т. языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина; Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2014. – С. 398-400.

Одинцов А.И., Юферов Д.В. Ступени мужества // Дерзкие рейды [повести]. – М.: ДОСААФ, 1980. – 176 с.

У.Д. Камбаралиева (Бишкек), Г.С. Шарипова (Алматы)

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ И ТЮРКСКИХ ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ

Аннотация. Представлены фрагменты анализа глуттонических номинаций русского и тюркских народов на основе лексикографических данных. Исследованием выявлены их традиционно-бытовое содержание, условия функционирования, особенности экспликации ими этнокультурных элементов.

Ключевые слова: глуттония, языковое сознание, языковая картина мира

Abstract. Fragments of the analysis of gluttonic nominations of Russian and Turkic peoples on the basis of lexicographic data are presented. The research reveals their traditional and everyday content, conditions of functioning, peculiarities of explication of ethno-cultural elements by them.

Keywords: gluttony, linguistic consciousness, linguistic picture of the world

Языковая картина мира, как известно, эксплицирует окружающую действительность в языковом сознании человека. Основным признаком языковой картины мира следует считать то, что она складывается в рамках определенной этнокультуры и способна проявлять национальную специфику языка.

Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2007, с. 38]. Соответственно, язык выступает в качестве средства отражения некоторых граней концептуализации как результата познавательного процесса, которая, с одной стороны, накапливает новые знания обо всем, что окружает человека, а с другой – обозначает эти знания при помощи средств языка как основного инструмента в вербальной коммуникации.

В современной науке стало аксиомой положение о том, что мышление народа не опосредуется его языком, но оно им «выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется» [Попова, Стернин 2007, с. 39]. Язык выполняет функцию сигнализатора о процессе членения окружающей действительности в каком-либо отрезке времени и дает возможность представить и прогнозировать мышление народа в этот период [Попова, Стернин 2007].

Как было отмечено в трудах исследователей, это связано с тем, что в языке отражаются только те информации и факты, которые являются важными для данного народа, т.е. имеющие коммуникативную значимость, или те данные, о которых народ говорит или говорил [Карасик, Слышкин 2001, с. 77]. Следовательно, «коммуникативная

значимость языковой единицы, ... связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа» [Карасик, Слышкин 2001, с. 77].

Общепризнанно, что одним из необходимых условий существования человека, играющим жизненно важную роль, считается его потребность в области еды. (Еда – то же, что и пища в 1 знач. [Ожегов 1986, с. 159, с. 447]). Исходя из этого, изучение лексического пласта, объединяющего лексические единицы со значением гастрономических предпочтений определенного народа, представляет собой одну из наиболее значимых сфер современной лингвистики, у которой в отличие от прежнего имманентного изучения языка основным принципом выступает антропоцентризм.

Как было выявлено, изучение пищи долгое время считалось привилегией этнографии, только в последние десятилетия начали появляться лингвистические исследования, раскрывающие сущность номинаций пищи, процесса ее приготовления и потребления с позиции этнокультурных особенностей при помощи семантико-когнитивного анализа. В исследованиях концептуализацию еды начали рассматривать как сложное ментальное образование, в котором можно выявить как общечеловеческие, универсальные элементы, так и специфические признаки с этнокультурной семантикой. Существует несколько обозначений данного пласта лексики, которые используются как синонимические термины: «кулинарный дискурс», «гастрономический дискурс», «глуттонический дискурс».

Первые заметки о сфере питания фрагментарного характера начинают появляться в лингвистических и этнографических науках с XIX века, в трудах школы «Анналов» или «Новой исторической науки». Только в 60-70-х гг. XX века такие ученые, как К. Леви-Стросс, Р. Барг и М. Дуглас, начинают тщательно изучать гастрономическую культуру.

Термин «глуттония» (от лат. *gluttire* – «поглощать, проглатывать») в научный обиход был введен ученым А.В. Оляничем. Он под этим термином подразумевает номинации, связанные с пищей и имеющие лингвокультурные и этнокультурные особенности: «глуттония – ...система знаков, характеризующих пищевой процесс в целом, добычу пищи, ее первичную обработку, а также собственно процессы приготовления и потребления пищи» [Олянич 2004, с. 44]. Обозначения пищи и процессов, связанных с ней, рассматривают в теории коммуникации как обозначение особого вербально-социального вида дискурса, имеющего социально-культурные, религиозно-этические, философские признаки, которые выявляются в глуттонической коммуникации. В этом отношении глуттонические номинации как вербализованные элементы потребительских предпочтений способны эксплицитно все, что относится к сферам приготовления и приема пищи, в которых человек выполняет функцию потребителя. При этом в

любом глоттоническом дискурсе можно выявить важный этнокультурный компонент, выражающий черты национального характера, мышления и мировоззрения.

С позиции лингвистики представляет большой интерес сопоставительное изучение особенностей глоттонических номинаций русского и тюркских языков в языковой картине мира. В тюркских языках, в частности в киргизском и казахском, в силу особой близости языков, а также благодаря общности социально-психологических, исторических и социально-бытовых факторов формирования жизнеустройства и образа жизни, многие глоттонические номинации являются сходными. Отличия выявляются только в функционировании глоттонических номинаций, поскольку в контекстах они могут иметь специфическое лингвокультурное содержание. На этой основе становится возможным использовать общие параметры для анализа глоттонических номинаций киргизского и казахского языков.

По мнению А.В. Олянича (с которым мы тоже согласны), глоттонические номинации выполняют четыре функции в коммуникативных ситуациях: 1) денотативную; 2) инструктивную; 3) квалификативно-оценочную; 4) презентационную [Олянич 2004, с. 339]. Денотативная функция связана с обозначением еды и связанных с ней понятий: субъектов процесса, места и способа приготовления еды, ее вкусовых и других качеств. Своды правил и различные наставления, рекомендации, а также установки, запрещающие те или иные вещества и действия, которые имеют отношение к пище, по мнению указанного ученого, выполняют инструктивную функцию. Квалификативно-оценочная функция касается социального отношения к процессу приготовления и потребления пищи. Как отмечает ученый, данная функция формирует культурные приоритеты в указанном процессе. А этнокультурные особенности, связанные с ритуализацией глоттонической коммуникации в жизни тех или иных народов, отражаются в презентационной функции глоттонимов [Олянич 2004, с. 339].

В процессе формирования традиций, связанных с пищевыми предпочтениями народов, большую роль играют природно-географические и традиционно-бытовые условия, которые также становятся основным фактором в становлении локальных моделей питания. Например, оседлые народы, занимающиеся садоводством, в своем рационе питания чаще использовали фрукты и овощи, когда как в рационе кочевых народов, у которых образ жизни был связан со скотоводством, преобладали молочные и мясные продукты. В зависимости от времени года, места проживания народа появляются локальные пищевые предпочтения, и они становятся основой возникновения этнокультурных глоттонических номинаций.

Местом приготовления еды в русском языке традиционно обозначают кухню – «отдельное помещение с печью, плитой для приготовления пищи,

а также комплект мебели для такого помещения» [Ожегов 1986, с. 270]. А в киргизском языке такое помещение называют «ашкана», «аштык үй», в казахском – «асхана», «асүй». Но эти номинации отражают разные образы в сознании, например, оседлых и кочевых киргизов. У кочевых киргизов «ашкана» – женская половина юрты; место в юрте с правой стороны от входа, куда ставили этажерки, сундуки с посудой и кухонной утварью и где готовили еду. Отсюда следует, что в семантике одной глоттонической номинации можно выявить различные когнитивные признаки, связанные с образом и условиями жизни одного и того же народа.

В процессе приготовления, приема и подачи пищи у русского и тюркских народов также соблюдаются целые совокупности правил, позволяющих регулировать и упорядочить эти действия в соответствии с принятыми в данном обществе законами и устоями. По их содержанию можно выявить: рекомендательные наставления («так лучше, чем...» – «нежесткие табу» [Стернин 2008, с. 111]), запреты («нельзя, потому что...»), традиционные правила («так надо»; «так принято издревле, нельзя их нарушать» – то, что народ принимает без обсуждения и объяснения). В некоторых случаях толкования таких правил можно найти в традициях и верованиях других народов.

Например, у киргизского народа, если при разделке туши барана мужчина забудет удалить седалищный нерв – сухожилие и подаст гостю устукан (кость с мясом, распределяемая по статусу) с ним, то это считается сильным оскорблением гостей и позором для хозяина, но почему так сложилось, не поясняется. Объяснение подобного отношения к данному сухожилию мы обнаружили у еврейского народа [Камбаралиева, Стернин 2021, с. 65]. Евреи этот нерв называют «гид ханашех», и на его поедание наложен библейский запрет, поскольку: «Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова» (Бытие 32:32). Следовательно, контрастивное изучение явлений дает возможность раскрыть многие ранее неизвестные историко-философские источники коммуникативных признаков [Камбаралиева, Стернин 2021, с. 66].

Строгие правила и принципы жизни русского, киргизского и казахского народов, которые и сегодня не потеряли свою актуальность, отразились в квалификативно-оценочной функции глоттонических номинаций. Как показал анализ данных этих языков, самым важным глоттонимом, отражающим национальную ценность, выступает лексема «хлеб» («нан»). Отношение к хлебу в социуме, имеющее гендерное и геронтологическое содержание, занимает главное место в составе национального и индивидуального языкового сознания. Это подтверждается большим кругом сочетаемости и валентности лексических единиц с компонентом «хлеб»/ «нан» и метафорическими возможностями данного глоттонима в указанных языках. Издревле обеспечение семьи едой считается прерогативой мужчин, а в процессе приготовления еды в

русской, киргизской и казахской традициях главная роль отводится женщинам. Социальный и геронтологический статус членов общества в культуре указанных народов выявляется в процессе потребления пищи (еду сначала подают гостям и старшим по возрасту, старшие первыми берут хлеб, первыми встают из-за стола / достархана и т.д.).

Повторяющиеся в обществе действия, выполняемые в определенной последовательности и направленные на приготовление и потребление еды, со временем превращаются в традиционный акт или ритуал, который несет в своем содержании особый эмоциональный накал и призыв к солидарности. Определенные виды блюд, которые готовились в сопровождении обрядовых ритуалов на религиозные и традиционные праздники, а также во время каких-либо семейных событий, демонстрируют презентационную функцию глуттонимов. Такие действия, проводимые в тесных эмоциональных и физических контактах, становились моральными регуляторами и механизмами социальной организации членов общества.

На основе анализа данных можно отметить, что все глуттонические номинации русского, киргизского и казахского народов могут быть классифицированы на исконные и заимствованные. Они также могут обозначать специфические, свойственные только одному народу явления или же еду, распространенную у многих народов. В связи с интенсивным ростом межкультурных связей и отношений, количество заимствованных единиц в языках с каждым годом увеличивается. Но как показал анализ источников, этнокультурная специфика, касающаяся пищевых предпочтений народов, сохраняется намного дольше, чем другие элементы их материально-бытовой сферы.

На основе проведенного исследования можно заключить, что глуттонические номинации, бытующие в языковой картине мира и отражающие этнокультурную действительность в языковом сознании национального сообщества, выполняют лингвосемиотическую функцию, консумативную функцию как средство поддержания физического состояния организма, а также коммуникативную функцию как средство общения и объединения членов общества.

Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. – Воронеж: РИТМ, 2021. – 215 с.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-81.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РЯ., 1986. – 797 с.

Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2008. – 596 с.

Ю.В. Кокора (Краснодар)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ: КОНЦЕПТ «МЕЧТА» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале русской поэзии XX века)

Аннотация. В данной статье рассматривается нерушимая связь интертекстуальности и психолингвистических категорий в процессе формирования когнитивного сознания. Анализ данной связи рассмотрен в рамках художественного дискурса. В качестве предмета исследования выбран концепт «Мечта», изучена его базовая смысловая наполненность, дана оценка влиянию психолингвистических факторов на расширение общекультурной концептосферы. В качестве анализируемого материала нами были выбраны отдельные произведения поэтов Серебряного века (В.Я. Брюсова, А.А. Ахматовой), проанализированы используемые в них лексемы с целью последующего выделения семантических единиц, входящих в состав концепта «Мечта». Сделан вывод о способности психолингвистических факторов формировать концептуальные метафоры, которые, в свою очередь, могут образовывать культурно значимые символы.

Ключевые слова: концепт, художественный дискурс, символ, психолингвистика, интертекстуальность

Abstract. This article examines the connection of intertextuality and psycholinguistic categories in the process of formation of cognitive consciousness. The analysis of this connection is reviewed in the context of artistic discourse. The concept “Dream” was chosen as the subject of research, its basic semantic content was studied, the influence of psycholinguistic factors on the expansion of cultural concept’s sphere was assessed. As the material for analysis, we selected individual works of the Silver Age poets (V.Y. Bryusov, A.A. Akhmatova), reviewed the lexemes used in them in order to identify the semantic units involved into the concept “Dream”. We come to a conclusion that psycholinguistic factors are able to form conceptual metaphors, which, in turn, can form culturally significant symbols.

Keywords: concept, artistic discourse, symbol, psycholinguistics, intertextuality

Художественный дискурс представляет собой когнитивное пространство, создающееся автором и обладающее индивидуальным характером. Смысловые единицы дискурса (концепты) способны формировать связь между отправителем и получателем информации. Дискурсивность художественной речи отражает ее психолингвистическое начало, выраженное индивидуальностью стиля, слога, лексики, использованием окказионализмов, субъективной модальности и т.д.

Дискурс – это «совокупность текстов, обладающих какими-либо общими прагматическими свойствами, возникшими под влиянием социально-психологических факторов» [Текст – дискурс – картина мира

2005, с. 9]. На основе факторов влияния выделяются различные разновидности дискурса: публицистический, экономический, лингвистический, экологический, художественный и т.д. Так как под дискурсом в теории З.Д. Поповой, И.А. Стернина понимается не речь, а совокупность текстов общего прагматического характера, следует принять во внимание основные различия текста и дискурса, выделенные авторами: дискурс обладает неограниченным объемом, способен иметь устную и письменную форму, обладает диалогичностью, когерентностью, невербальными компонентами [Текст – дискурс – картина мира 2005, с. 12]. Следовательно, текст есть когнитивная макроединица, обладающая когерентностью, дискурсивностью, способная принимать письменную форму. Под основной мыслительной составляющей текста следует понимать концепт – единицу, обладающую свободной формой, имеющую способность хранить и передавать информацию на уровне интертекста.

О влиянии интертекста на становление когнитивно-ассоциативного мышления индивида и группы людей, объединенных одной культурой, впервые задумался философ и лингвист М.М. Бахтин. Теория, изложенная в труде «Эстетика словесного творчества», характеризует феномен интертекстуальности как смыслопорождающей категории, хранящей в себе диалогическое единство планов выражения и содержания. Диалогизм служит основой интертекстуальных связей, соединяя «чужое слово» в «диалог», которому свойственна духовная преемственность – с одной стороны, и индивидуальная обусловленность – с другой [Бахтин 1986, с. 153].

Исходя из предложенных теорий, мы можем утверждать, что главным свойством интертекста является его открытость, а основным составным элементом – концепт. Концепт способен хранить и трансформировать полученную информацию, на основе которой возникают новые семантические единицы.

Интертекстуальность художественного дискурса демонстрирует его способность использовать семантические единицы концепта и модифицировать их посредством индивидуального восприятия. Таким образом, главным фактором изменения существующих интертекстуальных понятий является субъективно-психологический фактор, находящий отражение в психолингвистике, а основным инструментом – субъективная модальность.

В рамках художественного дискурса субъективная модальность включает в себе ряд смысловых элементов, наделенных индивидуальными чертами (лексический уровень) и сформированных в определенную конструкцию (синтаксический уровень). Лексическо-семантический уровень чаще всего представлен окказионализмами и коннотативными значениями, синтаксический уровень – индивидуально-авторским порядком слов, параллелизмом, инверсией и другими

синтаксическими средствами выразительности, формирующими индивидуальный слог и вносящими в высказывание дополнительные значения с помощью изменения тема-рематических связей.

Рассматриваемый в данном исследовании концепт «Мечта» анализируется с позиции художественного дискурса. Семантические единицы, входящие в состав концепта, изучаются в рамках психолингвистики. Целью данного исследования является вычленение смысловых единиц, относящихся к рассматриваемой концептосфере, для последующего выделения их индивидуально-авторских характеристик, вносящих новые коннотации в известные ранее понятия. В качестве анализируемого материала нами были выбраны поэтические произведения начала XX века.

Концепт «Мечта» относится к категории абстрактных базовых концептов, аналог которому существует в большинстве языков мира. Изначальное происхождение концепта восходит к старославянскому языку, в котором впервые появилась лексема «мъчтати», имевшая первоначальные значения «миг», «видение». Однако с течением времени концептосфера старославянского существительного росла, приобретая новые семантические единицы. Так, в XII в. у производной глагольной лексемы появились значения «являться», «показываться», в XIV-XV вв. концептосферу пополнили элементы, синонимичные современным значениям «воображать», «представлять», «созерцать» [Словарь древнерусского языка].

В толковом словаре С.И. Ожегова указаны две дефиниции современного абстрактного существительного «мечта»:

1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое.
2. Предмет желаний, стремлений [Ожегов].

Таким образом, на лексическом уровне семантические единицы современного концепта «Мечта» могут быть представлены однокоренными и смежными по смыслу словоформами. Нами были выделены наиболее распространенные семантические единицы, входящие в состав рассматриваемого концепта на основе их постоянного значения, не зависящего от контекста: *мечта, мечтатель, грезы, мечтание, мечтательность, фантазия, представление, желание, стремление, идеал, иллюзия, созерцание, утопический* и т.д. [Кокора 2023].

Рассмотрев первоначальные и современные семантические значения концепта «Мечта», мы увидели, что отдельные смысловые элементы («представление», «созерцание», «воображение») сохраняют свою семантическую наполненность с начала XIV в. Меняются графическая и фонетическая оболочки, но смысл остается целостным, что указывает на способность концепта хранить информацию о понятии и трансформировать ее (на последнее указывает появление номинативных свойств у рассмотренных выше смысловых единиц).

Начало XX в. представляет особый интерес для изучения рассматриваемого нами концепта, так как в данную эпоху концепт «Мечта» становится одним из наиболее используемых в поэзии. Особенно часто он встречается в работах символистов и акмеистов, поддается полному переосмыслению, приобретая новые смыслы. Также расширяется один из ключевых концептуальных признаков концептосферы – «символ», отвечающий за передачу семантической составляющей на основе смежности или переносного сходства других смысловых единиц. Иными словами, главными составляющими концептуального признака «символ» являются концептуальные метафоры, количество которых значительно увеличилось в творчестве поэтов Серебряного века. Многие концептуальные метафоры начала XX в. являются индивидуально-авторскими, несмотря на то, что многие из них интертекстуально сохраняют в себе известные ранее общекультурные символы.

Рассмотрим индивидуально-ценностные смыслы концепта «Мечта» на основе символов, используемых в поэзии начала XX века. Так, в стихотворении В.Я. Брюсова «Осеннее чувство» мы можем выделить несколько индивидуально-авторских символов: «осень», «весна», «стремление». Произведение представлено фрагментарно:

«Гаснут *розовые* краски
В бледном отблеске *луны*;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях *весны*...»

«И сквозь окна снов бессвязных
Не встречают звезд алмазных

Утомленные *мечты*» [Брюсов 1961, с. 201].

В указанных выше отрывках стихотворения нами были выделены лексемы, формирующие культурно-значимые символы как самостоятельно, так и в качестве дополнительного семантического элемента концептуальной метафоры. Как можно увидеть из отрывка, большинство «самостоятельных» символов, формирующих концептуальные метафоры, обладают номинативной природой. Основные смыслообразующие символы («осень», «весна», «стремление») формируют идейную композицию произведения. Само название «Осеннее чувство» является воплощением одного из центральных символов стихотворения, скрывая в себе идею угасания прежних чувств, стремлений. Осень олицетворяет собой приход духовной старости. С помощью антитезы концептуальная метафора «осень» противопоставляется «весне» – времени духовного возрождения. Символ весны неразрывно связан с концептом «Мечта», на что указывает добавочный признак – «розовые краски», угасающие с наступлением холодов. Благодаря выделенным символам, мы можем провести параллель между изучаемым концептом и индивидуально-авторскими символами, входящими в его состав: общая

идея произведения описывает угасание стремлений, которые раньше казались достижимыми. Прежняя «весна» уносит за собой «розовые краски», оставляя только лед былых надежд.

Пример второго поэтического отрывка содержит лексему, созвучную с названием рассматриваемого концепта. Однако данная лексема наиболее точно раскрывает концептуальную связь существовавшего ранее значения «желание», имеющего прямое отношение к концепту «Мечта» и являющегося одним из его смысловых элементов. Данное явление доказывает влияние интертекста на становление смысловых категорий за счет сохранения известных ранее значений в совокупности с индивидуально-авторским восприятием. Сочетание общего и частного становится результатом пополнения концептосферы новыми семантическими элементами, многие из которых могут быть культурно-значимым символами и формировать метафоры.

В творчестве акмеистов концепт «Мечта» также является одним из центральных когнитивных элементов, способным образовывать индивидуально-авторские символы и концептуальные метафоры. Так в произведении А.А. Ахматовой «Лилии» рассматриваемый нами концепт раскрывается с помощью концептуальной метафоры, формирующей вокруг наименования цветка. Данное стихотворение относится к раннему творчеству А.А. Ахматовой. В нем перед читателем предстает юная лирическая героиня, вспоминая о былом и мечтающая вернуть ушедшие дни:

«Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой...»
«...И вновь мечтала я о той далекой воле,

О той стране, где я была с тобой...» [Ахматова 2002, с. 304].

В данном контексте рассматриваемый нами концепт «Мечта» описывает чувство, объединяющее в себе грезы и ностальгию, благодаря чему лексема «мечтала» может быть представлена семантической единицей «созерцать», также входящей в изучаемую нами концептосферу. Отрывок из произведения А.А. Ахматовой позволяет увидеть, что семантический элемент «созерцание», впервые вошедший в концептосферу в начале XIV в., сохраняет свою смысловую наполненность в составе концепта «Мечта» в XX в. Это свидетельствует о преемственности концептуальных единиц на уровне интертекста, об их способности сохранять свою семантику на протяжении веков. С другой стороны, данный отрывок также указывает на влияние психолингвистических факторов, способствующих пополнению концептосферы за счет индивидуально-авторских когнитивных и ассоциативных единиц. Многие из таких единиц обладают переносным значением и способны формировать концептуальные метафоры. Так, в рассмотренном выше стихотворении А.А. Ахматовой появляется

индивидуально-авторская метафора «Лилия». Формирование метафоры происходит в процессе слияния общеевропейского культурного символа, подразумевающего под образом лилии идею изящества и непорочности, с индивидуальной перцепцией, в которой лилия становится предметом воспоминаний, образом чистого, счастливого прошлого. Символ лилии в произведении А.А. Ахматовой объединяет в себе общекультурное прошлое («стыдливо-замкнутые лилии», см. пример выше) и авторское (лилия – предмет ностальгии). Данный символ доказывает неизменное объединение интертекстуальных связей и психолингвистического фактора, существующих в синтезе, способствующем появлению новых семантических категорий.

Таким образом, исходя из выполненного концептуального анализа, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. Художественный дискурс – это особое когнитивное пространство, создаваемое автором и сохраняющее в себе интертекстуальные (общекультурные) и индивидуальные (психолингвистические) понятия, объединенные одной проблематикой.

2. Концепт в художественном дискурсе – это основная ментальная единица, обладающая прецедентностью и субъективностью, благодаря которым происходит расширение концептосферы и пополнение словарного состава языка.

3. Концепт «Мечта» обладает абстрактным характером и относится к категории базовых концептов, основные значения которого, с одной стороны, сохраняются на протяжении веков, что доказывает интертекстуальность входящих него когнитивных единиц. С другой стороны, многие смысловые элементы концепта преломляются под воздействием субъективного восприятия, в результате которого возникают новые, уникальные по своей семантике единицы.

4. Основными семантическими элементами концепта «Мечта», сохраняющими свою смысловую целостность на протяжении веков, являются: представление, созерцание, воображение, миг, видение.

5. Уникальность семантических элементов, вошедших в рассматриваемую концептосферу в начале XX века, заключается в их способности формировать культурно-ценностные символы, входящие в состав концепта в виде концептуальной метафоры: «весна», «розовые краски» (по ассоциативному признаку), «лилии» и т.д.

Ахматова А.А. Избранное. – Смоленск: Русич, 2002. – 638 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – 444 с.

Брюсов В.Я. Избранные стихотворения. – Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1961. – 930 с.

Кокора Ю.В. Концепт «Мечта» в русской художественной картине мира (на материале поэтических произведений А.С. Пушкина) // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №3 (39). – URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023->

march/10.18454/RULB.2023.39.3 (дата обращения: 10.11.2023). – DOI: 10.18454/RULB.2023.39.3.

Ожегов С.И. Словарь русского языка – М, 2008. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14379> (дата обращения: 14.09.23).

Словарь древнерусского языка [Электронный ресурс] / URL: https://old_russian.academic.ru/5041/мьчѣтати (дата обращения: 15.09.23).

Текст – дискурс – картина мира: межвузовский сборник научных трудов / Науч.ред. О.Н.Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 1. – 238 с.

В.А. Первухина (Сургут)

ПОНЯТИЙНОЕ ЯДРО ОЦЕНОЧНОГО КОНЦЕПТА «ВАЖНОСТЬ»

Аннотация. В статье предпринята попытка на основании данных различных типов лингвистических словарей (этимологических, толковых, словарей синонимов) описать информационное содержание оценочного концепта ВАЖНОСТЬ, репрезентантом которого являются лексические единицы, содержащие этимологическую оценку. Делается вывод о двух когнитивных признаках, составляющих ядро рассматриваемого концепта, а также отмечается связь этимологической оценки с общей оценкой.

Ключевые слова: оценка, этимологическая оценка, важность, концепт

Abstract. The article deals with attempt to describe the informational content of the evaluative concept of IMPORTANCE based on data from various types of linguistic dictionaries (etymological dictionaries, explanatory dictionaries, and synonym dictionaries). The lexical units containing evaluative connotations are considered representatives of this concept. The author concludes that there are two cognitive features that constitute the core of the concept of IMPORTANCE, and she also notes the connection between thymological evaluation with the general evaluation.

Keywords: evaluation, thymological evaluation, importance, concept

Термин «оценка» применяется по отношению к оценочным предикатам и оценочным высказываниям, которые содержат соответствующие предикаты. Ключевыми лексемами в суждениях, содержащих этимологическую оценку (оценку важности), являются прилагательные, предикативные наречия и существительные с основой *важн-* (*важен-*). При комплексном подходе к этим лексическим единицам, то есть при рассмотрении их в контекстах разного объема, с использованием ряда взаимодополняющих методов, может быть реконструирован репрезентируемый ими концепт.

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, под концептом мы понимаем «многомерное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее упорядоченной структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации

общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007, с. 34].

В настоящем исследовании применяются следующие методы анализа концептов: анализ этимологических словарей с целью установления внутренней формы номинации концепта и исходного компонента его значения; анализ толковых словарей с целью определения понятийного ядра оценочного концепта ВАЖНОСТЬ; анализ аспектных словарей (словарей синонимов) с целью уточнения информационного содержания оценочного концепта ВАЖНОСТЬ.

На начальном этапе моделирования оценочного концепта ВАЖНОСТЬ был выполнен анализ словарных дефиниций его непосредственных лексических репрезентантов: слов «важность» и «важный».

Материалом послужили данные различных типов лингвистических словарей: этимологических (М. Фасмер, А.В. Семенов, Н.М. Шанский, Г.А. Крылов); толковых (В.И. Даль, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, А.П. Евгеньева, Т.Ф. Ефремова, С.А. Кузнецов); словарей синонимов (Н. Абрамов, З.Е. Александрова, В.Н. Тришин).

Опишем результаты анализа словарных статей *важность*, *важный*, выделив сведения о понятийном ядре оценочного концепта ВАЖНОСТЬ.

Обращение к этимологическим словарям позволило увидеть эволюцию смыслов внутри концепта.

Слово «важный» пришло в русский язык из польского языка в XVIII вв. (*ważny*). Первоисточником же является древненемецкое слово *waga*, обозначающее «вес», «имеющий вес» (М. Фасмер, А.В. Семенов). Кроме того, Н.М. Шанский указывает на историческое родство слов «важный» и «уважать»: *заимств. в XVII в. из польск. яз., где iważać «быть внимательным, проявлять внимание» – суф. производное от iwaга «внимание». См. важный (буквально – «вызывающий внимание, имеющий вес»)*. О связи внимания и важный пишет и Г.А. Крылов, отмечая родственное слово украинского языка *увага* – «внимание». Кроме этимологических словарей, связь «важный» и «вес», а также «важный» и «внимание» обнаруживается в словаре В.И. Даля: *Важный, стар. важний, важкой юж. увесистый, тяжелый, веский. | Уважительный, значительный, требующий особого внимания, уважения.*

Таким образом, исходный признак ‘имеющий вес’ (в буквальном смысле) со временем был осмыслен метафорически и перенесен в сферу человеческой деятельности, ее направленности (‘вызывающий внимание’), а значит, концепт ВАЖНОСТЬ расширился.

Дефиниционный анализ показал, что понятийное ядро концепта ВАЖНОСТЬ составляют два когнитивных признака: 1) ‘значительность’, ‘существенность’, ‘значение’ и 2) ‘величавость’, ‘горделивость’ (в виде,

поведении человека). Так, например, толковые словари приводятся следующее толкование слова «важность»:

1. Большое значение, значительность. 2. Величавый, надменный, горделивый вид (Д.Н. Ушаков);

1. Особая значительность, большое значение || обычно с определением. Значение, значимость. 2. Величавость, надменность в поведении, осанке, манере общения (А.П. Евгеньева).

Указанные когнитивные признаки обуславливают разграничение в словарных дефинициях (1 и 2 или 1 и 3) адъективной номинации концепта – слова «важный»:

1. Значительный, требующий особого внимания. 2. Величественный, имеющий вес. || Горделивый, надменно-спесивый (разг. ирон.) (Д.Н. Ушаков).

1. Имеющий особенно большое значение. 2. Разг. Высокий по должности, по положению. 3. Исполненный достоинства; величавый, гордый (А.П. Евгеньева).

Кроме указанных значений, в толковых словарях (С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, Т.Ф. Ефремова, С.А. Кузнецов) приводится следующая дефиниция слова «важный», в которой находит отражение когнитивный признак ‘значительность’, характеризующий положение человека в обществе: 2. *Обладающий значительной властью, влиянием, высокий по положению, должности и т.п.* (А.П. Ефремова).

А.Б. Пеньковский, рассуждая об особенностях тимиологической оценки, отмечал, что принцип ранжирования мира на основе признака «важный – неважный» является новой аксиологической системой, отличной от традиционной, основывающейся на признаке «хорошо – плохо» [Пеньковский 2004, с. 28]. В этой связи любопытным представляется наличие в толковых словарях (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, С.А. Кузнецов) дефиниции, вступающей в противоречие с утверждением ученого: 4. *полн. ф. Очень хороший, отличный (прост.)* (С.И. Ожегов); 4. *Нар.-разг. Хороший по качеству, отличный* (С.А. Кузнецов). Специальные пометы, сопровождающие приведенные толкования, говорят о том, что по крайней мере в народном языковом сознании связь между двумя аксиологическими системами проводится, и она весьма однозначна: тимиологическая оценка является частной разновидностью общей оценки, рассматривающей явления мира по шкале «хорошо – плохо». При этом оценка важности находится в положительном полюсе этой шкалы и обладает интенсификатором (очень хороший).

В словарях синонимов (Н. Абрамов, З.Е. Александрова, В.Н. Тришин) большая часть синонимов «важности» и «важного» относится к значению ‘существенность’, ‘значительность’: *значение, значимость, весомость, значимый, значительный, многозначительный, существенный, веский, капитальный* и т.д.

Опираясь на данные современных словарей и условно определив ядро как 'значительность', можем говорить о ВАЖНОСТИ как о концепте, базирующемся на двух типах значительности: а) объектной – присущей материальным и нематериальным объектам действительности: *важный вопрос, важное открытие, важные сапоги*; б) субъектной – присущей непосредственно человеку, характеризующей его поведение: *важная персона, важный жест, важный вид*. Когнитивные признаки 'существенность' и 'величавость', составляющие ядро концепта ВАЖНОСТЬ, являются взаимообусловленными.

Данные словарей позволяют сделать вывод об образном потенциале оценочного концепта ВАЖНОСТЬ. Так, в словаре синонимов З.Е. Александровой приведен ряд образов, содержащихся во фразеологических единицах: *звездная болезнь; важная птица, (важная, крупная, большая) шишка, птица высокого (или высшего) полета, гог и магог, сильные (или великие) мира сего, высоко летает кто, рукой (или шестом) не достанешь кого*. Представленные лексические единицы относятся к субъектному типу значительности, характеризующей человека.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 610 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Е.Н. Ужегова (Пермь)

ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «КОНЦЕПТ»: ОТ ИСТОКОВ ПРОБЛЕМЫ К ЕЕ РЕШЕНИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения понятия «концепт» и разработки его общепринятого определения; для преодоления существующих научных противоречий и выявления перспективного направления дальнейшего научного поиска в рассматриваемой области предлагается использование универсального формально-логического метода определения понятия.

Ключевые слова: концепт, определение, формально-логический метод

Abstract. The article discusses the problems of defining the concept of "concept" and developing its generally accepted definition; in order to overcome existing scientific contradictions and identify promising directions for further scientific research in the field under consideration, the use of a universal formal-logical method of definition of the concept is proposed.

Keywords: concept, definition, formal-logical method

Лингвистические исследования последних десятилетий характеризуется антропоцентричностью, развитию культурологического, когнитивного и концептологического направлений в лингвистике, а также

в особо пристальном внимании лингвистов к такому трансдисциплинарному феномену как **концепт**. Не случайно многие исследователи характеризуют происходящие процессы как «когнитивный бум».

Однако история изучения феномена универсалий/концептов начинается еще с эпохи средневекового концептуализма (исследованиями в этой области занимались, в частности, Т. Гоббс, П. Абеляр, У. Окам и др.). В рамках лингвистики теоретический анализ концепта разносторонне и детально представлен работами значительного количества отечественных и зарубежных ученых [Лакофф 1988; Кубрякова 1994; Степанов 1997, 2007; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1999; Рахилина 2000; Карасик 2002; Попова, Стернин 2006; Самигуллина 2006; Воркачев 2014; Бабушкин, Стернин 2018 и др.].

Несмотря на наличие большого количества исследований концептосферы, проблема определения сущности концепта, а значит, и общепринятой дефиниции этого понятия сохраняется до сих пор. Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным еще раз обратиться к проблеме разработки единообразного понятия лексемы **концепт**.

Концепт как понятие является центральным (или одним из центральных) в различных гуманитарных дисциплинах, таких как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, лингвоконцептология, а также когнитивная семантика, семасиология, психология, философия. Таким образом, концепт, являясь трансдисциплинарным феноменом и будучи используемым в целом комплексе наук, закономерно приобретает различное наполнение в соответствующих научных дисциплинах. Сложность и содержательная многослойность концепта как объекта познания, специфические свойства которого по-разному проявляются в различных социокультурных и этических условиях функционирования языка обуславливают наличие значительного количества интерпретаций данного понятия. Появление различных вариантов толкования термина **концепт** мотивирует и сама природа этого понятия, которое по своей сути является категорией ментальной, ненаблюдаемой. Следовательно, несмотря на то, что основной научной сферой изучения концепта является лингвистика, для точного его осмысления требуется применение универсального, общепринятого подхода.

Обратимся к истории появления термина **концепт** и приведем лишь некоторые варианты его существующих дефиниций. Понятие «**концепт**» [Аскольдов 1928; Кубрякова 1994; Лихачев 1997; Степанов 1997; Ляпин 1997; Нерознак 1998; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1999; Залевская 2001; Карасик 2002; Попова, Стернин 2006; Болдырев 2011 и др.] утвердилось в конкурентной борьбе с аналогичными лексемами «ноэма» [Гуссерль 1998], «лингвокультурема» [Воробьев 1997], «мифологема» [Ляхтеэнмяки 1999;

Базылев 2000], «логоэпистема» [Верецагин, Костомаров 1999; Бурвикова 2004]. Возникнув в русском языке как транскрибированный перевод латинской лексемы *conceptus* («понятие»), с 90-х гг. XX в. **концепт** приобретает в русистике совершенно особое значение и содержание.

С точки зрения П.В. Чеснокова, концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т.е. элементарная сторона внутреннего слоя» [Чесноков 1967, с. 173].

А. Вежбицкая понимает концепт как идеальный объект, имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление о действительности [Вежбицкая 1999, с. 203].

А.П. Бабушкин обращает внимание на категоризирующую функцию концепта: «Концепт является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [Бабушкин 1996, с. 16].

А.А. Залевская, опираясь на психолингвистический подход, понимает концепт как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская 2001, с. 36].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, концепт – это «мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: по горизонтальной оси – от обобщенных наглядных образов до логических понятий; по оси вертикальной – от поверхностных до глубинных слоев кодирования смысла с разной степенью его эксплицирования» [Алефиренко 2003, с. 9].

М.В. Пименова определяет концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженное разными группами признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [Пименова 2004, с. 85].

В.А. Маслова при формулировании своего представления о концепте указывает на такие свойства, которые определяют его трансдисциплинарность: «Это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 2005, с. 36].

З.Д. Попова и И.А. Стернин интерпретируют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного

кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению» [Попова, Стернин 2006, с. 212].

Существуют, однако, и иные мнения. Так, ряд ученых [Сорокин 2008; Павлова, Безродный 2011, 2013; Прожилов 2015 и др.], закономерно обнаруживая лакуны и противоречия в еще формирующемся научном знании относительно категории концепта, делают выводы о том, что это «квазиметодологическая категория» (см. подробнее в: [От лингвистики к мифу 2013]). Указанные авторы, переходя от критической оценки теории В. Гумбольдта о соотношении языка, мышления, культуры к критике современного неогумбольдтианства (именно так интерпретируются достижения лингвокультурологии), утверждают, что представления о концепте, его проявлении в национальном сознании излишне мифологизированы. Национальный язык рассматривается не в качестве некой данности, определяющей нацию, а как «конструкт, представляющий собой результат идеологической работы», «одно из общих мест националистической риторики» [От лингвистики к мифу 2013, с. 102]. Таким образом, достижения современных исследователей категории концепта оцениваются как методологически зыбкие и научно необоснованные.

В результате обобщения изложенных подходов можно утверждать, что термин «концепт», с одной стороны, до настоящего времени не имеет однозначного истолкования, с другой стороны, имеет определенные инвариантные признаки, которые отмечаются большинством исследователей, а именно: 1) субъектность концепта (это минимальный квант человеческого опыта, основная единица обработки, хранения и передачи знаний, который проявляется в процессе вербальной актуализации проблемы); 2) идеальная, ментальная природа концепта, вербализуемого (хотя и не в полной мере) с помощью языковых средств; 3) социальность концепта, его бытийность в рамках общества; 4) наличие содержания, напрямую связанного с культурой соответствующего этноса или иной социальной группы нелинейность; 5) сложность, многомерность и многослойность концепта. Таким образом, в современной науке концепт – это научная категория, которая является многомерным ментальным образованием, включающим ценностный, понятийный и образный компоненты.

Учитывая вышеизложенные достижения, в целях преодоления существующих научных противоречий и разработки единообразного толкования понятия **концепт**, на наш взгляд, целесообразно использовать

универсальные методы смежных научных подходов, в частности, формально-логического подхода [Боуш, Разумов 2020, с. 90].

Реализация формально-логического метода определения понятия **концепт** предполагает следующие этапы и демонстрирует изложенные ниже результаты (*выделены курсивом*).

1. Соотнесение понятия «концепт» с классом объектов, т. е. подмножеством элементов, в пределах которого мыслится понятие концепта:

класс – ментальное представление объекта действительности (например, об Америке).

2. Нахождение множества элементов (Универсума), в пределах которого мыслится концепт:

Универсум – образ объекта действительности.

3. Нахождение совокупности объектов Универсума, не обладающих признаками класса и не включенных в него (Дополнение к классу):

дополнение – НЕментальные (материальные) представления объекта действительности.

4. Установление необходимого условия отнесения К. к классу:

необходимое условие – отражение сущностных характеристик объекта действительности.

5. Проверка необходимого условия на достаточность, нахождение достаточного условия, если необходимое условие не является достаточным:

достаточное условие – ментальная природа К.

6. формулирование определения:

Концепт – представление об объекте действительности, отраженное в сознании индивида (группы лиц, общества в целом) и передающее сущностные характеристики отражаемого объекта.

Отметим, что результаты этапов 1-5 осуществляются / верифицируются на основе существующих в современной науке понятий, сформулированных в рамках различных вышеизложенных методологических подходов.

Таким образом, применение формально-логического метода определения понятия позволяет, во-первых, сформулировать научно обоснованное определение «спорного» понятия **концепт**; во-вторых, в эвристических целях отразить его содержание схематически; в-третьих, заложить формально-логическую основу для формирования категориально-понятийного пространства исследуемой области в виде триадной сети [Боуш, Разумов 2020, с. 89]. Кроме того, в процессе формулировки выявляется «слабое» с точки зрения формальной логики звено – неоднозначность и даже противоречивость толкования термина «концепт» обусловлена ментальной природой концепта, его существованием исключительно в сознании индивида. Наконец, с помощью формально-

логического метода проявляется перспективное направление дальнейшего научного поиска в исследовании сущности концепта.

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 97 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. – М.: Инфра-М, 2020. – 227 с.

Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2001. – С. 36-44.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сборник статей. – СПб.: Антология, 2013. – 352 с.

Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 83-90.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. – М.: Просвещение, 1967. – 192с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Н.С. Гарколь (Барнаул)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ПЕРЕГОВОРОВ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье рассматривается анализ лингвистических особенностей дискурса переговоров в деловой коммуникации с носителями китайского языка. В связи с различием культуры, языков и менталитета такая коммуникация является сложным процессом для восприятия и понимания информации. Деловая коммуникация с носителями китайского языка может быть ключевым аспектом успешного ведения бизнеса в современном мире, и здесь важно понимание китайского менталитета при ведении деловых переговоров с целью достичь взаимного согласия с собеседником.

Ключевые слова: русский и китайский языки, деловая коммуникация

Abstract. This article examines the analysis of linguistic features of negotiation discourse in business communication with native Chinese speakers. Due to the difference in culture, languages and mentality, such communication is a complex process for perceiving and understanding information. Business communication with native Chinese speakers can be a key aspect of successful business in the modern world, and it is important to understand the Chinese mentality when conducting business negotiations in order to achieve mutual agreement with the interlocutor.

Keywords: Russian and Chinese languages, business communication

В последнее время активно развиваются торгово-экономические связи между Россией и Китаем, а значит активно развиваются и расширяются деловые международные связи между нашими странами. Организация международного сотрудничества Шёлковый путь в рамках инициативы «один пояс – один путь» привлекает внимание деловых кругов, что делает актуальной задачу выделения общих коммуникативных целей в деловом межкультурном общении. Деловая коммуникация с носителями китайского языка имеет свои уникальные лингвистические особенности, которые важно учитывать при проведении переговоров.

Поэтому целью исследования является анализ лингвистических особенностей в деловых межкультурных переговорах с носителями китайского языка для формирования крепких межкультурных связей.

Коммуникация с китайскими деловыми партнерами может быть ключевым аспектом успешного ведения бизнеса в современном мире, особенно учитывая важность китайского рынка для России на сегодняшний день.

Знание таких коммуникативных особенностей позволит улучшить понимание информации и достичь взаимного согласия с собеседником.

В качестве таких коммуникативных особенностей можно выделить следующее.

Употребление формальных приветствий в начале переговоров для выражения доброжелательности и уважения к собеседнику. Например, такие фразы, как 你好 (nǐ hǎo – здравствуйте) и 认识您很高兴 (rènshí nín hěn gāoxìng – рад познакомиться с вами), являются обычными в дискурсе деловых переговоров.

Употребление уважительных форм обращения при формальном или деловом общении для выражения уважения к старшим или более статусным участникам переговоров: 先生 (xiānsheng – господин), 女士 (nǚshì – госпожа), 阁下 (géxià – ваше благородие), а также 尊敬的 (zūnjìng de – уважаемый) перед именем собеседника. Это является проявлением уважения и демонстрации хороших манер в области деловых отношений.

Обязательным является и проявление уважения к иерархической структуре в китайском обществе. В переговорах следует уделять внимание статусу и положению собеседников. Обращение к ним должно быть соответствующим иерархии.

Здесь нужно отметить и знание культурных норм, поскольку понимание китайской культуры и традиций имеет большое значение. Например, умение правильно обращаться с визитными карточками (名片). Надо помнить, что собеседнику их нужно подавать двумя руками и непременно поклонившись собеседнику.

Необходимо также учесть китайские праздники и обычаи, не забывать поздравлять китайских партнеров, это тоже может способствовать установлению позитивных отношений. Более того, учитывать, что китайцы, как и многие другие народы, дарят подарки при встрече или при прощании с деловыми партнерами.

Еще одной коммуникативной особенностью является активное использование носителями китайского языка китайских идиом и пословиц, или так называемых метафор. Носители китайского языка часто используют метафоры и аналогии для объяснения сложных или абстрактных понятий. Метафоры играют важную роль в китайском языке и могут использоваться в различных сферах, включая переговоры. Они могут использовать метафоры, связанные с природой или традиционной китайской культурой, чтобы сделать свою точку зрения более ясной и интересной. Понимание смысла таких метафор помогает улучшить понимание информации и достичь взаимного согласия с собеседником.

Вот несколько примеров метафор, которые часто используются в китайских переговорах:

山海相隔 (shānhǎi xiānggé) – буквально «горы и моря отделяют друг от друга». Эта метафора используется, чтобы описать большое препятствие или расстояние между двумя сторонами в переговорах.

纸上谈兵 (zhǐ shàng tánbīng) – буквально «болтать о войне на бумаге». Эта метафора описывает ситуацию, когда кто-то спорит или обсуждает что-то теоретически, но не имеет практического опыта или знаний, попусту болтает.

旁观者清 (pángguānzhě qīng) – буквально «зритель видит хорошо». Эта метафора говорит о принципиальности независимого взгляда на ситуацию, о том, что объективный наблюдатель может видеть вещи яснее, чем те, кто находится в среде переговоров, т.е. в значении «со стороны всегда виднее».

各取所需 (gèqǔsuǒxū) – буквально «каждый получает нужное». Эта метафора описывает идею взаимовыгодного соглашения, где каждая сторона получает то, что им нужно, зачастую используется как согласие заключить сделку, когда все условия устраивают собеседника.

卧薪尝胆 (wò xīn cháng dǎn) – буквально «лежать на дровах и пить горечь» (почивать на хворосте и вкушать желчь – по притче князе Гоу Цзяне, который спал на хворосте и перед едой лизал желчь, чтобы не забыть о мести победившему его княжеству У). Эта метафора используется, чтобы описать решимость и готовность стороны идти на жертвы или трудности ради достижения своих целей в переговорах.

Как известно, во время переговоров представители китайского бизнеса прямо не показывают свое несогласие по обсуждаемым вопросам. Так, в китайской деловой коммуникации часто применяется косвенное выражение несогласия, чтобы сохранить гармонию и избежать конфликтов. Носители китайского языка могут использовать различные стратегии, такие как соглашение с частью предложения, но без полного согласия, или использование формы вопроса, чтобы выразить свои сомнения или возражения. И даже в этих случаях тоже используются определенные метафоры.

Вот некоторые примеры, как китайцы могут выражать несогласие с использованием идиом и метафор:

太阳从西边出来 (tàiyáng cóng xībiān chūlá) – буквально «солнце вошло на западе». Эта фраза используется, чтобы намекнуть на несогласие, подчеркнув, что предложение, или идея не совсем правильны. что произошло что-то необычное, с чем собеседник не может согласиться.

见龙卸甲 (jiàn lóng xièjiǎ) – буквально «он видит дракона, но не может указать на него». Эта метафора может означать, что человек осознает проблему, но избегает прямого обсуждения, или еще не готов к такому обсуждению.

屋里的大象 (大象口里拔生牙 – dà xiàng kǒu lǐ bá shēng yá) (wūlide dà xiàng) – буквально «слон в комнате», «выдернуть зуб у слона»: используется для обозначения явной, но необсуждаемой проблемы, которую все игнорируют, и этот вопрос никто не готов обсуждать, вполне возможно, что это и опасно в настоящий момент.

避重就轻 (bìzhòng jiùqīng) – буквально «скрывать свет под пеклом»: данное выражение используется для описания стратегии избегания прямого выражения несогласия, фокусируясь на менее важных аспектах вопроса, а именно, обходить стороной трудные вопросы, сосредоточиться на периферийных проблемах.

鱼和熊掌不能得兼 (yú hé xióng zhǎng bùnéng dé jiān) – буквально «рыба и медведь вместе не живут»: эта метафора подчеркивает сложность достижения совместного удовлетворения всех сторон, нельзя делать два дела одновременно, в русском языке есть аналог этой метафоры – «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», может использоваться для выражения несогласия с предложением.

提杯空底 (tí bēikōng dǐ) – буквально «поднимать бокал воздуха»: используется, чтобы показать формальное согласие, но фактически обозначает, что нет реальной поддержки или согласия в данном вопросе.

马耳东风 (mǎ ěr dōng fēng) или 东风射马耳 (dōngfēng shè mǎ'ěr) – буквально «ветер бьет по ушам лошади», означает, что кто-то не слышит или игнорирует чьи-то советы или критику, не обращает внимания, «пропускает мимо ушей».

不见棺材不掉泪 (bù jiàn guān cái bù diào lèi) – буквально «не плачь, пока не увидишь гроб», означает, что кто-то не проявляет сочувствия или реакции на чужую беду, пока не сталкивается с ней лично, но иногда в переговорах это можно используется в значении «не сдаваться, держаться до конца, не терять надежд».

大材小用 (dà cái xiǎo yòng) – буквально «использовать бедного на богатого», означает, что кто-то не используется в полной мере своих способностей или талантов, не оценивать их по достоинству.

鸦雀无声 (yā què wú shēng) – буквально «не слышно ни вороны, ни воробья», означает, что место очень тихое, без какого-либо движения или звука. Может использоваться для описания ситуации, когда люди молчат или не проявляют какую-либо активность («мертвая тишина»).

目瞪口呆 (mù dèng kǒu dāi) – буквально «широко раскрытые глаза, широко раскрытые рты», означает, что кто-то так удивлен или ошеломлен, что не может выразить ни словом, ни действием свои эмоции.

不打不相识 (bù dǎ bù xiāngshí) – буквально «без спора нет знакомства», означает, что без драки друг друга не узнаешь; пока не подерешься, не узнаешь друг друга.

和气生财 (héqì shēngcái) – буквально «согласие создает богатство», означает, что дружественные отношения приносят богатство, мы можем принести выгоду друг другу.

不同意见, 同向着 (bù tóngyì jiàn, tóng xiàngzhe) – буквально «разные мнения – одна цель», означает несогласие с вашим мнением, но, тем не менее, нужно стремиться к одной цели и искать компромиссы.

众口难调 (zhòng kǒu nán tiáo) – буквально «соответствовать всем мнениям трудно», означает, что все вкусы примирить невозможно; на вкус и цвет товарищей нет, на всех не угодишь.

以和为贵 (yǐ hé wéiguì) – буквально «высоко ценить дружбу», означает, что мы ценим дружбу и дорожим миром с вами, с вашей компанией.

各执己见 (gè zhí jǐ jiàn) – буквально «каждый упорствует в своем мнении», означает, что китайская сторона будет отстаивать свое мнение и не соглашается с вашими предложениями.

不择手段 (bù zé shǒuduàn) – буквально «быть неразборчивым в средствах», означает, что противоположная сторона готова ради достижения цели не останавливаться ни перед чем; что цель оправдывает средства, можно услышать и такое – 不择手段的人 (bù zé shǒuduàn de rén), буквально «неразборчивый в средствах человек, беспринципный человек».

揭短掩长 (jiē duǎn yǎn cháng) – буквально «открывать недостатки и скрывать достоинства», означает уличить в обмане, лжи, разоблачить, сделать очевидными чьи-либо дурные намерения.

法不责众 (fǎ bù zé zhòng) – буквально «закон не судит многих», что означает: массовые проступки остаются безнаказанными, «всех не переловишь».

Таким образом, знание и использование китайских идиом и пословиц в общении с китайскими представителями может создать позитивное впечатление о говорящем и улучшить понимание деловых партнеров.

Стоит также учитывать особенности невербального общения (тон и высота голоса, мимика, жесты, позы, положение говорящего в пространстве).

Поклон (наклон головы) является уважительным жестом в Китае, демонстрирует уважение и покорность. Важно поклониться старшим или более высокопоставленным коллегам.

Пожимание рук стало распространенным, особенно в деловых кругах. При этом жать руку необходимо легко и уверенно, но избегать слишком крепкого или долгого рукопожатия.

Необходимо также проявлять уважение к частным границам: соблюдать личное пространство собеседника и не прикасаться к нему без его разрешения.

Важную роль играют и подарки. Подарки могут быть важным аспектом делового общения. Подарки (даже если это визитка) следует дарить и принимать обеими руками. Подарки упаковывают в красивую упаковку, открывать их перед дарителем нежелательно.

Выражение согласия и невербальное подтверждение – кивок головы или мягкие утвердительные звуки могут использоваться для выражения согласия или понимания. Часто можно услышать:

噢 (ō; ào), что можно рассматривать и как знак согласия, и как знак удивления, но в положительном смысле;

嗯 (ng, ng) – выражает согласие, подтверждение сказанному вами;

喳 (zhā) – почтительное выражение подчинения, согласия; в значении «так точно, совершенно верно»;

啊 (ā; á) – выражает согласие; ага, да, ладно, хорошо.

Это только некоторые из особенностей делового дискурса с носителями китайского языка. В каждой коммуникативной ситуации важно помнить, что конкретная ситуация может иметь свои уникальные особенности, поэтому подход может быть различным в зависимости от контекста и взаимодействующих сторон. Это только некоторые примеры, которые используются в китайских переговорах. Как и в любом языке, их использование зависит от контекста и целей переговоров, но понимание этих особенностей также может помочь установить близкие отношения с китайскими партнерами.

Кочергин И.В., Хуан Лилян. Практический курс общего перевода китайского языка: универсальный профессионально ориентированный учебно-методический комплекс. – Москва: Издательский дом ВКН, 2021. – 304 с.

Попов О.П. Практический курс перевода. Китайский язык. – М.: Торговый дом Библио-глобус, 2020. – 400 с.

Н.Н. Глоба, А.В. Васильева (Краснодар)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «FEMME FATALE»

Аннотация. В данной статье раскрывается понятие, новое для литературоведения и языкознания, но уже давно выделенное в кинематографическом дискурсе, – образ женщины, лингвокультурный типаж под названием «femme fatale». В рамках данной статьи проанализированы три женских образа из популярных иностранных фильмов и выделены основные характерные черты героини, чей прообраз служил прототипом поиска схожих типажей в литературном пространстве.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, женский образ, кинодискурс

Abstract. This article reveals a concept that is new to literature study and linguistics, but long existing in cinematic discourse – the image of a woman, a linguacultural type called "femme fatale." Within the framework of this article, three female images from popular

foreign films were analyzed and the main characteristic features of the heroine, whose prototype served as a prototype for searching for similar types in the literary space, were highlighted.

Keywords: linguacultural type, female image, film discourse

Роковая женщина, или женщина-вамп, – это архетипический персонаж, привлекающий всеобщее внимание и занимающий умы деятелей искусства еще с самых давних времен. За последние десятилетия он получил крайне широкую огласку не только среди его исследователей, но и среди рядовых читателей и зрителей, интересующихся данной тематикой. Этот образ по большей части был сформирован исходя из набора субъективных представлений мужчин об идеальной женщине.

Термин *femme fatale* происходит из французского языка и дословно переводится как *смертоносная* или *смертельная женщина*, что уже говорит достаточно много о вложенном в него смысле. Женщина-загадка, женщина-обольстительница и женщина-манипулятор – все эти особенности личности собраны в одном персонаже, который заставляет взглянуть по-другому на классические стереотипы женских образов в кино и литературе. Такая женщина по своей природе не является хранительницей семейного очага, примерной хозяйкой, женой и матерью, скорее наоборот – независима от окружающих, стремительна и безудержна.

Целью написания данной статьи выступает анализ существующих исследований образа роковой женщины и самостоятельное изучение его как в кинематографе, так и в произведениях классической литературы.

Феномен роковой женщины появился в эпоху модернизма и положил начало дерзким иллюстрациям темного женского начала в классических сюжетах. Именно тогда он и стал символом изменения женщинами своего привычного положения, предписываемого им обществом. Как отмечает З.А. Лурье, образ роковой женщины возник в результате пересечения различных социальных и культурных направлений, при этом он содержал в себе не только гендерный конфликт, но и иные глубинные смыслы [Лурье 2012]. Конечно же, эти новые для того времени настроения и тенденции завладели вниманием простых людей, что и сделало женщину-вамп одной из главных фигур в духовной жизни общества.

Разбирая концепцию героини *femme fatale*, нельзя не упомянуть о ее основополагающих качествах, среди которых присутствуют сексуальность, умение манипулировать мужчинами для получения собственной выгоды и достижения своих целей, а также, кроме всего прочего, острый ум и высокие интеллектуальные способности. Такие женщины неотвратимо несут своим появлением опасность, знакомство с ними, как правило, оборачивается трагедией или конфликтом для всех непосредственных участников общения. Более того, они обладают парадоксальной силой

убеждения и мастерски скрывают свои настоящие мотивы за маской безобидного флирта.

Персонаж роковой женщины чаще, чем остальные, пользуется своим обаянием и красотой, отчетливо осознавая их гипнотическое действие на других людей, благодаря чему женщина получает способность управлять их эмоциями и изменять обстоятельства в свою пользу. Е.А. Потехина делает акцент на то, что роковые женщины ассоциировались у большинства с темными силами и изображались как ведьмы, вампиры, демоны – существа, пришедшие из потустороннего мира и привлекающие мужчин при помощи колдовства [Потехина 2016].

Внешний вид женщин *femme fatale* представляет собой продолжение их весьма экспрессивного характера и в полной мере отражает притягательную натуру героинь. В число их отличительных черт входят природная бледность, контрастирующая с неизменно ярким макияжем, ношение ярко-красной или черной элегантной одежды, пристрастие к курению и чрезмерная сексуализированность самого образа в целом. По мнению того же автора, за счет всех вышеперечисленных факторов удавалось создать необходимые детали мистичности и загадочности, завоевавшие небывалую популярность [Потехина 2017].

Тем не менее такое стереотипное изображение роковых дам появилось в первую очередь из-за их доминантности и властности, которые в основном приписывались исключительно мужскому полу. Е.А. Потехина утверждает, что эти женщины часто появляются в кадре с пистолетом или сигаретой, то есть традиционно мужскими атрибутами, что намекает на «неженскую» природу их поведения: маскулинную агрессивность, стремление к свободе и независимости, но с другой стороны, роковая женщина не добивается своих целей самостоятельно, а вполне традиционно использует для этого мужчину, используя в качестве основного орудия свою эротическую привлекательность и действуя не в открытую, а при помощи интриг, лжи и других традиционно женских манипуляций [Потехина 2017].

Однако такое поверхностное описание женщины-вамп – это всего лишь образ, за которым окружающие не видят и не хотят видеть ее настоящие чувства. Будучи на первый взгляд безжалостной и жестокой, *femme fatale* может быть вынуждена действовать в таком ключе ввиду внешних причин или же различных социальных обстоятельств. В этом случае ее персонаж прибегает к хитростям и манипуляциям не для воплощения в жизнь своих личных интересов, а в целях самозащиты или же выживания. Согласно Е.А. Потехиной, именно страдающая роковая женщина – это, как правило, надломленная героиня с крайне непростой судьбой, пытающаяся обрести себя, преодолев тяжелые внутренние противоречия [Потехина 2016]. Несомненно, такие детали добавляют ей человечности и делают ее характер более глубоким и сложным. Но

Е.Ю. Саламанов считает, что несмотря на это, никогда нельзя быть уверенным, страдает она или наслаждается, манипулирует она другими или сама становится жертвой манипуляции [Саламанов 2006].

Рассматривая образ роковых женщин с психологической точки зрения, специалисты выделяют два основных свойства, которые влияют на их поведение, – нарциссизм и истеричность. Первое напрямую связано с эгоцентризмом и излишней самоуверенностью, в то время как второе, напротив, относится к неуверенности в себе и необходимости постоянного подтверждения своей самооценки. В совокупности эти контрастирующие друг с другом психотипы составляют привычное нам сочетание, которое строится на холодности и нежелании нести ответственность за чужие слабости, но при этом абсолютной невозможности избавления от привязанности к людям, которым персонаж женщины-вамп безразлична. Таким образом, как предполагают К.А. Семенюк и А.П. Семенюк, жгучая смесь истеричности и нарциссизма является залогом непреодолимой сексуальной привлекательности, которая ударяет в головы окружающим этих персонажей мужчинам [Семенюк 2022].

Оригинальный взгляд на идею образа женщины *femme fatale* в процессе стремительного роста ее популярности стали повсеместно предлагать самые известные на тот момент в мире кинокомпании, в рамках которых значится и классическое голливудское кино. Роли эксцентричных роковых дам тогда исполняли самые разные актрисы, включая знаменитых кинодив Мэрилин Монро, Риту Хэйворт и Аву Гарденер. Л.С. Кислова заявляет, что позднее мысль о саморазрушающей силе красоты утвердилась в массовом сознании и оказалась навсегда связанной с судьбами кинозвезд [Кислова 2007]. В результате такие персонажи стали неотделимым атрибутом кинокультуры, без которого не представляется возможным существование многих фильмов, в особенности произведений жанра нуар, где непростая обстановка пропитана опасностью, таинственностью и даже порой цинизмом.

В современной киноиндустрии героини с подобным психологическим складом не потеряли свою актуальность и продолжают появляться в различных сюжетах. Общая картина видения этих женщин остается прежней, но с небольшими отличиями, связанными с реалиями настоящего времени, а конкретно с постоянно меняющейся внешней обстановкой и жизненным укладом. В остальном они обладают тем же привычным для всех амплуа, которое можно увидеть в каждом из таких персонажей.

Первая из исполнительниц ролей роковых женщин, которая хорошо известна широкой публике и сегодня тоже вызывает значительный интерес, – Моника Беллуччи, сыгравшая в культовом фильме «Малена», когда-то породившем многочисленные споры среди зрителей. Типичный для того времени портрет соблазнительной вдовы, потерявшей мужа на войне, во всех отношениях соответствует описанию роковых женщин, –

персонаж актрисы по имени Малена благодаря своей ослепительной красоте является объектом желания для всех мужчин в городе. Но такой она становится не сразу, а после того, как своей обворожительной внешностью вызывает на себя гнев представительниц женского пола. Исходя из вышесказанного, Малена олицетворяет собой страдающую женщину-вамп, соблазняющую мужчин ради выигрыша в судебном деле, к которому она не имеет никакого отношения, или ради пропитания, так как после вести о смерти мужа проблема денег встает для нее очень остро.

Еще одним ярким примером жестокой красавицы, представляющей опасность для своих одноклассников-юношей, является Дженнифер Чек, которую сыграла Меган Фокс в одноименной киноленте. Дженнифер, совсем не обделенная мужским вниманием, возглавляет команду чирлидеров в своей школе, носит открытую одежду, подчеркивающую все ее достоинства, и ведет распутный образ жизни, из-за чего становится жертвой ритуала и превращается в настоящего демона, заманивающего мужчин своим телом и питающегося их плотью. Вследствие этого можно сделать вывод о том, что этот образ – результат эстетизации зла, о котором говорила в своей работе Е.А. Потехина, по той причине, что в данном фильме предлагается в буквальном смысле слова сверхъестественное объяснение способности главной героини околдовывать мужчин [Потехина 2016].

Вдобавок ко всему, стоит отметить современную интерпретацию ранее затронутого жанра нуар, или его более корректный термин – неонуар, когда-то прославивший роковых женщин как феномен. Как подчеркивает Л.Д. Бугаева, подобно своему черно-белому предшественнику, неонуар, как правило снятый в цвете, продолжает создавать характерную атмосферу тревоги и напряженности, а также в нем присутствуют как моральная амбивалентность, так и другие немаловажные составляющие, включая рассматриваемый нами архетип [Бугаева 2021]. Снятый по серии комиксов фильм «Атомная блондинка» не нарушает традиции неонуара, выбирая основным персонажем именно такого сногшибательного агента разведки по имени Лорен, – сексуальную, безумную и всегда опережающую тех, кто показал свою слабость. Образ Шарлиз Терон впоследствии стали называть женской версией Джеймса Бонда, что в общей сложности делает ее той классической *femme fatale*, с которой и началось это веяние.

Хотя кино фактически популяризировало женщин-вамп, при более тщательном разборе можно увидеть, что такие персонажи встречаются повсеместно и в литературных произведениях: где-то они являются главными героями, где-то – антагонистами, но объединяет их то, что они достаточно редко бывают на второстепенных ролях. Самые первые роковые женщины появились гораздо раньше, чем их образ прочно укрепился в общественном сознании, – в римских или греческих

мифологиях и даже библиях разных религий. Однако тогда термина *femme fatale* как такового не существовало, поэтому и считается, что он относится больше к киноиндустрии, нежели чем к литературе, что в корне неверно.

Среди русских классических книг можно найти вполне аутентичную интерпретацию фатальной девушки в работе Николая Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Молодая бездетная купчиха, которая от скуки заводит роман с приказчиком и ради него убивает свекра, мужа и племянника, обладает всеми чертами данного образа. Ее внешность тоже сильно выделяется на фоне девственных красавиц того времени, о ней Н.С. Лесков пишет, что Катерина была приятной наружности, невысокого роста, стройная, с выточенной точно из мрамора шеей, крепкой грудью, черными глазами и такого же цвета волосами [Лесков 2021]. Жестокость, с которой она совершает убийства, смешанная со страстной любовью, ради которой она это делает, приводят обоих возлюбленных к печальному концу, так как их планам не суждено было сбыться. Даже в самом названии очерка Н.С. Лесков явно указывает на шекспировскую героиню, которая была готова на все, ради достижения своей цели, что, в свою очередь, является основной характеристикой женщины-вамп.

Французская литература также предлагает свое видение персонажа *femme fatale* в книге под названием «Госпожа Бовари». Подобная Катерине Измайловой скучающая молодая девушка, которая была вынуждена связать себя узами брака с нелюбимым мужчиной, тоже имеет схожие черты с рассматриваемым архетипом. Она с такой же легкостью находит себе любовников и с такой же непринужденностью меняет одних мужчин на других, когда те ее бросают. Кроме того, Эмма Бовари хорошо знает о том, насколько сильно любовь ее мужа к ней и изощренно этим пользуется, хитростью и обманом претворяя свои задумки в жизнь. Сам Г. Флобер давал довольно противоречивую оценку своей героине, причисляя ее к натурам в известной мере испорченным (с извращенными представлениями о поэзии и с извращенными чувствами) и одновременно к элегантным, утонченным и не понятым обществом девушкам [Флобер 2014]. Иными словами, в Эмме пошлое и мещанское прикрито обаянием, красотой и интеллигентностью.

Еще одной заметной фигурой женщины-вамп, в которой, однако же, далеко не сразу угадывается этот архетип, выступает бессердечная злодейка в романе «Три мушкетера», написанном А. Дюма. В отличие от предыдущих двух девушек, Миледи Винтер, на первый взгляд, совсем не похожа на роковую женщину, а своей очаровательной внешностью вызывает полностью противоположные ассоциации у читателя. А. Дюма описывает ее как красивую белокурую женщину с до странности светлыми голубыми глазами, что делает ее будто бы ангелом во плоти [Дюма 2022]. Но за таким невинным образом Миледи Винтер скрывает клеймо преступницы, плетя политические интриги и ловко используя мужчин в

своих целях. Она убивает и отправляет на верную смерть неугодных, соблазняет тех, кто будет ей полезен, а затем они и сами с радостью за нее умирают – Миледи не знакомы чувства жалости или сострадания, она никогда не щадит своих врагов и добивается своего, чего бы ей это ни стоило.

В заключение хотелось бы сказать, что женщины *femme fatale* существовали во все времена, в самых разных аспектах жизни общества, включая литературный мир; ими не переставали восхищаться и воспевать их невероятную красоту и пылкий характер. Помимо приведенных нами, существуют миллионы других примеров роковых героинь в самых разных произведениях, каждая из которых наделена своими особенностями, но все они не были ранее сведены в единый собирательный образ до появления кино и распространения движений за женские права, поэтому и оставались неизвестными долгое время.

Бугаева Л.Д. Мрачный мир русского нуара // Международный журнал исследований культуры. – 2021. – № 2 (43). – С. 6-20.

Дюма А. Три мушкетера. – Москва: Иностранка, 2022. – 736 с.

Кислова Л.С. Образ «роковой женщины» в современной русской драме // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – № 8 (71). – С. 94-99.

Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. – Москва: АСТ, 2021. – 352 с.

Лурье З.А. История формирования образа «роковой женщины» во французской культуре XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2012. – № 1 (2). – С. 155–161.

Потехина Е.А. Женщина-вамп и роковая женщина как культурные модели в американском и российском кинематографе // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2017. – №26. – С. 105-121.

Потехина Е.А. Культурные модели феминного: роковая женщина и женщина-вамп // Царскосельские чтения. – 2016. – № 20 (1). – С. 106-110.

Саламанов Е.Ю. Образ «роковой женщины» как проявление истерического синдрома // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – №36. – С. 15-18.

Семенюк К.А., Семенюк А.П. Образ *femme fatale* в творчестве Достоевского сквозь призму структурного психоанализа Жака Лакана // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 46. – С. 140–148.

Флобер Г. Госпожа Бовари. – Москва: Азбука, 2014. – 384 с.

ТИПОЛОГИЯ МАНИПУЛЯТОРОВ Э. ШОСТРОМА КАК ОСНОВА МОДЕЛИРОВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается типология манипулятивных коммуникативных стилей с опорой на роли манипулятора Э. Шострома с учетом когнитивной и дискурсивной специфики коммуникативной деятельности коммуниканта. Специфика когнитивного аспекта параметризуется на основе когнитивного стиля «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ». Особенности дискурсивной деятельности описываются с помощью речевых стратегий, маркирующих коммуникативный стиль, посредством их соотнесения с классификацией роли Манипулятора Э. Шострома.

Ключевые слова: моделирование, когнитивный стиль, коммуникативный стиль, манипуляция

Abstract. The purpose of this study is to model a manipulative communicative style based on the communicant's cognitive and discursive specifics. The cognitive aspect is parameterized on the basis of the cognitive style «IMPULSIVITY/REFLEXIVITY». The features of discursive activity are described using speech strategies that mark the communicative style. The model is detailed with E. Shostrom's Manipulator Roles typology.

Keywords: modeling, cognitive style, communicative style, manipulation

Манипуляция находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей (Е.Л. Доценко, В.П. Шейнов, Г.А. Копнина, Д. Карнеги, Э. Шостром, Г. Чалдини и др.). Изучаются различные аспекты этого явления: психологические, морально-этические, коммуникативно-прагматические характеристики.

Целью данного исследования является описание и параметризация манипулятивных коммуникативных стилей (далее – МКС) с опорой на типологию манипуляторов Э. Шострома и когнитивных стилей. Для достижения цели рассматриваются следующие теоретические понятия: моделирование, манипуляция, коммуникативный стиль.

Модель определяется как «та или иная схема конструирования языковой сущности» и представляет собой «единораздельную целостность» [Лосев 2004, с. 20–21], фиксирующую как саму себя, так и отдельные составляющие, в особенности «первичную, исходную» категорию [Лосев 2004, с. 23], которая организует и упорядочивает основные характеристики. Сущностными признаками моделирования являются абстрактность, упрощенность, схематичность и экспланаторность. Построение модели предполагает следующий алгоритм [Апресян 1966, с. 98–99]. Исследователь фиксирует факты, требующие уточнения. Исходя из важных свойств объекта и его структуры, выдвигается гипотеза о возможном поведении объекта. На основе гипотезы строится модель, выделяются основные параметры и задаются правила функционирования. Полученная модель проверяется

экспериментальным путем и уточняется. В итоге на основе модели строится обобщающая теория функционирования объекта.

Модель МКС строится на основе когнитивного параметра «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ» с опорой на типологию манипуляторов Э. Шострома.

Под коммуникативным стилем понимается «типичная манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве» [Мкртычян 2011, с. 38–39].

Языковая манипуляция трактуется как «воздействие на человека с целью побудить его совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному намерению» [Стернин 2001, с. 56]. Характеристики манипуляции, которые мыслятся как релевантные для моделирования МКС, следующие: 1) несовпадение (в том числе потенциальное и/или неосознаваемое) интенций субъектов общения; 2) наличие двух интенциональных планов: эксплицитного и имплицитного (скрытого); 3) «многослойность» вербальных проявлений, реализуемая посредством речевых стратегий и тактик.

Моделирование МКС производится с учетом индивидуальных особенностей мышления коммуникантов. Принимается во внимание, что «пусковые» механизмы коммуникативного стиля имеют когнитивную природу, и когнитивный стиль (далее – КС) проецируется на вербальную коммуникацию и обнаруживает себя в МКС, который является устойчивой дискурсивной характеристикой говорящего.

КС – это «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые определяют специфику склада ума и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [Холодная 1997, с. 17].

Каждый когнитивный параметр описывается при помощи двух полярных измерений когнитивного поведения человека. К КС не применимы оценочные суждения, так как каждый стиль имеет преимущества в определенных ситуациях, поэтому возможен только вектор ситуативной оценочности. КС является устойчивой характеристикой субъекта, которая проявляется на разных уровнях интеллектуального функционирования. Человек может использовать любой стиль, но неосознанно отдает предпочтение одному из них. Эти индивидуальные различия образуют особую форму когнитивного поведения.

Основа модели МКС является КС «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ». Данный параметр отражает скорость и качество принятие решений в условиях неопределенности. ИМПУЛЬСИВНОСТЬ – склонность принимать решения быстро, но на недостаточной информационной базе. РЕФЛЕКТИВНОСТЬ – склонность принимать решения медленно, но с учетом всех альтернатив. Основное отличие между полюсами ИМПУЛЬСИВНОСТИ и РЕФЛЕКТИВНОСТИ, как

пишет М.А. Холодная, «заключается в объеме той информации, которую собирает индивидуум до принятия решения» [Холодная 1997, с. 121].

Отдельно выделяются категории быстрые/точные и медленные/неточные [Холодная 1997, с. 117].

Импульсивные лица принимают решения на недостаточной информационной базе, в то время как рефлексивные лица склонны принимать решения при наличии максимально полной информации. Эти особенности в соответствии с нашей гипотезой задают вектор реагирования в ситуациях, где для достижения целей индивид прибегает к манипулированию.

По мнению Э. Шострома, «в каждом есть манипуляторское начало» [Шостром 1992, с. 3], которое способствует приспособлению к окружающей обстановке, маскировке истинных чувств и намерений. Исследователь выделяет «попирающих» и «попираемых» манипуляторов [Шостром 1992, с. 20], которые в свою очередь, подразделяются на роли манипулятора. Характеристика ролей представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Классификация ролей манипулятора Э. Шострома

«Попирающие» манипуляторы	«Попираемые» манипуляторы
Диктатор. Его позиция – доминировать, указывать, управлять. Диктатору нужны жертвы. Вмешивается в свободу действий адресата.	Тряпка. Антипод Диктатора и его жертва. Преувеличивает зависимость от Диктатора, видит в нем причину всех своих проблем.
Калькулятор. Стремится контролировать с помощью различных ухищрений. Для достижения целей стремится вызвать чувство долга, ответственности, верности слову. Его основные инструменты – хитрость и ложь. Это типаж афериста, игрока, шантажиста.	Прилипала. Сознательно демонстрирует зависимость от обстоятельств. Ему необходимо, чтобы его выслушали, помогли, решили его проблемы. В отличие от Тряпки, не боится наказаний, а демонстрирует свою беспомощность.
Хулиган. Сознательно демонстрирует недоброжелательность, использует угрозы для нагнетания обстановки. Он оскорбляет, угрожает, пугает. С помощью агрессивных действий стремится поставить другого в неловкое положение и тем самым добиться своей цели.	Славный парень. Преувеличивает заботу, внимательность и доброту, хочет всем помочь. Он добрый человек, поэтому хочет, чтобы ему также отвечали добротой. Такие люди чересчур доброжелательны. Сознательно идет на материальные издержки, чтобы добиться своей цели.
Судья. Чрезмерно критичен, в каждом видит своего врага, всегда готов критиковать и негодовать. Он всегда всё знает лучше всех, считает себя вправе оценивать и обличать других, позорить виноватых. В отличие от хулигана, который унижает других, Судья демонстрирует свое превосходство.	Защитник. Готов простить любую ошибку, делает акцент на утешении и сочувствии. Своей излишней помощью он мешает самостоятельности подзащитных, лишает их возможности исправить свои ошибки. В отличие от Славного парня (который только сочувствует), защитник готов к активным действиям.

«Попирающие» манипуляторы обвиняют, критикуют, приказывают, стремятся захватить контроль над собеседником. «Попираемые» манипуляторы используют комплементарную стратегию: подчиняются, демонстрируют свою беспомощность и зависимость. Э. Шостром отмечает, что пассивные манипуляторы «всегда контролирует активных и помыкают ими. Их требования – это и есть форма всеильности» [Шостром 2008, с. 27]. Данное разделение позволяет предположить, что существуют два МКС.

Модель МКС строится на следующей гипотезе. Определяющим параметром МКС является КС, а дискурсивным основанием – речевые стратегии, которые можно соотнести с ролью манипулятора по Э. Шострому. МКС маркируются речевыми стратегиями (далее – РС). Вслед за И.Н. Борисовой коммуникативная стратегия трактуется как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Борисова 1999, с. 89]. Стратегия вербализуется посредством речевых тактик. Речевая тактика (далее – РТ) – речевое действие, характеризующееся своей задачей и функцией в рамках реализуемой коммуникантом стратегии [Борисова 1999, с. 89]. В соответствии с гипотезой выделяются эксплицитно-доминантный и латентный МКС.

Эксплицитно-доминантный (далее – ЭД) МКС детерминирован параметром ИМПУЛЬСИВНОСТЬ. Он характеризуется выраженной оценочностью и соотносится с характеристиками «попирающих» манипуляторов: Диктатор, Судья, Хулиган. Для достижения целей манипулятор приказывает, критикует, понижает позицию собеседника.

Латентный (далее – Л) МКС отличается эмоциональной и оценочностной ригидностью и, прежде всего, направлен на рациональное искажение фактов. Он обусловлен КС РЕФЛЕКТИВНОСТЬ. Л МКС соотносится с «попираемыми» манипуляторами: Тряпка, Прилипала, Славный парень. Манипулятор подчиняется, приносит себя в жертву, подстраивается. Отметим, что роли Калькулятор и Защитник стоят на границе ЭД и Л МКС, так как для достижения целей они могут менять стиль манипулирования.

Для иллюстрации выделенных МКС приведем примеры типичных речевых стратегий каждой из ролей манипулятора. Названия РС частично заимствованы из работы С.И. Поварнина «Искусство спора» [Поварнин 1923].

Обратимся к результатам проведенного эксперимента. Гипотеза заключалась в том, что испытуемые с КС ИМПУЛЬСИВНОСТЬ будут демонстрировать ЭД МКС, а испытуемые с КС РЕФЛЕКТИВНОСТЬ – Л МКС. В эксперименте приняли участие 50 человек. В первой части эксперимента определялся КС испытуемых. Вторая часть выявляла

доминирующий МКС. Были предложены задания с ответами открытого и закрытого типа. Эксперимент проводился на платформе Online Test Pad.

Задание открытого типа было сформулировано следующим образом: Напишите, что Вы скажете для достижения явной цели (скрытая цель не должна быть обнаружена собеседником).

1. Модельная ситуация:

Представьте, что Вы – продавец-консультант в магазине одежды. К Вам в магазин приходит женщина, которая выглядит элегантно и представительно, и Вы думаете, что она довольно обеспечена и у нее высокий статус. Женщина выбирает одно из самых дорогих платьев в магазине (сделано из качественной ткани, от модного иностранного бренда, чьи товары редко представлены). Покупательнице оно нравится, но Вы видите, что она колеблется, возможно, из-за его стоимости или из-за фасона. Что бы Вы ей сказали, чтобы убедить купить платье? Опишите Ваши действия и достигните цели коммуникации. Явная цель: убедить, что это идеальное платье для покупательницы. Скрытая цель: продать одно из самых дорогих платьев.

Испытуемые продуцировали ответы самостоятельно. Результаты были распределены в соответствии с моделью МКС (см. Таблица 2).

Таблица 2

Типичные РС ролей манипулятора

Роль манипулятора	МКС	РС	РТ
Диктатор	ЭД	РС прямого управления поведением адресата	Добрый день! Вижу, что Вы всё еще сомневаетесь в своем выборе. Давайте примерим платье еще раз и подумаем, чего ему не хватает. Я уверена, что смогу развеять все Ваши сомнения касательно этой позиции.
Тряпка	Л	РС продвижения своей инициативы	Вы так потрясающе выглядите в этом платье. Это против правил, но... если купите его сейчас, я вам смогу сделать скидку, пока начальника нет рядом.
Калькулятор	ЭД/Л	РС расширения тезиса	Такого больше ни у кого нет, и к нам в следующий раз могут уже не завезти.
Прилипала	Л	РС подмены тезиса	Это платье только что хотела купить другая девушка, но у нее с собой не оказалось денег, и она пошла в машину за банковской картой. Не знаю, успеете ли вы его купить.
Хулиган	ЭД	РС ироничной оценочности	Цена высокая, но, думаю, для вас она смешная.
Славный парень	Л	РС продвижения своей инициативы	Прямо при ней позвонить своему начальнику и спросить о возможной скидке: если она возьмет его сейчас, получит скидку в 10%.

Судья	ЭД	РС ложного обобщения	Это платье всем нравится, но редко садится по фигуре, а на вас смотрится потрясающе. Почему же вы сомневаетесь?
Защитник	ЭД/Л	РС субъективного довода	Понимаю, что это возможно большая сумма, но вы так шикарно в нем выглядите, думаю, вам стоит себя побаловать.

Аналогичная модельная ситуация была предложена в задании закрытого типа.

1. Задание. *Выберите начало ответа, который наиболее подходит для достижения явной цели (скрытая цель не должна быть обнаружена собеседником).*

2. Модельная ситуация:

Представьте, что Вы – продавец-консультант в магазине часов. К Вам в магазин приходит мужчина, который выглядит солидно и представительно. Мужчина выбирает часы и просит показать одну из самых дорогих моделей (из лимитированной коллекции, из прочных материалов и с надежным механизмом). Покупателю нравится эта модель, но вы видите, что он не решается на покупку, возможно, из-за стоимости. Как бы вы убедили покупателя приобрести именно эти часы?

Явная цель: убедить, что эти часы идеальны для покупателя.

Скрытая цель: продать одни из самых дорогих часов.

Предложенные варианты ответа соотнесем с ролями манипулятора и МКС (см. Таблица 3).

Таблица 3

Ответы закрытого типа

Роль	МКС	РС	РТ
Судья	ЭД	РС доминирующей оценочности	Конечно, Вам решать, но, без всякого сомнения, эти часы идеальны для вас, высочайшего качества. К тому же последний экземпляр! Уж я-то в часах разбираюсь!
Судья	ЭД	РС обратного приказа	Разве Вы не хотите стать обладателем такой ценной модели?
Прилипала	Л	РС скрытой зависти	А я всё люблюсь ими, но не могу себе позволить.
Славный парень	Л	РС побуждения	Не думайте – можете даже неделю поносить, а потом вернуть!

Ответы испытуемых на этот вопрос распределись следующим образом (см. Рис. 1).

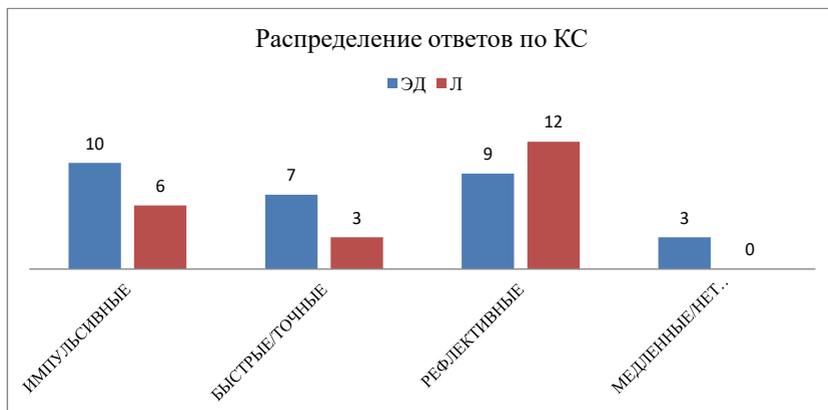

Рис. 1. Распределение ответов МКС в соответствии с КС

Испытуемые, демонстрирующие КС **ИМПУЛЬСИВНОСТЬ** (импульсивные и быстрые/точные), склонялись к выбору ответов ЭД стиля: 17 испытуемых выбрали ЭД, 10 испытуемых выбрали ответы, маркирующие Л стиль. Испытуемые, которых можно отнести к полюсу **РЕФЛЕКТИВНОСТЬ**, чаще выбирали варианты ответов, маркирующих Л стиль. Отдельно нужно отметить, что всего в экспериментальном исследовании в группу «медленные/неточные» попали ответы трех испытуемых, поэтому ответов недостаточно для того, чтобы делать вывод об их доминирующем МКС. 12 испытуемых, являющихся носителями КС человек с параметром **РЕФЛЕКТИВНОСТЬ**, выбрали ответы, соответствующие Л стилю, и 8 человек – ответы, относящиеся к ЭД стилю. Это позволяет сделать вывод о том, что КС влияет на использование МКС.

Таким образом, моделирование МКС возможно на основе когнитивных и дискурсивных особенностей говорящих. В результате проведенного экспериментального исследования было установлено, что КС **ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ** определяет вектор использования МКС, который маркируется типовыми речевыми стратегиями и соотносится с ролями манипулятора Э. Шострома.

Выделены два МКС – эксплицитно-доминантный и латентный. Эксплицитно-доминантный преимущественно обусловлен КС **ИМПУЛЬСИВНОСТЬ** и соотносится с ролями *Диктатор*, *Хулиган*, *Судья*. Этот стиль предполагает активное эксплицитное эмоциональное давление. Латентный МКС эмоционально более ригиден и в значительной степени направлен на искажение фактов. Он чаще фиксируется у испытуемых, характеризующихся когнитивным параметром КС **РЕФЛЕКТИВНОСТЬ**, и соотносится с ролями *Тряпка*, *Прилипала*, *Славный парень*. Роли *Калькулятор* и *Защитник* являются пограничными.

Привлечение типологии манипуляторов позволяет уточнить и детализировать разрабатываемую типологию МКС на основе когнитивно-дискурсивного подхода к изучению феномена манипуляции.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М., 1966. – 302 с.

Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 81–97.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004. – 296 с.

Мкртычян С.В. Стилистика устного делового дискурса: монография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 313 с.

Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практике спора. – М., 1923. – 114 с.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Кварта, 2001. – 252 с.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума: учебное пособие. – 2-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2004. – 384 с.

Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск, 1992. – 127 с.

Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. – М., 2008. – 192 с.

Т.В. Ильина (Воронеж), Ц. Чэнь (Китай)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка описать методику изучения фразеологии китайского языка в китайской аудитории. Это позволит исследователям русского языка не только почерпнуть дополнительную информацию об особенностях столь популярного на сегодняшний день в России китайского языка, но и посмотреть на изучение фразеологии родного языка под другим углом.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, идиома, китайский язык

Abstract. The article attempts to describe the methodology of studying the phraseology of the Chinese language in a Chinese audience. This will allow researchers of the Russian language not only to get additional information about the features of the Chinese language so popular in Russia today, but also to look at the study of the phraseology of the native language from a different angle.

Keywords: phraseology, phraseology, idiom, Chinese language

Известно, что фразеология (как особая подсистема фразеологических единиц, семантика которых связана с языком и речью), отражает ментально специфические конвенциональные установки речевого общения. Эта мысль побуждает нас обратиться к проблеме ценностей, которая обсуждается исследователями в границах национальной культуры, с учетом менталитета народа.

Менталитет (ментальность) – «в когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии: способ мышления, склад ума,

особенности мировоззрения и мировосприятия действительности, характерные для национального создания» [Матвеева 2007, с. 117].

Современная лингвистика рассматривает язык как «культурный код нации», а не только как средство общения [Маслова 2001, с. 3]. Язык отражает реальность и интерпретирует ее, создавая особую картину мира. Языковая картина мира – это «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц» [Гак 2000, с. 36]. Другими словами, национальный язык своеобразно интерпретирует реальность, в которой живет человек. В этой связи уместно привести метафору А.М. Хайдеггера, который назвал язык «домом бытия».

Язык служит средством накопления, хранения и передачи культурно значимой информации данного народа, поэтому является национальной ценностью. В.А. Маслова, подчеркивая эту тесную связь языка с культурой, пишет: «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [Маслова 2001, с. 9]. Язык, по замечанию С.Г. Тер-Минасовой, – «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000, с. 14]. Другими словами, язык хранит ценности и транслирует ценности. Наиболее ярко ценностные предпочтения, установки, ценностные оценки передает фразеологическая система языка.

Фразеология (от греч. φράσις – выражение и греч. λόγος – понятие, учение) – лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания – фразеологизмы; множество самих фразеологизмов того или иного языка также называется фразеологией [Поливанов 2000, с. 112].

Китайские фразеологизмы раскрывают национальные и культурные особенности страны. Идиомы прочно вошли в строй китайского языка. В них находят свое отражение философские мысли, природные явления, описание быта, юмор, нравственность и мораль.

Китайская фразеология имеет свои особенности, которые отличают ее от других языковых систем. К таким относят следующие.

– Идеографический характер. Китайская письменность основана на идеографическом принципе, где каждый иероглиф представляет определенное значение или концепцию. Это отличается от фонетических систем письма, где звуки обозначаются буквами. В китайской фразеологии, многие фразеологические выражения основаны на иероглифах и их значениях, что придает им особую глубину и символическую силу.

– Исторический контекст. Многие китайские фразеологические выражения имеют свои корни в исторических событиях, легендах или

философии. Они отражают культурные и исторические аспекты китайского общества и могут быть связаны с конкретными периодами или персонажами. Понимание исторического контекста помогает полнее осознать значение и использование этих выражений.

– Метафорический язык. Китайская фразеология часто использует метафоры для передачи определенных идей или концепций. Метафоры могут быть основаны на природных явлениях, животных, растениях или других объектах, которые символизируют определенные качества или атрибуты. Это делает фразеологические выражения более образными и запоминающимися.

– Фразовая структура. Китайская фразеология имеет свою специфическую структуру, которая отличается от обычных предложений. Фразеологические выражения могут быть составлены из нескольких иероглифов, которые вместе образуют единое значение. Это позволяет выражать сложные идеи или концепции в компактной форме.

Как пишет в своей статье «Лингвокультурные аспекты китайской фразеологии» Ниннин Го, «фразеологические единицы китайского языка лучше всего изучены с точки зрения их семантической слитности и стилистического использования в художественной и общественно-публицистической литературе. Однако не менее важным является изучение фразеологических оборотов и в других аспектах, а именно подход к фразеологии как к ценнейшему источнику сведений о культуре и ментальности народа» [Го 2013, с. 167].

До 1949 года в Китае почти не публиковали специфические исследования, посвященные фразеологии. Встречались лишь единичные работы о классификации фразеологизмов (эньюй). Их публиковали в научных журналах, также создавались словари фразеологизмов и народных речений. Интерес к исследованиям в области лексикологии в Китае начался с конца семидесятых годов прошлого столетия [Афанасьева 2015, с. 34]. В это время в лингвистических исследованиях по лексикологии китайского языка начал встречаться термин 熟语 shúyǔ (шуюй). Он может иметь три основных значения:

1) фразеология как раздел китайского языкознания, ориентированный на изучение устойчивых оборотов речи;

2) весь объем фразеологических единиц китайского языка;

3) фразеологическая единица (как фразеологическое словосочетание, так и фразеологическое предложение).

Поскольку фразеологический фонд китайского языка стали изучать относительно недавно, китайские лингвисты еще не достигли единства значения используемых ими терминов. На данный момент в Китае основной считается классификация фразеологизмов, составленная Ма Гофанем. Она включает следующие разряды фразеологических единиц: чэньюй (成语) – идиома; яньюй (谚语) – пословица и поговорки; сехоуэй

(歇后语) – недоговорка – иносказание; гуаньюньюй (惯用语) – фразеологическое сочетание. Рассмотрим их подробнее.

1. **Чэньюй** (成语 в дословном переводе – «готовое выражение») – фразеологические единицы, состоящие из четырех иероглифов. Эти сочетания возникли из философских трактатов, художественной литературы, притч, легенд и мифов. Китайцы часто используют чэньюй в своей речи. Например, такие выражения, как 大公无私 (*быть бескорыстным, абсолютно беспристрастным*), 运斤成风 (*взмахом топора порождать ветер*), 伯乐相马 (*Бо Лэ оценил лошадь*).

2. **Яньюй** (读语 дословный перевод – «поговорка»). Это сочетания, состоящие из четырех и более иероглифов. Этот вид китайских идиом отличает поучительный, дидактический характер. Одним из характерных признаков яньюй является отсутствие личных местоимений. Примеры яньюй: 宁受挤, 不受气 [叶芳来 (*волк коню не товарищ*)], 言既出 (*лучше жить в тесноте, да не в обиде*), 驷马难追 [叶芳来 (*слово вылетело – на четверке коней не догонишь*)].

3. **Суюй** (俗语 дословный перевод – «поговорка»). У этого вида фразеологических единиц отсутствует прямой поучительный смысл. Сочетание слов характеризуется метафоричностью и экспрессивностью. Например: 男勤耕, 女勤织 (букв. *мужчина усердно пашет, женщина усердно шьет*).

4. **Сехоуюй** (歇后语 – дословный перевод «недоговорка-иносказание»). Это устойчивое выражение строится по схеме «загадка – разгадка». Первая часть представляет собой иносказание, вторая – раскрытие иносказания. В речи недоговорки могут употребляться как в полной форме, так и в усеченной – только первая часть. При этом усеченная форма употребляется в том же значении, что и полная. Например: 半天云里吊口袋 – 装风 (букв. *подвесить мешок в поднебесье – собирать ветер*), 寒天喝冷水 – 点点在心头 (букв. *в морозный день пить студеною воду – каждая капля отдается в сердце*).

5. **Гуаньюньюй** (惯用语 – в дословном переводе «привычные выражения») – сочетания, состоящие из трех иероглифов, которые отличаются эмоционально-экспрессивной окрашенностью. Например, 拍马屁 (*хлопать конский круп*), 抬轿子 (*нести паланкин*), 吃错药 (*выпить не то лекарство*), 母老虎 (*тигрица*, употребляется в значении «злая женщина»).

По своему происхождению «чэньюй» принадлежат книжному стилю. Они происходят из древнекитайского литературного письменного языка, употребляются в строго нормированной литературной речи, художественных произведениях, газетно-публицистическом стиле и т. д. «Сехоуюй» (недоговорки) и «яньюй» (поговорки) противопоставлены

фразеологические единицы высокого стиля. Они относятся к разговорному стилю речи.

Основная трудность в изучении китайских фразеологизмов – различия исторического и культурного прошлого России и Китая. При изучении китайским идиом иностранным студентам бывает сложно понять культурный подтекст, отсылки, аллюзии. При исследовании китайских фразеологизмов необходимо хорошо разбираться в древнекитайской фонетике, семантике и грамматике.

Наиболее распространенными методами изучения китайских фразеологизмов являются: морфемный анализ, обучение путем классификации, использование этимологии, метод контекстного обучения [Коновалова 2023, с. 3]. На примере изучения чэньюй рассмотрим эти методы подробнее.

1. Морфемный анализ. При таком способе изучения происходит буквальное толкование морфем. На занятиях изучаются отдельно иероглифы и приводится значение каждого из них отдельно. К примеру, чэньюй 拔苗助长 (*bá miáo zhù zhǎng*) означает «ускорять ход событий насильственным путем, перестараться, оказывать медвежью услугу». В ходе морфемного анализа выделяются такие глаголы, как *вытаскивать, выдергивать, вытягивать, извлекать всходы, побеги, росток помогать, оказывать поддержку расти, увеличиваться*.

2. Классификация, обобщение и сравнение сходств и различий китайских идиом. На занятиях можно классифицировать чэньюй с разных точек зрения, исходя из их значений и формы. Те устойчивые сочетания, в которых упоминаются такие животные, как драконы, тигры, крупный рогатый скот, обладают положительной окраской. Те же, в которых употребляются волки, крысы и другие животные, – оскорбительными.

3. Этимологический анализ. Обучающимся рассказывают истории возникновения китайских фразеологизмов. Таким образом повысить интерес студентов к процессу обучения. Китайские фразеологизмы происходят из мифов, басен, рассказов. Многие из них возникли из разговорного языка. Китайские идиомы также связаны с природой, описанием климатических явлений и т.д.

Например, история возникновения китайского фразеологизма 运斤成风 (*взмахом топора порождать ветер*).

В царстве Чу жил один человек, который однажды случайно испачкал кончик носа белилами. Слой грязи был необычайно тонким, тоньше крыла мухи. Человек попросил своего друга – ремесленника Цзян Ши очистить нос от белил топором. Мастер взмахнул топором и снял слой белил так, что человек не успел понять. Он не поранился, а нос был очищен. Эту историю услышал князь Юаньцзюань из царства Сун. Он решил познакомиться с ремесленником и попросил его повторить то, что он сделал. На эту просьбу мастер ответил, что неплохо владеет топором, однако его друг давно умер.

Этот фразеологизм используется, когда говорят о выдающихся способностях или умении мастерски делать что-либо.

4. Изучение идиом в контексте. Преподаватели описывают ситуации, в которых китайские фразеологизмы чаще всего употребляются, тем самым студентам легче понять значение той или иной идиомы. Для облегчения восприятия преподаватели могут использовать мультимедийные средства для демонстрации в классе, придумывать сценарии, сценки, разыгрывать диалоги в процессе обучения. Обучающимся показывают, что китайские фразеологизмы обладают выразительной силой, богатым смыслом. В них заложена глубокая китайская философия.

Предложенный в статье материал может использоваться на занятиях по китайскому языку для русских учащихся и в практике лексикографии при составлении фразеологических словарей китайского языка.

Афанасьева М.П. К вопросу о становлении фразеологии в китайском языкознании и возможных методах описания фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48). – Ч. 2. – С. 33-36.

Гак В.Г. Русская динамическая картина мира // Русский язык сегодня / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: «Азбуковник», 2000. – Вып. 1. – С. 36-44.

Го Н. Лингвокультурные аспекты китайской фразеологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – №2 (118). – С. 166-168.

Коновалова Ю.А. Анализ основных методов преподавания китайских фразеологизмов для русскоязычных студентов // Бизнес и общество. – 2023. – №2 (38).

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 208 с.

Матвеева Т.В. Коммуникативные стратегии влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи. – Вып. 9. – М., 2007. – С. 110-127.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Просвещение, 2000.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

С.С. Калинин (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ БИБЛЕИЗМОВ В ПЕРЕВОДЕ ФРАГМЕНТА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ НА КЕТСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности перевода фрагмента Евангелия от Луки, посвященного рождению Иисуса Христа. Установлено, что для перевода различного рода библеизмов используются различные стратегии перевода, в частности, доместикация, смысловой перевод, а также использование прямых заимствований (в частности, заимствований библейских топонимов и антропонимов). Показано, что ряд особенностей перевода Евангелия на кетский язык объясняется типологическими характеристиками данного языка. Продемонстрировано, что

иноязычные лексические единицы органично встраиваются в систему и структуру кетского языка.

Ключевые слова: кетский язык, перевод Библии, Евангелие от Луки, библеизмы, семантика библеизмов, библейская ономастика

Abstract. This paper examines the main characteristics of the fragment of the Gospel of Luke translation dedicated to the birth of Jesus Christ. It has been established that a number of translation strategies are used to translate various types of biblical words and expressions. Particularly, the following way of translations can be mentioned: domestication, semantic translation as well as the use of direct borrowings (among them, biblical personal names and toponyms). It is shown that a number of features of the translation of the Gospel into the Ket language are driven by the typological characteristics of this language. It has been demonstrated that lexical units which have their roots in another languages are organic part of the system and structure of the Ket language.

Keywords: Ket language, Bible translation, Gospel of Luke, biblical expressions, semantics of biblical expressions, biblical onomastics

Перевод Библии на языки различных народов мира всегда являлся источником обогащения языка новыми лексическими единицами, а также развития новых функциональных стилей. Хрестоматийным примером в этом отношении служит история развития современного русского литературного языка, которое на всех этапах происходило под сильным влиянием церковнославянского языка. Не являются исключением и языки других народов России, в частности языки коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К числу последних относится и кетский язык, который в настоящее время представляет собой, по всей видимости, единственный живой язык, относящийся к нисейской семье.

Анализируемый текст представляет собой перевод фрагмента Евангелия от Луки (стихи 1–20), который посвящен Рождеству Иисуса Христа. Этот перевод был выполнен и издан в 2000 г. при участии Института Перевода Библии: он представляет собой первую публикацию указанного текста на кетском языке.

По всей вероятности, перевод указанного фрагмента Евангелия осуществлялся с русскоязычного Синодального перевода, в этом случае можно лишь говорить только об опосредованном влиянии церковнославянского перевода на кетский и на семантику последнего.

В рамках данной работы, вслед за Е.М. Верещагиным [Верещагин 1993, с. 67], под библеизмами мы будем понимать лексические единицы, либо непосредственно восходящие к библейскому источнику, либо подверглись его непосредственному влиянию и сближению с ним. Таким образом, в число библеизмов в рамках данной работы включаются также и различные имена собственные (топонимы, антропонимы и т. п.).

Прежде всего нужно отметить, что «стандартная» лексика кетского языка, не несущая в себе каких-то специфических сакральных смыслов, используется для передачи понятий и образов Священной Истории, а также для того, чтобы выразить семантику библеизмов. Приведем тому

следующие примеры. Для наименования Младенца Иисуса используется лексическая единица *дыль* кетского происхождения, которая буквально означает ‘ребенок’ [Вернер 2002, с. 35]. Она представлена в стихах 6, 12, 17. Кроме того, в аналогичной функции используется лексическая единица *хы'п*, основным значением которой является ‘сын’ [Вернер 2002, с. 111]. в частности, это слово входит в состав сложной формы из стиха 7 *хы'п-богда* ‘сына-первенца (его одного)’ (форма притяжательного падежа), второй компонент которой восходит к числительному *бо'к* ‘один’. Особенность данного числительного заключается в том, что оно согласуется именно с одушевленными определяемыми [Comprehensive Dictionary of Ket 2015, p. 32], к которым относятся и термины родства, в отличие от числительного *бусь* с тем же значением, но употребляемого с неодушевленными предметами.

Исходя из того лексического материала, что приведен выше, можно сделать следующее заключение: семантика «старых», обиходных слов кетского языка расширилась таким образом, чтобы выражать новые семантические спектры, связанные с религиозной жизнью общества. Тем самым в семантике отмеченных лексических единиц несколько изменился способ концептуализации действительности.

Подтверждением этому может служить история изменения лексической семантики слова *Есь*, которое в данном фрагменте из Евангелия используется для наименования Единого Бога в христианском Его понимании. До принятия христианства кетами *Есь* было именем одного из божества. *Есь* считался у кетов главным добрым божеством, являя собой мифологическое олицетворение неба и, по-видимому, ряда метеорологических явлений (так, слово *есь/ес'* в кетском обладает еще и значениями ‘небо’, ‘погода’) [Алексеев 1967, с. 171]. Таким образом, произошло изменение концептуализации значения старого наименования дохристианского божества, вероятно, с целью приблизить евангельские представления о Боге и божественном к традиционной кетской модели мира.

Примеры использования лексической единицы *Есь* в «новом» значении весьма многочисленны в анализируемом фрагменте:

- стих 15: *...акусь баря этаңа Есь*: русский эквивалент «о чем сказал (возвестил) нам Бог»;
- стих 11: *Есьда ке'т Мессия* ‘человек Бога Мессия’;
- стих 10: *Есьда ке'т баря наңа...*: русский эквивалент «человек Бога (ангел) сказал им...»;
- стих 13: *Есьда кальдэ'у* ‘воинство Бога’ (последняя лексическая единица *кальдэ'у* представляет собой форму множественного числа от *кальгет* ‘воин’ [Вернер 2002, с. 44]).

Примечательно, что для обозначения понятия «ангел» в переводе используются различные синонимы: помимо указанного выше

описательного оборота *Есьда ке'т* с буквальным значением 'человек Бога' используется также и заимствование из русского *анэль* (встречается в 20 стихе), которое в конечном счете восходит к греческому, а кроме того – и описательный оборот *Есьда анэль* 'ангел Бога' из 9 стиха, в котором сочетаются исконная и заимствованная лексические единицы.

Что касается библейских онимов, то следует заметить, что они органично встраиваются в лексико-семантическую систему кетского языка, что отражается, соответственно, и на грамматических формах таких имен собственных. Тому можно привести следующие примеры:

- *Ке'т буря и Иосиф, Галилей ба'удициль, Назарет колетдициль, Иудеядица...*: стих 4, переводной эквивалент: «пошел и человек Иосиф, из земли Галилеи, из города Назарета, в Иудею»;

- *колетдица Давидда ди Вифлеем оонь*: стих 4, переводной эквивалент: «город Давида, который Вифлеем».

В частности, падежная форма *Давидда* представляет собой форму притяжательного падежа, *Иудеядица* – форму дательного-направительного падежа. Сюда же можно отнести и форму *Вифлеемдица* 'в Вифлееме', 'в Вифлеем', которая также представляет собой форму дательного-направительного падежа.

Из приведенных примеров можно видеть, что заимствованная библейская лексика древнееврейского происхождения оформляется при помощи исконно кетских падежных аффиксов аналогично следующим лексическим единицам, одна из которых имеет енисейское происхождение, а другая представляет собой старое освоенное русскоязычное заимствование [Поляков 1987, с. 93]: *ба'удициль* 'из земли', 'из края', 'из области', *колетдициль* 'из города' (в данном случае это формы исходного падежа, см. более подробно о кетской падежной системе у А.П. Дульзона [Дульзон 1968, с. 70-71]).

Для передачи семантики библеизмов в анализируемом фрагменте перевода Евангелия используется и domestикация. Так, для русскоязычной номинации *пастухи*, которая встречается в Синодальном переводе (в церковнославянском тексте, соответственно, *пастырие*), используется кетский эквивалент *сенькалябельсин* (представлена, например, в стихах Лк.2:8, 20 анализируемого перевода). Эта лексическая единица представляет собой композит, в состав которого входят два компонента.

Первый компонент – *калябельсин*, который представляет собой форму множественного числа от имени существительного *калябельсь* 'сторож', 'дежурный', 'охранник' [Вернер 2002, с. 44]. Вторым компонентом является *сень*, производный от формы множественного числа *се'н*, которая образована от имени существительного *сель* со значением 'олень' [Вернер 2002, с. 75]. Таким образом, буквальным покомпонентным переводом данного композита будет 'охранники оленей'. На основании данного переводческого решения можно сделать вывод, что для перевода

используются слова, которые обозначают знакомые кетам реалии, связанные, в частности, с животным миром и с хозяйственной деятельностью. Поскольку оленеводство было давно известно кетам, то выбор такого решения для перевода представляется оптимальным.

Следует отметить, что представленная в стихе 11 лексическая единица *Калябельсь* имеет значение ‘Спаситель’, что представляет собой дальнейшее развитие значения лексической единицы *калявельсь*, которая, по Г.К. Вернеру обладает значениями ‘дежурный’, ‘сторож’ [Вернер 2002, с. 44]. В свою очередь данная лексическая единица является производной от глагола *калявель-*, который имеет следующие значения: ‘караулить’, ‘охранять’, ‘сторожить’ [там же]. Таким образом, можно наблюдать развитие лексического значения данного глагола согласно следующей цепочке: ‘сторожить’ → ‘охранять’ → ‘спасать’.

Влияют на рассматриваемый фрагмент перевода Евангелия и грамматические особенности кетского языка. Поскольку с типологической точки зрения кетский язык относится к полисинтетическим (о чем писал еще А.П. Дульзон [Дульзон 1968, с. 6], из более современных работ здесь можно упомянуть грамматический очерк Э. Вайды [Vajda 2017]), то это отражается соответствующим образом и на выборе переводческих стратегий и решений.

Приведем несколько примеров. В стихе 12 можно видеть следующее высказывание: *туре дутожит больтаџбоксяебет џьянджут*. В дословном переводе оно означает: «тот (Младенец), он лежит, он есть свернутый, в яслях». Русскоязычный эквивалент этого стиха в Синодальном переводе следующий: *и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях* (Лк.2:12). Кетское предложение являет собой пример полипредикативной конструкции, в которой отдельные ее члены (в частности, второй и третий) репрезентируют независимые клаузы.

В стихах 1 и 2 встречается форма *дэ’унаириубет*, значение которой он передать следующим образом «он переписет народ» либо «переписывание народа». Как становится понятным из контекста, речь здесь о переписи населения, которая была устроена кесарем Августом. Русскоязычный эквивалент данных стихов в Синодальном переводе таков: *В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею* (Лк.2:1-2). Можно видеть, что в русском тексте использовано имя существительное *перепись*, которое может рассматриваться как отглагольное производное от *переписать*. Использование же в кетском тексте форм, обладающих диффузной семантикой, объясняется типологическими особенностями енисейских языков, в которых грань между именной и глагольной лексической достаточно проницаема, т. е. присутствует частеречный синкретизм (см., например, [Вернер 1997, с. 176-177]).

Сюда же можно отнести и употребление имен прилагательных с предикативными показателями, примеру чего можно обнаружить в стихе 14: *Айттам Есьдаут, туре дэ'у быльде ба'удиут лювероуавет*. Здесь форма *айттам* представляет собой имя прилагательное, имеющее значение 'добрый', 'хороший' с предикативным показателем 3 л. ед. ч. (о предикативных показателях прилагательных в кетском языке см. подробнее [Дульзон 1968, с. 95-96]), которое соотносится с местно-личной падежной формой *Есьдаут* от имени *Есь*, рассматривавшегося выше. Глагольная форма *лювероуавет* со значением 'он нас любит', по всей видимости, представляет собой заимствование русского корня (см. об этом [Поляков 1987, с. 94]), снабженного соответствующими кетскими грамматическими показателями. Такая морфологическая модель и включение данной заимствованной основы в соответствующие кетские глагольные парадигмы свидетельствует о высокой степени освоения этой лексической единицы, что подтверждается данными других исследований (см. [Поляков 1987, с. 99-100]).

Подводя итог данному исследованию, можно сделать вывод, что для передачи семантики библеизмов на кетский язык используются разнообразные средства, в том числе, и различные переводческие трансформации. Таким образом, за счет этого происходит обогащение словарного состава кетского языка, и тем самым можно предположительно утверждать о том, что созданы предпосылки для формирования нового стилистического регистра кетского языка, а именно стиля духовно-религиозной литературы. Возможно, этот стиль может стать основой для формирования наддиалектной нормы кетского языка.

Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1967. – 264 с.

Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка // Русская речь. – 1993. – №1. – С. 90-98.

Вернер Г.К. Енисейские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 169-177.

Вернер Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский. – 2-е изд., испр. – СПб.: «Издательство “Дрофа” Санкт-Петербург», 2002. – 240 с.

Дульзон А.П. Кетский язык. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 1968. – 636 с.

Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. – Новосибирск: Наука, 1987. – 120 с.

Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1 – Ed. by E. Kotorova, A. Nefedov. – Muenchen: LINCOM GmbH, 2015. – 430 p.

Vajda E. Polysynthesis in Ket // The Oxford Handbook of Polysynthesis. – Ed. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. – Oxford: Oxford University press, 2017. – P. 906-929.

С.А. Кириллов (Воронеж)

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ТЕКСТОВЫХ СИСТЕМ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале стихотворения А.А. Ахматовой «Молитва» и его перевода на английский язык). ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕКСТА

Аннотация. В статье приводится анализ текста «Молитва» А.А. Ахматовой жанровой отнесенности «литературная молитва» в соответствии с герменевтикой текста как стратегией его анализа и типологией смыслов текста как тактикой его анализа. С привлечением междисциплинарных данных и утвердившихся в филологической науке когнитивных технологий выявляется энциклопедический, контекстуальный, ситуативный, прагматический смысл, а также образные смыслы текста при рассмотрении последнего как единства системы языка, системы речи и системы стилей.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивные технологии, герменевтика текста, типология смыслов, теория текста

Abstract. The article gives an analysis of the text «Prayer» by A.A. Akhmatova of the genre «literary prayer» in accordance with the hermeneutics of text as a strategy of its analysis and typology of text meanings as a tactic of its analysis. With the attraction of interdisciplinary scientific data and established in philological science cognitive technologies are revealed encyclopedic, contextual, situational, pragmatical meanings, as well as imaginative meanings of the text when considering it as at-oneness of language system, speech system and styles system.

Keywords: intercultural communication, cognitive technologies, hermeneutics of text, typology of meanings, text theory

Анализ оригинального текста на русском языке

В современной теории текста аспекты предполагают анализ текста в следующих стратегиях: герменевтика текста (и типология смыслов как ее тактика), лингвистика текста (и типология пространственных и временных отношений как ее тактика), стилистика текста (и типология стилей текста как ее тактика), а также речевая системность текста (и типология факторов и принципов системности текста как ее тактика).

С акцентированием понимания текста как единства систем языка, речи и стиля оригинальный текст А.А. Ахматовой «Молитва» жанра «литературная молитва» анализируется в данной работе в аспекте герменевтики текста как стратегии его анализа и типологии смыслов текста как тактики анализа текста [Ахматова 1998, с. 231].

Молитва

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,*

*Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.*

1915

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) – «преображение мира путем лишений». Косвенным маркером доминантного смысла «преображение» является серия синтагм: *дай годы недуга – молюсь за Твоей литургией – туча стала облаком*.

В анализе текста важно учитывать, что в составе серии энциклопедического и других смыслов, во-первых, выступают факты языка и выражают различительное означивание [Соссюр 1977] денотатов в плане лексической семантики, категориальных значений, синтаксемных признаков и синтаксических функций; во-вторых, входя в текст, синтаксемы в результате нейтрализации погашают роль средств языкового различения денотатов; в-третьих, на основе речевого отождествления микросмыслов денотатов синтаксемы получают роль сходного означивания речевого доминантного смысла [Припадчев 2004].

Так, в состав серии энциклопедического смысла входят синтаксемы и синтагмы, различающиеся по множеству признаков.

1. По лексической семантике:

1) *дай* (то же, что предоставить) *годы* (период времени, охватывающий некоторое количество лет) *недуга* (то же, что болезнь);

2) *молюсь* (обращаться с мольбами, с просьбой к Богу, к небесам) *за Твоей* (принадлежащий тебе, имеющий отношение к тебе) *литургией* (утреннее или дневное христианское богослужение);

3) *туча* (большое, обычно темное густое облако, несущее дождь, снег или град) *стала* (сделаться, перейти из одного состояния в другое) *облаком* (светло-серые клубы, волнистые слои в небе, скопление сгустившихся в атмосфере водяных капель и ледяных кристаллов).

2. По категориальному значению:

1) *дай* (действие) *годы* (предметность) *недуга* (предметность);

2) *молюсь* (действие) *за Твоей* (признак) *литургией* (предметность);

3) *туча* (предметность) *стала* (действие) *облаком* (предметность).

3. По синтаксемным признакам:

1) *дай* (глагол, совершенный вид, переходный, архаическое спряжение, повелительное наклонение, ед. ч.) *годы* (существительное, нарицательное, неодушевленное, 2 скл., мн. ч., В. п.) *недуга* (существительное, нарицательное, неодушевленное, 2 скл., ед. ч., Р. п., м. р.);

2) *молюсь* (глагол, несовершенный вид, непереходный, возвратный, 2 спряжение, изъявительное наклонение, ед. ч., настоящее время, 1 лицо) *за Твоей* (местоимение, притяжательное, 2 лицо, ед. ч., Т. п.) *литургией* (существительное, нарицательное, неодушевленное, 1 скл., ед. ч., Т. п., ж. р.);

3) *туча* (существительное, нарицательное, неодушевленное, 1 скл., ед. ч., И. п., ж. р.) *стала* (глагол, совершенный вид, непереходный, 1 спряжение, достигательное наклонение, ед. ч., настоящее время, 3 лицо) *облаком* (существительное, нарицательное, неодушевленное, 2 скл., ед. ч., Т. п., ср. р.).

4. По синтаксической функции:

1) *дай* (сказуемое) *годы* (дополнение) *недуга* (дополнение);

2) *молюсь* (сказуемое) *за Твоей* (определение) *литургией* (обстоятельство);

3) *туча* (подлежащее) *стала* (сказуемое) *облаком* (именная часть составного именного сказуемого).

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксемы получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла «преображение». Так, первый компонент *смысловой сигнификативной модели текста* – «мольба». Во многом прямыми маркёрами выступают синтаксемы и синтагмы со значением «боль»: (*дай*) *годы недуга – задыханья – (дай) бессонницу – (дай) жар – отьми (ребенка, друга, дар)*. Второй компонент – «упование». Его прямые маркёры – синтаксемы и синтагмы: *молюсь – за Твоей литургией*. Третий компонент – «чудо». Его косвенные маркёры – синтагмы и синтаксемы: *туча – темной – стала облаком – в славе лучей*. Таким образом, смысловая сигнификативная модель вертикального развертывания текста выглядит так: «мольба» – «упование» – «чудо».

Контекстуальный смысл (микротема текста) – «жертвенность». Во многом прямыми маркёрами данного смысла выступает серия синтаксем и синтагм: *отьми – молюсь – после стольких томительных дней*. Требуется внимания то, что слово в речи полифункционально и может быть связано с выражением разных смыслов.

В анализе текста следует разграничивать две группы понятий.

1. «Словесный ряд», «текстообразующие единицы» и «речевая серия» [Припадчев 2004].

Понятия «словесный ряд», «текстообразующие единицы» являются предварительными. В них не акцентируется понимание текста как единства языка, речи и стиля. В понятии «речевая серия», напротив, в качестве фонов принимаются и язык, и стиль текста, но акцент делается на речи вслед за лингвистикой речи Фердинанда де Соссюра.

2. «Парадигма», «поле» [Irsen 1924; Trier 1931].

Это термины не теории речи или лингвистики речи о сходном означивании, а термины теории языка о различительном означивании денотатов. Например, по разным значениям в парадигме склонения: И. п. – грамматическое значение действителя, Р. п. – принадлежности, Д. п. – адресата, В. п. – объекта; Т. п. – орудийности, П. п. – места; или по

критерию частотности лексем в поле: ядро поля маркируют лексемы высокой частотности, периферию – низкой.

В отличие от смоделированных исследователями и лишь потенциально коммуникативных парадигм и полей, речевая серия реальна как знаковая основа коммуникативной функции речи. Суть этой функции речи заключается в трансляции смысловой модели: «мольба» – «упование» – «чудо».

Речевая серия синтаксем и синтагм выделима по теории множеств [Кантор 1985, с. 184]. Объем серии определяется по теории вероятности [Яглом 1957, с. 17].

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) – «обращение лирического героя к лицу иной реальности». В коммуникативной ситуации участвуют два лица: субъект речи (*мне – молюсь* (я)) и адресат речи (обнаруживается в тексте синтаксемами со значением трансцендентного лица или с указанием на него: *дай* (Ты) – *отыми* (Ты) – *Твоей*, а также синтаксемами, имеющими в своей семантике значение принадлежности к такому лицу: *дар – за литургией – в славе*).

В анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи следует учитывать пропорцию форм косвенных падежей и именительного падежа.

Количественное соотношение встречающихся в тексте падежей:

И. п. – 1 раз, Р. п. – 4 раза, В. п. – 6 раза, Д. п. – 1 раз, Т. п. – 3 раза, П. п. – 1 раз. Так, формы косвенности как падежи предмета-лица в пространстве присутствуют в тексте 14 раз. В то же время именительный падеж как указание на предмет-лицо, действующее во времени, менее значительно представлен в тексте (1 обнаружение), что во многом обусловлено жанровой отнесенностью текста и его контекстуальным смыслом «жертвенность».

О роли категории времени в тексте говорит серия синтаксем глаголов с контекстным вневременным значением: *дай – отыми – молюсь* (настоящее вневременное (сейчас-всегда): молился тогда – молюсь сейчас – буду молиться) – *стала (облаком)* (достигательное наклонение, где соотношенность с трехвекторным временем нейтрализуется: уже стала (облаком) – сейчас стала (облаком) – стала (облаком) в будущем). Они указывают на реализацию не столько языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость; сколько речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость.

Прагматический смысл (цель речевого высказывания) – не нейтральный. В тексте встречаем синтаксем с выражением оценки: *горькие – томительных – темной*.

В анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смысле слова [Zyablitseva 2018]. В широком смысле прагматична функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различение денотатов, речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, а стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов.

Прагматичен жанр, то есть жанр литературной молитвы прогнозирует личностную проблематику в бытийном аспекте. В тексте она явлена в модели «мольба» (постановка бытийной проблемы в личностном измерении) – «упование» (обращенность воли к Создателю) – «чудо» (снятие бытийной проблемы)

Прагматичен стиль языка как наджанровая величина: он прогнозирует художественную картину мира с гармоничной структурой образа автора в его целеполагании: «мольба» (*дай – отыми*) – «упование» (*так молюсь*) – «чудо» (*туча стала облаком в славе лучей*).

Прагматичен стиль речи как внутржанровая величина. Он показывает, какую семантическую модель с ее доминантными значениями прогнозирует литературная молитва. Антропоцентрическая модель – доминантное значение лица: *дай (мне) – отыми (у меня) – молюсь (я)*, темпоцентрическая модель – доминантная семантика вневременного: *дай – отыми – молюсь* (настоящее вневременное (сейчас-всегда): молился тогда – молюсь сейчас – буду молиться) – *стала (облаком)* (достигательное наклонение, нейтрализующее соотношенность с трехвекторным временем: уже стала (облаком) – сейчас стала (облаком) – стала (облаком) в будущем), теоцентрическая модель – доминантное значение лица иной реальности, обнаруживаемое как через обращенность персонажа-действителя к лицу иной реальности: *дай – отыми*, так и синтаксемами, имеющими в своей семантике значение принадлежности к такому лицу: *дар – за литургией – в славе*, логоцентрическая модель – доминантное значение отношения «общее–частное»: (*годы*) *недуга – задыханья*, (*годы*) *недуга – бессонницу*, (*годы*) *недуга – жар*; (*годы*) *недуга – (после) томительных дней*, а также значение альтернации, выраженное глаголами в повелительном наклонении (*дай – отыми*), союзом цели (*чтобы*) и глаголом в достигательном наклонении (*стала*), аксиоцентрическая модель – доминантное значение оценки: жанрово обусловленная отрицательная оценка: *горькие – томительных – темной*; положительная оценка: *в славе лучей* (при этом аксиолиния оценки нейтрализуется логовертикалью преодоления мольбы надеждой).

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте). Он прогнозирует уникальную для автора смысловую сигнификативную модель: «мольба» – «упование» – «чудо».

Прагматика в узком смысле – это цель-оценка. В тексте она не нейтральна. В тексте расподоблены синтаксем по объектам оценки.

Это могут быть объекты земной жизни (*томительных дней – туча*) и объекты трансцендентной реальности (*облаком в славе лучей*).

В анализе текста необходимо принимать во внимание понятие «картина мира» [Попова 2007, с. 35–40]. К комплексному анализу текста приложимы многие картины мира. Для осмысления выводного знания актуальны языковая картина мира как семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста, речевая картина мира как смысловое пространство речи и совокупность сигнификатов данного текста, художественная картина мира как совокупность образных смыслов текста и когнитивная картина мира как ментальный образ действительности, запечатлённый через нейтрализацию микросмыслов (когнитивных признаков) синтаксем и синтагм в смысловой модели: «мольба» – «упование» – «чудо». Это и есть концепт текста.

Образные смыслы выражаются в гармоничной для данного цивилизационного процесса структуре образа в его вещной, ментальной и духовной составляющих.

Таким образом, речевые функции (значимости) [Соссюр 1977] текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах следующие: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура (состав серий) текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах: 1) серия синтагм: *дай годы недуга – молюсь за Твоей литургией – туча стала облаком*; 2) серия синтаксем и синтагм: *отыми – молюсь – после столько томительных дней*; 3) серия синтаксем, обнаруживающих участников коммуникативной ситуации: *мне – молюсь (я) – дай (Ты) – отыми (Ты) – Твоей – дар – за литургией – в славе*; 4) серия синтаксем и синтагм со значением оценки: *томительных дней – туча – облаком в славе лучей*.

Анализ текста в переводе Б. Дойч и А. Ярмолинского на английский язык

С акцентированием системного аспекта языка, речи и стиля в тексте рассмотрим перевод стихотворения А.А. Ахматовой «Молитва» на английский язык, выполненный Б. Дойч и А. Ярмолинским, в соответствии с герменевтикой текста как стратегией его анализа и типологией смыслов как тактикой его анализа.

Prayer

*Give me comfortless seasons of sickness,
Visitations of wrath and of wrong
On my house; Lord, take child and companion,
And destroy the sweet power of song.*

*Thus I pray at each matins, each vespers,
After these many wearying days,
That the storm-cloud which broods over Russia
May be changed to a nimbus ablaze.*

1916

[The Russian Review 1916, p. 150]

Переложение английского текста на русский язык:

Молитва

*Дай мне безутешные периоды болезни,
Посещение гневом и неправдой
Моего дома; Господин, возьми ребенка и спутника,
И разрушь сладкую мощь песни.*

*Так я молюсь за каждой утреней, каждой вечерней,
После этих многих утомительных дней,
Чтобы грозовая туча, которая носится над Россией,
Могла быть заменена на пылающий нимб.*

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) – «изменение судьбы». Косвенным маркером доминантного смысла «изменение» является серия синтагм: *comfortless seasons of sickness* /безутешные периоды болезни – *the sweet power of song* /сладкую мощь песни – *the storm-cloud broods* /грозовая туча носится.

В анализе текста важно учитывать, что в составе серии энциклопедического и других смыслов, во-первых, выступают факты языка, которые выражают различительное означивание [Соссюр 1977] денотатов в плане лексической семантики, категориальных значений, синтаксемных признаков и синтаксических функций; во-вторых, входя в текст, синтаксемы в результате нейтрализации погашают роль средств языкового различения денотатов; в-третьих, на основе речевого отождествления микросмыслов денотатов синтаксемы получают роль сходного означивания доминантного смысла [Припадчев 2004].

Так, в состав серии энциклопедического смысла входят синтаксемы и синтагмы, различающиеся по множеству признаков.

1. По лексической семантике:

1) *comfortless* (лишенный утешения) *seasons* (время, характеризующееся определенным обстоятельством или особенностью) *of sickness* (плохое здоровье);

2) *the sweet* (приятный для ума или чувств) *power* (способность производить действие) *of song* (пение или вид пения);

3) *the storm-cloud* (темное облако, которое показывает, что гроза приближается) *broods* (сидеть тихо и задумчиво, вынашивать).

2. По категориальному значению:

1) *comfortless* (признак) *seasons* (предметность) *of sickness* (предметность);

2) *the sweet* (признак) *power* (предметность) *of song* (предметность);

3) *the storm-cloud* (предметность) *broods* (действие).

3. По синтаксемным признакам:

1) *comfortless* (прилагательное, относительное) *seasons* (существительное, нарицательное, неодушевлённое, объектный падеж, мн.ч.) *of sickness* (существительное, нарицательное, неодушевлённое, притяжательный падеж, ед.ч.);

2) *the sweet* (прилагательное, качественное) *power* (существительное, нарицательное, неодушевленное, объектный падеж, ед. ч.) *of song* (существительное, нарицательное, неодушевленное, притяжательный падеж, ед. ч.);

3) *the storm-cloud* (существительное, нарицательное, неодушевленное, субъектный падеж, ед. ч.) *broods* (глагол, изъявительное наклонение, Present Simple, 3 лицо, ед. ч.).

4. По синтаксической функции:

1) *comfortless* (определение) *seasons* (дополнение) *of sickness* (дополнение);

2) *the sweet* (определение) *power* (дополнение) *of song* (дополнение);

3) *the storm-cloud* (подлежащее) *broods* (сказуемое).

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксемы получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла «изменение». Так, первый компонент смысловой сигнификативной модели текста – «несчастье». Во многом прямые маркёры – синтаксемы и синтагмы: *comfortless seasons of sickness* / *безутешные времена болезни – visitations of wrath and of wrong* / *испытание гневом и неправдой – on my house* / *моему дому – take* / *возьми, заберу – destroy* / *разрушь*. Второй компонент – «молитва» (как обрядовое действие). Его прямые маркёры – синтаксемы: *pray* / *молюсь – matins* / *утреня – vespers* / *вечерня*. Третий компонент – «изменение». Во многом прямые маркёры: *storm-cloud* / *грозовая туча – broods* / *носится – may be changed* / *могла быть заменена – nimbus ablaze* / *пылающий нимб*. Таким образом, смысловая сигнификативная модель вертикального развертывания текста выглядит так: «несчастье» – «молитва» – «изменение».

Контекстуальный смысл (микротема текста) – «одиночество». Во многом прямыми маркёрами данного смысла выступает серия

синтаксем и синтагм: *comfortless / безутешные – of wrong / неправдой – take child and companion / возьми ребенка и спутника.*

В анализе текста следует разграничивать две группы понятий.

1. «Словесный ряд», «текстообразующие единицы» и «речевая серия» [Припадчев 2004].

Понятия «словесный ряд», «текстообразующие единицы» являются предварительными. В них не акцентируется понимание текста как единства языка, речи и стиля. В понятии «речевая серия», напротив, в качестве фонов принимаются и язык, и стиль текста, но акцент делается на речи вслед за лингвистикой речи Фердинанда де Соссюра.

2. «Парадигма», «поле» [Pksen 1924; Trier 1931].

Это термины не теории речи или лингвистики речи о сходном означивании, а термины теории языка о различительном означивании денотатов. Например, по разным значениям в парадигме склонения: субъектный падеж – грамматическое значение действителя, притяжательный падеж – принадлежности, объектный падеж – адресата, объекта, орудийности, места (при этом такое обобщение не означает исчезновения этих падежей из системы английского языка); или по критерию частотности лексем в поле: ядро поля маркируют лексемы высокой частотности, периферию – низкой.

В отличие от смоделированных исследователями и лишь потенциально коммуникативных парадигм и полей, речевая серия реальна как знаковая основа коммуникативной функции речи. Суть этой функции речи заключается в трансляции смысловой модели: «несчастье» – «молитва» – «изменение».

Речевая серия синтаксем и синтагм выделима по теории множеств [Кантор 1985, с. 184]. Объем серии определяется по теории вероятности [Яглом 1957, с. 17].

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) – «просьба героя к лицу иной реальности». В коммуникативной ситуации участвуют два лица: субъект речи (*me / мне – tu / мой – I pray / я молюсь*) и адресат речи (обнаруживается в тексте синтаксемами со значением трансцендентного лица или с указанием на него: *give / дай* (Ты) – *Lord / господин – take / возьми* (Ты), а также синтаксемами, имеющими в своей семантике значение принадлежности к такому лицу: *nimbus / нимб*).

В анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи следует учитывать пропорцию форм косвенных падежей и субъектного падежа.

Количественное соотношение встречающихся в тексте падежей:

Субъектный падеж – 3 раза, объектный падеж – 11 раз, притяжательный падеж – 7 раз. Так, формы косвенности как падежи предмета-лица в пространстве присутствуют в тексте 18 раз. В то же

время, субъектный падеж как указание на предмет-лицо, действующее во времени, представлен в тексте менее значительно (3 обнаружения). Это говорит о большей роли категории пространства в текстообразовании.

Прагматический смысл (цель речевого высказывания) – не нейтральный. В тексте встречаем синтаксемы и синтагмы с выражением оценки: *comfortless* / *безутешные* – *sweet* / *сладкую* – *wearying* / *утомительных*.

В анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смысле слова. В широком смысле прагматична функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различение денотатов, речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, а стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов.

Прагматичен жанр, то есть жанр литературной молитвы прогнозирует личностную проблематику в бытийном аспекте. В тексте она явлена в модели «несчастье» (выявление проблемы) – «молитва» (способ ее устранения) – «изменение» (снятие проблемы).

Прагматичен стиль языка как наджанровая величина: он прогнозирует художественную картину мира с гармоничной структурой образа автора в его целеполагании: «несчастье» (*comfortless seasons* / *безутешные периоды*) – «молитва» (*pray* / *молю*) – «изменение» (*may be changed* / *могла быть заменена*).

Прагматичен стиль речи как внутрижанровая величина. Он показывает, какую семантическую модель с ее доминантными значениями прогнозирует литературная молитва. Антропоцентрическая модель – доминантное значение лица (синтаксемы со значением замещенного лица: *me* / *мне* – *tu* / *мой* – *I pray* / *я молюсь*), темпоцентрическая модель – доминантное значение времени «сейчас и в будущем» (*give* / *дай* – *visitations* / *посещения* – *take* / *возьми* – *destroy* / *разрушь* – *may be changed* / *могла быть заменена*), а также значение «сейчас и в прошлом» (*pray* / *молю*), теоцентрическая – значение лица иной реальности (синтаксемы с семантикой трансцендентного: *give* / *дай* – *visitations* / *посещения* – *Lord* / *господин* – *take* / *возьми* – *destroy* / *разрушь* – *may be changed* / *могла быть заменена* – *pray* / *молю* – *nimbus* / *нимб*), логоцентрическая модель (выражается существительными с абстрактной семантикой предметности в объектной позиции *seasons* / *периоды* – *visitations* / *посещения* – *power* / *сила* – *days* / *дни* – *sickness* / *болезнь* – *wrath* / *гневом* – *wrong* / *неправдой*), аксиоцентрическая модель – доминантное значение оценки (*comfortless* / *безутешные* – *sweet* / *сладкую* – *wearying* / *утомительных*).

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте). Он прогнозирует уникальную для автора смысловую сигнификативную модель: «несчастье» – «молитва» – «изменение».

Прагматика в узком смысле – это цель-оценка. В тексте она не нейтральна, поскольку представлена авторская оценка (*comfortless / безутешные – sweet / сладкую – wearying / утомительных*). Слово в речи полифункционально.

В анализе текста необходимо принимать во внимание понятие [Попова 2007, с. 35–40]. К комплексному анализу текста приложимы многие картины мира. Для осмысления выводного знания актуальны языковая картина мира как семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста, речевая картина мира как смысловое пространство речи и совокупность сигнификатов данного текста, художественная картина мира как совокупность образных смыслов текста и когнитивная картина мира как ментальный образ действительности, запечатлённый через нейтрализацию микросмыслов (когнитивных признаков) синтаксем и синтагм в смысловой модели: «несчастье» – «молитва» – «изменение». Это и есть концепт текста.

Образные смыслы выражаются в гармоничной лишь для данного цивилизационного процесса структуре образа в его вещной, ментальной и духовной составляющих.

Таким образом, речевые функции (значимости) [Соссюр 1977] текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах следующие: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура (состав серий) текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах: 1) серия синтагм: *comfortless seasons of sickness / безутешные периоды болезни – the sweet power of song / сладкую мощь песни – the storm-cloud broods / грозовая туча носится*; 2) серия синтагм: *comfortless / безутешные – of wrong / неправдой – take child and companion / возьми ребенка и спутника*; 3) серия синтаксем со значением лица субъекта речи: *me / мне – my / мой – I pray / я молюсь*, объекта речи: *give / дай (Ты) – Lord / господин – take / возьми (Ты)*, а также со значением принадлежности к такому лицу: *nimbus / нимб*; 4) серия синтаксем оценки: *comfortless / безутешные – sweet / сладкую – wearying / утомительных*.

Выводы

Анализ данной пары текстов позволил выявить аспекты тождества и различия между ними в аспекте герменевтики текста.

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) различен. В русском тексте косвенным маркёром доминантного смысла «преображение» является серия синтагм: *дай годы недуга – молюсь за Твоей литургией – туча стала облаком*. В переводе косвенным маркёром доминантного смысла «изменение» является серия синтагм: *comfortless*

seasons of sickness / безумешные периоды болезни – the sweet power of song / сладкую мощь песни – the storm-cloud broods / грозовая туча носится. В состав серий энциклопедического смысла обоих произведений входят синтаксемы, различающиеся по лексической семантике, категориальному значению, синтаксемным признакам и синтаксической функции.

Смысловая сигнификативная модель русского текста выглядит следующим образом: «мольба» – «упование» – «чудо». У переводчика наблюдается иная смысловая модель вертикального развертывания текста: «несчастье» – «молитва» – «изменение». Здесь следует отметить различное целеполагание лирического героя, что указывает на различия в структурах образа лирического героя при их гармоничности в рамках своих цивилизационных процессов: мысль и дух образа в переводе несколько отведены вещным окружением.

Контекстуальным смыслом в тексте А.А. Ахматовой выступает «жертвенность». Во многом прямыми маркёрами данного смысла является серия синтаксем и синтагм: *отыми – молось – после стольких томительных дней.* В переводном тексте контекстуальный смысл – «одинокость», а его во многом прямыми маркёрами служит серия синтаксем и синтагм: *comfortless / безумешные – of wrong / неправдой – take child and companion / возьми ребенка и спутника.* Это еще раз подтверждает верность тезиса о разности целеполагания авторов в данной паре текстов.

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) текстов в целом сохраняется. В ситуации участвуют два лица: лирический герой и трансцендентное лицо. Однако в переводном тексте мы видим конкретизацию именования трансцендентного лица (*Lord / господин*).

Заслуживает внимания пропорция форм косвенности и именительного падежа. В исходном тексте имеем соотношение 14 к 1, где значительно присутствие формально односоставных определенно-личных предложений. В тексте перевода это соотношение – 18 к 3, а участники ситуации уже получают номинацию в субъектном падеже. Это свидетельствует о большей активности в английском тексте категории языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость; а в русском тексте – речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость.

Также соотношение падежных форм указывает на более значительное присутствие в английском тексте категории пространства. В русском же тексте ведущую роль имеет категория времени, что соответствует исторической типологии развития языков от пространственного и пространственно-временного регистров к временному регистру, где английский язык является языком пространства – времени, а русский – языком времени.

- Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. / Сост. Н.В. Королева. – М.: Эллис Лак, 1998. – Т. 1. Стихотворения 1904-1941. – 968 с.
- Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – 431 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
- Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 600 с.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
- Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. – М.: Гостехиздат, 1957. – 160 с.
- Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen; Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Heidelberg : C. Winter, 1924. – 683 S.
- The Russian Review // Vol. 1. – 1916. – №3. – 256 p.
- Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes // Heidelberg : C. Winter, 1931. – 347 S.
- Zyablitseva N. A., Pripadchev A. A. Verbal Text Systematics as Fourth Strategy in Cognitive Technologies of Text Systems Theory (on material of work in genre form "parable") // Eastern European Scientific Journal. – 2018. – №3. – P. 30–44.

О.В. Ланская (Лунецк)

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА (САД, ДОМ, ЗЕМЛЯ И НЕБО) В ДРАМЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»

Аннотация. В статье исследуется языковое пространство в драме А.Н. Островского «Гроза», рассматриваются ключевые слова *сад, дом, птица, красота, небо*. Пространство, представленное в тексте, основано на противопоставлениях «Калинов – сельская местность за Волгой», «земля – небо», «дом – могила», «день – ночь». Оно реальное / физическое и мыслимое, мифологическое и библейское, персонифицированное. Каждый герой видит пространство по-своему, то есть имеет свое представление о мире. Место действия фиксируется через топонимы *Москва, Калинов, Волга*, глаголы движения, существительные с семами 'граница', 'строение' 'глубокая яма на дне реки', 'большая впадина на равнине' и др. Пространство в тексте замкнутое, деформированное, фиксирует нравы и обычаи, царящие в патриархальном городе Калинове, помогает раскрыть характеры героев, представителей «темного царства», их жертв.

Ключевые слова: слово, лексическая единица, номинация, сема, противопоставление

Abstract. The article studies the linguistic space in A.N. Ostrovsky's drama "Thunderstorm", the key words garden, house, bird, beauty, sky are considered. The space presented in the text is based on the oppositions "Kalinov - the countryside beyond the Volga", "earth - sky", "house - grave", "day - night". It is real / physical and imaginary, mythological and biblical, personified. Each character sees space in his own way, i.e. has his own idea of the world. The place of action is fixed through the toponyms Moscow, Kalinov, Volga, verbs of movement, nouns with semes 'border', 'structure' 'a deep hole at the bottom of

the river', 'a large depression on the plain', etc... The space in the text is closed, deformed, fixes the mores and customs reigning in the patriarchal town of Kalinov, helps to reveal the characters of the heroes, representatives of the 'dark kingdom', their victims.

Keywords: word, lexical unit, nomination, sema, opposition

Пространство в художественной системе произведения играет важную роль. Это основополагающий образ в тексте, через который объясняются характеры героев, их представление о мире, выявляется авторская позиция, идея.

По-особому выстроено пространство в драме А.Н. Островского «Гроза». Оно «этически содержательно и активно» [Вайман 1989, с. 89], «персонифицировано – осложнено личным характером и судьбой» [Вайман 1989, с. 90].

Точкой отсчета при определении пространства в драме «Гроза» является сад, а также Волга. Первое действие пьесы начинается с ремарки: «Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид» [Островский 1987, с. 343]. Ключевые слова *сад* и *Волга*, словосочетание *сельский вид* входят в лексико-тематическую группу «природа», точно фиксируют место действия, но при этом обладают символическим значением. Слово *сад* имеет семы 'дерево', 'растение', 'роща' [Фасмер 2004, т. 3, с. 543]. Данная лексическая единица ассоциируется с вольной жизнью, красотой окружающего мира, счастьем, а также раем.

В «Грозе» же номинация *сад* приобретает семы 'место конфликта', 'пространство, где допускается оскорбление и унижение личности, человек обрекает себя на смерть' (разговор Дикого с Борисом, Кабанихи с Тихоном, Катериной, Варварой, обсуждение поведения Дикого жителями города, упоминание о ханжестве Кабанихи). В доме Кабановой сад – это отсутствие свободы, потому что калитка на границе его закрыта на ключ.

Определение *общественный* (в значении «обществу присвоенный, кь нему относящ.» [Даль 2006, т. II, с. 634]) фиксирует пространство, которое позволяет вступить в диалог, наслаждаться покоем и тишиной. В тексте же данное слово восходит к другим смыслам. Так, в общественном саду влиятельные люди города – Дикой и Кабанова – прилюдно устраивают выяснение отношений со своими домашними. Их не волнует мнение окружающих. В связи с этим слово *сад* в тексте приобретает значение «разлад в семье, в доме». Именно на бульваре выясняется, какая атмосфера царит в Калинове.

Ремарка «На сцене две скамейки и несколько кустов» [с. 343] также дает представление о месте действия, порождает пустое пространство, которое несовместимо с жизнью человека. Именно здесь, на бульваре, Борис, племянник Дикого, рассказывает о своих родителях, о том, что приехал он в провинциальный город, чтобы получить наследство бабушки.

Рассказывает о своей жизни в доме матери и Катерина. Говорит она Варваре о самом сокровенном – любви, которая вспыхнула в ее сердце. На

основе этих признаний можно сделать вывод, что пространство сада не только конфликтное, но и исповедальное. Потом оно превращается в Голгофу – место покаяния, мучений и гибели героини, то есть уподобляется аду.

Начало произведения, первые реплики Кулигина создают особую картину мира, в центре которой человек, понимающий природу, чувствующий ее красоту. Пространство осмысливается через песню, в которой раскрывается душа народа, трепетное отношение Кулигина к родной природе. Для механика-самоучки Волга, сельский вид за рекой – чудо. Ключевое слово *чудеса* (в значении «всякое явление, кое мы не умеем объяснить, по известным нам законам природы») [Даль 2006, т. IV, с. 612]) определяет отношение героя к миру: «*Чудеса*, истинно надобно сказать, что *чудеса*! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу» [с. 343].

В то же время песня на слова А.Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», которая открывает текст, – своего рода предсказание: В ее продолжении отражены трагические судьбы героев. Это рассказ об одиночестве, несчастной любви, смерти, чувствах к родине человека, оказавшегося на чужбине.

Модель мира в драме выстраивается на основе противопоставлений героев («Кулигин – Кудряш», «Борис – Дикой», «Катерина – Кабанова», «Кулигин – Дикой», «Катерина – Варвара»), а также пространственных конкретизаторов («Калинов – сельская местность за Волгой», «земля – небо», «дом – могила»).

С одной стороны, друг другу противопоставлены герои, с другой – природа и люди, равнодушные к окружающей их красоте, воспринимающие все как нечто замкнутое, неподвижное. Так, Кудряш не понимает Кулигина. Он его как будто не слышит. Отсюда вопрос: «А что?» [с. 343]. Кулигин же продолжает восхищаться заволжскими далями: «Вид *необыкновенный!* *Красота!* *Душа радуется!*» [с. 343]. Кудряш не понимает чувств собеседника. Он равнодушен к окружающему миру, поэтому говорит: «Нешто!» [с. 343]. Слово *нешто* в Словаре В.И. Даля толкуется как «разве, будто, неужли» [Даль 2006, т. II, с. 543]. Данная лексическая единица «заключает в себе убежденье, противное вопросу» [Даль 2006, т. II, с. 543], то есть безразличие.

И Кудряш не один такой, поэтому, отвечая ему, Кулигин употребляет местоимение *вы*, глаголы во множественном числе, свидетельствующие о том, что жители города Калинова существуют в пространстве, в котором нет места красоте: «Восторг! А ты "нешто"! *Пригляделись вы, либо не понимаете*, какая красота в природе разлита» [с. 343].

Для Кудряша такое отношение к природе – сродни отклонению от общепринятого представления о мире: «Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик» [с. 343]. Слово *химик* толкуется как «ученый по

науке этой» [Даль 2006, т. IV, с. 548], *антик* – как «чудак, редкостное явление (от фр. antique – древний, редкостный)» [Лакшин 1987, с. 519]. В тексте данные лексические единицы приобретают семы 'необычный человек', 'тот, кто отличается от других', а также 'неуважение'.

О красоте мира говорит и Феклуша: «*Бла-алепие*, милая, *бла-алепие!* *Красота дивная!* Да что уж говорить! *В обетованной земле* живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых» [с. 348]. Ключевое слово *красота* толкуется как «свойство прекрасного, отвлеченное понятие красиваго, изящество» [Даль 2006, т. II, с. 186]. *Благолепие* как «внешняя красота; великолепие, богатое убранство, украшение» [Даль 2006, т. I, с. 92]. Данные лексические единицы имеют семы, которые вступают в антонимические отношения. Если *красота* имеет семы 'доброта', 'справедливость', 'великолепие', 'нечто, доставляющее эстетическое наслаждение', то *благолепие* – 'нечто внешнее', 'показное'. Если для Кулигина красота – это великолепие мира, чудо, то для Феклуши Калинов – обетованная земля, рай, потому что странница получает от купцов щедрые подаяния. Представление о красоте и благолепии у Феклуши ассоциируется с Кабановой, ее покровителем. Для полусумасшедшей барыни *красота* – это любовь, молодость, которую она ненавидит. Отсюда ее страшное предсказание: «Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? *Красота-то* ваша вас радует? Вот куда *красота-то* ведет. (*Показывает на Волгу.*) Вот, вот, в самый омут» [с. 355].

По-особому видит мир Катерина. Ее мечта о воле связана с устремленностью ввысь, раскрывается через противопоставление «земля – небо». Отсюда использование таких слов, как *птицы*, *лететь* (*летают*), *полетела*: «Отчего люди *не летают*? «Я говорю, отчего люди *не летают* так, как *птицы*? Знаешь, мне иногда кажется, что я *птица*. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет *лететь*. Вот так бы разбежалась, подняла руки и *полетела*. Попробовать нешто теперь? (Хочет бежать.)» [с. 353]. Полет *птицы* для Катерины – «высшее состояние бытия, силы духа, подлинная воля, данная божеством» [Копалинский 2002, с. 167]. Крылья же символизируют «духовность в материальном образе» [Копалинский 2002, с. 167].

Слово *птичка* ассоциируется в тексте с любовью и счастьем. Так, Катерина говорит: «Я жила, ни об чем не тужила, *точно птичка на воле*» [с. 353], то есть в доме матери она была по-настоящему счастлива. При этом дом, сад, церковь для нее – единое целое, пространство любви, в котором героиня чувствовала себя свободной. Там не было деления на свое и чужое: «Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на *ключок*,

уююсь, принесу с собой *водицы* и все, все *цветы в доме* полью. У меня *цветов* было много-много. Потом пойдем с маменькой в *церковь*, все и странницы, – у нас полон *дом* был странниц да богомолок» [с. 353]. Вода, цветы – стихия природы, Божье слово в рассказах о святых преобразуют в воображении героини весь мир, делают его подобным раю.

Особые чувства вызывает у Катерины посещение храма, пространство которого она воспринимает как Царство Божие на земле. В нем останавливается время. Воспринимается оно как вечность. В этот момент чувства Катерины передаются в тексте с помощью глаголов: «Точно, бывало, я *в рай войду* и *не вижу* никого, и время *не помню*, и *не слышу*, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было» [с. 353-354]. Рай, созданный в воображении героини, для нее не мечта, а реальность, идеал, воплощение которого возможно на земле. Это мир творческой энергии. Он в движении, что зафиксировано в тексте в ряде глаголов: «А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз *идет*, и в этом столбе *ходит* дым, точно облако, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе *летают* и *поют*» [с. 353-354].

С мотивом полета в тексте связано противопоставление «жизнь – смерть», которое традиционно восходит к вертикали «земля – небо»: Если до замужества для Катерины вертикаль «земля – небо» (дом матери, сад, храм) – гармония бытия, то после – пространство, в котором человек обречен на мучения и гибель. Если в начале произведения мир реальный и мир потусторонний – единое целое, то в конце дом Кабановой превращается для героини в ад. Отсюда мечта о смерти, противоестественная для молодой женщины, созданный в воображении рай и мотив полета: «Кабы я маленькая *умерла*, лучше бы было. Глядела бы я *с неба на землю* да *радовалась* всему. А то *полетела* бы невидимо, куда захотела. *Вылетела* бы в поле и *летала* бы с василька на василек по ветру, как бабочка» [с. 366]. «В тексте драмы разворачивается образная параллель *Катерина-птица*, которая дополняется образной параллелью *Катерина-бабочка*» [Николина 2016, с. 52], создается характер человека, обладающего душой невинной и свободной.

Небо в потустороннем мире в представлении героини – «вечная радость, веселье, пение, любовь, весна и т.д.» [Толстой, 2002, с. 317]. Ключевое слово *небо* вместе со словами *солнечный* (день), *светлый* (столб), *солнышко*, *золотые* (храмы), *свет* (божий), *горели* (лампадки) [с. 353-354] входит в лексико-тематическую группу «свет», преобразует физическое пространство в сакральное.

В свою очередь, *свет* в тексте вступает в антонимические отношения со словами *ночи* и *в потемках*. Отражено это в произведении в переживаниях героини после ее покаяния: «*Ночи, ночи* мне тяжелы!», «Так страшно *в потемках!*» [с. 391]. Одновременно у Катерины возникает противоречивое чувство к смене дня и ночи. С одной стороны,

наступление дня приносит ей какое-то утешение: «*Свету-то* так рада сделаешься!»; с другой – все окружающее заставляет страдать: «Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и *свет божий* не мил!» [с. 391].

Сны и реальный мир у Катерины – одно целое, доступное только ей пространство, восходящее к противопоставлению «все – она». И во сне героиня снова летает. Происходит чудесное преобразование пространства, при котором «всякое изображение <...> раскрывает свое духовное содержание не иначе как в ... духовном восхождении от "образа к первообразу"» [Флоренский 2006, с. 353]. Именно такое преобразование происходит с героиней: «А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я *летаю*, так и *летаю* по воздуху» [с. 354].

Этот мир невозможен в доме Кабановой, так как в нем все основано на страхе. Возникает иное пространство, которое внешне ничем не отличается от того, прежнего, о котором рассказывала Катерина Варваре. Удвоенное, параллельное пространство – знак неблагополучия общества, в котором внешнее и внутреннее вступают в конфликт, восходят к противопоставлению «добро – зло». Вспомним реплику Варвары: «Да ведь и у нас то же самое» [с. 353], и то, что ответила ей Катерина: «Да здесь все как будто из-под неволи» [с. 353]. Отсутствие права выбора, основанного на нравственном идеале, восприятие человека как бездушного существа, не имеющего сострадания к тем, кто в этом нуждается, ведет к трагедии.

К трагедии ведет также и то, что в тексте разрушено представление о доме как своем пространстве, в котором человек защищен от всего чужого, опасного. Так, например, нет покоя в доме Дикого. Там идет война, а сам Савел Прокофьевич – воин. Об этом говорят Шапкин, Кудряш: «Одно слово: *воин!*» (Шапкин); «Еще какой *воин-то!*» (Кудряш) [с. 346]. Называет воином Дикого и Кабанова: «Ведь ты один там (в доме. – *О.Л.*) *воин-то* и есть» [с. 370]. Известно, что самодур всех домашних запугал. Вспомним рассказ Бориса о том, что после стычки на перевозе с гусаром от главы семьи «две недели все прятались по чердакам да по чуланам» [с. 347]. При всем при этом домой глава семьи идти не хочет, потому что пространство его жилища конфликтное, близкие люди вызывают чувство ненависти. Они несчастны.

Не хочет возвращаться домой и Тихон. Об этом после поездки в Москву рассказывает герой Кулигину: «Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу, что наподи! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про *дом-то* и не вспомнил» [с. 389], то есть родной кров Тихона – место, которое он хочет забыть, воспринимает как тюрьму.

Страшно возвращаться домой и Катерине. После покаяния, после того, как Борис фактически предает ее, идти некуда: «Куда теперь? *Домой* идти? Нет, мне что *домой*, что *в могилу* – все равно. Да, что *домой*, что в *могилу!*.. что *в могилу!* *В могиле* лучше...» [с. 394]. Противопоставление «дом – могила» связано с представлениями о жизни и смерти, о модели мира, в котором нет добра, справедливости, воли и свободы.

Итак, языковое воплощение пространства в драме Островского «Гроза» связано с противопоставлениями «Калинов – сельская местность за Волгой», «земля – небо», «дом – могила», «день – ночь», рядом лексико-тематических групп. Пространство в тексте реальное / физическое и мыслимое, мифологическое и сакральное, персонифицированное. Модель мира объясняется в произведении через ключевые слова *сад, небо, птица, дом* и др. Каждый герой «обречен пространству», имеет свое представление о мире, конфликтном по своей природе, восходящем к противопоставлению «добро – зло». В языковом воплощении пространства воплощен нравственный идеал писателя, его представление о русском национальном характере.

Вайман С.Т. Гармонии таинственная связь. Об органической поэтике. – М.: Советский писатель, 1989. – 368 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

Лакшин В.Я. Комментарии // Островский А.Н. Сочинения: В 3 т. – Т. I. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 493-526.

Николина Н.А. Художественное пространство драмы А.Н. Островского «Гроза» // Русский язык в школе. – 2016. – №6). – С. 49-53.

Островский А.Н. Гроза // Сочинения: В 3 т. – Т. I. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 342-396.

Толстой Н.И., Толстая С.М. Небо // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 316-317.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

Флоренский П.А. Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.

Д.С. Ластович (Воронеж)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ В.О. БОГОМОЛОВА «ИВАН»

Аннотация. В статье анализируются языковые средства выражения субъективной модальности в романе В.О. Богомолова «Иван». Выделяются следующие языковые средства субъективной модальности: лексические, лексико-грамматические, синтаксические и пунктуационные средства. Анализ текста повести В.О. Богомолова «Иван» позволил не только выделить номенклатуру основных языковых средств

выражения субъективной модальности, используемых автором, но и дал богатый материал для лингвистического исследования авторской картины мира.

Ключевые слова: субъективная модальность, языковые средства, художественный текст, Богомолов

Abstract. The article analyzes the linguistic means of expressing subjective modality in V.O. Bogomolov's novel "Ivan". The following linguistic means of subjective modality are distinguished: lexical, lexico-grammatical, syntactic and punctuation means. Analysis of the text of V.O. Bogomolov's novel "Ivan" allowed not only to identify the nomenclature of the main linguistic means of expressing subjective modality used by the author, but also provided rich material for linguistic research of the author's worldview.

Keywords: subjective modality, linguistic means, artistic text, Bogomolov

Субъективная модальность, пронизывающая художественные тексты, отображает личность автора, его моральные ориентиры и эмоционально-оценочную сферу. Изучение средств выражения субъективной модальности позволяет лучше понять роль говорящего и авторскую оценку содержания высказывания, а также влияние произведения на читателя [Бабенко 2010, с. 55]. В настоящей статье излагаются результаты анализа средств выражения субъективной модальности в произведении В.О. Богомолова «Иван».

В основу анализа заложен уровневый принцип анализа языкового материала, в соответствии с которыми все языковые средства выражения субъективной модальности делятся на лексические средства, лексико-грамматические, синтаксические и пунктуационные. Заметим, что пунктуационные средства стоят особняком в этой уровневой модели, однако их анализ представляется целесообразным, поскольку в письменном тексте ряд синтаксических приемов выражения модальности реализуется при помощи пунктуационных средств.

На лексическом уровне для передачи авторского отношения используются слова и фразеологические единицы с оценочным и эмоциональным компонентами. Оценочная лексика в анализируемом тексте в основном выражает характеристику героев: *худенький, настороженно-сосредоточенным (взглядом), слабым (голосом), угрюмый, жалкий, измученный, чудный малец, характерный* – об Иване; *ражий, детина, рослый, широкогрудый, представительный* – о солдатах; *грубиян, «хороший ты парень», неврастеник* – характеристика рассказчика из уст героев.

Фразеологические единицы используются в прямой речи персонажей, являются средством их индивидуализации и подчеркивают или выражают такие эмоциональные реакции, как недовольство, злость и раздражение: *«Много будешь знать, скоро состаришься!»* [с. 37].; *«Цирк устраивать?!»* [с. 11].

На лексико-грамматическом уровне были обнаружены слова с суффиксами субъективной оценки, междометия и частицы. При помощи суффиксов субъективной оценки *-инк-, -юшк-, -юш-, -ек-, -еньк-, -очк-* и -

иц- образуются оценочные слова с уменьшительно-ласкательным («Ну, Ванюша, прощай!» [с. 28]) и уменьшительно-уничужительным значением («Дисциплинки нет!» [с. 43]; «Со свиданьищем!» [с. 26]).

Междометия «эх», «увы», «ух», «а», «э-э», «черт» и «черт подери» в тексте помогают выразить в речи героев такие негативные эмоции, как грусть, тоску, возмущение с раздражением и насмешкой, досаду, сожаление и ненависть: «Придется... Эх, где наше не пропадало, кто от нас не плакал!» [с. 28]; «Но, **увы**, война!» [с. 40]; «Ух, гады! Даже своих раздевают» [с. 73]; «Тихо, **черт!**» [с. 79].

Модальные частицы являются одним из главных средств выражения субъективной модальности. В изучаемом тексте чаще встречаются частицы, которые относятся к сфере непосредственно эмоциональных реакций и сфере характеристик сообщаемого по его отношению к источнику сообщения (всегда в сочетании с той или иной эмоциональной реакцией) [Шведова 1980, с. 224]. В группе частиц, выражающих непосредственно эмоциональную реакцию, чаще употребляются частицы «вроде», «ну», «же», «ж», «уж», «ишь», «даже», «ведь», «-то», «-ка», «что ли», «ли», «разве», «вот»: «Ну, **вроде** прошел» [с. 81]; «**Ишь ты!**» [с. 7]; «**Тишина-то** какая!» [с. 37]; «...говорил же со мной уверенно и **даже властно**...» [с. 10]. В группе частиц, выражающих характеристики сообщаемого по его отношению к источнику сообщения чаще употребляются частицы «только», «мол», «лишь», «так и не», «все-таки»: «На вопросы не отвечает: говорить, **мол**, буду **только** с командиром» [с. 6]; «Я **все-таки** переправлял его, понимаете...» [с. 88].

На синтаксическом уровне субъективную модальность выражают вводные слова, повторы, риторические вопросы и восклицательные (побудительные) предложения. В анализируемом тексте наиболее частотны вводные слова «конечно», «по-видимому», «видимо» и «наверно», которые выражают оценку достоверности высказывания, уверенность или сомнение в высказывании, предположение или потенциальная возможность, вероятность, очевидность и несомненность высказывания: «Немцы, **по-видимому**, уверены, что здесь никто не сунется» [с. 73]; «**Наверно**, ты неврастеник...» [с. 77].

Наиболее часто встречаются двукратные лексические повторы с обозначением множественности, полноты, интенсивности или исключительности: «**Бери, бери!** Оно грязное» [с. 8]; «Я меж тем успел вынести казан с **темной-темной**, лишь сверху сероватой от мыла водой...» [с. 19].

Риторический вопрос является одним из важнейших синтаксических средств, придающих высказыванию экспрессивность. В повести доминирующими являются риторические вопросы с отрицанием: «А сушишь кто будет – дядя?» [с. 8]; «Да разве ж война – занятие для него?..» [с. 34].

Практически половина предложений в прямой речи персонажей являются восклицательными. Они помогают выразить и усилить такие эмоции, как злость и раздражение (наиболее частотные), осуждение и недовольство, сожаление и грусть, удивление, восхищение и одобрение.

На пунктуационном уровне были выделены завыченные слова и словосочетания, выражающие ироничное значение и подчеркивающие такие эмоции, как злость и раздражение («*Он тебя «просит»?*.. *Вон как!* [с. 43]). Еще одним пунктуационным средством выражения субъективной модальности в анализируемом тексте является многоточие. Многоточие используется для передачи различных эмоциональных оттенков: недоумение и удивление; неуверенность и сомнение, злость и раздражение, грусть и тоска, а также для передачи эмоционального и психологического напряжения героев.

Таким образом, предпринятый анализ текста повести В.О. Богомолова «Иван» позволил не только выделить номенклатуру основных языковых средств выражения субъективной модальности, используемых автором, но дал богатый материал для лингвистического исследования авторской картины мира.

Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 50-61.

Богомолов В.О. Иван. – Москва: Речь, 2015. – 104 с.

Шведова Н. . Русская грамматика: Синтаксис. – Т. 2. – Москва: Наука, 1980. – 709 с.

Е.С. Медведева (Брянск)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения ошибок в письменной и устной монологической речи учащихся в ситуации учебного двуязычия с позиции применяемых ими стратегий преодоления коммуникативных затруднений. Предлагается классификация стратегий преодоления коммуникативных затруднений, приводящих к возникновению грамматических ошибок.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, стратегия преодоления коммуникативных затруднений, грамматическая ошибка, учебный монолог

Abstract. The article analyzes the causes of errors in written and oral monologue speech of students in a situation of educational bilingualism from the perspective of the strategies they use to overcome communication difficulties. A classification of strategies for overcoming communication difficulties that lead to grammatical errors is proposed.

Keywords: communication strategy, strategy for overcoming communication difficulties, grammatical error, educational monologue

Феномен речевой ошибки привлекает внимание исследователей на протяжении нескольких десятилетий, при этом отношение к ошибке постепенно меняется. Первоначально исследование ошибок сводилось к их сбору и констатации необходимости их искоренения. Отношение к ошибкам было резко негативным, ошибка расценивалась как зло, которое нужно предупредить заранее и искоренить [Алещенко 2011]. Со временем фокус внимания исследователей стал смещаться на причины возникновения ошибок и механизм их порождения. Речевая ошибка стала рассматриваться как неотъемлемая составляющая процесса овладения языком, позволяющая получить информацию о его этапах и стратегиях.

Пользование языком предполагает принятие множества решений при производстве речи. Закономерности в принятии таких решений называются стратегиями [Залевская 1999]. Термин «стратегия» может быть отнесен как к овладению, так и к пользованию языком.

Анализ речевых ошибок в устной и письменной речи учащихся на иностранном языке в условиях учебного двуязычия дает ключ к пониманию стратегий пользования языком, применяемых ими при продуцировании высказывания. Эти стратегии могут быть разделены на две группы – стратегии успешного пользования языком и коммуникативные стратегии [Ellis 2015]. Термины «коммуникативная стратегия» [Selinker 1972] или «стратегия преодоления коммуникативных затруднений» [Залевская 1999] относятся к ситуациям, в которых говорящий ищет возможность осуществить свой коммуникативный замысел при отсутствии необходимых языковых средств. Разделение на стратегии успешного пользования языком и коммуникативные стратегии носит в значительной мере условный характер, так как применение одних и тех же стратегий может привести к продуцированию как правильного с точки зрения норм языка, так и отклоняющегося от них высказывания. Таким образом, глубокий анализ механизма речевых ошибок возможен лишь при условии анализа как ошибочных, так и неошибочных высказываний пользователя языка [Поймёнова 1999].

Стратегии преодоления коммуникативных затруднений подразделяются на стратегии редуцирования и стратегии достижения цели [Залевская 1999]. Стратегии редуцирования применяются при осознании говорящим невозможности осуществления коммуникативного замысла и возвращению на этап смыслового программирования высказывания. Использование стратегий редуцирования заставляет говорящего отказываться либо от какой-либо составляющей своей коммуникативной цели, либо даже от продолжения высказывания. К стратегиям редуцирования относятся образование эллиптических конструкций, генерализация, уход

от основной темы высказывания, опущение и прерывание высказывания [Поймёнова 1999].

Как правило, к стратегиям редуцирования говорящий прибегает при осознании отсутствия в его ментальном лексиконе необходимых лексических средств для осуществления коммуникативного замысла. При затруднениях в грамматическом структурировании высказывания пользователь языка чаще обращается к стратегиям достижения цели, которые включают в себя стратегии извлечения из памяти и компенсаторные стратегии. Использование кооперативных компенсаторных стратегий подразумевает прямое или косвенное обращение за помощью к собеседнику. При применении некооперативных компенсаторных стратегий пользователь языка пытается справиться с проблемой самостоятельно, используя мимику и жесты (неязыковые компенсаторные стратегии), а также языковые стратегии, основанные на родном и иностранном языках [Залевская 1999].

Письменная и устная монологическая речь учащихся в ситуации учебного двуязычия имеет ряд характерных особенностей, обуславливающих использование тех или иных стратегий преодоления коммуникативных затруднений. К общим характеристикам учебного письма и учебного монолога относятся:

1. Условно-коммуникативная мотивация высказывания. Учащемуся предлагается высказаться в устной или письменной форме по определенной теме независимо от того, испытывает ли он потребность в выражении мысли. Как правило, в современных условиях задания сформулированы так, чтобы придать им коммуникативный характер (например, учащимся предлагается ответить на письмо друга по переписке), но при этом учащиеся осознают условность данной коммуникативной ситуации.

2. Наличие жестких требований к организации высказывания. План учебного монолога и требования к оформлению учебного письма заданы извне.

3. Широкое использование клишированных фраз. Анализ письменных работ учащихся, выполненных в форме личного электронного письма, показывает, что эпистолярная рамка (приветствие собеседника, обращение к нему по имени, фразы для поддержания и прогнозирования контакта, прощание с собеседником) может занимать от 20 до 65 процентов высказывания.

4. Отсутствие непосредственной реакции собеседника. Учебный монолог в ситуации учебного двуязычия редко выполняет информативную функцию, так как говорящий не сообщает слушающим новой информации. Воздействующая и эмоционально-оценочная функция присутствуют лишь формально, нередко ограничиваясь набором шаблонных фраз: *People should take care of animals; My attitude to reading is positive; I like sports.*

5. Ограничение произвольности высказывания текстом задания. Любой отход от темы, включение дополнительной информации приводят к нарушению объема или продолжительности высказывания и ведут к снижению оценки или балла за ответ.

Анализ грамматических ошибок в письменных и устных монологических высказываниях учащихся позволил выявить применение ими следующих видов стратегий преодоления коммуникативных затруднений:

1. Стратегии извлечения из памяти, к которым относятся стратегия воспроизведения заученного материала и стратегия ассимилирования.

2. Компенсаторные стратегии, включающие в себя стратегию симплификации, стратегию генерализации, стратегию буквального перевода и стратегию отзеркаливания вербальной опоры.

При обучении иностранному языку в ситуации учебного двуязычия достаточно много внимания уделяется заучиванию наизусть. Учащиеся заучивают отдельные слова, словосочетания, фразы, а также готовые тексты и диалоги. В результате этого в поверхностном ярусе ментального лексикона формирующегося билингва содержатся готовые элементы, которые извлекаются из памяти в процессе продуцирования учебного монолога. Заученная часть ответа может представлять собой полностью законченные, грамматически правильно оформленные предложения, что позволяет даже учащимся с невысоким уровнем владения языком избегать грамматических ошибок в значительной части своего ответа. Однако в случаях, когда устойчивое словосочетание изначально заучено неверно, ошибочная цепочка слов может закрепиться в ментальном лексиконе и привести к возникновению грамматической ошибки при продуцировании высказывания:

*I'd better to go now** вместо *I'd better go now.*

*Thanks a lot of you letter** вместо *Thanks a lot for your letter.*

*I'm always glad to get message from you** вместо *I'm always glad to get messages from you.*

*I glad you're fine** вместо *I am glad you are fine.*

*It's a common knowledge** вместо *it's common knowledge.*

*On my opinion** вместо *in my opinion.*

*In my mind** вместо *To my mind.*

*I like to tell you about travelling** вместо *I would like to tell you about travelling.*

Нередки случаи, когда наличие в памяти формирующегося билингва двух грамматически правильных сходных по смыслу структур приводит к продуцированию грамматически девиантного высказывания. В данном случае мы ведем речь об использовании стратегии ассимилирования:

*I have started learning English when I was six** в результате ассимилирования *I started learning English when I was six* и *I have been learning English since I was six*;

*My parents have a friends in Spain** в результате ассимилирования *My parents have a friend in Spain* и *My parents have friends in Spain*;

*with another countries** в результате ассимилирования *with another country* и *with other countries*.

Грамматические ошибки в результате применения стратегий извлечения из памяти могут быть связаны с низкой осознаваемостью учащимися грамматических особенностей изучаемого языка при механическом заучивании, а также недостаточной коррекцией, что способствует фоссиллизации этих ошибок и их повторению при продуцировании высказывания.

Стратегия буквального (мысленного) перевода относится к языковым некооперативным компенсаторным стратегиям преодоления коммуникативных затруднений, основанных на Я1. Данная стратегия широко используется формирующимися билингвами, особенно на невысоком уровне владения изучаемым языком.

Обучающиеся сначала формулируют высказывание на родном языке, затем мысленно переводят его на иностранный. Наибольшую сложность при этом представляет переход на формулирование мысли на иностранном языке при продуцировании письменного высказывания [Петрусевич 2020]. Использование стратегии буквального перевода может приводить к грамматическим ошибкам в речи учащихся вследствие грамматической интерференции, понимаемой как «воздействие грамматической структуры родного языка в речи билингва» [Михальченко, с. 83].

Применение стратегии буквального перевода часто приводит к ошибкам в использовании предлогов, порядке слов в предложении, ошибок при выборе части речи:

*In Monday** вместо *on Monday* (в понедельник);

*on English** вместо *in English* (на английском);

*need in people** вместо *need people* (нуждаются в людях);

*a lot of people you will meet in these places** вместо *you will meet a lot of people in these places* (многих людей вы встретите в этих местах);

*because it's quickly** вместо *because it's quick* (потому что это быстро).

При отсутствии в ментальном лексиконе формирующегося билингва необходимой готовой структуры для осуществления замысла высказывания он может обратиться к стратегии генерализации, под которой понимается обобщение «языковых явлений на основе неких интуитивно принятых за основание параметров» [Цейтлин 2015, с. 519]. В сознании учащегося создается собственная система правил и норм, что во многих случаях приводит к появлению в речи грамматических ошибок. Например, говорящий считает, что форма *was* является маркером

прошедшего времени и использует ее там, где это не требуется: *It was happened last Sunday** вместо *It happened last Sunday*.

В тех случаях, когда пользователь языка упрощает языковые модели, опуская те элементы, которые с его точки зрения не влияют на осуществление коммуникативного замысла высказывания, речь может идти об использовании стратегии симплификации. Для русскоговорящих учащихся характерными ошибками являются пропуск артиклей, глагола *be*, вспомогательных глаголов в вопросах, опущение окончаний глаголов. Такие ошибки совершаются в потоке речи даже в том случае, когда соответствующие правила хорошо известны учащимся и применяются ими при выполнении грамматических упражнений.

При создании письменного или устного монологического высказывания в ситуации учебного двуязычия учащиеся также широко используют стратегию отзеркаливания вербальной опоры, которую можно рассматривать как частный случай кооперативных компенсаторных стратегий. Применение данной стратегии дает возможность даже учащимся с невысоким уровнем владения изучаемым языком справиться с коммуникативной задачей. В то же время использование этой стратегии может привести к грамматическим ошибкам, например, при перестроении вопросительного предложения в утвердительное.

Таким образом, понимание стратегий преодоления коммуникативных затруднений, применяемых формирующимися билингвами при построении письменного и устного монологического высказывания, может дать ключ к организации эффективной работы по сокращению ошибок в речи учащихся в ситуации учебного двуязычия.

Ellis R. Understanding second language acquisition. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 65 p.

Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 10 (1-4). – 1972. – Pp. 209-232.

Алешенко А.В. Подходы к описанию ошибок в иноязычной речевой деятельности учащихся // Наука и современность. – 2011. – №14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opisaniyu-oshibok-v-inoyazychnoy-rechevoy-deyatelnosti-uchaschihsya> (дата обращения: 03.10.2023).

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М: РГГУ, 1999. – 382 с.

Петрусевич П.Ю. Учет особенностей функционирования механизмов речи при обучении студентов говорению на иностранном языке // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. – 2020. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchyot-osobennostey-funktsionirovaniya-mehanzimov-rechi-pri-obuchenii-studentov-govoreniyu-na-inostrannom-yazyke> (дата обращения: 18.09.2023).

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Цейтлин С.Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 515-538.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье обсуждается возможность использования антропометрических методов при комплексном анализе дискурса; приводятся фрагменты двух дискурсивных исследований, в ходе которых был применен метод интервьюирования и ассоциативный эксперимент.

Ключевые слова: дискурс, антропометрический метод, метод интервьюирования, ассоциативный эксперимент

Abstract. The paper discusses the possibility of using anthropometric methods in complex discourse analysis. The author presents parts of two discourse studies in the course of which interviewing method and associative experiment were applied.

Keywords: discourse, anthropometric methods, interviewing method, associative experiment

Массив современных исследований дискурса демонстрирует продуктивность комплексного использования целого ряда различных методов. Не пытаясь выстроить существующие методы дискурсивных исследований в строгую систему, обратимся к классификации, предложенной И.А. Стерниним, который разграничивал традиционные описательные лингвистические методы и антропометрические методы. К описательным методам относится «наблюдение и обобщение, основанные на фиксации наблюдаемых фактов языка и их обобщении на основе их логического анализа» [Стернин 2021, с. 9]. Под антропометрическими методами понимаются методы, «предполагающие обращение к человеку (в случае с языком – к носителю языка) с определенным заданием или вопросами лингвистического характера» [Стернин 2021, с. 10].

В рамках настоящей публикации обратимся к методу интервьюирования и к ассоциативному эксперименту, которые И.А. Стернин относит к числу антропометрических, в ракурсе их использования в дискурсивных исследованиях.

В лингвистических моделях коммуникации, которые активно разрабатываются при изучении дискурса, важное место отводится субъектам общения, характеру их взаимоотношений, их личностным и коммуникативным особенностям, которые существенны для интерпретации коммуникативного поведения говорящих. В частности, И.П. Сусов такого рода факторы относит к числу важнейших прагматических параметров [Сусов 2007].

Остановимся на фрагменте исследования управленческого коммуникативного стиля в устном деловом дискурсе с привлечением материалов интервьюирования [Мкртычян 2012]. Для определения объекта исследования – устного делового дискурса – была поставлена задача установления критериев ограничения его объема. Исходным тезисом

послужил постулат о том, что общение людей (в том числе деловое) во многом детерминировано национальной культурой. Русское коммуникативное поведение характеризуется как высококонтекстное и полихронное, полиактивное, диффузное, другоцентричное. За перечисленными характеристиками мыслятся специфические черты российского делового общения. В монографии Ю.Е. Прохорова, И.А. Стернина описаны особенности русского национального коммуникативного поведения, среди которых названа приоритетность неформального общения и эффективность неофициального общения. «Неофициальное общение является гораздо более эффективным, чем официальное. В русском деловом общении надо сначала познакомиться, подружиться, установить личные отношения» [Прохоров, Стернин 2007, с.188-189]. Граница между устным деловым и обиходно-бытовым видами дискурса размыта, что позволяет считать деловым такой дискурс, в котором субъекты общения связаны должностными отношениями в рамках определенной организационной структуры, а общая интенциональность дискурса прямо или косвенно направлена на обеспечение профессиональной деятельности в широком смысле.

В пользу расширения границ делового общения путем включения в его состав межличностного взаимодействия свидетельствуют результаты интервьюирования, проведенного в Твери среди представителей трех социальных страт (военнослужащих, представителей коммерческой сферы и сферы образования (всего 156 человек, из каждой сферы примерно равное количество). С целью описания специфики отношений между руководителем и подчиненным как прагматического дискурсивного параметра респондентам было предложено ответить на вопрос (формулировки вопросов умышленно лишены конкретизации): Какого руководителя вы считаете хорошим?

Все полученные ответы можно условно разделить на две группы: ответы, в которых присутствует компонент межличностных отношений (*который заботится о подчиненных (7); справедливый (4); тактичный (2); кто любит людей и дело, проявляющий заботу о подчиненных, вникает в нужды и потребности подчиненных; которого любят подчиненные; умеет понять и «войти в положение», с которым можно найти общий язык; должен разбираться в людях*), и ответы, описывающие только функционально-ролевые отношения, индифферентные к межличностному взаимодействию (*опытный (5); кто может правильно организовать работу (2); ставящий реальные задачи; проявляющий организаторские способности; умеющий доказывать и обосновывать свою точку зрения; который умеет организовать порядок; умеет рационально планировать работу*).

Исследование показало, что в 24% ответов присутствует только компонент межличностных отношений, в 73% содержатся характеристики

обоих типов, что со всей очевидностью доказывает неразделимость функционально-ролевых и межличностных отношений. На долю ответов, содержащих только функционально-ролевые характеристики, приходится 3%.

Обращает на себя внимание тот факт, что количество ответов, характеризующих руководителя, в два раза больше, чем ответов, характеризующих подчиненного, что позволяет провести параллель с размышлениями Р. Ратмайр об «общинной психологии» русских. «Однако в русской культуре, в отличие от американской, не придается такого большого значения тому, что человек должен сам заботиться о своем благосостоянии и нести за него ответственность, не отвлекая других людей, т. е. смириться с тем, что окружающие могут быть заняты и к ним не всегда можно обратиться. Напротив, обычно люди считают других ответственными за свое счастье; в конечном счете эту привычку можно объяснить, возводя ее к "общинной психологии", снижающей ответственность отдельной личности» [Ратмайр 2003, с. 220].

Исследование устного туристического дискурса было проведено нами совместно с Т.А. Янсон, данное исследование посвящено изучению коммуникативных стилей экскурсовода [Янсон 2021]. В центре внимания находится взаимодействие *экскурсовод – турист*. Экскурсовод занимает доминирующую позицию с точки зрения коммуникативных вкладов, а коммуникативный стиль экскурсовода рассматривается как качественная характеристика его коммуникативной деятельности, непосредственно влияющая на эффективность общения в устном туристическом дискурсе. В рамках предлагаемой публикации представим фрагмент исследования, связанный с применением ассоциативного эксперимента для уточнения существенных характеристик экскурсовода как субъекта туристического дискурса.

Экспериментальное исследование стало предварительным этапом изучения коммуникативных стилей экскурсовода. В основу методики проведения и интерпретации результатов экспериментов положены идеи А.А. Залевской [Залевская 2011].

Участниками экспериментального исследования стали 105 человек в возрасте от 16 до 24 лет (57 мужчин и 48 женщин). Они являются студентами 2-го курса факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета и курсантами 1-го и 2-го курса военной академии ВКО им Г.К. Жукова.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что реакции испытуемых будут отражать представления относительно качеств и характеристик экскурсовода, которые на следующем этапе исследования можно будет соотнести с коммуникативными стилями при анализе дискурсивных фрагментов.

Испытуемые получили задание зафиксировать свои ассоциаты на слово-стимул ЭКСКУРСОВОД (формулировка задания: «Напишите

первое слово (или несколько слов), которое у Вас ассоциируется со словом ЭКСКУРСОВОД»).

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакции были распределены на 4 группы (с опорой на модель коммуникации В. Шрамма): те, которые связаны с адресантом (экскурсоводом), адресатом (туристами), сообщением (объектом речи) и с коммуникативным событием в целом. В Таблице 1 представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента.

Таблица 1

Ассоциаты на слово-стимул ЭКСКУРСОВОД

Адресант (экскурсовод) 53 ответа (27%)	Знания (3) / знание / знание истории, местности / человек, который имеет хорошие знания / человек, знающий всё о своем направлении (история людей, местности) / знает хорошо историю и географию страны (8); проводник (2) / гид (4) / направляющий (7); человек, проводящий экскурсии (2) / человек, ведущий экскурсии / кто проводит экскурсии / ведет экскурсии (5); информатор (3); образованный и умный человек / образованность (2); владение языками / языки (2); приятный, отзывчивый человек; человек, умеющий правильно донести информацию, но главное интересно; человек, который может рассказать и ответить на вопросы о каком-либо объекте, месте; рассказывает истории о городе; сообщает информацию; человек с громкоговорителем, под речь которого легко засыпаешь; интересный рассказ; знающий человек; разъяснение; с человеком (женщиной), которая интересно рассказывает; человек, который рассказывает об исторических местах того или иного города; человек, который рассказывает группе людей в течение экскурсии историческую информацию о достопримечательностях; компетентный человек; умный человек; образованность; рассказчик; красивая девушка; с Пашей Техником; человек с большой памятью; историк; женщина; униформа; человек, который вводит в курс дела людей; человек, который показывает достопримечательности туристам; человек водит туристов по различным местам и показывает достопримечательности; человек, который знакомит нас с историей и искусством
Адресат (туристы) 5 ответов (2,6%)	Отпуск (2); отдых, туристы, иностранцы
Сообщение (объекты речи) 56 ответов (28,6%)	Музей (13) / музеи (7) (20); достопримечательности (5) / достопримечательность (2) (7); автобус (3); много людей / толпа людей (2); микрофон (2); картины (2); памятник (2); старина; реликвии; зонтик; лес; зоопарк; большой город; иностранный город; город; Санкт-Петербург; Лондон; горы; галерея; страна; новые места; интересные места в разных странах; культура; бейджик; путеводитель
Коммуникативные событие (КС) 82 ответа (41,8%)	Экскурсия (13) / экскурсии (4) / длинные экскурсии (18); путешествия (6) / путешествие (10) (16); поездка (3); пешие прогулки / прогулка (2); информация (7) / новая информация / интересная информация / факты / новые факты / новые знания / что-то новое (13); история (7) / истории (8); интерес (3); туризм (2); скука / обычно не очень интересно (2);

обучение; экскурс; интерес; спокойствие; радость; приключения; увлечённость; открытия; эмоции; события; явления; опасность; шум, поход; путь
--

По результатам эксперимента самой многочисленной группой оказалась группа ассоциатов, связанная с коммуникативным событием (41,8%), т.е. на первом месте по степени значимости находится не субъект коммуникации и не само сообщение, а коммуникативное событие в целом, то впечатление, которое оно оставляет. Самыми многочисленными оказались ассоциаты *музей (6)* и *достопримечательности (4)*.

Наибольший интерес для нас представляет группа ассоциатов, характеризующих экскурсовода. В результате их обработки были выявлены предпочтительные качества экскурсовода. Наиболее частотные качества экскурсовода, названные испытуемыми, следующие: *знание (компетентность) (20)*, *коммуникабельность (17)*, *красноречивость (16)*, *хорошая, четкая дикция и громкая речь (14)*, *заинтересованность (14)*, *умение рассказывать интересно (13)*, *общительность (12)*, *умный / умная (10)*, *доброжелательность (10)*, *умение привлекать внимание (10)*, *харизма (9)*, *эрудированность (7)*, *внимательность / внимание (7)*, *юмор (6)*, *открытость (5) / искренность (6)*, *эмоциональность (6)*, *интересный (4) / нескучный / не быть занудным (6)*.

Здесь обратили на себя внимание гендерные различия. В ответах мужчин большее количество ассоциатов связано с экскурсоводом (43%), что в 1,6 раза больше по сравнению с общим количеством. Данный результат свидетельствует о значимости для мужчин личности экскурсовода, его качеств (*приятный, отзывчивый человек, умный, образованный, компетентный* и т.д.) и внешности (*красивая девушка*).

В целом почти в два раза меньше процент ассоциатов, связанных с сообщением (26%).

На следующем этапе данные, касающиеся качеств экскурсовода, были разделены на две группы: качества, которые связаны косвенно / прямо с межличностным общением (см. Таблица 2).

Таблица 2

Результаты классификации качеств экскурсовода по параметру «прямо/косвенно связанные с межличностным общением»

Параметр	Общие	Мужчины	Женщины
Связанные косвенно с межличностным общением	27%	35%	20%
Связанные прямо с межличностным общением	73%	65%	80%

В ответах большинства испытуемых качества, прямо связанные с общением, оказались наиболее важными (73%), несмотря на то, что самым предпочтительным качеством экскурсовода, названным испытуемыми, является *знание* (т.е. профессиональная компетентность) (20), которое косвенно связано с межличностным общением. Среди качеств, прямо

связанных с межличностным общением, наиболее частотными являются коммуникабельность (17), общительность (12), доброжелательность (10), умение привлекать внимание (10), харизма (9), внимательность/ внимание (7), открытость (6), эмоциональность (6), интересный (4) / нескучный / не быть занудным (6). По результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что для испытуемых личность экскурсовода крайне важна, большую роль играет способ передачи знаний, доброжелательное отношение к экскурсантам, умение найти с ними общий язык и заинтересовать.

Обращает на себя внимание фактор гендерных отличий. У мужчин процент ответов, прямо связанных с межличностным общением 65%, у женщин – 80%. Для мужчин более важными оказываются качества экскурсовода, характеризующие его внешний вид, пол, возраст, наличие знаний, а у женщин с его профессиональными качествами – способом и манерой передачи информации.

Таким образом, в представленных фрагментах дискурсивных исследований продемонстрировано использование метода интервьюирования и ассоциативного эксперимента. Несмотря на определенную ограниченность, такого рода методы направлены на решение конкретных задач на определенном этапе исследования, что обеспечивает комплексный подход к анализу дискурсивного материала. Полагаем, что изучение коммуникативного процесса в широком смысле может быть существенно обогащено использованием антропометрических методов, которые способны расширить границы дискурсивных исследований, демонстрируя их интегрирование с достижениями в области социолингвистики, прагматики, психолингвистики.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь, 2011. – 240 с.

Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): дис. ... докт. филол. наук. – Тверь: Твер. гос. университет, 2012. – 410 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: Коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 328 с.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем Е. Араловой. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.

Стернин И.А. О разграничении лингвистического эксперимента и лингвистического опроса // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Издательство «РИТМ», – 2021. – Вып. 8. – С. 9–18.

Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 543 с.

Янсон Т.А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: Твер. гос. университет, 2021. – 214 с.

О.В. Торопчина, У.М. Трофимова, Д.П. Гостищева (Бийск)

РЕДУКЦИЯ И ИЗБЫТОЧНОСТЬ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОНЯТИЙ В ТЕКСТАХ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

Исследование выполняется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках государственного задания на выполнение НИР («Разработка мультимодального корпуса для совершенствования методик эффективной работы с учебным текстом и развития читательской грамотности школьников», № ПТНИ 1022040900277-2-5.3.1)

Аннотация. В данной статье представлено эмпирическое исследование читательской грамотности школьников во взаимосвязи с логическими умениями и способами их дескрипции в ответах. В ситуации установления тождества и противоречия понятий в текстах по читательской грамотности наблюдаются явления редукции и избыточности информации. Осуществляется попытка типологизации данных процессов.

Ключевые слова: читательская грамотность, текст, редукция, избыточность, тождество, противоречие

Abstract. This article presents an empirical study of schoolchildren's reading literacy in relation to the logical understanding of texts and ways of describing this understanding in detailed answers. When establishing the identity and contradiction of concepts in texts, schoolchildren use the strategies of reduction and redundancy of information in their answers. An attempt is being made to typologize these strategies.

Keywords: reading literacy, text, reduction, redundancy, identity, contradiction

Данная статья посвящена описанию результатов исследования речевого поведения школьников в ситуации мониторинга читательской грамотности.

Текст занимает глобальное место в жизни современного человека, что предопределяет особое внимание современной междисциплинарной науки как к типологии текстов, так и процессам их переработки и интерпретации.

В семиотическом понимании текст представляет собой «объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 507]. В лингвистике под текстом понимается «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981, с. 18-19]. В совокупности эти дефиниции позволяют трактовать текст в контексте когнитивно-дескриптивных процессов

индивида, которые в данной статье будут представлены, с одной стороны, логическими операциями тождества и противоречия с понятиями и, с другой – явлениями редукции и избыточности в реакциях школьников. Логические умения играют существенную роль в развитии читательской грамотности [Глинка 2019, с. 28], которая включает способность человека понимать, использовать письменные тексты, размышлять о них, а также заниматься чтением для достижения своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни [PISA 2018. READING LITERACY FRAMEWORK]. Формирование и диагностика читательских умений школьников – одна из приоритетных задач современного российского образования.

Международное исследование PISA-2018 показало, что результаты российских школьников по уровню читательской грамотности снизились в сравнении с 2015 годом, что, возможно, связано с появлением новых типов текстов и новых типов заданий к ним. Анализ данных Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся установил, что для диагностики читательской грамотности у школьников применялись разные типы текстов, которые отражали новые социально-экономические ожидания по отношению к читателю. Использовались электронные тексты, множественные тексты, в которых интерпретируется и обобщается информация из нескольких разных источников, часто в текстах присутствуют графики, карты, схемы. Многие тексты направлены на оценку информации в интернете, например, распознавание различной фреймворк информации.

Используемые в мониторинге тексты могут быть классифицированы по количеству гипертекстовых связей и по включенности невербальных компонентов. Первые из них делятся на простые и составные. К простым относятся тексты, написанные одним или группой авторов и имеющие дату написания или публикации, название или номер, составные тексты – тексты, написанные разными авторами и имеющие разное время публикации, названия или номер.

По включенности невербальных элементов тексты для диагностики читательской грамотности могут быть сплошными, несплошными и смешанными. Сплошные тексты представляют собой предложения, которые соединены в абзацы. Несплошные тексты состоят из ряда списков, в них могут быть включены таблицы, графики, диаграммы, рекламные объявления, каталоги и др. Смешанные тексты состоят из элементов как сплошных, так и несплошных форматов [PISA 2018. READING LITERACY FRAMEWORK].

С опорой на перечисленные выше типы текстов коллективом АГППУ им. В.М. Шукшина были сформированы диагностические материалы в рамках проекта «Разработка мультимодального корпуса для

совершенствования методик эффективной работы с учебным текстом и развития читательской грамотности школьников».

Анкетирование проводилось в форме межрегиональной олимпиады для учащихся 5–9-х классов «Читательская грамотность: новый подход к чтению и пониманию текстов», в котором приняли участие около 120 школьников г. Бийска. Учащимся нужно было в течение 40 минут изучить предложенный текст и письменно ответить на вопросы, после чего с каждым участником олимпиады проводилось устное интервью, которое записывалось на диктофон.

В статье будут описаны реакции учащихся 5–7-х классов на первый вопрос (элементарное нахождение изложенных фактов) по трем текстам. Этот тип вопросов соответствует первому уровню читательской грамотности: «Найти одну единицу информации, сообщенной в явном виде... Конкурирующей информации в тексте нет... Основной способ поиска нужной информации – установить буквальное или синонимическое соответствие между ключевыми словами вопроса и текста [Баранова 2021, с. 7]. Здесь может быть востребован ряд когнитивных навыков: поиск ключевых слов с редуцированием незначимой информации, установление тождества понятий, установление противоречия понятий и снятие его, разграничение текстовой и внетекстовой реальности, обращение к фоновым знаниям. Простота и однозначность этого типа вопросов делает их удобным и наглядным стимулом в эмпирическом исследовании.

Для диагностики читательской грамотности по русскому языку учащимся 5-го класса был предложен простой, несплошной текст «Информационное письмо» с инструкцией, в которой описывалось, что нужно сделать для участия в онлайн-конкурсе, и приложением (заявкой) в виде таблицы. Вопрос к тексту «Верно ли, что Всероссийский онлайн-конкурс по русскому языку для 5–6-х классов состоится 10 апреля 2023 г. в очном формате? Обоснуйте свой ответ» требует установления и снятия противоречия между понятиями *онлайн* и *очный формат* и корректировки даты, в соответствии с заголовком информационного письма: *Всероссийский онлайн-конкурс по русскому языку для школьников 5–6-х классов. 15 апреля 2023 г. «Этимологическая лаборатория».*

Для 6 класса текст носит составной характер и состоит из двух разных текстов: Текст 1 «Введение» и Текст 2 «Как читать книги, чтобы пополнить лексикон?» В первом из них было краткое описание понятия *вокабуляр*, а во втором – речь шла о способах пополнения словарного запаса. Вопрос «Верно ли, что в текстах говорится о том, что образцовой можно считать речь середины XX века? Обоснуйте свой ответ» отсылает к фрагменту текста «Образцовой для нас, скорее всего, будет являться речь середины прошлого века, которая по базовым признакам близка к речи XXI века, но еще не успела пополниться варваризмами и жаргонизмами, не относящимися к общеупотребительной лексике». Вопрос требует

установления тождества между понятиями *прошлый век* и *XX век*. Информация о варваризации и жаргонизации языка в этом случае является второстепенной.

Для 7 класса текст также состоит из двух текстов: Текст 1 «Многозначность слова» (в котором было дано определение данному понятию, а также приведены примеры лексической многозначности) и Текст 2 «Выпущен Nokia C02 – самый дешевый смартфон компании на Android12» (данный текст был взят с сайта mail.ru и относится медиатекстам, в нем содержится описанием модели смартфона).

Вопрос к тексту «Опровергните или подтвердите информацию о том, что вес телефона Nokia C02 составляет 0,191 кг. Объясните свой ответ» требует отсылки к абзацу: «В преддверии MWC Barcelona 2023 компания представила Nokia C02 – удешевленную версию C12, о которой мы рассказывали в начале 2023 года. Это бюджетный телефон, работающий на Android 12 Go Edition. Это самый дешевый и один из самых компактных аппаратов производителя. Габариты устройства – 148,7 x 71,2 x 10 мм, а вес – 191 г». Учащийся должен установить тождественность понятий *191 г* и *0,191 кг*, опираясь на фоновые знания, а также редуцировать множество признаков, незначимых для ответа на вопрос: *размер, дешевизна, компактность* и пр.

Во всех классах в некоторых реакциях учащихся наблюдалось смещение фокуса внимания с существенных признаков на незначимые. Различного рода погрешности могут быть описаны в рамках двух явлений: *редукция* и *избыточность*. Как для языка, так и для текста редукция и избыточность являются значимыми категориями [Грудева 2008, 2010]. Обычно редукция и избыточность рассматриваются в качестве оппозиции, демонстрирующей различия интересов говорящего и слушающего: говорящий стремится к экономии усилий, в то время как слушающий нуждается в развертывании информации для максимально «простого из возможных переходов от текста к мысли (смыслу)» [Грудева 2010, с. 73]. Однако исследователь справедливо отмечает, что закон экономии действует в обоих случаях: «говорящий экономит «генеративные» средства, слушающий же экономит «перцептивные» средства» [Грудева 2010, с. 73]. Другим важным замечанием, с нашей точки зрения, является разграничение *редукции* как не подлежащего восстановлению удаления элементов семантической записи при переходе от смысла к тексту [Грудева 2008, с. 4] и *компрессии* – «вынесение за скобки» некоторой легко (для субъекта сообщения) восстанавливаемой информации [Грудева 2008, с. 3].

Это разграничение приобретает особую значимость в ситуации мониторинга читательской грамотности: нередко учащийся подвергает компрессии целевые признаки вопроса, опуская самоочевидную информацию. Поскольку вопросу нужно придать осмысленность,

испытуемый деформирует его по своему усмотрению, подменяя закрытые вопросы открытыми, в результате чего ответы содержат открытый ряд признаков, в том числе с привлечением фоновых знаний.

Специфика ситуации читательской грамотности заключается в том, что текст приобретает интерпретацию только в его взаимосвязи с вопросом. Таким образом, в образовательном пространстве наблюдается переход от парадигмы самодостаточного текста к парадигме его прагматической обусловленности вопросом, что требует определенную смену установок обучающихся.

Рассмотрим эти положения на конкретных примерах. Как уже отмечалось, учащиеся 7-го класса должны были установить тождественность понятий 191 г и 0,191 кг, опираясь на фоновые знания, а также подвергнуть компрессии множество признаков текста, незначимых для ответа на вопрос: *размер, дешевизна, компактность* и пр. В анкетировании участвовало 36 человек. Полный ответ включал 1) подтверждение, согласие, 2) установление тождества, 3) отсылку к тексту, 4) фоновую информацию.

32 человека подтвердили информацию, используя различные стратегии и формулировки: утверждение, волевой акт – подтверждение, оценку информации. Установление тождества находится в фокусе вопроса и предполагает экспликацию обоих компонентов (191 г и 0,191 кг) и оператора тождественности. 16 испытуемых установили тождество, используя различные операторы: = (*равно*), *т.е.*, *или*, *то же самое* и т.д. Один из испытуемых допустил семантическую деформацию, используя неправильный оператор: *а точнее*, 13 ограничились одним из членов (либо 191 г либо 0,191 кг), 3 назвали оба понятия, но не использовали оператор и 3 человека полностью редуцировали эту часть вопроса. Итак, только 47% школьников правильно вычленили целевую часть вопроса и рассмотрели подтверждение как установление тождества; из них лишь треть эксплицировала фоновые знания (перевод граммов в килограммы) для подтверждения тождества. 53% школьников посчитали эту информацию самоочевидной и редуцировали ее частично или полностью в ответе. В этом случае в качестве объяснения привлекались второстепенные признаки: например, 191 г – это небольшой вес, что может объясняться компактностью телефона, его конкретными габаритами, отсутствием дополнительных функций и т.д. Таким образом, редукция самоочевидной для семиклассника информации сопровождается смещением фокуса вопроса с логических отношений тождественности на причинно-следственные и включением избыточных оценок и признаков.

Отличие задания для 6-го класса заключалось в том, что тождественность здесь устанавливается между относительным словом *прошлый век*, которое приобретает референциальную соотнесенность

только в тексте, и *XX век* (прошлый по отношению к XXI веку – это XX век).

Всего в анкетировании приняли участие 25 человек. Из них только 2 человека (8%) подтвердили тождество в качестве обоснования утвердительного ответа на вопрос. 19 человек ограничились указанием одного из членов тождества (в основном это был XX век), остальные полностью его редуцировали. Таким образом, 92% учащихся неверно определили логическую суть вопроса как причинно-следственную и в качестве обоснования использовали второстепенные признаки жаргонизации и варваризации.

Текст для 5-го класса включал противоречие в вопросе между онлайн-конкурсом и очным форматом и противоречие в дате между вопросом и текстом. В анкетировании приняло участие 26 пятиклассников. Подавляющее большинство учащихся заметили противоречие между датами в информационном письме и вопросе. Противоречие между форматами конкурса заметили 62%, соответственно 38 человек (10 из 26) эту информацию редуцировали.

Важным признаком читательской грамотности является разграничение текстовой и внетекстовой реальности (особенное значение эта способность играет в распознавании фейков). Можно заметить устойчивый рост данной способности от 5-го к 7-му классу: 11% в 5-м классе, 32% в 6-м и 42% в 7-м.

Апробация наших заданий на школьниках позволила выявить основные стратегии учащихся: доминирование причинно-следственной аргументации даже в тех случаях, когда необходимы другие логические умения, необоснованное включение фоновых знаний, в том числе различного рода субъективных оценок, неразграничение текстовой и внетекстовой реальности. Эти стратегии приводят к неверной интерпретации вопроса, редуцированию значимой в прагматической ситуации *вопроса-ответа* информации, избыточности фоновых второстепенных признаков, выступающих в роли «причины» явления. Вместе с тем, по нашим данным наблюдается рост некоторых читательских компетенций (в частности, разграничение текстовой и внетекстовой реальности).

PISA 2018. READING LITERACY FRAMEWORK. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.anep.edu.uy/sites/default/files/images/Archivos/publicaciones-direcciones/DSPE/pisa/pisa2018/pisa%202018%20reading%20literacy%20framework%20final.pdf>

Вопросы формирования и оценивания функциональной грамотности средствами учебных предметов: учеб.-метод. пособие / Е.С. Баранова [и др.]; под ред. И.Е. Барыкиной, Е.В. Иваньиной. – СПб.: ГАОУ ДПО «ЛЮИРО», 2021. – 230 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

Глинкина Г.В. Роль логических умений в развитии у обучаемых читательской грамотности на уроках различных учебных дисциплин // Гуманитарный научный вестник. – 2019. – № 5. – С. 27-33.

Грудева Е.В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): автореф. дис. ... доктора филол. наук. – СПб., 2008. – 40 с.

Грудева Е.В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2010. – Т. 6. – № 2. – С. 73-89.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

В.В. Чалый (Краснодар)

ИМПЛИЦИТНЫЙ СМЫСЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ МОНОЛОГА РАССКАЗЧИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. ЧЕХОВА «К СВЕДЕНИЮ МУЖЕЙ»

Аннотация. В данной работе предлагается возможный вариант изучения языка чеховской прозы, построенный на выявлении средств авторского воздействия на воображение читателя. В теоретической части уделяется внимание существующим различиям содержательных основ слова, предложения и текста; рассматривается вопрос об анализе важных информативных элементов в структуре языковых единиц, предопределяющих влияние автора на читателя; анализируется семантика разных вербальных категорий с целью обнаружения имплицитной информации в речевой организации художественного текста; изучается уровень скрытых смыслов в монологе персонажа-рассказчика; осуществляется попытка выделения и дальнейшей интерпретации содержания семантических компонентов, функционирующих в языке повествователя; упоминаются три типа языковой информации: значение, значимость и знаковая функция; отмечается смысловая важность глаголов-сказуемых в составе синтаксических конструкций; устанавливается семантическая функция личных местоимений в структуре однородных членов предложения.

Ключевые слова: речевое поведение, семантические компоненты, манипулятивное влияние, синтаксическая конструкция

Abstract. In this paper, a possible variant of studying the language of Chekhov's prose is proposed, based on identifying the means of the author's influence on the reader's imagination; in the theoretical part, attention is paid to the existing differences in the content bases of the word, sentence and text; the question of analyzing important informative elements in the structure of linguistic units that predetermine the author's influence on the reader; the semantics of different verbal categories with the purpose of detecting implicit information in the speech organization of a literary text; the level of hidden meanings in the monologue of the narrator character is studied; an attempt is made to isolate and further interpret the content of semantic components functioning in the narrator's language; three types of linguistic information are mentioned: meaning, significance and sign function; the semantic significance of predicate verbs as part of syntactic constructions is noted; the semantic function of personal pronouns in the structure of homogeneous sentence members is established.

Keywords: speech behavior, semantic components, manipulative influence, syntactic construction

По нашему мнению, при изучении особенностей стиля конкретного литературного произведения важно учитывать семантику речевых средств, отобранных писателем для воплощения своей творческой идеи. В частности, лингвистический анализ слов персонажа, выступающего от имени автора, необходимо проводить в русле исследования внутреннего значения лексических единиц, которые составляют речевой поток (монолог) рассказчика-повествователя.

Н.Ф. Алефиренко утверждает, что «семантическая структура любой знаковой единицы языка формируется системой многоаспектных отношений в речемыслительной деятельности, предполагающей субстратные знаковые ситуации, то есть соотносимость знака с обозначаемым объектом, его мысленным образом, человеком и с другими знаками в системе данного языка» [Алефиренко 1999, с. 268]. Поэтому интерпретация мотивов речевого поведения литературного персонажа, которые предопределены семантикой употребляемых им слов, предполагает выявление значимых содержательных элементов в составе лексических единиц, создающих эффект авторского влияния на сознание читателя.

Л.М. Васильев предлагает выделять три типа языковой информации: значение, знаковую функцию и значимость, где «значение – это самостоятельный семантический знак, представляющий (отражающий) в нашем сознании реалии объективной действительности и сложившиеся о них понятия, знаковая функция – это прежде всего репрезентативная способность языковых единиц, значимость – это хранящаяся в сознании говорящих информация о связи знака с определенными парадигмами того или иного стратума (парадигматическая значимость), с определенными синтагмами (синтагматическая значимость, или валентность) и с определенными сферами функционирования языка (стилистическая значимость)» [Васильев 1981, с. 18-19]. В соответствии с этим в речевой организации художественного текста, как нам кажется, весьма интересно обнаружить и охарактеризовать уровень имплицитных смыслов, представляющих собой особые семантические компоненты содержания текста, восприятие которых возможно при привлечении мировоззрения читателя, его жизненных (прежде всего, нравственных) установок.

С точки зрения О.М. Косяновой, «лингвистика текста отмечает существенные различия содержательных планов слова, предложения и текста. Предлагаются три понятия: значение – содержательная сторона словесного знака, смысл – содержательный план предложения или сочетаний предложений и информация – содержание текста как законченного целого. Таким образом, признается наличие особой содержательной текстовой категории, не сводимой к сумме значений или смыслов, составляющих текст. Слово или словосочетание участвуют в создании «информации» – содержания текста и модификации своих

значений, а предложение – в возможных вариациях своего смысла» [Косянова 2001, с. 337-338]. Очевидно, что в вербальной структуре литературного произведения по замыслу автора функционируют те компоненты, которые должны способствовать формированию у читателя верного понимания той части содержания, которое не всегда представлено прямо или открыто. Следовательно, исследование языка прозаических произведений Антона Павловича Чехова предполагает выявление имплицитных смыслов в речи как самого автора, так и его персонажей.

И.Я. Чернухина отмечает, что «среди естественных имплицитных смыслов, используемых А.П. Чеховым как прием, доминирует имплицитная оценка. Суть имплицитной оценки состоит в том, что особая организация текста вызывает у читателя чувство симпатии (сочувствие, сопереживание) или антипатии по отношению к герою. При этом А.П. Чехов или не использует никакой оценочной лексики, или оценка читателя противоречит той оценке, которую дают герою другие персонажи» [Чернухина 1990, с. 109]. Безусловно, в чеховской прозе можно обнаружить примеры применения автором средств скрытого воздействия на читательское воображение.

Так, в произведении Антона Павловича Чехова «К сведению мужей» с ироничным подзаголовком «научная статья» автор-рассказчик описывает приемы, с помощью которых можно покорить сердце замужней женщины. Рассмотрим языковые особенности некоторых из них.

Самый обычный и употребительный – это старый способ, известный добродетельным людям по романам. Тут на первом плане темное выражение лица, загадочно-жгучий взор, провожание, «понимание друг друга без слов», просиживание по целым часам рядом на диване, романсы, записочки и прочая канитель.

Как нам кажется, повествователь, выступающий в качестве знатока женской психологии, характеризует прием, основанный на чтении популярной беллетристики. Синтаксическая конструкция, состоящая из ряда однородных членов, включает в себя перечисление известных литературных штампов, которые непременно должны отражать в прозаическом произведении не только страсть пылких чувств, но и демонстрировать логику развития лирических взаимоотношений: от устремленного взгляда на предмет своего обожания до написания любовных посланий. При этом употребляемое персонажем, от лица которого ведется повествование, словосочетание «и прочая канитель» в ироничном смысле подчеркивает проявление авторской усмешки.

Далее рассказчик, представляя «способ по теории нищей братии», рекомендует совершить следующие действия:

... Вы не отходите от нее ни на один шаг и в этом отношении соперничаете с ее тенью: она от вас, вы за ней... Комплименты, любезности, объяснения в любви – ваша речь. Вы умоляете, клянетесь,

обещаете застрелиться... Вам смеются в лицо, вас отталкивают, презируют, пугают гневом мужа, но, тем не менее, вы смело идете дальше. Улучив удобную минутку, вы падаете на колени, прижимаетесь к ее руке... Она всхлиывает, плюет, бьет вас по щеке, но вы не идете вспять... Как истый нищий, вы продолжаете подвывать ей шубку, прислуживать за ужином, заглядывать умоляюще в глаза... Вам, наконец, грубо отказывают от дома. Но и это не беда. У вас еще в запасе бомбардировка письмами и подсылка третьих лиц. И к тому же, где бы она ни была вне дома, она всюду видит вас: в театре, на скачках, в собрании...

В анализируемом нами фрагменте произведения «К сведению мужей» Антона Павловича Чехова отмечаем частое использование персонажем-рассказчиком личных местоимений, что влечет за собой изображение череды поступков в линии поведения двух людей – напористого мужчины и реагирующей на его действия замужней дамы. В совокупности со сказуемыми-глаголами эти местоимения, нередко входящие в состав однородных членов предложения данного контекста, словно формируют у читателя ощущение динамичного развития событий, фиксируют усиливающиеся этапы постепенного манипулятивного воздействия на сознание несвободной женщины с целью подчинить ее своим эгоистичным помыслам.

Итак, проведенный нами лингвистический анализ фрагментов произведения А.П. Чехова «К сведению мужей» выявил параметры функционирования скрытых смыслов в монологе персонажа-рассказчика, прежде всего собственно ироничное отношение к описываемым деталям, составляющим рекомендацию к действию, и этапы манипулятивного влияния для достижения своего «коварного» замысла.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 1999.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1981.

Косянова О.М. Национально-культурная семантика текста // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной научной конференции. – М.: Изд-во «СпортАкадемПресс», 2001. – Т. 1. – С. 335-339.

Чернухина И.Я. Имплицитные смыслы в прозе А.П. Чехова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. – С. 107-116.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения в 18 т. – М.: Изд-во «Наука», 1974–1983. – Т.4. – С. 300-305.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В.В. Епифанова (Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ НЕМЕЦКИХ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ИЕРАРХИЧНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ, НА ОСНОВЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА

Аннотация: В статье представлены результаты компонентного анализа немецких лексем, описывающих иерархичность отношений, в частности, идею покровительства одного человека по отношению к другому. Демонстрируются смысловые компоненты, по которым дифференцируются анализируемые лексемы, указываются особенности их употребления и способы перевода, представленные в параллельных немецко-русском и русско-немецком корпусах текстов, предлагаются авторские примеры перевода данных лексем на русский язык.

Ключевые слова: семантика, компонентный анализ, синонимия

Abstract. The article presents the results of a component analysis of German lexemes describing the hierarchy of relations, in particular, the idea of patronage of one person in relation to another. Russian Russian and Russian-German text corpora demonstrate the semantic components by which the analyzed lexemes are differentiated, the features of their use and the methods of translation presented in parallel German-Russian and Russian-German text corpora are indicated, the author's examples of translating these lexemes into Russian are offered. Keywords: semantics, component analysis, synonymy

Abstract: The article presents the results of a component analysis of German lexemes describing the hierarchy of relations, in particular, the idea of patronage of one person in relation to another. Russian Russian and Russian-German text corpora demonstrate the semantic components by which the analyzed lexemes are differentiated, the features of their use and the methods of translation presented in parallel German-Russian and Russian-German text corpora are indicated, the author's examples of translating these lexemes into Russian are offered.

Keywords: semantics, component analysis, synonymy

Деление значений синонимичных слов русского языка на семантические (смысловые) компоненты, по которым они различаются, реализовано в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна (2000). Приведем пример словарной статьи данного слова, посвященной семантической дифференциации синонимов «заставлять», «вынуждать», «принуждать», «понуждать»: «Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) указание на намеренность действия субъекта (обязательно для **понуждать**, может отсутствовать в случае **заставлять** и **вынуждать**); 2) характер воздействия на объект (**понуждать** предполагает непосредственное, часто физически наблюдаемое воздействие на объект; **заставлять** и **принуждать** допускают такое воздействие, а для **вынуждать** оно нехарактерно); 3) степень насилия над волей объекта (наибольшая в случае **вынуждать**,

значительная в случае **принуждать**, наименьшая в случае **понуждать**); 4) возможность неэффективного воздействия на объект (наибольшая в случае **понуждать**); 5) тип объекта (**заставлять**, в отличие от других синонимов ряда, допускает в качестве объекта неодушевленный предмет)... [Новый объяснительный словарь синонимов 2000, с. 119].

Подобное деление синонимичных слов на семантические компоненты представлено и в работе И.Г. Милославского «Говорим правильно по смыслу или по форме?» (2013): «Когда мы говорим, что *X провоцирует Y-а*, то это значит обычно, что *X* и *Y* находятся в неприязненных, напряженных, плохих отношениях... Однако «плохие отношения» обычно лишь необходимое, но недостаточное условие для *провокационных* действий. ...*Провоцируя Y-а*, *X* совершает некоторое действие, тайная (это очень важно!) цель которого в том, чтобы *Y* начал совершать действия, выгодные (полезные) для *X-а*, а следовательно, учитывая отношения между *X-ом* и *Y-ом*, вредные (опасные) для самого *Y-а*. ... *Провоцирует* вовсе не значит *заставляет*, *принуждает* или *просит*, *требует*. Провокатор использует более изощренную тактику, он хочет, чтобы со стороны не он, а именно другой выглядел *инициатором*, *зачинщиком* (слово с отрицательной оценкой!) конфликта и/или необоснованного «плохого» поведения другого. ... Весьма близки к глаголу *провоцировать* сниженные *подстрекать*, *подзуживать*, а также *подговаривать* и *инспирировать* [Милославский 2013, с. 234-235]. Анализ наиболее частотных семантических параметров русских синонимов проводится в исследовании [Ольховская 2019].

Что касается немецкого языка, на данный момент отсутствует соответствующий объяснительный словарь немецких синонимов, поэтому проблема различения оттенков значений решается только в рамках отдельных исследований. Имеется лишь общий, упорядоченный по алфавиту, исчерпывающий список синонимов немецкого языка [Duden. Das Das Synonymwörterbuch 2010]. В данной работе на основе компонентного анализа выделяются семантические компоненты, по которым дифференцируются лексемы немецкого языка, описывающие идею покровительства. Подобный подход позволяет уточнить особенности значений синонимов, их стилистическую принадлежность и прагматику. Кроме того, деление значений слов на семантические компоненты способствует более качественному подбору переводных единиц в другом языке.

В рамках данного исследования были проанализированы следующие лексемы: *die Auspizien* (Pl. om *Auspizium*: (bildungsspr.) *Vorbedeutung, Aussichten für etw.*; *unter jmds. Auspizien* – *unter der Schirmherrschaft, Oberhoheit o. Ä. einer Person od. Institution o. Ä.*), *der Fittich* – *Flügel, Schwinge*; *jmdn. unter seine Fittiche nehmen* (ugs. scherzh.) – *sich um jmdn kümmern, ihn betreuen, ihm helfen o. Ä.*); *die Gunst* – 1) *wohlvollende*,

*freundlich entgegenkommende Haltung, Geneigtheit: 2) bestimmte Auszeichnung, die jmdm als Zeichen oder Ausdruck der Gunst (a) gewährt wird); die **Obhut** – fürsorglicher Schutz, Aufsicht; das **Patronat** – (bildungsspr.) Schirmherrschaft; die **Protektion** – das Protegieren; Förderung, Begünstigung in beruflicher, gesellschaftlicher o. ä. Hinsicht); das **Protectorat** – 1) (bildungsspr.) Schirmherrschaft; 2a) (Völkerrecht) Schutzherrschaft eines Staates oder einer Staatengemeinschaft über einen anderen Staat; 2b) unter einer Protectorat (2a) stehender Staat; die **Schirmherrschaft** – Amt, Funktion des Schirmherrn, der Schirmherrin; Patronat; **der Schutz** – jmdn gegen [jmds.] Angriffe, Kritik o.Ä. verteidigen); die **Schutzherrschaft** – Oberhoheit in bestimmten Angelegenheiten (bes. Außenpolitik, Verteidigung od. auch Verwaltung, die ein oder mehrere Staaten über ein fremdes, unter ihren Schutz gestelltes Staatsgebiet ausüben) [Duden. Das Universalwörterbuch 2019].*

Особенности семантики немецких лексем раскрываются не только с помощью анализа их дефиниций и исследований различных контекстов употреблений, но также с помощью примеров перевода русских/немецких лексем данного семантического поля на немецкий/русский языки соответственно, осуществленных профессиональными переводчиками и представленных в параллельных корпусах текстов:

*Оставив Светлану на **попечение** сопровождающего, Настя подошла к Старкову. Nastja überließ Swetlana der Obhut ihres Begleiters und ging zu Starkow (Александра Маринина. Игра на чужом поле (1997) | Alexandra Marinina. Auf fremdem Terrain (Felix Eder und Thomas Wiedling, 2001);*

*Онокодзи, правда, в два счета прожился, но его подкармливает щедрый Туча-сан – в благодарность за покровительство, которое нашему разбойнику оказывал напаша князя. Onokoji hat zwar im Nu alles verbraucht, aber der großzügige Don-san unterstützt ihn – zum Dank für **den Schutz**, den sein Vater unserem Räuber hat an-gedeihen lassen (Борис Акунин. Алмазная колесница (2003) | Boris Akunin. Die Diamantene Kutsche (Andreas Tretner, 2006);*

*Меня ни разу не ограбили, не ударили кулаком в лицо, не пырнули ножом. **Обо мне заботились**. Меня передавали с рук на руки, словно дорогую вещь, навсегда потерянную хозяином. Nie wurde ich bestohlen. Kriegte weder eine Faust zu spüren noch ein Messer. **Ich war in beständiger** Obhut. Wurde von Hand zu Hand gereicht wie ein kostbares Ding, das seinem Herrn verloren gegangen war, aber nun erst recht keinen Владимир Сорокин. Путь Бро (2004) | Vladimir Sorokin. Bro (Andreas Tretner, 2007);*

*Was war, wenn der Detektiv auf der Suche nach Bo und ihm auch dem Herrn der Diebe auf die Spur kam? Das wäre ein schlechter Dank dafür, dass Scipio sie **unter seine Fittiche genommen hatte**. А что будет, если детектив, разыскивая их с Бо, на след самого Короля воров нападет? Это так-то они отблагодарят его за то, что он **принял их под свое** покровительство?*

Cornelia Funke. Herr der Diebe (2002) | Корнелия Функе. Король воров (М.Л. Рудницкий, 2004);

*Ich kenne Ihren Typ aus den Gefangenenlagern, und ich hätte Lust, Sie ein bißchen **unter meine ideologischen Fittiche zu nehmen**, wenn Sie nichts dagegen haben. Людей вашего типа я часто встречал в лагерях военнопленных, и мне очень хотелось бы **взять над вами идеологическое** шефство. Если, разумеется, вы не возражаете* (Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963) | Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (Е. Закс и Н. Ман 1964) и др.

В результате анализа были выделены следующие семантические компоненты, по которым различаются немецкие лексемы, передающие идею покровительства:

1) **субъект покровительства** (отдельный человек в качестве субъекта характерен для *die Gunst, die Obhut, die Schirmherrschaft, der Schutz*; отдельный человек, группа людей и государство – для *die Protektion*; государство – для *die Schutzherrschaft* и *das Protektorat* в значении 'форма межгосударственных отношений, при которых одна страна находится под защитой другой');

2) **объект покровительства** (человек и вещь характерны для *das Auspizien* (*unter jmds Auspizien* под чьим-л. покровительством/ под чьей-л. эгидой), *der Schutz* (защита кого-л./ чего-л.), *die Obhut* в значениях 'опека, попечение над кем-л./ контроль, надзор над чем-л.');

3) **оценка ситуации объектом** (всегда положительная для *die Gunst*, положительная и отрицательная для *die Obhut*: например, *sich der Obhut entziehen* освободиться от опеки/ попечения/ надзора);

4) **оценка ситуации говорящим** (чаще отрицательная для *die Protektion: gegen Protektion und Cliquenwirtschaft ankämpfen* бороться с протекционизмом) и др.

Приведем собственные примеры перевода текстов из Корпуса Берлинско-Бранденбургской Академии наук [DWDS-Textkorpora] с учетом полученных данных относительно семантики слов:

*Der Rat hat den Wunsch geäußert, dass die Europäische Kommission und die Weltbank unter der **Schirmherrschaft** der Hochrangigen Lenkungsgruppe für den Balkan (HLSG) gemeinsam beauftragt werden, eine Bedarfsschätzung vorzunehmen...* (Archiv der Gegenwart, 2001. Zitiert nach: Archiv der Gegenwart, 2000, Bd. 70.) (*Совет выразил желание, чтобы Европейская комиссия и Всемирный банк под эгидой Руководящей группы высокого уровня по Балканам (HLSG) совместно получили задание провести оценку потребностей...*);

*Private Hersteller beschwerten sich seit jeher, dass Subventionen und **Protektion** der Regierungen den Staatsunternehmen unlautere Vorteile verschafften* (Berliner Zeitung, 24.10.2005) (*Частные производители всегда*

жаловались на то, что субсидии и государственная **протекция** давали государственным предприятиям несправедливые преимущества.);

*Das Jugendamt nahm bereits einen Sohn der Frau in seine **Obhut*** (Berliner Zeitung, 03.12.2005) (Управление по делам несовершеннолетних уже взяло на **попечение** сына этой женщины);

*«Wenn wir diese Bibliothek in unsere **Obhut** nehmen, dann muss es auch mit besondern Korrektheit und langfristig geschehen», sagt Schimmang* (Berliner Zeitung, 29.11.2005) («Если мы берем эту библиотеку под свой **контроль**, то это должно быть сделано с особой точностью и в долгосрочной перспективе», – говорит Шимманг);

*Anneliese und ich wetteifern um Ewalds **Gunst**, beüben uns gegenseitig mit Mißtrauen, registrieren übergenau, was die andere anzieht, welches Parfum sie benutzt, ob sie Kritik oder Beifall des hohen Herrn erhält* (Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 276). (Мы с Аннелиз соперничаем за **благосклонность** Эвальда, с недоверием смотрим друг на друга, слишком точно определяем, что привлекает другую, какими духами она пользуется, получает ли она критику или одобрение высокого Лорда);

*Sogar die **Schirmherrschaft** übernahm er für diese Ausstellung und beförderte sie damit in die Höhen nationaler Bedeutsamkeit* (Die Zeit, 30.03.2000, Nr. 14.) (Он даже взял на себя **шефство** над этой выставкой, тем самым подняв ее до высот национального значения);

*Nach einem Vertrag vom 17. August 1918 zwischen Monaco und Frankreich sollte im Falle des «Fehlens eines direkten oder adoptierten Erben das Territorium unter dem **Protektorat** Frankreichs ein autonomer Staat unter dem Namen Staat Monaco (Etat de Monaco)» werden* (Berliner Zeitung, 07.04.2005) (Согласно договору от 17 августа 1918 года между Монако и Францией, в случае «отсутствия прямого или усыновленного наследника территория под **протекторатом** Франции должна была стать автономным государством под названием Государство Монако»).

Таким образом, компонентный анализ немецких синонимичных лексем, обозначающих покровительство одного лица по отношению к другому или покровительство какой-либо деятельности, наш взгляд, позволяет установить более дифференцированную разницу между семантикой синонимичных слов, выявить набор семантических параметров, из которых состоят их значения, а также осуществить более качественный перевод исходного текста.

Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме. – М.: АСТ, 2013.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Ольховская А.И. Семантическая параметризация русской синонимии // Litera, 2019. – №5. – С. 63-78.

Национальный корпус русского языка (параллельный корпус). – URL: <https://ruscorpora.ru/>

Duden. Das Synonymwörterbuch: Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter. Synonymwörterbuch der deutschen Sprache. 5. Auflage. – Mannheim, 2010.

Duden. Das Universalwörterbuch. 9. Auflage. – Berlin, 2019.

DWDS-Textkorpora. – URL: <https://www.dwds.de/>.

Л.А. Литвинова (Воронеж)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИНДЕКС ЯРКОСТИ СЕМЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ СЕМАНТЕМЫ

Аннотация. В статье представлено исследование интегрированного лексикографического описания значения слова «деревня» в XVIII и XX веках. Была проанализирована семантическая иерархия семантем, выявлены количественные и качественные изменения, определены актуальные и неактуальные семемы, объем семантического наполнения слова и оценен потенциал их семантического развития.

Ключевые слова: интегрированное лексикографическое описание значения, лексикографический индекс яркости семемы, сопоставление

Abstract. The article deals with the study of the generalized lexicographic description of the word meaning – the "village" lexeme in the 18th and 20th centuries using the lexicographic brightness index with their further comparison. This approach makes it possible to analyze the received semantemes with a certain semantic hierarchy, to identify quantitative and qualitative changes, to determine non-relevant sememes, the volume of semantic content of the word and to assess the potential of semantic development.

Keywords: generalized lexicographic description of the meaning, lexicographic brightness index of a sememe, comparison

Лексическое значение слова представляет собой закрепленное словом отражение окружающего нас мира и внеязыковой действительности. Как известно, в лексике отражаются основные исторические, социальные, культурные события соответствующего периода. Очевидно, что значение лексических единиц объективно является комплексным и сложным явлением, для изучения и исследования которого требуется применение ряда исследовательских приемов и методов исследования.

Целью данной статьи является описание интегрированного лексикографического значения лексемы *деревня* XVIII века и XX века в русском языке и их последующее сопоставление.

На первом этапе исследования были проанализированы дефиниции разных толковых словарей с помощью метода обобщения словарных дефиниций. Данный метод направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе совокупности имеющихся толковых и энциклопедических словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой

структуре. Метод словарных дефиниций основан на *принципе дополнительности словарных дефиниций* разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга. Следует отметить, что особенностью данного исследования является современный метод исследования семантики, применяемый к словарным данным разных синхронических срезов.

Материалом исследования послужили данные толковых и иных словарей русского языка XVIII и XX веков:

- 1) Лексикон трехязычный, автор Ф.П. Поликарпов-Орлов, 1704;
- 2) Лексикон Брюса, автор Брюс Я.В., 1722;
- 3) Словарь русского языка XVIII века, автор Ю.С. Сорокин, 1084;
- 4) Словарь Академии Российской, 1782;
- 5) Большой толковый словарь, автор С.А. Кузнецов, 1998;
- 6) Малый академический словарь, автор А.П. Евгеньева, 1957-1961;
- 7) Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой, 2000;
- 8) Толковый словарь С.И. Ожегова, 1952;
- 9) Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 1935-1940.

На втором этапе был составлен список всех выделенных значений слова *деревня* в XVIII и XX веках.

Затем была выявлена и описана иерархия выявленных семем в рамках каждой из исследуемых семантем. Инструментом определения порядка указания семем применялся лексикографический индекс яркости семемы – ЛИЯС. Он представляет собой соотношение количества одной и той же семемы, зафиксированных в разных словарях, к общему количеству проанализированных словарей.

Представим результаты обобщения словарных дефиниций XVIII века.

ДЕРЕВНЯ

1. по славенски, вообще всякое сельское (крестьянское) селение, ничем неукрепленное, в котором живут земледельцы, без церкви, в отличие от села. ЛИЯС 0,8.

2. Перен. Простореч. Человек, неотесанный, глуповатый, грубый в обращении, неучливый, незнающий обращения, дикий, застенчивый; то же, что деревенщина. ЛИЯС 0,5.

3. Сельское поселение с его жителями и земельными угодьями; земельная собственность. ЛИЯС 0,3.

4. Пахотная земля, поля. ЛИЯС 0,3.

5. Сельская местность (в противоположность городу). ЛИЯС 0,3.

Далее представим результаты обобщения словарных дефиниций XX века.

ДЕРЕВНЯ

1. Крестьянское сельское селение, обычно небольшое. ЛИЯС 1.

2. собир. Сельское население, крестьянство. ЛИЯС 1.

3. только ед. Сельская местность (в противоположность городу). Разг. ЛИЯС 0,8.

4. Помещичье крепостное имение с усадьбой (в Российском государстве до 1917 г.). ЛИЯС 0,2.

5. Разг.-сниж., простореч., пренебр, устар. Простоватый, грубоватый человек, деревенщина, в устах горожан о жителях деревни. ЛИЯС 0,4.

Сопоставление интегрированного описания слова *деревня* XVIII и XX веков выявляет некоторые изменения в семантической иерархии исследуемого слова: 1) ядерное значение слова – «сельское поселение» – таковым осталось, однако семантический объем семемы 1 сузился: такие семантические параметры, как «степень защиты» и «наличие церкви», стали не актуальны в XX веке; 2) семема 5 – «сельская местность» – с периферии в семантеме слова *деревня* XVIII века в сравнении с XX веком имеет ЛИЯС 0,8 и приобрела позицию ближней периферии, в то время как семема «деревенщина» несколько утратила яркость – 0,5 в XVIII веке и 0,4 в XX веке; 3) в XX веке не фиксируется семема 5 – «пахотная земля»; 4) если рассматривать семему 4 в XVIII веке – «сельское поселение как земельная собственность» и семему 5 – «помещичье крестьянское селение» – в XX веке как форму собственности, то их яркость мало изменилась.

Таким образом, результаты сопоставления с помощью индекса яркости семемы позволяют детально проследить количественную (объем и иерархию семантического наполнения) и качественную (актуальность семемы в составе семантемы и потенциал ее семантического развития) динамику изменения значения с течением времени.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.

Брюс Я.В. Лексикон голландско-русский. – Санкт-Петербург, 1717. – 248 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные. – М.: АСТ, 2005. – Т. 1 А-Л. – 1168 с. – Режим доступа: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/>

Малый академический словарь / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.

Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. – Москва: Синодальная тип., декабрь 1704. – 1-8, 1-206, 1-189 = 403 л.

Словарь Академии Российской. – Санкт Петербург: При Имп. Акад. наук, 1789-1794.

Словарь русского языка XVIII века [под ред. С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко и Л.И. Скворцова]; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – 24-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1986. – 264 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные. – М.: Славянский дом книги, 2014. – 960 с. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/409463.html>

Т.Н. Медведева (Саратов)

ЛИТЕРАТУРНО-КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДИАЛЕКТНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация: В статье исследуются литературно-книжные лексемы в диалектной речи: номинации лиц и групп лиц по роду занятий, оценочные номинации, обозначения невидимых сущностей внутри тела человека, медицинские и религиозные термины. Также рассматриваются проблемы соседства и смешивания разностилевых лексем.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, стилистика, семантика, номинация

Abstract. The article examines literary and book lexemes in dialect speech: nominations of persons and groups of persons by occupation, evaluation nominations, designations of invisible entities inside the human body, medical and religious terms. The problems of neighborhood and mixing of different-style lexemes are also considered.

Keywords: communicative dialectology, stylistics, semantics, nomination

Каждая языковая личность обладает комплексом знаний и представлений, включающим индивидуальные, социумные и общенациональные (общекультурные) элементы. В исследованиях делается вывод о том, что в ситуации монокультурной, но межсоциумной коммуникации основные различия касаются не столько знаний, сколько представлений [Красных 1988, с. 177].

Цель настоящей статьи – продемонстрировать, каким образом указанное различие в представлениях о тех или иных объектах действительности реализуется при общении носителей традиционной культуры деревенского общения с диалектологами – носителями «городской» речевой культуры. Материалом для исследования послужили записи диалектных текстов, выполненные нами на территории села Белогорное Вольского района Саратовской области.

Прежде всего остановимся на зафиксированных нами особенностях, касающихся номинации лиц и групп лиц по роду занятий.

(1) [рассказ о праздновании церковных Спасов] *Вот вы/ жаль/ вас не было/ у нас администратор вот и то приходил на Второй Спас!*

Практически все диалектоносители вместо номинации **глава администрации** употребляют обозначение **председатель** (так же, как **сельсовет** вместо **администрация**). В приведенном примере появление номинации **администратор**, по нашему мнению, вызвано желанием автора высказывания приблизиться к сфере представления городских собеседников.

Эта номинация является своего рода переходной от старой к новой: в **председателем** ее объединяет то, что она состоит из одного слова, а с **главой администрации** – словообразовательная база. С точки зрения словообразовательной семантики, данное употребление абсолютно оправдано (ср.: **глава дирекции** => **директор**; **глава редакции** => **редактор**; **глава администрации** => **администратор**), хотя в литературном языке лексема **администратор** по значению не полностью укладывается в данный словообразовательный тип.

(2) *У него ни матери/ ни отца нет/ бабушка с дедушкой// Оне его воспитывали// Он им как родной/ с двух лет// Мать ушла в компанию/ в эту мафию/ стилась/ и там ее убили//*

В примере (2) соседствуют две номинации группы лиц, противоположные по оценочному восприятию. Если **компания** ассоциируется с безобидным времяпрепровождением (ср. речения из соответствующей словарной статьи в [Ожегов, Шведова 1997, с. 288]: *Веселая к. Дружная к. Гулять компанией*), то **мафия** (во 2-м значении) определяется как «организованная группа людей, тайно и преступно действующих в своих интересах» [Ожегов, Шведова 1997, с. 346].

Очевидно, автор высказывания (2), чувствуя «безобидность» номинации **компания**, неуместную в данном контексте, стремится выбрать более «грозное» обозначение. Выбор этот осуществлен, по нашему мнению, с опорой на когнитивную базу собеседников: **мафия** – сугубо городская номинация, тогда как **компания** часто встречается и в диалектной речи.

Интересными представляются замены номинации **двадцатипяти тысячники**, отмеченные нами у разных информантов:

(3) *В двадцать девятом году/ нас осенью всех раскулачивали/ с тридцатого года начинается колхоз// К нам приехали из Ленинграда/ пятисотельники какие-то/ трое//*

(4) *Тогда у нас/ вот в двадцать девятом году/ когда колхозы организовывали/ тогда были/ из Москвы/ или откудава ли/ или из Питера ли/ были какие-то тридцатитысячники/ для организации колхоза//*

Очевидно, что смысл официального номинативного обозначения непонятен авторам высказываний (об этом свидетельствует неопределенное местоименное слово **какие-то**). Обращение к данной номинации происходит на поверхностном, а не на семантико-когнитивном уровне: в сознании носителей диалекта фиксируется связь с неким «круглым числом», которое варьируется у разных информантов (при этом они абсолютно точно воспроизводят даты всевозможных событий, расстояния, размеры объектов, входящих в их личностную сферу).

Особенности выбора тех или иных лексем, обусловленных влиянием диалектолога, отмечены нами не только в номинациях лиц, но также и при упоминании других объектов.

(5) [А Вам приходилось с покойником ночью оставаться?] *Оставалась/ а как же/ да//* [А страшно было?] *Нет// А чё дочка страшного? Он не это// Он уже/ к земле как предался – всё/ у него душа уже не действует нет ничего//*

Е.В. Урысон определяет синонимы ряда **душа, память, совесть, ум, воображение, слух, зрение** и некоторые другие как обозначения невидимых сущностей внутри тела человека, аналогичных обычным, материальным «вещам» внутри тела человека – органам и субстанциям [Новый объяснительный словарь... 1999, с. 87]. **Душа**, по мнению исследователя, «обладает всеми чертами обычного материального органа» [Новый объяснительный словарь... 1999, с. 87].

Однако в обширном списке контекстов употребления лексемы **душа**, приведенном в словарной статье, отсутствуют примеры, подобные высказыванию (5). Из всех синонимов данного ряда только **воображение** и **фантазия** «в некоторых контекстах обозначают нечто функционирующее, работающее внутри человека» [Новый объяснительный словарь... 1999, с. 44].

Нами зафиксирован интересный пример «перевода» реалии, близкой носителям традиционной деревенской культуры, на «городской» язык:

(6) *Я вот никогда/ дочка/ пост не пост/ в среду-пятницу не ем/ разгрузочный день//*

Медицинский термин **разгрузочный день**, ставший устойчивым оборотом, употреблен в значении термина, относящегося к религии – ‘однодневный пост’. Весь дискурс автора высказывания (6) был направлен на то, чтобы познакомить городских собеседников с местными особенностями проведения различных религиозных мероприятий, и, решив, по-видимому, что реалия **однодневный пост** неизвестна собеседникам, информант выбрал наиболее близкую реалию из литературного языка.

Таким образом, исследование выбора диалектоносителями тех или иных лексем, обусловленного влиянием собеседников – обладателей «городской» коммуникативно-когнитивной базы, позволяет выявить значения, оттенки значений и отдельные семы, наиболее актуальные в словах литературного языка для представителей традиционной культуры деревенского общения.

Территориальные диалекты, являясь представителями принципиально устной формы речи, практически не имеют функционально-стилевой дифференциации. Исследователи отмечают в них лишь «зачатки» некоторых стилей. Однако в речи отдельных диалектоносителей могут встречаться разнообразные и многочисленные литературно-книжные языковые единицы.

Подобные единицы зафиксированы нами в речи носителя среднерусского говора на южной основе села Орлов Гай Ершовского района Саратовской области.

Количество книжных лексем, встречающихся речи информанта, значительно превышает их количество в речи не только других диалектоносителей, но и в речи средних носителей литературного языка.

В качестве примеров можно привести существительные и сочетания существительных: *доступ к информации, зона полупустыни, дискус* (в значении 'дискуссия'), *инфраструктура, контрибуция, логика, потенциал, продуктивность, процедура, совершеннолетие, специфика, статус, схема, табу, шарм.*

Глаголы: *зафиксировать, ликвидировать, снабдить, трактовать.*

Прилагательные (в сочетании с существительными): *глобальная проблема, капиталистический лагерь, социалистический лагерь, обширный и колкий вопрос, обширный ореол* (в значении 'ареал'), *стратегическое значение, умнейший, усердное сопротивление.*

Другие части речи: *безусловно, престижно, соответственно, спонтанно, фактически.*

Книжные фразы и обороты: *в отношении названия, по линии НКВД, дело в разуме полководческом, небольшой круг знакомств у меня есть, перенаселение на земном шаре, устлали трупами и кровью, уйти ты должен достойно из этого мира, в порыве любви; любовь, которая нам уготована свыше.*

Книжные лексемы в речи информанта свободно сочетаются с просторечными, разговорными сниженными оборотами. Так, в одном и том же контексте нами зафиксированы следующие контрастные единицы: *престижно, фактически, специфика – хреновина; дело в разуме полководческом – похабят, оборзели; обширный и колкий вопрос – целовали им зады; усердное сопротивление – пачками сдаваться; контрибуция – дали по зубам; историк, доктор исторических наук – засранец, попрёт.*

(7) Это было престижно вот если допустим помощник комбайнёра/ вот мы фактически все это знали/ всю эту специфику сельского хозяйства/ в основном такую вот хреновину!!

(8) Такой красавец маршал/ но дело не в красоте/ дело в разуме полководческом/ в этих... способностях!! Это вот как втыкают молодым головкам вот это вот/ это что? Похабят! Кого похабят-то?! Оборзели по-русски говоря/ да?!!

(9) Это вопрос отвечать/ он обширный такой вопрос и он/ он такой колкий/ он очень большой этот вопрос вот/ они бы за немцев/ целовали бы им зады и... всё бы пошло на лад!!

(10) А нашим усердное сопротивление соответственно/ наши/ ну немцы... они как бы настроены/ а эти через Ла-Мани переправились и начали тоже это/ немцы начали прямо пачками сдаваться//

(11) Ну контрибуцию они должны выплачивать/ они сколько/ они должны всю жизнь помнить/ что когда-то на восток шли и там им дали по зубам//

(12) Вот сидит по телевизору историк/ доктор исторических наук/ извините/ я только его засранцем называть...// Такое попрёт//

(13) [А вот Вы когда женились, у Вас мама не против была?] Нет/ у нас этого нет/ у нас этого нет// У нас только единственное/ вот женился/ и чтобы навсегда и никаких/ и детей чтобы не бросать/ нигде никаких/ никогда/ ни под любым предлогом/ вот единственное табу// Это в нашем роде//

(14) Ведь ребенок/ он может получиться спонтанно/ по-всякому/ по-всякому/ может в порыве там любви/ там вот страсть да//

Информант также демонстрирует знакомство с прецедентными текстами. Так, иронично отзываясь о своем селе, он сравнивает его с Тмутараканью (в его огласовке это звучит как *Трынтьтаракань*):

(15) Трынтьтаракань что ли раньше называли такие места// У кого это вот есть-то/ произведение «Трынтьтаракань»?//

Как известно, Тмутаракань – это древний город в Киевской Руси. В современной русской разговорной речи слово **Тмутаракань** ассоциируется с чем-то недосыгаемо далеким и неизвестным, сродни **за семью морями, неизвестно где** – обычно с пренебрежительным оттенком – как синоним слова «глушь». Современное название города – Тамань – стало названием одной из глав романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Хобби информанта – разведение голубей – также находит отражение в его речи в виде элементов, принадлежащих к научному стилю: «и лекарства надо, и рыбий жир и тривитамины и телазин и колешь телазином и антибиотики даешь»; «вот их продуктивность до шести лет это интенсивна»; «тут и селекция и генетика должна быть»; «вот весь их шарм заключается вот цвет».

Таким образом, диалектоноситель, хорошо зная и активно используя книжные единицы, в то же время не дифференцирует употребляемую лексику по стилевому принципу, в результате чего в его речи соседствуют и смешиваются разностилевые единицы.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – Москва : Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1998. – 350 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: Азбуковник, 1997.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд. – Москва: Школа: Языки русской культуры, 1999.

«ЦВЕТНОЙ» ШУМ КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИНЕСТЕЗИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей образования и функционирования синестетических метафор, обозначающих цвет шума в русском языке. В качестве материала исследования применяются данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: синестезия, перцепция, метафора, зрительное восприятие, слуховое восприятие, белый шум

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the formation and functioning of synesthetic metaphors denoting the color of noise in the Russian language. The data of lexicographic sources and the National Corpus of the Russian language are used as the research material.

Keywords: synesthesia, perception, metaphor, visual perception, auditory perception, white noise

Синестезия как сложный когнитивный процесс привлекает внимание ученых разных областей знания. В контексте лингвистических исследований анализируются способы языковой репрезентации явления, рассматриваются направления синестетического переноса, изучаются функции синестетических словосочетаний, определяются причины образования синестетических метафор и др. Актуальность работ объясняется необходимостью описания процесса концептуализации окружающего мира человеческим сознанием через анализ способов вербализации в языке информации, которая поступает к субъекту восприятия посредством перцепции.

Термин **синестезия** используется для обозначения ощущений, которые возникают при взаимодействии нескольких сенсорных модальностей. С.Л. Рубинштейн определяет синестезию как «слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую» [Рубинштейн 2000, с. 216]. Психофизиологический процесс взаимодействия модальностей сопровождается языковой синестезией, благодаря которой, возникающие ощущения вербализуются словесно.

Синестетическое восприятие может не только сопровождаться, но и заменяться языковой синестезией, на основании перцептивного опыта человека. По мнению Л.В. Лаенко, процесс синестетического употребления слов основывается на переносном значении, когда для описания одной перцептивной модальности используется лексика, ассоциируемая с другой перцептивной модальностью [Лаенко 2005, с. 12].

Причину возникновения подобных словосочетаний можно объяснить синкретичным характером человеческого мышления. Синестетический перенос значений приводит к образованию метафор, которые служат для обозначения новых оттенков чувственных впечатлений или их оценки.

Однако частое употребление таких метафор приводит к тому, что их «новизна» стирается и они превращаются в штампы.

Цель написания статьи состоит в изучении особенностей образования и функционирования синестетических метафор, обозначающих цвет шума в русском языке. Выполнение цели требует решения следующих задач: определение ключевой информации о лексической единице **шум** через лексикографический анализ, составление списка «цветных» шумов, описание модели формирования данных метафор, изучение частотности их употребления и анализ контекстов употребления для выявления функций, выполняемых ими в русском языке.

Материал для проведенного исследования был получен из базы данных Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>), включающего коллекцию текстов объемом более двух миллиардов слов, а также из различных словарей, материалы которых рассматриваются как лексикографический дискурс, то есть «вариант научного текста, содержащий семантическую и прагматическую информацию, а также обладающий когнитивными свойствами» [Передриенко, Баландина 2020, с. 53].

Лексическая единица **шум** произошла от древнерусского **шумь** – «буря», которое употреблялось со второй половины XI века. А.В. Семенов полагает, что данное слово не являлось звукоподражанием, а вероятно выражало причину шума – бурю, дождь [Семенов 2003].

В современном употреблении **шум** принято воспринимать как совокупность звуков разной громкости. Восприятие шума происходит благодаря органам слуха, поэтому данная лексическая единица относится к группе лексикой звукового восприятия. Анализ словарных дефиниций толковых словарей показывает, что **шум** является многозначной лексической единицей, используемой для обозначения не только «разнообразных звуков повышенной громкости», но и «громких споров, ссор, оживленных обсуждений чего-либо, звуков с неясно выраженной тональностью, например *шумов в сердце*» [Ожегов, Шведова 1999; Кузнецов 2000].

С точки зрения физики **шум** представляется «беспорядочными колебаниями различной физической природы, которые отличает сложность временной и спектральной структуры» [Прохоров 1983]. Анализ сочетаемости лексической единицы показывает, что в языке актуализируются такие свойства шума, как частота (*высокочастотный, низкочастотный*), интенсивность (*громкий, сильный, оглушающий, легкий, тихий*), продолжительность (*постоянный, бесконечный*). Сочетаемость лексической единицы с прилагательными позволяет также выразить оценку **шума** субъектом восприятия (положительную – *ласковый, ликующий, приятный* и отрицательную – *бесполезный, адский, страшный, лишний*).

Отдельной группой выделяются сочетания лексической единицы **шум** с прилагательными, называющими цвет: *белый шум, розовый шум, синий шум, коричневый шум, черный шум*. Данные словосочетания являются синестезийными метафорами, так как для их создания объединяются лексические единицы, относящиеся к разным перцептивным модальностям: зрительной (цвет) и слуховой (шум). Метафоры образуются на основе ассоциативного переноса значений лексических единиц из сферы одного перцептивного канала в другую сферу.

Наибольшую популярность, исходя из частотности употребления в корпусе, а значит и в языке, получило словосочетание **белый шум**. Частотность употребления в основном корпусе НКРЯ составляет 38 упоминаний, в газетном разделе корпуса – 99 упоминаний, а в разделе корпуса «социальные сети» – 148. Словосочетанием **белый шум** называется «комбинация всех звуковых частот, которые могут слышать люди, воспроизводимых с одинаковой амплитудой» [Бельчикова 2023]. Данная метафора образовалась на основе переноса характеристик белого цвета, являющегося комбинацией всех длин волн света, которые могут видеть люди, на звук, содержащий весь диапазон частот, которые могут слышать люди.

Первоначально **белый шум** рассматривался как способ блокировки других звуков: *Помещения наполнены белым шумом, который перекрывает посторонние звуки*. И сейчас белый шум используется как фоновый звук, средство для создания в помещениях благоприятной звуковой атмосферы. Позднее синестезийная метафора получила переосмысление, и этим словосочетанием стали называть бесполезный поток информации, которая не содержит сути: *В артистическом скандале слова не имеют никакого значения. Главное – звук, белый шум*. Синестезийная метафора, называющая физическое явление, стала обозначать звук из повседневной жизни, на который не обращают внимание. Как фоновый звук скрывает лишние шумы, так и бесполезный поток информации скрывает что-то существенное.

Анализ контекстов употребления метафоры позволил выявить еще одно значение белого шума – малозначимый человек: *Он принимает информацию, а я так, белый шум*. Это значение образуется в результате переноса характеристик среды, в которых звуки скрыты белым шумом, на человека, который становится незаметным и малозначимым для кого-то.

Использование метафоры **белый шум** в разных значениях показывает, что выражаемые коннотации могут меняться от нейтральной и положительной (фоновый звук), к отрицательной (бесполезный поток информации, малозначимый человек).

Шумы бывают не только белого, но и других цветов, каждый из которых влияет на человека по-разному. Над созданием шумов трудятся инженеры-акустики или их создает природа. В корпусе были выявлены

зеленый шум (частота упоминания составляет 68 в основном корпусе, 21 – в газетном и 35 – в корпусе социальных сетей), **розовый шум** (2, 9, 25 упоминаний соответственно), **черный шум** (6, 0, 1 упоминаний), **синий шум** (1, 0, 11 упоминаний), **серый шум** (0, 1, 4 упоминаний). **Фиолетовый шум** и **коричневый шум** встречаются только в разделе корпуса «социальные сети» по 4 раза каждый.

Зеленый шум является синестетической метафорой, обозначающей пробуждение природы весной: *Идет-зудёт Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум!* Соединение двух перцептивных модальностей в одном словосочетании позволяет почувствовать шум просыпающейся природы и увидеть новую зеленую листву и траву. Зеленый шум имеет положительную коннотацию, так как символизирует время года, когда все расцветает. Эта метафора встречается не только в стихотворении Н.А. Некрасова, но также в произведениях других авторов, в газетных статьях и в сообщениях в социальных сетях. При переносе звуков весны на название мероприятий, проводимых в этот сезон, синестетическая метафора получает дальнейшее развитие.

Черный шум используется для обозначения тревоги и напряжения: *Подул ветер, ветки деревьев занули, как от предчувствия беды, стволы закачались, и наконец, все слилось в единый тревожный черный шум.* Черный цвет ассоциируется с печалью и трауром, а значит «окрашивание» шума в этот цвет создает общую тяжелую атмосферу. Черный шум может также обозначать акустическое явление: *Черный шум может обозначать тишину или ультразвуковой белый шум.* В зависимости от значения коннотация черного шума меняется от отрицательной к нейтральной.

Другие виды цветов используются для описания исключительно акустических явлений: *в спектре серого шума виден «провал» на средних частотах; на слух синий шум воспринимается более «холодным», «кислым» нежели белый; фиолетовый шум получается, если продифференцировать белый шум; ничего нигде не видно и не слышно, только розовый шум.*

Особое внимание заслуживает **коричневый шум**, который не является синестетической метафорой. Термин коричневый шум в английском языке был образован от фамилии ученого Роберта Брауна. Фамилию Brown по аналогии с другими шумами стали воспринимать как цвет, и термин получил аналогичный перевод на другие языки.

Система терминов, обозначающих разный диапазон шумов, образовалась на основе синестетического переноса характеристик цвета на звук. Метафоры **белый шум**, **зеленый шум** и **черный шум** получили дальнейшее развитие и приобрели дополнительные значения. Образование новых значений привело к изменению коннотаций, выражаемых метафорами, с нейтральной на положительную или отрицательную. В ряд цветных шумов попало также словосочетание **коричневый шум**, которое

не является синестетической метафорой, так как образовано от фамилии ученого, а не цвета. Изучение синестезийных метафор позволяет изучать процессы концептуализации окружающего мира человеческим сознанием.

Бельчикова Е. Белый шум: что это такое и для чего он нужен // TechInsider. – 2023. – URL: <https://www.techinsider.ru>.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 39 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник. 1999. – 944 с.

Передриенко Т.Ю., Баландина Е.С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. – 2020. – №17. – С. 51-73.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». – Москва: ЮНБЕС. 2003. – 704 с.

Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия. 1983. – 928 с. – URL: <https://rus-physical-enc.slovaronline.com>.

Т.Г. Попова, С.В. Лоскутова (Москва)

СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики поэтического текста во взаимоотношении языка и культуры. В работе отражена роль прагматического фактора в лингвокультурном контексте поэтического текста. На основе анализа практических примеров, каковыми являются стихотворные произведения современных чешских поэтов, авторы статьи приходят к закономерному выводу о том, что выявление влияния процесса интеракции на смысловое восприятие поэтического текста читателем способствует углублению понимания закономерностей концептуальной системы языка.

Ключевые слова: метафора, поэтический текст, язык, культура, семантика

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics of a poetic text as an interaction of language and culture. The paper reflects the role of the pragmatic factor in the linguistic and cultural context of the poetic text. Based on the analysis of practical examples, which are the poetic works of modern Czech poets, the authors of the article come to the logical conclusion that the identification of the influence of the interaction process on the semantic perception of the poetic text by the reader contributes to a deeper understanding of the laws of the conceptual system of the language.

Keywords: metaphor, poetic text, language, culture, semantics

В качестве методологической основы при исследовании семантики поэтического текста во взаимоотношении языка и культуры в работе были выбраны функциональный, критический, и интерпретативный подходы.

Функциональный подход, применяемый к исследованию прагматики влияния процесса взаимоотношения языка и культуры на особенности поэтического текста, направлен на анализ денотации и коннотации в поэтическом тексте на примере поэтических произведений современных чешских поэтов. Основываясь на интерпретативном подходе, мы описываем культуру как среду обитания человека, формирующего его характер и ценностные установки.

Следует также отметить метод интроспекции, о котором говорит Леонард Талми [Талми 2007, с. 22-34]. Данный метод, кроме всего прочего, служит также отправной точкой для других методов исследования языковой системы, в том числе, и применительно к взаимоотношению культуры и языка.

В этом контексте следует отметить, что при описании феномена «культура» мы сталкиваемся с многозначностью интерпретации данного явления. В Толковом словаре русского языка, составленном С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1995, с. 45], мы видим выделение авторами в феномене «культура» категории «духовное начало», которая представляет собой весьма важный компонент нашей культурной жизни. Объяснение этому обстоятельству дают сами лексикографы [Ожегов, Шведова 1995, с. 45], подчеркивая, что «культура – это совокупность производственных общественных и духовных достижений людей».

Для сравнения интерпретации обсуждаемого нами феномена «культура» приведем видение данной категории автором словаря английского языка «Cambridge International Dictionary of English» (1995), лексикографом Полом Проктером [Procter 1995, с. 47], который в категории «культура» выделяет главенствующую роль нравов, обычаев и традиций людей. Пол Проктер отмечает, что культура – это образ жизни, основанной на обычаях и традициях: *«culture is the way of life, especially general customs and beliefs of a particular group of people at a particular time»* [Procter 1995, с. 47].

При моделировании реальности мы опираемся на различные языковые и культурологические категории, характерные для конкретной лингвокультурной системы. Наше восприятие окружающей нас действительности, отражаясь в нашей культуре, преломляется, в том, числе, и через язык, который, обладая когнитивной функцией, способствует познанию человеком, как окружающего его мира, так и своего внутреннего состояния. Именно поэтому вопросы, связанные с познанием взаимодействия культуры и языка, а также человека – носителя языка, проходят красной линией через многие лингвистические труды.

Соответственно, язык представляет собой многогранную разноуровневую систему, отображающую коллективный опыт лингвокультуры. Поэтому авторы поэтических произведений так же, как и

любые другие мастера художественного слова, не могут не учитывать того обстоятельства, что одной из характерных черт художественного текста является то, что подобный текст находит воплощение в своем историческом и культурном поле и, соответственно, обладает когнитивной энергией. Эта субстанция представляет собой процесс созидания и формирования мировых общекультурных и духовных ценностей.

Таким образом, поэтический текст, от поколения к поколению передает нам ценностные ориентиры нашего бытия. Он аккумулирует в себе триединство, состоящее из таких компонентов, как творчество и владение словом. Третьим компонентом являются аксиологические и культурные смыслы. Причем «семантические составляющие в структуре значения имеют достаточные отличия яркости для языкового сознания», о чем в своем труде пишут И.А. Стернин и А.В. Рудакова [Стернин, Рудакова 2011, с. 118-137].

Понаблюдаем этот процесс на практическом материале. В стихотворении известного чешского поэта Яна Скацела «Песня о девушках» («Píseň o dívkách») есть такие строчки: *«Uprostřed města dlouhá řeka teče/ sedm mostů ji spíná/ po nábřeží chodí tisíc krásných dívek a každá je jiná// Od srdce k srdci jdeš zahrát si ruce/ v paprscích lásky veliké a hřejné/ po nábřeží chodí tisíc krásných díveka /všecky jsou stejné»//* [http://www.rotrekl.cz/k_seiferttexty.html] (дата обращения: 12.09.2023). В этом стихотворении поэт описывает диаметрально противоположное эмоциональное состояние главного героя от влюбленности до полного равнодушия и холодности.

Строчки первой части стихотворения *«Uprostřed města dlouhá řeka teče/sedm mostů ji spíná/ po nábřeží chodí tisíc krásných dívek a každá je jiná»//* благодаря семантическому признаку «Восхищение» передают состояние полета и душевной тяги персонажа стихотворения Яна Скацела Скацела «Песня о девушках» («Píseň o dívkách») к красивым девушкам. Поэт создает картину, где по городу течет красивая река, объединенная, перехваченная семью мостами, а по набережной расхаживают тысячи красивых девушек. Каждая из этих юных красавиц – особенная, очаровывающая, влекущая, восхищающая своей неземной красотой свежести и очарования, поэтому так удивляющая и завораживающая молодого человека.

Вторая часть стихотворения Яна Скацела «Песня о девушках» («Píseň o dívkách») имеет общий семантический признак «Разочарование». Он помогает автору произведения создать яркую и образную картину, когда ранее влюбленный герой стихотворения, узнавая одну девушку за другой, теряет к своим возлюбленным некогда влекущий его интерес к девушкам, поэтому он отворачивается от некогда восхищавших его юных и прелестных спутниц.

Текущее время и череду событий прошлого, настоящего и будущего Ян Скацел показывает с помощью образа моста. Для того чтобы показать соединение рек мостом, поэт использует глагол «*spínat*», который на русский язык с чешского языка переводится как «скреплять», «закалывать», «соединять». Если говорить о форме имени существительного, то она имеет такую форму, как «*spona*» – (*potůcka ke spínání*). Это полисемантическое слово в чешском языке имеет такие значения, как «*пряжка*», «*зажим*», «*застежка*», например, «*pásek se sponou*» – «ремень с пряжкой» – «*spona do vlasů*»/ «*kravaty*» – «заколка для волос» / «заколка для галстука».

Приведем также следующее значение слова чешского языка «*spona*», которое в русском языке имеет такой перевод, как (*sponové sloveso*) «связка». В данном контексте слово «*spona*» способствует пониманию читателем его метафорическое использование в поэтическом тексте.

С точки зрения М.С. Степанова [Степанов 2008, с. 131], принципами функционирования поэтического текста можно представить три основных принципа: принцип интенциональной символизации, принцип символизации полного смылообозначения, смыслонесущий принцип текста поэзии в собственной культурно-ценностной системе смыслов и образов.

В другой своей работе М.С. Степанов [Степанов 2007, с. 16], говоря о поэтическом тексте, приходит к выводу, что поэтический текст появляется как отрицание некой мысли в обыденном тексте. Далее исследователь уточняет и следующее немаловажное, с его точки зрения, обстоятельство, которое сводится к тому, что текст поэзии отрицает общепринятую знаковость, которую можно встретить в разговорно-фамильярных текстах в синхронических отношениях. Подобное явление, как подчеркивает М.С. Степанов [Степанов 2007, с. 16], имеет место в том случае и тех обстоятельствах, когда стихотворно-поэтический текст, будучи в интеракции с языковой знаковостью, имеет еще и свою отличительную знаковость.

Итак, на основании вышесказанного, мы можем привести свою точку зрения о том, что интеракция языкового и поэтического знаков проявляется следующим обстоятельством: эти знаки как вершина семиогенеза в отношении функций, как коннотации, так и детонации, представляют собой яркое отражение друг друга.

Таким образом, мы описали поэтический текст как культурно-языковое взаимовлияние и делаем заключение о том, что поэтический текст обладает знаковой природой. Смысловое высказывание и структура поэтического текста помогает распаковывать ценности и базовые установки индивида. Ценность поэтического текста представляет собой эстетическую категорию, которая отображает художественное осмысление действительности.

Paul Procter. Cambridge international dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1792 p.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка. – Москва: Азъ, 1995. – 928 с.

Попова Т.Г. Конфликт как объект социолингвистического исследования // Речь и языки общения в конфликтогенном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 17-18 декабря 2021 года. – М.: ООО «Агентство социальногуманитарных технологий», 2021. – С. 139-141.

Попова Т.Г. Роль фоновой информации в межкультурной коммуникации // Семантика и прагматика языковых единиц: доклады Международной научной конференции (20-21 сентября 2019 г.). – Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2019. – С. 127-139.

Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 20 с.

Степанов М.С. Принципы семиотического функционирования поэтического текста // Интеграционные языковые процессы и современное лингвистическое образование в России: материалы Седьмых Годичных научных чтений факультета иностранных языков РГСУ. – Москва, 2008. – С. 130-133.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 170 с.

Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. – Москва: «АСТ – Восток – Запад», 2007. – 314 с.

Талми Леонард. Предисловие к книге «Методы когнитивной лингвистики» // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск, 2007. – С. 22-34.

С.А. Степанов (Москва)

О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ЯДРЕ ВОЕННОГО ТЕРМИНА

Аннотация. Статья посвящена описанию содержательного ядра военного термина. Автор работы также рассматривает вопросы, связанные с изоморфными и алломорфными характеристиками терминологической единицы. На основе проведенного практического анализа в статье делается вывод о том, что для военных терминологических единиц характерен процесс изменения границ семантики, что, в свою очередь, способствует возникновению новых значений военного термина. При решении исследовательской задачи автор опирается на данные когнитивной парадигмы и семантики языка.

Ключевые слова: язык, речь, термин, лексика, восприятие речи, значение, семантика, слово, словосочетание, однозначность, многозначность

Abstract. The article is devoted to the description of the substantive core of the military term. The author also considers issues related to isomorphic and allomorphic characteristics of a terminological unit. Based on the conducted practical analysis, the article concludes that

the process of changing the boundaries of semantics is characteristic of military terminological units, which, in turn, contributes to the emergence of new meanings of the military term. In solving the research problem, the author relies on the data of the cognitive paradigm and semantics of the language.

Keywords: language, speech, term, vocabulary, speech perception, meaning, semantics, word, phrase, unambiguity, ambiguity

Введение. Предваряя описание содержательного ядра военного термина, прежде всего, сошлемся на точку зрения И.А. Стернина [Стернин 2021], которую он выразил в интервью газете «Коммуна» (8 декабря 2021 г.). Ученый-лингвист подчеркивает важность внимательного отношения к слову, о чем И.А. Стернин и А.В. Рудакова [Стернин, Рудакова 2011] говорят и в своем труде, посвященном вопросам психолингвистического значения и его описания.

Мы также в своем исследовании военного термина будем внимательно рассматривать это языковое явление, опираясь на тот факт, что область исследования военного термина носит интегральный характер, объединяя в себе данные языковедческой и военной областях знаний. Под термином мы понимаем слово или словосочетание, которое является точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области искусства, науки, техники, общественной жизни и тому подобное.

Терминологические единицы имеют довольно самостоятельный характер, следовательно, поэтому термины выносятся за рамки общего литературного языка. Ведущая тенденция в терминологии – это тяготение к однозначности, и доля моносемантических терминов выше по сравнению с долей многозначных терминов в обычном языке.

Материалы и методы. В качестве материала описания послужили такие военные лексикографические источники, как «Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству» и «Словарь военных терминов Российского законодательства». При исследовании военных терминов как особых элементов лексической системы мы опираемся на такие методы исследования, как метод когнитивного моделирования значения лексических единиц и метод компонентного анализа, дискурсивный метод, а также лексикографический и статистический методы.

Исследовательский инструментарий комплексного изучения военных терминологических единиц в парадигме семантики языка включает принципы, методы и методики [Попова 2015, 2023; Попова, Мингалова 2016; Попова, Тимофеева 2016], которые системно апробированы на разножанровом текстовом материале в диссертационных работах и проектах НИР представителей школы «Когнитивно-социокommunikативное исследование национально-культурной семантики языка», основателем которой является профессор Т.Г. Попова.

Обсуждение. Приступая к освещению вопросов, связанных с проблемами военных терминологических единиц как особых элементов

лексической системы языка прежде всего хотели бы, вслед за Т.Г. Поповой и О.В. Мингалевой [Попова, Мингалева 2016, с. 68], отметить, роль языка как средства коммуникации, поскольку «язык по сферам своего использования обладает столь же большой динамичностью, сколь динамична и разнообразна сама жизнь. Практическое освоение окружающего мира человеком непосредственно связано с его осмыслением и закреплением результатов мыслительной деятельности в форме естественного языка. Язык является главным способом формирования и существования знаний о мире».

При восприятии поступающей к нам информации огромная роль отводится словам, так как «слова являются основными элементами языка как системы. Они обладают формой и содержанием – значением, состоящим из семантических компонентов. Общее, проявляющееся в содержательной стороне языка, служит основой для инвариантного выражения мысли» [Попова, Мингалева 2016, с. 64]. В случае если слово или словосочетание используются в нашей речи для емкого выражения тех или иных специальных понятий и обозначений в самых различных парадигмах знаний, мы говорим о терминологических единицах.

Существование различных мнений относительно понятия «терминологическая единица» находит свое объяснение в том, что, во-первых, парадигмы знаний, чьим объектом анализа являются термины, отличаются различными подходами к исследованию данного феномена и, во-вторых, существует многоплановость понятия «терминологическая единица». Третьим объяснением существования различных точек зрения на феномен «терминологическая единица» представляется причина личностной интерпретации описываемого нами языкового явления.

Не вдаваясь в подробности дискуссий исследователей по поводу понятия «терминологическая единица» [Рябова 2009, с. 86-91; Сараганова 2015, с. 34-45; Сегаль 1965, с. 3-12; Ткачева 1987, с. 15-29], в данном контексте отметим наше понимание понятия «термин» вслед за В.М. Лейчиком [Лейчик 2007, с. 21], который подчеркивает, что «термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности».

Таким образом, в понимании понятия «термин» необходимо учитывать и то, что терминологическая единица представляет собой как слово, так и словосочетание, находящее свое применение в условиях той или иной специфической профессиональной области. В нашей статье речь идет о специальной лексике – военной терминологической единице как особом элементе лексического состава языка.

Итак, можно сделать вывод о том, что военная терминологическая единица представляет собой слово или словосочетание, которые находят свое применение для обозначения того или иного специфического специального понятия, относящегося к тому или иному разделу военной техники или военной науки.

Необходимо подчеркнуть, что военные терминологические единицы являются специфическим автономным слоем лексического состава общелитературного английского языка. Этот процесс виден в расширении значения термина, что можно показать на примере военной терминологической единицы «*cavalry*», интерпретация которой в современном понимании – «высокоподвижный род войск» (аэромобильные войска, танковые войска, кавалерия). В речи военнослужащего американской армии перенос названий имеет характер усиления для передачи определенной преэминентности «кавалерийских» традиций новыми родами войск, которые выполняют характерные задачи кавалерии, представленными охраной, разведкой, рейдами в тыл неприятеля и так далее.

В результате изменения семантики военной терминологической единицы может иметь место сужения или, наоборот, определенного расширения значения термина. Соответственно, появляются военные терминологические единицы – антонимы. В качестве демонстрации можно привести, например, следующие пары с ядерным использованием военного термина «*cavalry: cross country vehicle – road vehicle, airmobile cavalry – horse cavalry*».

Касательно содержательного ядра военной терминологической единицы, следует особо подчеркнуть, что оно интегрирует все ее семантические варианты. В качестве примера приведем термин «*host nation*», который на русский язык переводится, как «*принимающая страна*». Аббревиатурой термина «*host nation*» является «*HN*».

Толкование термина «*host nation*» – «*принимающая страна*» имеет целый ряд значений и, соответственно, отражает определенную профессиональную область в специфических условиях, которую, следовательно, необходимо передать при переводе следующим образом: «*host nation (HN)*» – «*a nation which, by agreement: a) receives forces and material of NATO or other nations operating on / from, or transiting through, its territory; b) allows material and/or NATO organizations to be located on its territory; and /or c) provides support for these purposes* – «*принимающая страна*» – «*страна, которая по соглашению: а) принимает войска (силы) и военную технику стран НАТО или других государств, действующих в ней или с ее территории, или следующих через нее транзитом; б) разрешает нахождение на своей территории военной техники и (или) организаций НАТО; и (или) в) обеспечивает в этих целях соответствующую поддержку*».

Военная терминологическая единица способна расширять свое значение за счет увеличения объема заложенной в ней информации. Продемонстрируем это качество военного термина на примере уже описанной нами военной терминологической единицы «*host nation (HN)*». Это тем более будет любопытно проанализировать, поскольку мы увидим расширение значения военного термина «*host nation (HN)*», который изначально словообразовательно был двухкомпонентным.

Как расширенный военный термин он становится трехкомпонентным и звучит «*host nation support*» с аббревиатурой «*HNS*». Данную военную терминологическую единицу следует переводить как «*поддержка принимающей стороны*». Здесь, по сравнению с объемом информационного сообщения военного термина «*host nation (HN)*», налицо расширение объема передаваемой информации военной терминологической единицей «*host nation support (HNS)*»: «*civil and/or military assistance rendered by a nation to foreign forces within its territory being peacetime, crisis or conflict, based on agreements mutually concluded between nations*».

Данное информационное сообщение, передаваемое военной терминологической единицей «*host nation support (HNS)*», с английского языка на русский язык переводится как «*гражданское и (или) военное содействие, которое какое-либо государство оказывает на своей территории вооруженными силами другого государства в мирное время, в период кризиса или конфликта на основании взаимных договоренностей*».

Таким образом, за счет расширения первичного значения «*host nation (HN)*» происходит увеличение объема информации мотивирующего ядра. В данном контексте в качестве дополнительных примеров приведем следующие военные термины, как «*host nation support arrangements*» – «*договоренности о поддержке принимающей стороны*»; «*Host nation Support Coordination Cell*» с аббревиатурой «*HNSCC*» – «*Отдел координации поддержки принимающей стороны*»; «*host nation support request*» – «*запрос о предоставлении поддержки принимающей стороной*».

Заключение. Таким образом, рассмотрев военный термин как особый элемент лексической системы языка, мы приходим к заключению, что военная терминология представляет собой подсистему лексики общелитературного языка со своими специфическими особенностями.

Она находит свое непосредственное место в словарном составе языка и, соответственно, пополняется подобно другим подсистемам общелитературного языка. Область военной и военно-технической науки, а также лексические единицы, которые функционируют в ней, тесно переплетены со многими парадигмами знаний. Следующий вывод, к которому мы приходим в ходе анализа военной терминологии, сводится к тому, что значения многозначных военных терминологических единиц выражают взаимозависимые и взаимосвязанные понятия.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): монография. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.

Попова Т.Г. Перевод как общественная потребность // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы ежегодной Международной конференции (Москва, 15-17 апреля 2015 г.). – М.: РУДН, 2015(а). – С. 81-84.

Попова Т.Г., Мингалева О.В. Перевод как вербальная проекция этноментального опыта // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: сборник научных трудов. – Пльзень (Чешская республика). – М., 2016. – С. 62-67.

Попова Т.Г., Тимофеева О.В. О когнитивном исследовании системных значений // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: сборник научных трудов / Отв. ред. О.Д. Вишнякова. – Пльзень (Чешская республика). – М., 2016.

Рябова Е.А. Теоретические аспекты изучения терминов // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 86-91.

Сарангова Т.А. Терминосистема «связи с инвесторами» / «investor relations» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 236 с.

Сегаль М.М. Аббревиация и аббревиатуры в современном английском языке. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1965. – 24 с.

Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству / NATO – Russia Council Consolidated Glossary of Cooperation. – Москва-Брюссель, 2011. – 755 с.

Стернин И.А. Люди употребляют новые слова, часто не понимая, что они означают // Коммуна. – № 49. – Воронеж. – 8 декабря 2021 г.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. – Saarbrücken: LAMBERT AcademicPublishing, 2011. – 192 с.

Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.

Тютюнников Н.Н. Словарь военных терминов российского законодательства: В 2-х т. – Т 1. – М: Перо, 2018. – 443 с.

М.А. Стернина (Воронеж)

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТОД И ИЗУЧЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Аннотация. В статье демонстрируются преимущества использования сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований для изучения значения слова. Отмечается, что использование данного метода позволяет, опираясь на объективные числовые показатели, качественно охарактеризовать степень проявления полисемантизма в семантических структурах лексических единиц.

Ключевые слова: сопоставительно-параметрический метод, значение, полисемия

Abstract. The paper demonstrates the advantages of using the comparative-parametric method of linguistic research to study the meaning of a word. It is noted that the use of this

method allows, based on objective numerical indicators, to qualitatively characterize the degree of manifestation of polysemy in the semantic structures of lexical units.

Keywords: comparative-parametric method, meaning, polysemy

Разрабатываемый в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы с середины первого десятилетия XXI века сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований, наряду с другими преимуществами своего использования, открывает новые возможности для изучения значения слова.

Напомним, что с помощью используемых данным методом исследовательских процедур (индексализации и шкалирования) сопоставительно-параметрический метод позволяет преодолеть извечный субъективизм семантических исследований и, опираясь на объективные количественные данные, сделать объективные качественные семантические выводы.

Исследование семантики слов с помощью сопоставительно-параметрического метода возможно как в рамках сопоставительных, включая контрастивные, так и внутриязыковых исследований.

Остановимся подробнее на применении сопоставительно-параметрического метода для исследования значения слова в одном конкретном языке, т.е. на использовании данного метода для внутриязыковых исследований. В качестве примера приведем выполненные под нашим руководством диссертационное исследование Н.И. Малыхиной [Малыхина 2013].

На материале 200 наиболее частотных глаголов английского языка исследовательницей была изучена полисемия английского глагола. В семантемах глаголов английского языка было выявлено развитие как лексической, так и лексико-грамматической полисемии в двух ее видах: собственно лексико-грамматической полисемии, когда семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности различаются как по набору лексических сем, так и частеречными семами, и лексико-грамматической вариантности, когда при одинаковом наборе лексических сем семемы различаются лишь частеречными семами [Стернина 1999]. Без использования сопоставительно-параметрического метода констатация наличия в семантемах исследуемых глаголов этих видов полисемантизма так и осталась бы простой констатацией. Использование же сопоставительно-параметрического метода позволило исследовательнице достоверно определить, в какой степени каждый из названных видов полисемии представлен в семантемах исследуемых лексических единиц.

Для этой цели были использованы введенные исследовательницей индекс лексической полисемантичности, индексы денотативной / коннотативной лексической полисемантичности, индексы лексико-грамматической полисемантичности / вариантности и индексы денотативной / коннотативной лексико-грамматической

полисемантической / вариантности семантемы и группы [Малыхина 2013], а также применена введенная Л.А. Кривенко [Кривенко 2013] шкала ранжирования степени выраженности исследуемых параметров, согласно которой в зависимости от численных значений параметров степень их выраженности ранжируется от нулевой до абсолютной.

Исследуемые глаголы были поделены Н.И. Малыхиной на группы в зависимости от объема семантемы:

- моносемемные – имеющие только одну семему;
- малосемемные – включающие от двух до пяти семем;
- многосемемные – содержащие шесть-десять семем;
- гиперсемемные – насчитывающие от 11 до 20 семем;
- сверхгиперсемемные – содержащие свыше 20 семем;
- мегасемемные – насчитывающие свыше 40 семем [Малыхина 2013].

В результате было выявлено, что у наиболее частотных малосемемных английских глагольных лексем наблюдается *высокая* степень развития лексической полисемии (87%), а также превалирование коннотативной лексической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексической полисемии квалифицирована как *высокая* (89%), а степень развития денотативной лексической полисемии – как *заметная* (11%). Что касается развития лексико-грамматической полисемии, было зафиксировано преобладание лексико-грамматической вариантности над развитием собственно лексико-грамматической полисемии: степень развития лексико-грамматической вариантности оказалась *заметной* (10%), а степень развития собственно лексико-грамматической полисемии – *низкой* (3%). При этом была зафиксирована *абсолютная* степень развития коннотативной собственно лексико-грамматической полисемии (100%), а также превалирование денотативной лексико-грамматической вариантности над коннотативной: степень развития денотативной лексико-грамматической вариантности была определена как *значительная* (68%), а степень развития коннотативной лексико-грамматической вариантности – как *яркая* (32%).

У наиболее частотных многосемемных английских глагольных лексем также была выявлена *высокая* степень развития лексической полисемии (71%) и преобладание коннотативной лексической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексической полисемии оказалась *высокой* (87%), а степень развития денотативной лексической полисемии – *заметной* (13%). Степень развития лексико-грамматической вариантности и собственно лексико-грамматической полисемии в данной группе была квалифицирована как *заметная* и оказалась примерно одинаковой (15% и 14% соответственно). Было зафиксировано также существенное преобладание коннотативной лексико-грамматической полисемии над денотативной: степень выраженности коннотативной

лексико-грамматической полисемии оказалась *значительной* (67%), а степень выраженности денотативной лексико-грамматической полисемии – *яркой* (33%). Приблизительно такое же соотношение выявлено и в степени развития у этой группы лексико-грамматической вариантности: степень развития коннотативной лексико-грамматической вариантности оказалась *значительной* (68%), а степень развития денотативной лексико-грамматической вариантности – *яркой* (32%).

У гиперсемемных глагольных лексем была констатирована *значительная* степень развития лексической полисемии (68%), а также преобладание коннотативной лексической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексической полисемии оказалась *высокой* (83%), а степень развития денотативной лексической полисемии – *заметной* (17%). Степень развития как собственно лексико-грамматической полисемии (17%), так и лексико-грамматической вариантности (15%) была охарактеризована как *заметная*. Отмечено также преобладание коннотативной лексико-грамматической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексико-грамматической полисемии характеризуется как *высокая* (72%), а степень развития денотативной лексико-грамматической полисемии – как *заметная* (28%). Коннотативная лексико-грамматическая вариантность в этой группе также превалирует над денотативной: степень ее развития является *значительной* (60%), а степень развития денотативной лексико-грамматической вариантности – *яркой* (40%).

В группе сверхгиперсемемных лексем отмечена *значительная* степень развития лексической полисемии (52%), а также превалирование коннотативной лексической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексической полисемии в рассматриваемой группе определена как *высокая* (82%), а степень развития денотативной лексической полисемии – как *заметная* (18%). Что касается лексико-грамматической многозначности, то степень развития собственно лексико-грамматической полисемии в этой группе была признана *яркой* (35%), а степень развития лексико-грамматической вариантности – *заметной* (13%). При этом было зафиксировано превосходство как коннотативной лексико-грамматической полисемии, так и коннотативной лексико-грамматической вариантности над денотативными лексико-грамматической полисемией и лексико-грамматической вариантностью: степень развития как коннотативной лексико-грамматической полисемии, так и лексико-грамматической вариантности оказалась равной 62% и была квалифицирована как *значительная*, а степень развития денотативной лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности (38%) – как *яркая*.

И наконец, в группе мегасемемных английских глагольных лексем была зафиксирована *значительная* степень развития лексической

полисемии (59%), а также существенное превосходство коннотативной лексической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексической полисемии признана *гипервысокой* (91%), а степень развития денотативной лексической полисемии – *низкой* (9%). Степень развития как собственно лексико-грамматической полисемии (28%), так и лексико-грамматической вариантности (13%) была квалифицирована как *заметная*, при этом отмечено превалирование коннотативной лексико-грамматической полисемии над денотативной: степень развития коннотативной лексико-грамматической полисемии была определена как *значительная* (64%), а степень развития денотативной лексико-грамматической полисемии – как *яркая* (36%). Отмечено также преобладание коннотативной лексико-грамматической вариантности над денотативной: степень развития коннотативной лексико-грамматической вариантности была охарактеризована как *значительная* (66%), а степень развития денотативной лексико-грамматической вариантности – как *яркая* (34%).

Проведенный Н.И. Малыхиной с помощью сопоставительно-параметрического метода анализ позволил ей прийти к заключению о преобладании в семантике наиболее частотных английских глагольных лексем лексической полисемии над лексико-грамматической, а собственно лексико-грамматической полисемии – над лексико-грамматической вариантностью. При этом было установлено, что лексическая полисемия наиболее частотных английских глагольных лексем характеризуется *значительной* и *высокой* степенью развития, в то время как степень развития лексико-грамматической полисемии в двух ее видах – собственно лексико-грамматическая полисемии и лексико-грамматической вариантности – варьируется от *низкой* до *яркой*. Еще раз подчеркнем, что без использования названного метода такие выводы сделать было бы невозможно, исследовательнице пришлось бы ограничиться лишь констатацией наличия в семантемах исследованных единиц лексической и лексико-грамматической полисемии. Использование же сопоставительно-параметрического метода позволило, опираясь на объективные числовые показатели, качественно охарактеризовать степень проявления каждого из видов полисемантизма в семантических структурах исследованных единиц.

Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.

Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола (на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.

Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Истоки, 1999. – 160 с.

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОМОФОРМ И ПРИОРИТЕТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ ПРАВО В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII-XXI ВВ.

Аннотация. На основе корпуса толковых словарей выявлены функциональные омоформы лексемы *право* в русском литературном языке. В центре внимания развитие приоритетного литературного значения имени существительного *право* в соотношении с другими омоформами. Парадигматические и синтагматические проблемы семантического поля рассматриваемого субстантива представлены в контексте возможной энантиосемии его значений.

Ключевые слова: омоформы, парадигма, лексикон, энантиосемия

Abstract. Based on the corpus of explanatory dictionaries the functional homoforms of the lexeme *right* in Russian literary language are revealed. In the centre of attention is the development of the priority literary meaning of *right* as a noun in correlation with other homoforms. Paradigmatic and syntagmatic problems of the semantic field of the considered substantive are presented in the context of possible enantiosemy of its meanings.

Keywords: homoforms, paradigm, lexicon, enantiosemy

Функциональные омоформы – формы слов преимущественно разных частей речи, совпадающие по написанию и по произношению и этимологически родственные [Гребенева 2011, с. 6]. Предложенное Юлией Николаевной Гребеневой определение функциональных омоформ послужит историко-лексикологическому анализу слова *право*. Контексты, обобщенные в лексикографии современного русского языка, дают представление о слове *право* как этимологически связанных формах существительного, вводного слова, наречия. А приоритет денотатов варьируется не только в пределах одной части речи: история русского литературного языка являет пример формирования и динамики омоформ при установлении первоочередного словарного значения.

В основе дальнейших рассуждений лежит корпус базисных академических толковых словарей русского языка XVIII-XXI вв., составленный сотрудником Института Лингвистических исследований РАН Сергеем Владимировичем Лесниковым для гипертекстового тезауруса [Лесников 2020, с. 11]. Для сравнений воспользуемся рядом лексикографических материалов, которые были изданы ранее первого Словаря Академии Российской (1789-1794 гг.), а также рядом толковых словарей, получивших широкое распространение и признание в научной среде наряду с академическими толковыми словарями. Это словари В.И. Даля, С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова.

К числу программных работ 40-х – 50-х годов XX в., опубликованных Виктором Владимировичем Виноградовым, принадлежит и статья «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» [Виноградов 1995]. Актуальность, а значит и своевременность,

содержащихся в этой статье положений Юрий Дереникович Апресян подчеркивал уже в постсоветское время [Апресян 1995]. В статье В.В. Виноградов утверждает, что историческая лексикология русского языка вообще, а литературного в частности, находится в начале своего пути. История слов и их значений представлена им как ключ к открытию закономерностей в исторических изменениях форм и типов мышления, а разработка семантической истории слова *право* в условиях истории семантических систем русского языка – как одна из важных научных целей [Виноградов 1995, с. 5, 7].

Историко-лексикологическое исследование слова *право* предпринимал и сам В.В. Виноградов [Виноградов 1999, с. 534]. В его заметках по истории слова *право* можно выделить тенденции формирования значений этой лексемы в русском литературном языке. Опираясь на исследования Ивана Васильевича Киреевского и Николая Сергеевича Трубецкого, академик В.В. Виноградов констатирует укрепление общественно-политического и юридического значения слова *право* в русском литературном языке не ранее XVI-XVII вв. Причиной этого процесса явилось широкое распространение и влияние полонизмов на русский литературный язык в указанный период.

Стоявший у истоков отечественной юрислингвистики Василий Данилович Катков придерживается аналогичной позиции о влиянии западноевропейской латинизированной номинативной традиции этой лексемы на русский литературный язык. При этом он не обнаружил субстантива *право* ни в Кормчей, ни в текстах и названиях национальных русских законодательных сборников, ни в Уложении 1649 года [Катков 1903, с. 297-300]. В церковнославянских лексикографических изданиях с основой греческого, а не латинского происхождения, отражающих состояние литературной лексики до начала процесса ее полонизации, слово *право* встречается только как наречие. В словаре, составленном по Остромирову Евангелию, А.В. Старчевский сообщает значения лексемы *право* в древнем славянском языке. Все эти значения представлены наречиями – *правильно, чисто, прямо, верно, истинно*. В наречных значениях – *просто, чисте, добре* – представлено *право* в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды (печатном церковнославянском западнорусском словаре, изданном в Киеве в 1627 году). В 1771 году Франциск Гелтергоф издал «Российский целлариус, или этимологический российский лексикон». И в этом издании *право* – грамматически тоже наречие.

Академическая лексикография русского литературного языка начинается со «Словаря Академии Российской», включившего в свой словник (Часть IV. 1793 г.) и лексему *право*. Здесь *право* приводится уже в двух морфологических вариантах – как наречие и как существительное. При этом *право* как наречие в значениях *истинно, справедливо, правильно,*

точно идет первым в словнике. Номинативный вариант этого слова – на втором месте в значениях: 1) *преимущество, власть, данная законами кому-либо над кем или над чем*; 2) *иногда приемлется за самая узаконения*.

В очередной раз о *праве* речь идет в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (Часть V. 1822 год). И снова *право* представлено как наречие в первую очередь, и как существительное среднего рода второго склонения – во вторую. Но в толкование субстантива внесены изменения. Теперь номинатив включает в себя значение *преимущества, власти*, данной не только *законами*, но и *Государем*. А слово *иногда* уже не встречается рядом со значением *узаконения*. Такое понимание *права* полностью воспроизводится и в «Общем церковно-славяно-российском словаре» (Составитель П.И. Соколов. 1834 год).

Не меняется порядок расположения омоформ рассматриваемой лексемы и в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии Наук» (Том III. 1847 год). Однако из значений наречия исчезли слова *правильно и точно*. Зато существительное *право* теперь имеет уже четыре, а не два значения. В первом значении оно теперь есть *власть, преимущество, свобода действовать в известных пределах, данная правительством или законом*. А далее и *законная причина*, и *принадлежность личного достоинства или заслуг*, и *наука, обнимающая отдельную часть законоведения*.

На примере академических толковых словарей конца XVIII – середины XIX в. уже заметно, как происходят семантические сдвиги лексемы *право* в русском литературном языке. Вектор коннотации остается нейтрально-положительным. Но выявляется и появляется все больше номинативных значений, а наречных значений приводится все меньше. Намеченная тенденция к ротации лексического приоритета сохранится на протяжении полувека и разрешится в отечественной лексикографии уже в двадцатом столетии.

Во второй половине XIX в. слово *право* в живом великорусском языке предстанет перед читателями в двух изданиях Толкового словаря Владимира Ивановича Даля (часть 3 1865 г. и том 3 1882 г.). В этом памятнике лексикографии *право*, как наречие, все еще удерживает свое первенство в значениях *уверение в истине чего-либо, истинно, воистину, ей-ей, справедливо, уверяю*. Примечательно, что у Даля намечается лексикографическая фиксация лексемы *право* в значении вводного слова. Очевидно, *уверение* и *уверяю* – не наречия, а существительное и глагол. С их помощью передается значение лексемы *право* как вводного слова. Попутно мы имеем дело с применением лексемы как дискурсивного приема суггестивного речевого воздействия языковой личности на собеседника. Этот процесс очевиден уже в текстах Александра Сергеевича

Пушкина [Словарь языка Пушкина 2000, с. 762], и его современник и друг Владимир Иванович Даль обратил на это внимание. Нашлось в обоих изданиях место и существительному *право* – *данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах. А также – наука законоведения, юриспруденция, или одна из ветвей науки этой.*

Начало XX в. в русской лексикографии ознаменовано изданием Отделением русского языка и словесности Императорской Академии Наук второго тома труда Измаила Ивановича Срезневского. Увидели свет «Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1902 год). В этом тезаурусе номинативная омоформа лексемы *право* упоминается первой в значениях *свобода действия, власть; законы*. А уже следом приводятся варианты наречных значений: *верно, правильно; действительно, в самом деле; справедливо; по истине; аминь*.

Дальнейшая история отражения значений *права* в русской лексикографии – история существительного как первоочередной омоформы этой лексемы. Ученик И.И. Срезневского Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ выступил редактором третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля». Содержание третьего тома этого издания (1907 год) преподносит сюрприз тем, кто знаком с содержанием двух первых изданий: при сохранении значений омоформ, редактор принял решение поменять их местами. Словник содержит *право* как наречие, но теперь оно следует за существительным.

В XX веке настала пора многотомных академических словарей русского языка. «Словарь современного русского литературного языка» в 1961 году пополнился одиннадцатым томом, содержащим толкование слова *право* с уже сформировавшейся субстантивной доминантой его омоформ. Примечательно не только число лексических значений субстантива (двенадцать!), но и исчезновение в словаре упоминания слова *право* как наречия. Наряду с существительным *право* представлено только как вводное слово. Такая норма еще в 1939 году была закреплена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова. *Право* как наречие уже не фигурирует в третьем томе этого лексикографического издания.

Однако «Словарь русского языка в четырех томах» под редакцией Анастасии Петровны Евгеньевой, (1957-1961 гг.) в третьем томе третьего издания (1987 г.) включает три омоформы слова *право* – субстантив, вводное слово, наречие. Номинативные значения и здесь доминируют в семантическом поле анализируемой лексемы. А *право*, как наречие к слову *правый*, приводится здесь в значении направления движения (*право руля, право на борт*), в отличие от семантической традиции дореволюционных лексикографических изданий. В последних наречие *право* – значит, прежде всего, *истинно*.

Постсоветская лексикография русского языка представлена двойственным отношением к нормированию морфологии омоформ рассматриваемой лексемы. Так, второе издание «Словаря языка Пушкина» (Том 3. 2000 год) и «Большой академический словарь русского языка» (Том 19. 2011 год) ограничиваются упоминанием двух омоформ (номинатив и вводное слово). А толковые словари С.И. Ожегова при участии Н.Ю. Шведовой (1998 год) и С.А. Кузнецова (2000 год) продолжают традицию «Словаря русского языка в четырех томах» под редакцией А.П. Евгеньевой, сохраняя наречие как возможную омоформу слова *право* в значении направления движения наряду с существительным и вводным словом.

Очевидный вывод: современный этап в лексикологии демонстрирует все меньшее применение лексемы *право* в неноминативных омоформах и все большее количество именных денотатов. Сопоставление «Словаря современного русского литературного языка» (Том 11. 1961 г.) и «Большого академического словаря русского языка» (Том 19. 2011 г.) дает тринадцать номинативных значений слова *право*. В «Словаре Академии Российской» (Часть IV. 1793 г.) их было только два.

Расширение семантического поля субстантива *право* в современном русском литературном языке происходит на фоне исторически нейтрально-положительной, ценностной коннотации этой лексемы в наречных значениях церковно-славянской лексики. Далее наблюдается ее значительная частотность как вводного слова в литературных произведениях XIX в. Ранее это замечание представлено со ссылкой на Словарь языка А.С. Пушкина. Еще один пример: в пьесе Ивана Сергеевича Тургенева «Месяц в деревне» (первое издание 1855 г.) слово *право*, как субстантив в именительном падеже, встречается всего дважды, а как вводное слово – 37 раз.

На данный момент сохраняется лексикографическая традиция, начатая в советский период, – первое значение субстантива принадлежит системно-структурной парадигме (*право – совокупность норм...*). Но сфера распространения номинативного значения этого слова достигла, хотя и субоптимального, включения в лексиконы и сравнительно-исторической, и антропоцентрической парадигм. Расширению его семантического поля способствует и разнонаправленность в коммуникативных тактиках либерального и этатистского лексиконов как об этом сказано Ю. Феофановым: «Обозначив произвол, человечество стремится правом же его обуздать; он же, произвол, – приспособить право на свою потребу» [Большой академический словарь русского языка 2011, с. 439].

И еще одно важное наблюдение. Отчетливое развитие и фиксация в лексикографии узуальной омонимии существительного *право* настораживает, так как при неблагоприятном сценарии омонимия развивается в энантиосемию. У слова появляются противоположные

смыслы. Факт выражения одним словом или морфемой антонимических значений давно знаком исследователям языка. Путь, который проходит образование смыслов при энантиосемии, может начинаться со слова, имевшего весьма общее и расплывчатое значение. Из этого слова в языке диахронически могут развиться два его противоположных значения, каждое из которых представит фрагмент неопределенного смысла [Мельчук 2012, с. 148]. Особенность энантиосемии в ее латентности. В отличие от антонимии, она маскирует противоположные смыслы с помощью оценочности (неочевидности) значений [Шмелев 1977, с. 208].

По мере расширения значений абстрактного имени, коим является субстантив *право*, возрастает риск логической энантиосемии в русскоязычном литературном дискурсе. Такая экономия лексики при описании культурных концептов нейтрализует осмысленные парадигматические и синтагматические построения языковой картины мира, затрудняет коммуникацию. Важнейшая цель языкознания состоит в распознавании деструктивных семантических сдвигов лексических значений слова *право*, которое не под силу многим другим социально-гуманитарным наукам. Достижению этой цели способствует историко-лексикологическое исследование русского литературного языка – нашего коммуникативного ориентира.

Апресян Ю.Д. Современность классики // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 34-36.

Большой академический словарь русского языка. Т. 19 (Порок-Пресс). – М.: Наука, 2011. – 707 с.

Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.

Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-34.

Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. – Харьков: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1903. – 462 с.

Лесников С.В. Моделирование гипертекстового тезауруса академических толковых словарей русского языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2020. – № 16. – С. 9-13.

Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. – Том 3. – М.: Азбуковник, 2000. – 1296 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Т.В. Чвягина (Ярославль)

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение современных тенденций семантического развития английской экологической лексики в русском языке. Даны описание выявленных тенденций и наиболее актуальные примеры, иллюстрирующие их.

Ключевые слова: семантическое развитие, английская экологическая лексика, заимствованные слова, детерминологизация, русский язык

Abstract. The aim of the paper is to consider modern trends in semantic development of English ecological vocabulary in the Russian language. The description of determined trends as well as the most recent examples illustrating them are given.

Keywords: semantic development, English ecological vocabulary, borrowed words, determinologization, the Russian language

По мнению многих ученых, основной движущей силой развития языка является расширение мыслительного кругозора людей, где находят отражение новые явления объективного мира, выявляются и устанавливаются существенные связи между ними. Через мышление на развитии языка сказываются многочисленные обстоятельства жизни человеческого общества, конкретно-исторические общественные процессы.

Изменения происходят в разных подсистемах языка, фонетической, морфемной, синтаксической, однако лексика дает наиболее очевидный и обширный материал, будучи тесно связанной с историей и культурой народа. Экстралингвистические обстоятельства активно влияют на языковые процессы, расширяя словарный состав и уточняя или изменяя смысл лексических единиц. Также известно, что наиболее заметным источником изменений в языке в каждую эпоху служит комплекс идей, имеющих большое значение в жизни данного общества. В средние века такой комплекс идей порождала охота, с появлением спортивных игр общий интерес вызывает футбол, в начале XX в. внимание приковали автомобили, во время Первой и Второй мировых войн – военные действия, в 60-е гг. XX в. – освоение космоса; всё это постепенно ослабляло употребление одной лексики и способствовало широкой экспансии другой.

В XXI в. областью повышенного общественного интереса стала экология, что вызвано актуальностью проблемы экологического кризиса и бурным ростом экологических исследований во всем мире. В настоящее время экология (как способ гармонизации отношений между обществом и природной средой) прочно вошла в нашу жизнь и теперь является не только наукой, но и способом мышления, поведения, отношения к действительности, т.е. происходит своеобразная «экологизация»

современного общества. Эти процессы отражаются и в языке, значительно увеличивая терминологический запас, который, в свою очередь, обогащает общелитературный словарь путем детерминологизации. Экологическая лексика сейчас активно используется в разных языках, она широко применяется за пределами терминологической сферы, заметно эволюционирует в семантическом развитии, что вызывает значительный исследовательский интерес.

В современных социолингвистических условиях в русском языке наиболее заметно действуют две тенденции – заимствование и детерминологизация экологической лексики, которые ведут к обогащению словарного состава языка, его количественному и качественному росту.

Заимствование – универсальная тенденция в развитии лексических систем языков мира. Это объясняется как общемировым стремлением к интернационализации и глобализации лексического фонда развитых языков, так и потребностью в номинации новых предметов и понятий, вошедших в современную жизнь.

Наиболее актуальными причинами заимствования английской лексики в сфере экологии являются: необходимость в наименовании и специализации понятий (к примеру, *урбанизация природы, антропогенный стресс, экотоксикант, дезактивация токсичных отходов, эмиссия тяжелых металлов, аридизация климата, рециркуляция ресурсов, лимитирующий фактор, толерантность вида, экологический оптимум* и др.); наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, единых по происхождению (в нашем случае экологическая терминология, т.к. на момент заимствования в английском языке уже существовала сложившаяся система терминов экологической тематики); восприятие иноязычного слова как более престижного, по-научному и красиво звучащего (например, не просто *контроль*, а модное ныне слово *мониторинг*, не *переработка* отходов, а *реутилизация*, не *уничтожение* природной среды, а *деградация* и др.). К перечисленным причинам заимствования можно добавить действующий в языке закон экономии, побуждающий заменять длинные номинации на более короткие в случае повышения их частотности (например, *экологический мониторинг* вместо *постоянное наблюдение за определенными параметрами окружающей среды*; *биосфера* вместо *область распространения жизни на Земле, охватывающая атмосферу, гидросферу и литосферу*; *рекультивация* вместо *комплекс мероприятий, направленных на восстановление продуктивности нарушенных земель* и др.).

В связи с активизацией процессов заимствования в языках четко обозначается тенденция к практической транскрипции иноязычных слов, то есть к произношению их максимально близко к языку оригинала. Быстрое расширение числа людей, владеющих английским языком, способствует формированию и поддержанию этой тенденции. Вместе с тем

широкое распространение заимствованных лексем приводит к колебаниям в их написании.

В свою очередь *детерминологизация* связана с теми периодами в жизни языка, когда он особенно активно впитывает в себя иноязычные слова. Появляются новые науки, которые дают новый набор терминологической лексики, усвоение которой общелитературным языком происходит за счет расширения смысла специальных слов, чему способствует включение их в бытовые и публицистические контексты. Таким образом, частое применение научных терминов к фактам общественной жизни приводит к тому, что за словом закрепляется новое значение, иногда оно заслоняет первоначальное (специальное, терминологическое) значение и становится основным, более отвлеченным и потому более емким.

Подобная ситуация произошла, например, с термином *окружающая среда* (*environment*), который расширил свое узко экологическое значение, закрепившись в общелитературном языке с такими значениями, как *социальная среда, окружающая обстановка, окружающее пространство, способ существования, место распространения, родина, окружение*.

Все вышеупомянутые тенденции в значительной степени повлияли на семантическое развитие экологической лексики в современной языковой ситуации, т.к. за последнее столетие в русском языке появилось большое количество заимствованной из английского языка специальной лексики, обозначающей те или иные экологические аспекты. Терминология экологии как науки расширяется, конкретизируется, появляются синонимы и антонимы, образуются лексико-семантические группировки.

Вместе с этим в русском языке наблюдается и процесс детерминологизации – слова и устойчивые словосочетания экологической тематики получают широкое распространение в повседневной речи, средствах массовой информации, политике, экономике. И теперь, являясь словами обывденного языка, эти лексемы используются при обсуждении различных объектов социальной действительности.

Так, например, слово **своп** (от англ. *swap* – «обмен») значит мероприятие, на которое можно принести свою одежду, книги, игрушки и любые другие вещи, а взамен выбрать что-то для себя. **Своп-вечеринки** (*swap-party*) популярны среди тех, кто стремится продлить жизнь вещам и меньше загрязнять планету.

Капшеринг (от англ. *cup* – «чашка» и *sharing* – «обмен») – это система аренды стаканов, применяемая организаторами фестивалей, концертов, уличных базаров. Покупая напиток, вы оставляете за стакан с символикой мероприятия залог, а в конце либо возвращаете стакан и забираете деньги, либо оставляете его себе. Это отличное решение, чтобы хоть немного сократить использование одноразовой посуды. Также

существуют **фудшеринг** (*foodsharing*) и **крафтшеринг** (*craftsharing*) для обмена едой и материалами для творчества, соответственно, и т.д.

Слово **ресайклинг** (от англ. *recycling* – «вторичная переработка», «повторное использование») обычно обозначает переработку мусора, утилизацию отходов в самом широком смысле. Похожее же на него слово **рециклинг** – это термин, применяемый к производственному процессу, использующему вторсырье для создания новых материалов, другими словами «производство – потребление».

Даунсайклинг (*downcycling*, где *down* переводится с английского как «вниз», «сниженный») – это та же переработка, но качество конечного продукта значительно снижено, а количество циклов переработки ограничено. Примером может служить бумага, переработанная в картон, или стекло, переработанное в стекловолокно.

В свою очередь **апсайклинг** (*upcycling*, где *up* переводится с английского как «вверх», «повышенный») предполагает повторное использование вещей с приданием им новой функциональности, например, сделать из пустых бутылок светильники или из винных пробок новогодний венок, дав таким образом вторую жизнь старым вещам, а не превратив их в мусор. В результате новые материалы или продукты воспринимаются как более качественные с точки зрения художественной или экологической ценности.

Термин **пластиквотчинг** (от англ. *plasticwatching* – «наблюдение за пластиком») придумали сотрудники Гринписа, чтобы понять, какой одноразовый пластик больше всего загрязняет природу. Они изучают его распространение на природных территориях и призывают других поучаствовать в этом тренде.

Гринвошинг (*greenwashing*) буквально значит «зеленое отмывание» по аналогии с понятием *whitewashing* – «отбеливание репутации», то есть компания позиционирует себя экологичной без достаточных оснований для этого. Примером гринвошинга может служить магазин, который принимает одежду на переработку, но не имеет возможности этого делать.

Органический (*organic*) – экомаркировка продукции, изготовленной из натуральных волокон и сырья или без использования пестицидов, гербицидов, генетически модифицированных организмов и т.д. (например, органический хлопок, органический йогурт).

Устойчивый (*sustainable*) – один из наиболее часто используемых экологических терминов, который применяется к процессам или деятельности, не истощающих природные ресурсы, а гарантирующих их доступность последующим поколениям. Так, например, **устойчивый стиль** (*sustainable style*) одного из модных брендов предполагает производство одежды из органического хлопка и переработанных материалов, а также программу переработки текстиля.

Экологический след – воздействие человеческой деятельности на окружающую среду. Чтобы сократить свой экологический след, можно просто экономить электроэнергию, поменять лампы накаливания на светодиодные, выключать воду при чистке зубов, начать заниматься раздельным сбором мусора, отказаться от поездок на личном автомобиле и передвигаться на общественном транспорте, велосипеде или пешком, а также следовать другим полезным экопривычкам.

Было замечено, что большое количество современных «экологических» слов образовано с помощью морфем «эко-» и «био-» – первые части сложных слов, которые пишутся с ними слитно: **экосумка** – многоразовая сумка из ткани, замена привычным одноразовым пакетам; **экотакси** – такси, которое заберет все виды отходов прямо из вашей квартиры на переработку; **экокожа** – искусственная кожа с покрытием из полиуретана, которая заменяет натуральную кожу животных; **биопух** – синтепон, синтетический утепляющий материал для верхней одежды; **биотопливо** – возобновляемый источник энергии, получаемый из органических материалов (растительное или животное сырье, органические промышленные отходы, продукты жизнедеятельности организмов), при сжигании которого снижается выделение углекислого газа и, следовательно, сокращается вредное воздействие на климат планеты; **биоразлагаемый порошок** – средство для стирки, содержащее компоненты растительного происхождения, разрушающиеся в результате естественных микробиологических и химических процессов без вреда для природы; **экоответственный бизнес** – компании, в чью деятельность входит забота об окружающей среде; примеров подобных слов в русском языке множество.

Распространение экологической лексики коснулось и области цифровых технологий. Здесь в качестве примера можно привести вошедший в активный обиход термин **цифровая экосистема**, который означает комплекс телекоммуникационных услуг, цифровых и медийных сервисов, предоставляемых мобильными компаниями своим клиентам. Также интересны современные понятия **интернет гигиена** (ряд правил поведения в сети от использования сложных паролей до регулярного обновления программного обеспечения) и **общаться экологично** (то есть безопасно пользоваться технологиями, при этом не оказаться обманутым интернет-мошенниками).

Следует сказать, что экологическая лексика русского языка постоянно обновляется, семантически развивается и входит в разные контексты, благодаря воздействию мощных общественных факторов, которые оказывают влияние на особенности языка современной эпохи.

Любезнова Н.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. спец. 030901.65 «Издательское дело и редактирование». – Саратов, 2010. – 128 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие. – Изд. 2, переработ. и доп. – М.: Издательство «Восток-Запад», 2006. – 285 с.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века: научное издание. – Воронеж, 2004. – 93 с.

URL: https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/154823-ecology_words

URL: https://dzen.ru/a/ZFuagdRM6RwlyQL4?utm_referer=yandex.ru

URL: <https://m.sobaka.ru/ecology/ecology/102343>

А. Ю. Чернова (Воронеж)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНОЙ МИРА В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ XVII-XVIII ВВ. (на материале названий посуды)

Аннотация. В статье рассматриваются диалектные лексемы, относящиеся к тематической группе «Названия посуды» и бытовавшие в воронежских говорах в XVII-XVIII вв. Отмечается богатство и семантическое разнообразие наименований, описываются их мотивировочные признаки и деривационные процессы, выявляется состав признаков и ситуаций, определяющих внутреннюю форму слова. На основании результатов анализа называются признаки языковой картины мира жителей Воронежской области XVII-XVIII вв.

Ключевые слова: диалектная картина мира, предметно-бытовая лексика, названия посуды, воронежские говоры, мотивировочные признаки

Abstract. The article deals with the dialectal lexemes belonging to the thematic group “Names of houseware” which existed in Voronezh dialects in the XVII-XVIII cc. The author shows the semantic diversity of the names, describes their motivational characteristics and derivational processes, defines the composition of the signs and situations that determine the internal form of the word. The results of the analysis illustrate the linguistic picture of the world of Voronezh Oblast people in the 17-18 cc.

Keywords: the dialectological picture of the world, extraoccupational colloquial speech, names of houseware, Voronezh dialects, motivational signs

Мировоззрение, опыт как целого народа, так и отдельного человека отражается в языке. Данную мысль начали развивать В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, исследовали в различных аспектах (Ю.Д. Апресян, Т.И. Вендина, Вяч. Вс. Иванов, Н. А. Закуткина, Е.Н. Ильина, Ю.Н. Караулов, О.А. Радченко, Л.В. Сабурова, А.Д. Шмелев и др.). Так, Т.И. Вендина пишет: «Известно, что в семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа» [Вендина 1998, с. 6]. Эта информация часто выражается имплицитно, для восстановления заложенных в лексеме смыслов

приходится обращаться к этимологии, чем занимались такие известные ученые, как Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев.

Согласно Е.С. Кубряковой, «языковая картина мира – важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира [Кубрякова 1988, с. 169]. Языковую картину мира можно охарактеризовать, обратившись к анализу лексики в различных аспектах. Наблюдение за тематическими группами (далее – ТГ) помогает нам понять, какие реалии отражаются в уровнях языка и какую систему они образуют.

Источником материала послужил Словарь воронежской деловой письменности XVII-XVIII вв. В.И. Хитровой. В нашем исследовании мы обратились к ТГ «Наименования посуды». Структура данной ТГ может быть представлена следующим образом:

ТГ «Наименования посуды, используемой в быту»

1. ТГ «Наименования посуды для заготовки и хранения пищи и воды»

1.1. «Наименования посуды для хранения пряностей, сыпучих продуктов» (*кофейница, перечникъ*)

1.2. «Наименования посуды для хранения припасов, жидкостей» (*безносый, беременная бочка, бочень, боченка, боченокъ, боченочекъ, бочечка, бочурка, вѣчка, водовозная бочка, воронка, глекъ, глотка, горло, горчичница, дѣготница, извара, колода, мѣрникъ, покрышка, полубеременная бочка, коритцо*)

1.3. «Наименования посуды для молока» (*дойникъ*)

1.4. «Наименования плетеной посуды» (*берестень, зобня, кореноватикъ, пещеръ, плетѣнка*)

2. ТГ «Наименования столовой посуды»

2.1. «Наименования посуды для подачи на стол питья» (*братина, братинка, братиночка, вносокъ, корецъ, кофейникъ*)

2.2. «Наименования посуды для подачи на стол кушаний» (*плошка*)

2.3. «Наименования столовых приборов» (*вилка, наливка, наливокъ, половникъ*)

3. ТГ «Наименования поваренной посуды»

3.1. «Наименования посуды для варки пищи» (*горшокъ, горшевикъ, горшечикъ, кашникъ, кашничекъ*).

3.2. «Наименования посуды для жарки пищи» (*жаровня*)

3.3. «Наименования посуды для выпекания мучных изделий» (*коровайникъ*)

4. ТГ «Наименования кухонной утвари»

4.1. «Наименования подставок под посуду» (*поддонъ, поднось*)

4.2. «Наименования кухонной утвари для толчения»

Приведенная классификация демонстрирует богатство и разнообразие лексики и материальной культуры носителей воронежских говоров XVII-XVIII вв., которые позволяют проанализировать языковую картину мира в этимологическом, лексико-семантическом, экстралингвистическом аспектах, исследовать принципы номинации лексем.

Согласно исследователям О.А. Радченко и Н.А. Закуткиной, диалектная картина мира представляет собой особое явление, отгороженное от общеупотребительного языка и проявляющееся главным образом в устной речи и некоторых сферах коммуникации. Это «присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определенное устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта» [Радченко, Закуткина 2004]. Именно диалект сохраняет естественный, национальный взгляд народа на мир, на исконные занятия человека и традиционный образ жизни. Так, ТГ отражают материальную культуру жителей Воронежского региона XVII-XVIII вв., дают представление об их жизни. Например, для изготовления предметов быта использовали глину (*глекъ* – ‘глиняный кувшин’, *горшоукъ* – ‘сосуд глиняный или железный для варки пищи, хранения съестных припасов’), бересту, лыко или кору (*берестень* – ‘изделие из бересты, короб, корзинка’, *зобня* – ‘корзина, лукошко, сплетенные из лыка’, *кореноватикъ* – ‘короб, корзина, сплетенные из древесных корней’, *пещерь* – ‘корзина, кошелка из лыка или бересты’, *плетѣнка* – ‘плетеная корзина’), причем разнообразие плетеных изделий показывает высокий уровень владения техниками плетения у диалектоносителей названного региона. Знание жителями частей сосудов демонстрирует развитие гончарного дела (*горло*, *глотка*, *вносокъ*, *безносый сосуд*). Исследование ТГ может дать экстралингвистические факты о жизни в области: в XVII-XVIII вв. пользовались во время еды вилками (*вилка* – ‘столовый прибор, вилка’), пили кофе (лексемы *кофейникъ*, *кофейница*), добавляли в пищу горчицу и перец (лексемы *горчичница*, *перечникъ*).

Вместе с этим встроенность в диалектную систему и систему русского языка лексем данной области показывают характерные для языка суффиксы: -ник(-ниц) со значением ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’ (*перечникъ*, *кофейница*, *горчичникъ*; ср. совр. *чайник*, *супница*); уменьш. суффиксы -ок(-оч, -ек) (*берестенокъ*, *братиночка*, *кашничекъ*; ср. совр. *бочонок*, *коробок*, *горшочек*), -к- (*братинка*, *братиночка*; ср. совр. *вазочка*, *кастрюлька*, *сковородка*).

Важную роль при описании языковой картины мира играет анализ мотивировочных признаков, положенных в основу номинации реаллий, т.к. это позволяет определить особенности сегментации действительности, увидеть, какие важные для диалектоносителя явления окружающего мира

отражены в языке. В нашей работе мы рассмотрим как слова с прозрачной внутренней формой, так и те, мотивировочные признаки которых будут выделены благодаря обращению к этимологии. Такой подход позволит раскрыть языковую картину мира диалектоносителей в сравнительно-историческом аспекте, поместив его во временной контекст, и отметить, какие лексемы оказались наиболее устойчивыми для жителей области. Для обоснования уместности этого подхода приведем высказывание А.А. Потебни: «Чем далее в прошедшее, тем менее в языке слов отвлеченных и формальных, которым ничто не соответствует в чувственном восприятии. Первобытное слово должно было соответствовать безразличному комплекту вещи и ее действия и качества» [Потебня 1905, с. 449-450]. Под внутренней формой слова будем понимать «семантическую структуру слова, т.е. его морфонологические свойства, которые символизируют связь данного звучания с данным значением или с данными стилистическими коннотациями» [Ахманова 2004].

При рефлексии окружающей реальности в сознании человека за объектом закрепляются определенные признаки, выделяются словообразовательные форманты, характеризующие эмоциональное, ценностное или практическое отношение носителя языка к называемому объекту. Определяют сознание носителя также сам факт внимания к тому или иному объекту действительности и наличие процессов семантической деривации – то, какие явления связаны между собой и каким образом. При рассмотрении вопроса о семантических изменениях будем опираться на работу С. Ульмана «Семантические универсалии» [Ульман 1970].

Рассмотрим основные мотивировочные признаки.

1) По материалу, из которого изготовлена посуда

Древнее происхождение имеют слова с мотивировочным значением ‘материал или предмет, из которого изготовлено изделие’: *берестень*, *глекъ*, *кореноватикъ*, *корець*, *коритцо*. Так, *берестень* – ‘изделие из бересты, короб, корзинка’. Слово могло существовать еще в IX-X вв. и раньше, поскольку березовая кора была широко распространена в быту славян как для изготовления обуви, посуды, так и для записи сообщений. *Берестенокъ* – уменьш. к *берестень*, словообразовательный формант -ок- с характерным значением подобие и меньшего размера. Мотивировку лексемы *глекъ* – ‘глиняный кувшин’ – определим, обратившись к этимологии: *glina наряду с *glъjъ имеет праслав. корень *geļ, родственно ср.-н.-нем. klei, др.-англ. clæg. [Черных 1999, с. 190-191]. Исходя из представленных лексем, предположим возможность последовательного чередования n-j-k. *Кореноватикъ* – ‘короб, корзина, сплетенные из древесных корней’. К основе kog- восходят лексемы *корець* – ‘ковш’ и *коритцо* ‘небольшое корыто’ [Фасмер 1986, с. 343].

2) По форме

Другая группа слов – лексемы, мотивированные формой посуды: *зобня, вилка, плошка, половник*. *Зобня* – ‘корзина, лукошко, сплетенные из лыка’, вероятно, своей формой напоминающие зоб птицы. Известно, что к XVII-XVIII веку *вилки* имели только два зубца, и сходство с вилами, наличие развилины легло в основу номинации предмета обихода. Наименование дано с современным значением ‘столовый прибор, вилка’. Лексема *плошка* – ‘плоский и круглый глиняный сосуд’ – образована от прилагательного *плоский* с участием суффикса -к. *Половник* обозначает ‘разливательную ложку’, половину целой сферы.

3) По функции посуды

Выделим лексемы с мотивировочным признаком ‘функция посуды’: *братина, братинка, братиночка, вьчка, водовозная бочка, горчицница, дёготница, дойникъ, извара, кашникъ, кашничекъ, коровайникъ, кубышка, кофейникъ, кофейница, мърникъ, наливка, наливокъ, поддонъ, поднос, покрышка, перечникъ*.

Определение мотивировочного признака для слова *братина* и его производных дано на уровне предположения. *Братина* – ‘сосуд для меда, пива, браги’, чаша для ритуала общего пира в дружине или в группе близких друг другу мужчин. В соответствии с этим выделим мотивировочный признак ‘чаша для братания’ или ‘чаша для побратимов’. *Братинка* через словообразовательный формант -к получает значение ‘небольшая братина’. *Вьчка* – ‘блюдо, лохань’ – имеет общеславянский корень (укр. віко, словен. véka ж. ‘крышка, веко’), который указывает на функцию предмета - накрывать сосуд или другое блюдо. О.-с. *věko значило ‘крышка’, ‘прикрытие’, ‘прикрываю’ [Черных 1999, с. 139]. Лексикализованное словосочетание *водовозная бочка* означает ‘бочку, предназначенную для возки воды’. В основе номинации слова *дойникъ* – ‘подойник’ – назначение предмета быта для дойки молока. *Извара* – ‘чан для заваривания и хранения напитков’. *Кашникъ* – ‘небольшой горшок’; *коровайникъ* – ‘форма для выпечки короваев, круглого белого хлеба’. *Кашничекъ* имеет значение меньшего предмета в соответствии с суффиксом -чекъ. Лексемы *кашникъ* и *коровайникъ* принадлежат к одному словообразовательному типу, обозначая сосуд для приготовления определенного типа еды. *Кубышка* образовано от *куб* – ‘сосуд для питья’ и одновременно мотивировано формой предмета – это ‘пузатый сосуд с горлышком’. Суффикс -ышк- выступает в роли оценочного компонента, а также указывает на размер посуды. *Мърникъ* мотивирован значением ‘мерный сосуд для жидких и сыпучих тел’. Лексемы *наливка, наливокъ* – ‘ковш, черпак’ – обозначают то, чем наливают. *Поддонъ* обозначает ‘круг, который ставится под сосуды, подсвечники и т.п.’, т.е. предмет, находящийся под дном (словообразовательный способ – суффиксация). *Поднос* – ‘то, на чем подносят еду, питье’. *Покрышка* – ‘крышка (горшка, сковороды)’ – образовано от слова *покрыть*, т.е. это ‘то, чем покрывают

верх сосуда' [Фасмер 1986, с. 390]. *Перечникъ* – ‘сосуд для молотого перца’, *горчичница* – ‘сосуд для горчицы’, *дѣготница* – ‘посудина для дѣгтя’, *кофейникъ* – ‘сосуд для кофе’, *кофейница* – ‘сосуд для хранения кофе’ (распространенный словообразовательный формант, ср. *чайник*, *соусник*).

4) По способу изготовления

Обратимся к словам, образованным в соответствии с мотивировочным признаком ‘способ изготовления’: *плетѣнка*, *горшокъ*, *горшевикъ*, *горшечикъ*. Прозрачную внутреннюю форму имеет лексема *плетѣнка* со значением ‘плетеная корзина’. *Горшокъ* – ‘сосуд глиняный или железный для варки пищи, хранения състных припасов’ – восходит к *горн*, *гореть* [Шанский 1963], то есть обозначает посуду, созданную в печи путем обжига. Указанный мотивировочный признак не соответствует медным изделиям, однако более ранней была глиняная посуда, железная приобрела схожее наименование по аналогии. *Горшевикъ* – ‘род глиняной посуды типа горшка’, *горшечикъ* – ‘сосуд с крышкой’, сделанный из меди.

Выделим наименования посуды, появившиеся в результате метонимического и метафорического переноса.

1) Мотивировочным признаком для слов *безносый*, *бочка*, *вносокъ*, *глотка*, *горло* и лексикализованных словосочетаний *беременная бочка*, *полубеременная бочка* выступает внешнее сходство с человеком. *Вносокъ* соотносится с формой носа и обозначает ‘носик (ендовы для слива)’. В данном случае словообразовательный формант *-в-* может указывать на встроенность части сосуда в сосуд, а формант *-окъ-* – на небольшой размер части. По номинативному признаку ‘отсутствие носика’ образована относительно к сосудам лексема *безносый*. *Горло* – обозначает ‘верхнюю, обычно узкая часть сосуда; отверстие сосуда’ – и *глотку* – обозначает ‘горло сосуда’ – можно сопоставить с соответствующей частью тела человека. Эти лексемы обозначают обычно суженную часть сосуда, которая является отверстием для выливания и вливания жидкости, так что сосуд словно «глотаёт» эту жидкость.

Описание, указывающее на точный объем, форму *беременной бочки* отсутствует, однако благодаря эпитету есть возможность предположить, что такая бочка была тяжелая и с выпуклыми боками. *Полубеременная бочка* отмечена как ‘вид тяжелой, большой бочки’, и это тоже метафорически соотносится с человеком. Особый интерес представляет лексема *бочка*. По Фасмеру, первоначальная славянская основа на *-i*: *въѣ*, род. п. **въѣче*, где *ѣ* может восходить только к *kj*. (ср. сербохорв. *баквица* ‘кадка, бадья’) [Фасмер 1986, с. 202]. Шанский пишет, что это уменьшит.-ласкат. к *бъча*, где *ч < к* (как в слове *бок*), а *бочка* – ‘округлый сосуд с изогнутыми сторонами’ [Шанский 1963]. Можем предположить, что в основе номинации данной лексемы в том числе лежит соотношение с внешним видом человека, которое впоследствии утратило прозрачность,

но перешло на разновидности этого предмета быта (упомянутые выше *беременная бочка* и *полубеременная бочка*). Отметим словообразовательную продуктивность данного слова: его производные представлены рядом *бочень*, *боченка*, *боченок*, *боченочек*, *бочечка*, *бочурка*, что можно объяснить потребностью в различии бочек разных форм и размеров без обращения к признакам. Например, *боченочек* – это ‘металлический сосуд в форме маленькой бочки’.

Метонимический перенос ‘предмет, из которого изготовили’ → ‘изготовленный предмет’ лежит в основе номинации слова *колода* со значениями ‘широкое деревянное корыто’, а также ‘кадь, кадка, выдолбленная из куска дерева’. Основное значение слова – ‘толстый лежащий ствол дерева или его обрубок’.

Мотивировочным признаком для слова *пещер* в значении ‘корзина, кошелка из лыка или бересты’, как и для слова *пещера* является внешнее сходство с устьем русской печи. Пещера в общерусском – давнее заимствование из старославянского (ст.-сл. *пещь*, о.-с. **pekъ*) [Черных 1999, с. 30].

Рассмотрим случай обратной метафоризации, в котором предмет быта послужил мотивировочным признаком для наименований явлений природы. У лексемы *воронка* значение ‘конусообразный сосуд с трубкой для переливания жидкости’ первичное, оно служит мотивирующим для значения ‘углубление в земле, оставшееся от снаряда’ и ‘конусообразное вращение на водной поверхности, образовавшееся из-за водоворота’ [Черных 1999, с. 166-167].

На основании выявленных нами мотивировочных принципов определим особенности картины мира жителя Воронежского края XVII – XVIII вв. (по классификации О.А. Радченко и Н.А. Закуткиной).

Во-первых, это парцеллирование объектов концептуализации, то есть развитие у концепта в диалекте больших значений, чем в литературном языке. В литературном языке у концепта «горшок» есть значение ‘изделие из глины или дерева’ и ‘посуда для варки еды’. В воронежских говорах появляются наименования ‘кашник’ – ‘небольшой горшок для варки каши’ и ‘чугунок’ – ‘горшок, сосуд из чугуна’. Литературное значение концепта ‘горло’ в значении ‘верхняя, обычно узкая часть сосуда’ обогащается диалектным наименованием ‘глотка’ в значении ‘горло сосуда’, имеющим эмоционально-оценочную окраску.

Во-вторых, это эмоциональная окрашенность номинации. В говоре она реализуется в уменьшительно-ласкательных суффиксах. Так, *кубьшка* – ‘сосуд для питья’, *вносок* – ‘носик (ендовы для слива)’, *боченок* – ‘маленькая металлическая бочка’, *бочурка* – ‘маленькая бочка’; *кашничек* – маленький *кашник*; *братиночка* – уменьш.-ласк. к *братинка*, а *братинка* – ‘маленькая братина’.

В-третьих, это антропоцентризм. Значительная часть лексики соотносится с внешним видом человека, частями его тела. К примеру, части сосуда – *вносок, глотка, горло*, характеристика *безносый* (о сосуде) – представляют собой визуализацию горла, носа человека и называются соответственно. Подвиды бочек – *беременная* и *полубеременная* – называются так по аналогии с формой женского живота во время беременности.

В-четвертых, это гендерные различия. В рамках одной лексемы можно выделить словообразовательные варианты со значением рода: *кофейникъ – кофейница, наливка – наливко́в*.

Таким образом, при изучении наименований посуды как одной из групп предметно-бытовой лексики перед нами открывается картина мира диалектоносителя, выявляются ее признаки, характерные черты, а также отличия от картины мира носителя литературного языка.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов . – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.

Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. – Вологда: ВОГУ, 2019. – Часть 1: Домашние и дикие животные. – 178 с.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

Леонтьева Е.А., Панова М.В. Отражение языковой картины мира в диалектных наименованиях растений (на материале воронежских говоров) // Язык и национальное сознание: сборник научн. работ. – М.: РИТМ, 2023. – С. 50-56.

Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков: изд. М.В. Потебни, 1905. – 652 с.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 250-299.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. язык, 1994. – Т. 1-2.

Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Учпедгиз, 1961.

ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е.В. Малышева (Тверь)

ЭКСПЕРТНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОСКОРБЛЕНИЯ (по разным категориям дел)

Аннотация. В статье рассматривается экспертная специфика речевых актов оскорбления (по разным категориям дел). Автор приходит к выводу, что перед лингвистом-экспертом стоит задача установления факта оскорбления с точки зрения закона, а выводы лингвиста-эксперта должны быть логически выстроены, научно обоснованы, доступно изложены, в выводах должна присутствовать однозначность и отсутствовать размытость понятий.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевой акт, лингвист-эксперт, оскорбление, текст

Abstract. The article considers the expert specificity of verbal acts of insult (in different categories of cases). The author concludes that the linguistic expert has the task of establishing the fact of the insult from the point of view of the law, and the conclusions of the linguistic expert should be logically structured, scientifically based, made accessible, Conclusions should be unambiguous and without ambiguity.

Keywords: linguistic expertise, speech act, linguistic expert, insult, text

В настоящее время лингвистическая экспертиза языкоречевых феноменов, вовлеченных в юридическую сферу, давно является «наущной потребностью права во многих сферах его проявления» [Актуальные проблемы права и СМИ 1997] в связи с тем, что: 1) проблемы, возникающие на стыке языка и права достаточно разнообразны и сложны; 2) степень проникновения языка в право и наоборот характеризуется широтой и разнообразием, глубиной и многообразием. Более того, применительно к практике текстов по искам об оскорблении актуальным является данное утверждение: «сама специфика этих дел такова, что она вообще-то не находилась в поле зрения профессиональной подготовки юристов. Деликты такого рода совершаются с помощью продуктов речевой деятельности или посредством этой продукции. Здесь *corpus delicti* заключен в самом тексте. Никаких других источников доказательств по делам этой категории быть не может ... – все в тексте. И анализ текста, понимание текста не всегда было доступно даже хорошо образованному юристу» [Актуальные проблемы права и СМИ 1997, с. 87].

Оскорбление входит в состав «различных по своей природе правонарушений» [Ярошук, Жукова 2020]. Задача лингвиста-эксперта при проведении лингвистической экспертизы – дать описание событий, которые содержат признаки правонарушений, где объективная сторона

правонарушения – это «внешняя сторона общественно опасного посягательства на то социальное благо, которое находится под охраной закона. Признаки объективной стороны деяния находят различное выражение в законе» [Булатов 2017]. Здесь также стоит отметить, что «унижение чести и достоинства человека, как оскорбительное деяние, может быть совершено только в форме действия. Оскорбление в форме бездействия невозможно. Различного рода упущения в ритуале, неказание должного и требуемого уважения, демонстративное неисполнение общепринятых правил вежливости не образуют состава оскорбления» [Кусов 2011, с. 15-19].

Оскорбление словом состоит в унижении чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме (ст. 5.61 КоАП РФ), т.е. употребление в адрес потерпевшего словесных выражений, которые унижают человеческое достоинство. Словесное оскорбление может быть связано с применением инвективной (ругательной) лексики [Жельвис 2011; Кусов 2011; Романов, Костяев, 2011] – матерные или грубопросторечные слова, зооморфные метафоры, слова, обозначающие социально неприемлемое поведение и т.п. По словам А.Г. Кусова [Кусов 2011] эту лексику и фразеологию можно рассматривать как речевую манеру носителей жаргона, а также «связанные с ней грубо натуралистические, непристойные номинации, оценки и ассоциации», которые «дополняя друг друга, ведут к огрублению литературной речи, как письменной, так и особенно устной, как неофициальной, так и официальной». Отсюда следует, что речевой акт «оскорбление» должен включать в себя два обязательных условия: унижение чести и достоинства и неприличную форму высказывания как унижения чести и достоинства [Романов, Костяев 2011; Романов, Малышева 2013; Малышева, Скаковская 2020; Малышева 2018, 2021, 2022 и др.].

Стоит отметить, что «социальная оценка речевого акта оскорбления логически неимплицитивна (невыводима) и эвристически не соотнесена с семантическим наполнением диспозиции правовой нормы» [Кусов 2011, с. 203]. Следовательно, правовая норма «оскорбление» отображает «семантическое ядро лингвокультуры не зеркально, а в соответствии с уровнем развития института прав и свобод человека и гражданина», поэтому «в диспозиции уголовно-правовой нормы за семантическую основу запрета берется недопустимость умаления чести и достоинства как общечеловеческой ценности» [Кусов 2011]. Иными словами, перед лингвистом-экспертом всегда стоит задача установления факта оскорбления с точки зрения закона, т.е. с учетом лингвистических признаков унижения чести и достоинства, использования неприличной языковой формы (на фоне развертывания диспозиции уголовно-правовой

нормы – полюсов положительного имени и социальной оценки потерпевшего, включенной в негативную оценку лица).

Подчеркнем, что оскорбление в лингвистике как административное правонарушение (см. Статья 5.61. Оскорбление, введена Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ) соотносится с «гражданско-правовым» умалением чести и достоинства по форме распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (ГК РФ Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации, в ред. Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ). Таким образом, от умаления чести и достоинства, выраженного в неприличной форме, защищает административное право, а от распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, защищает гражданское право.

Лингвистическая экспертиза производится на основании поручения / письменного обращения к эксперту-лингвисту. Лингвистическая экспертиза текста должна содержать вводную, исследовательскую и заключительные части со следующим перечнем пунктов: сведения о лице, давшем экспертное заключение по тексту, время проведения экспертизы, место проведения экспертизы, сведения об экспертном учреждении, материалы экспертного дела, вопросы, поставленные на разрешение специалиста, методику исследования, источники исследования, терминологический аппарат экспертизы, выводы, подпись, дата и др. Кроме того, автор экспертного заключения дает подписку эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения [Галаяшина 2019; Лингвистическая экспертиза 2021 и др.].

Стоит оговориться, что такие диагностические признаки как несоответствие сведений действительности и наличие доказанного умысла на оскорбление, обусловленного неприязненными отношениями (умысел отличает оскорбление от хулиганства), устанавливаются судом. Более того, при производстве лингвистической экспертизы текста в компетенцию лингвиста-эксперта входит установление значения текста, т.е. то, что было сказано в данном тексте [Галаяшина 2019]. Следовательно, компетенция лингвиста-эксперта – круг вопросов, на которые «эксперт-лингвист может ответить, используя лингвистические познания и методы» [Стернин, Антонова и др. 2013, с. 17].

Предметом исследования в рамках категории дел по искам об оскорблении является речевое поведение автора спорного речевого произведения. Лингвист-эксперт устанавливает следующие факты: имел ли место речевой акт «оскорбление». Если речевой факт «оскорбление» имел место, то выражены ли данные речевые действия в неприличной форме. Перед лингвистом-экспертом, как правило, ставится определенный круг вопросов [Стернин, Антонова и др. 2013, с. 18-19]. Компетенция лингвиста-эксперта будет ограничена рядом фактов [Стернин, Антонова и др. 2013], например: установление отнесенности спорного высказывания / текста к

конкретному лицу; установление отсутствия/наличия речевого акта оскорбления; установление формы передачи информации – приличная / неприличная. Тем не менее, в компетенцию лингвиста-эксперта не входит «юридическая (правовая) квалификация деяния, установление вины и ее форм (умысел или неосторожность, вид умысла), мотивов правонарушения» [Ярощук, Жукова, Долженко 2020], так как квалификация умысла является сферой компетенции юриста. Также лингвист-эксперт не может оценить, был ли причинен моральный вред человеку и сделать вывод об оправданности / неоправданности речевого поведения лиц.

Таким образом, теоретические аспекты проведения лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления (по разным категориям дел) в составе текста лингвистической экспертизы опираются на общие требования и положения, предъявляемые к лингвисту-эксперту и лингвистической экспертизе. Автор лингвистической экспертизы должен опираться на принципы комплексного анализа текста с учетом знаний кодексов РФ (трудового, уголовно-исполнительного, гражданского, об административных правонарушениях и т.д.), доступности изложения экспертного заключения, научной обоснованности проводимой лингвистической экспертизы, персональной ответственности за результат экспертизы. Лингвист-эксперт должен следовать экспертной форме и быть компетентен в сфере своей деятельности. Перед автором лингвистической экспертизы стоит задача установления факта оскорбления с точки зрения закона, т.е. с учетом лингвистических признаков унижения чести и достоинства, использования неприличной языковой формы (на фоне развертывания диспозиции уголовно-правовой нормы – полюсов положительного имени и социальной оценки потерпевшего, включенной в негативную оценку лица), а выводы лингвиста-эксперта должны быть логически выстроены, научно обоснованы, доступно изложены, в выводах должна присутствовать однозначность и отсутствовать размытость понятий.

Актуальные проблемы права и СМИ: материалы первой российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. – Москва, 1997. – 184 с.

Галяшина Е.И. Разграничение деятельности судебного эксперта-лингвиста: компетенции, методы, технологии // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. – № 15. – С. 104-129.

Жельвис В.И. Вербальная агрессия // Юрлингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 228-233.

Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «Оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. – М.: ООО Издательская группа Юрист, Верховный Суд РФ, 2011. – № 9. – С. 15-20.

Лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.neoexpert.ru/node/117> (дата обращения: 11.10.2023).

Малышева Е.В. Вербально-тактильный композит в коммуникативном пространстве диалога // Научный журнал «Дискурс-Пи». Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018. – №1 (30). – С. 24-28.

Малышева Е.В. Особенности реализации психоэмоционального статуса личности в вербально-тактильном взаимодействии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 104-113. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 09.10.2023).

Малышева Е.В. Рецензия на коллективную монографию «Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс» / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 400 с. [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022. – № 3. – С. 107-110. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 09.10.2023).

Малышева Е.В., Скаковская Л.Н. Вербально-тактильный конструкт как способ интерпретации психоэмоциональных состояний участников диалога [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020. – № 4. – С. 1-4. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 10.10.2023).

Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. – М.: Институт языкознания РАН, ТвГУ, 2011. – 310 с.

Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – Тверь, 2013. – Вып. 1. – № 11. – С. 33-41.

Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / Под науч. ред. И.А. Стернина. – Ярославль: Канцлер, 2013. – 80 с.

Ярошук И.А., Жукова Н.А., Долженко Н.И. Лингвистическая экспертиза: учебное пособие. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – 96 с.

А.В. Мартиросова, А.И. Моргунова (Краснодар)

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В данной статье рассматривается категория эмотивности в текстах экстремистского характера. Предпринята попытка выделения и классификации языковых средств ее репрезентации. Авторы разграничивают понятия «эмотивность», «эмоциональность» и «экспрессивность», а также выявляют связи между эмотивностью и оценочностью, изучают способы выражения эмоций на разных языковых уровнях. В качестве материала для исследования послужили отрывки из двух текстов неоязычников экстремистского характера.

Ключевые слова: эмотивность, оценочность, эмоциональность, образное мышление, коннотация, денотат, экстремизм, синтаксис, стилистические фигуры, экспрессивность

Abstract. This article examines the category of emotiveness in extremist texts and attempts to identify and classify the linguistic means of its representation. The authors distinguish between the concepts of “emotivity”, “emotionality” and “expressiveness”, and also identify connections between emotivity and evaluativeness, and study ways of expressing emotions at different linguistic levels. The material for the study was excerpts from 2 texts by neo-pagans of an extremist nature.

Keywords: emotiveness, evaluativeness, emotionality, figurative thinking, connotation, denotation, extremism, syntax, stylistic figures, expressiveness

Эмоциональная сфера, бесспорно, является одним из самых сложных и малоизученных образований. В настоящее время предпринимаются попытки ее изучения учеными различных областей знания: психологами, лингвистами, физиологами и др. В лингвистике принято разграничивать понятия «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессивность». Мы разделяем точку зрения И.А. Солодиловой и И.В. Шепеля о том, что «оценка тяготеет к денотативному блоку (дающему представление о существенных качествах объекта речи), эмотивность – к коннотативному (дающему дополнительную информацию о говорящем)» [Солодилова 2010].

Категория эмотивности представляет значительный интерес для ученых-лингвистов с точки зрения выражения в письменном тексте авторской интенции. В частности, ее изучение представляется важным в рамках судебного речеведения, например, автороведения и семантических исследований. От того, как будет истолкован спорный текст, напрямую зависит результат и качество судебной лингвистической экспертизы.

В последнее время в судебной лингвистике растет число дел, предметом рассмотрения которых становятся тексты экстремистской направленности. Согласно данным, опубликованным на официальном сайте МВД России, в 2019 году было зарегистрировано 257 уголовных дел по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к экстремистской деятельности»), в 2020 и 2021 годах – 340 и 438 соответственно. В связи с этим мы считаем важным и актуальным исследование экстремистских текстов с разных сторон, в частности, выявления особенностей реализации категории эмотивности.

Как именно репрезентируется эмотивность в текстах экстремистского характера? Для ответа на этот вопрос рассмотрим конкретные примеры.

В книге А.В. Трехлебова «Кошуну Финиста Ясного Сокола России» читаем: *«Ныне иудодемократы проводят в России перестройку по ветхозаветному сценарию и, как не зря в народе говорят, «подводят под монастырь» честных, невинных людей, дают возможность Сиону перейти с «вялотекущего погрома» на ничем не прикрытое уничтожение Русского народа»* [Трехлебов 2004].

В данном отрывке авторская интенция проявляется на разных языковых уровнях, например, на лексическом. Обратим внимание на слово «иудодемократы». Отметим, что, согласно нашим наблюдениям, неязычники активно оперируют этим понятием, причем данная лексическая единица не выходит за рамки употребления данной группы лиц. Заметим, что корень «иудо-» отсылает нас к еврейскому народу, а согласно идеологии неоязычников, евреи являются главным врагом

«славяно-арийской» расы. Мы предполагаем, что негативная оценка в результате сложения основ переносится на слово «демократы», поэтому слово «иудеодемократы» несет отрицательную коннотацию.

Кроме того, автор использует идиому «подводят под монастырь», которая в справочнике по фразеологии дана с пометой «прост.» и обозначает «поставить кого-л. в затруднительное, неприятное положение, подвести под наказание». Отдельного внимания заслуживает слово «Сион»: во-первых, оно является топонимом, названием холма в Иерусалиме; во-вторых, используется как метафора для обозначения еврейского народа. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в словарной статье «Сион гора» находим: «В Св. Писании С. называется просто С., городом Давидовым, горою святою, жилищем и домом Божиим, царственным городом Божиим, принимается за самый Иерусалим, за колено Иудино и царство Иудейское, за всю Иудею и за весь народ Иудейский» [Брокгауз, Ефрон 1891]. Следовательно, мы считаем, что в данном тексте используется метонимический перенос.

На синтаксическом уровне также наблюдается ряд особенностей. Например, в тексте используется вставная конструкция «как не зря в народе говорят». Такого рода вставки в статье О.А. Турбиной «Природа эмотивного синтаксиса и его категорий» именуется интеркаляцией (помещение какого-либо элемента предложения между членами предикативного ядра). Автор статьи относит интеркаляцию к специфическим грамматическим средствам, служащим для выражения эмотивности в тексте [Турбина 2013]. По этой причине мы склонны считать конструкцию «как не зря в народе говорят» частью эмотивного синтаксиса.

Также отметим наличие в тексте однородных членов: «честных, невинных людей». Традиционно использование однородных членов в лингвистике относится к стилистическим фигурам, которые призваны передавать авторскую интенцию. Слово «невинный» в данном тексте расценивается нами как носитель оценочного значения. В «Толковом словаре» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим толкование: «1. Не имеющий за собой вины, провинности. *Невинная жертва.* 2. Чистосердечный, простодушный, наивный» [Ожегов 2006, с. 402]. Слово «простодушный» в том же источнике имеет толкование «бесхитростный и добрый» [Ожегов 2006, с. 621]. Доброта в обществе считается положительным качеством личности, как и честность. На основании словарных данных выстраиваем следующую цепочку: «невинный – простодушный – добрый» и приходим к выводу о том, что слово «невинный» выступает выразителем позитивной оценки. Слово «честный» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет следующие значения: «1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный. *Ч. человек. Ч. труд. Поступить честно* (нареч.). *Честные намерения. Ч. взгляд.*

2. Заслуживающий уважения, безупречный. *Честная жизнь. Честное имя. Ч. заработок* (трудоустрой). * *Честное слово* – уверение в искренности, правдивости чего-н.». Слово «искренний» там же используется для толкования дефиниции «Чистосердечный», которая, в свою очередь, входит в понятие «Невинный». Это дает основания для того, чтобы считать слова «невинный» и «честный» контекстуальными синонимами. Синонимия же в статье Ю.Н. Эбзеевой и Г.Н. Ленко «Лексические средства выражения эмотивности» обозначена как распространенный прием в эмотивной коммуникации [Эбзеева, Ленко 2016].

В тексте присутствуют выражение «вялотекущий погром» и слово «уничтожение», причем «вялотекущий» погром сменяется уничтожением. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «погром» означает: «1. Шовинистическое выступление против какой-н. национальной или иной группы населения, сопровождающееся грабежом и убийствами. *Каратели учинили п. 2. Полный беспорядок; разгром (разг.). В квартире настоящий п.*». Анализ семантики данных слов позволяет прийти к выводу о том, что они являются предикатами негативной оценки и, следовательно, выражают авторское отношение к действиям, которые он приписывает евреям. Возникает вопрос о том, какими отношениями они связаны друг с другом. С одной стороны, погром – понятие, близкое по смыслу к слову «уничтожение», с другой – мы не можем считать слова «погром» и «уничтожение» синонимами, так как, во-первых, понятие «погром» – более широкое, оно не обязательно означает уничтожение, истребление кого-либо. Кроме того, в анализируемом отрывке оно связано с прилагательным «вялотекущий», образованное от слов «вялый» и «текущий». Слово «вялый» в Большом академическом словаре интерпретируется как «2. Медлительный, слабый». Таким образом, А.В. Трехлебов пишет о том, как один процесс, более радикальный, сменяет другой, более вялый, слабый, медленный [Трехлебов 2004]. В связи с этим мы отмечаем наличие в тексте градационных отношений. Градация, в свою очередь, относится к средствам выразительности, служащим для передачи авторских эмоций. Мы считаем, что автор текста использует данный прием, чтобы, во-первых, внушить читателю негативное отношение к определенной группе лиц, во-вторых, для усугубления сообщаемых переживаний.

При анализе данного отрывка мы заметили, что автор использует слова и выражения, относящиеся к разным функциональным стилям. Так, в начале предложения видим слово «ныне», которое в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет пометы «книжн., устар., высок.», при этом далее употребляется идиома «подводят под монастырь», которая в справочнике по фразеологии дана с пометой «прост.». Такой выход за рамки одного стиля характерен для художественных и публицистических текстов. Экстремистские тексты, как правило, создаются для воздействия

на адресата, внушения ему идей экстремистской организации, поэтому мы считаем, что «Кошкунь Финиста Ясного Сокола России» могут быть отнесены к публицистике, и, следовательно, использование в нем слов разных стилей является приемом, выполняющим эмотивную и экспрессивную функцию.

В книге А.А. Добровольского «Об идолах и идеалах» находим отрывок: *«Не надо быть шибко грамотным, чтобы знать: корова не летает, кошки не несут яйца, а живое из неживого зародиться не может. Чем наши «ненаучные» соображения хуже бесчисленного количества научных однодневок, постоянно сменяющих одна другую под названием очередных «рабочих гипотез»? Среди самих биологов и физиков, геологов и космологов так же мало согласия в отношении их теорий, как и между этими теориями и Учением Древней Мудрости. Но каждый вдумчивый, добросовестный и непредубежденный исследователь-натуралист интуитивно чувствует правоту этого Учения, хотя бы он и не может доказать это. Тот же, кто, догадываясь о Великой Тайне Природы, всё же остается либо атеистом, либо монотеистом, должен быть безнадежным обалдуем»* [Добровольский 2007]. Проанализируем его.

В первую очередь бросается в глаза та же стилистическая неоднородность, что и в тексте А.В. Трехлебова. Так, среди нейтральной лексики встречается слова: «шибко» (в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой помету «разг.-сниж.»), «однодневка» (в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано с пометами «разг., неод.»), «обалдуем» (в Толковом словаре Д.И. Ушакова помечено как просторечное и бранное). Кроме разговорных и просторечных слов, в тексте присутствуют научные термины: «гипотез», «теорий», «исследователь».

На синтаксическом уровне отмечаем наличие однородных определений, обладающих значением оценки: «вдумчивый», «добросовестный», «непредубежденный». Помимо однородных членов предложения, текст осложнен фразеологическим оборотом: «корова не летает». Заметим, что последующие конструкции «кошки не несут яйца», «живое из неживого зародиться не может» явно построены по аналогии с предшествующим фразеологизмом (иными словами, в тексте используется такой прием как синтаксический параллелизм). Мы предполагаем, что таким образом автор данного текста подчеркивает свое несогласие с традиционными научными гипотезами о возникновении жизни.

Вдобавок к этому, стоит обратить внимание на слово и словосочетание, взятые в кавычки: «ненаучные» и «рабочих гипотез». С одной стороны, наличие кавычек зачастую «переворачивает» смысл слова и служит как прием иронии в тексте, с другой – они используются для оформления цитат. По нашему мнению, заключив слово в кавычки, автор передает иронию.

Также в тексте используется такой прием, как сравнение: *«Среди самих биологов и физиков, геологов и космологов так же мало согласия в отношении их теорий, как и между этими теориями и Учением Древней Мудрости»*. Мы считаем, что благодаря ему автор выражает отношение к своим воображаемым оппонентам, намекая на несогласие между учеными разных отраслей науки, чтобы обосновать несостоятельность их обвинений в ненаучности идей неоязычников. Вдобавок, словно в ответ на их претензии он пытается обесценить их научные достижения – теории, гипотезы.

Таким образом, использование всех указанных приемов наталкивает на мысль о том, что данный отрывок принимает форму спора и передает возмущение и несогласие автора со своими идейными противниками и, следовательно, служит для выражения эмотивности. Атмосферу спора подчеркивает также вопросительная интонация одного из предложений.

На лексическом уровне, отмечаем использование таких слов, как: «вдумчивый», «добросовестный», «непредубежденный», «однодневок», «безнадежным», «обалдуем». Мы считаем, что каждое из них является в данном тексте оценочным предикатом, выражает эмоциональное отношение автора. Слова можно условно разделить на две группы:

- 1) относящиеся к сторонникам идей неоязычников;
- 2) относящиеся к противникам этих идей.

К первой группе отнесем слова: «вдумчивый», «добросовестный», «непредубежденный». Ко второй: «однодневок», «безнадежным» и «обалдуем». Проанализируем каждое из них. Слово «вдумчивый» в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет следующее значение: «склонный сосредоточенно мыслить, глубоко вникающий во что-н.»; «добросовестный»; «честно выполняющий свои обязательства и обязанности». Среди ученых вдумчивость и добросовестность считаются положительными качествами, следовательно, указанные слова выражают позитивную оценку. Слово «непредубежденный» образовано от существительного «предубеждение», которое в этом же словаре означает: «предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-чему-н.». Следовательно, слово «непредубежденный» является положительной характеристикой и обозначает человека, который относится к чему-либо непредвзято.

В отличие от первых трех слов, слова второй группы несут отрицательную коннотацию, что следует из словарных помет: разг., неод., бран. Слово «однодневка» в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой означает: «2. То, что живет очень недолго, не оставляет после себя следа (о произведении искусства, книге, слове)». Таким образом, автор выражает негативное, презрительное отношение к научным теориям, не совпадающим с его идеями. Слово «безнадежный» трактуется в словаре Д.Н. Ушакова как: «не позволяющий рассчитывать на

счастливым исход или улучшение». «Обалдуй» в словаре Т.Ф. Ефремовой означает: «Глупый человек, болван, невежа. Употребляется как порицающее или бранное слово». Последние два слова из второй группы относятся напрямую к людям, не принимающим идей А.А. Добровольского. Причем слово «обалдуй» связано с прилагательным «безнадежный», которое, по нашему мнению, выполняет функцию усиления.

Анализ обеих групп показал, что исследуемый отрывок строится на противопоставлении. Такой способ изложения весьма характерен для текстов экстремистского характера, так как для экстремистского сознания типично разделение всего на черное и белое.

Таким образом, категория эмотивности в текстах экстремистско-религиозного характера проявляется на разных языковых уровнях и выражается при помощи целого спектра речевых средств. На лексическом уровне наблюдается использование синонимии и антонимии. На синтаксическом уровне наблюдаем использование рядов однородных членов предложения и такого приема, как синтаксический параллелизм, а также вопросительных предложений. На уровне стилистики эмотивность выражается через сочетание лексики разных стилей в одном предложении. Для выражения своих эмоций авторы используют неологизмы, идиомы, а также средства выразительности, такие как метонимический перенос и градация.

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М.; СПб.: Наука, 2004–2021.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург, 1891. – URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/113890-%D0%A1%D0%B8%D0%BE%D0%BD%20%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 08.04.2023).

Добровольский А.А. Об идолах и идеалах. – Новая Земля, 2007. – 89 с. – URL: http://e-puzzle.ru/page.php?al=dobroslav_ob_idolax_i_i (дата обращения: 11.04.2023).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – 1–20 изд. (с 9 изд. под ред. Н.Ю. Шведовой). – М., 1949–1989.

Солодилова И.А. Проблемы моделирования эмоциональных концептов // Вестник Башкирск. ун-та. – 2010. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-modelirovaniya-emotsionalnyh-kontseptov> (дата обращения: 11.04.2023).

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1994.

Трехлебов А.В. Кошунь Финиста Ясного Сокола России. – Пермь, 2004. – 656 с.

Турбина О.А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-emotivnogo-sintaksisa-i-ego-kategoriy> (дата обращения: 11.04.2023).

Эбзеева Ю.Н., Ленько Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Русистика. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotivnosti-na-materiale->

О.В. Новоселова (Тверь)

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИМПЛИЦИТНЫХ ПРАКТИК-УГРОЗ

Аннотация. В статье поднимается проблема неоднозначности в толковании практик-угроз в юридической и лингвистической науке. Особое внимание уделено толкованию имплицитных практик-угроз, которые реализуются в конкретной ситуации социального взаимодействия и оказывают определенное прагма-эмоциональное воздействие на адресата.

Ключевые слова: угроза, менасив, лингвистическая экспертиза

Abstract. The article raises the problem of interpretation of threat practices in law and linguistic science. Particular attention is paid to the interpretation of implicit threat practices realized in a specific situation of social interaction with a certain pragmatic and emotional effect on addressee.

Keywords: threat, menasive, linguistic expertise

Вербальная угроза находится в фокусе внимания ученых-правоведов и лингвистов различных стран мира [Баранов 2014; Радбиль, Юматов 2015; Gales 2015]. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению феномена угрозы и разнообразные подходы к толкованию угрозы, приходится констатировать, что понятие угрозы представляет собой одно из самых неоднозначных понятий юридической науки и действующего уголовного законодательства [Коростылев 2004; Gales 2015], которое активно используется в экспертной деятельности как экспертов-юристов, так и специалистов в области лингвистической экспертизы текста.

В этой связи необходимо заметить, что удалось выявить лишь незначительное количество работ, посвященных изучению вербальной репрезентации угрозы как уголовно-правового феномена и системному описанию конкретных языковых средств, участвующих в выражении угрозы. В этих обстоятельствах уместно упомянуть результаты зарубежного исследования, в котором было высказано утверждение о том, что *чем* больше деталей содержится в высказывании-угрозе, *тем* оно опаснее и, наоборот, *чем* абстрактнее угроза, *тем* меньшую опасность она представляет [Turner, Gelles 2003]. При этом нельзя также упускать из виду, что в процессе изучения вербальной репрезентации высказываний-угроз как уголовно-правового феномена ученые, как правило, анализируют грамматические маркеры таких высказываний, в число которых входят различные типы предложений, а также те или иные глаголы и наречия [Gales 2015].

Целесообразно отметить, что отечественная юриспруденция также уделяет пристальное внимание вербальной составляющей в архитектонике угрозы [Фокин, Дворцов 2013], в частности, поднимая проблему выявления статуса угроз в экспертной практике лингвистических экспертиз [Баранов 2014; Радбиль, Юматов 2015]. Исследователи признают, что высказывание-угроза «является общественно опасным деянием и имеет воздействие на психику потерпевшего, как и угрозы, выраженные в каких-либо действиях» [Фокин, Дворцов 2013, с. 274].

Тем не менее, при всем многообразии трактовок феномена угрозы, становится понятным, что этот феномен не имеет общепризнанного определения в области правовых исследований. Очевидно, что для правовой оценки вербальной угрозы юристы, как правило, анализируют только эксплицитные средства ее поверхностной манифестации. Одним словом, оперируя понятием угрозы, правоведы оставляют без должного внимания те вербальные угрозы, в которых указание на негативные последствия для адресата угрозы представлены имплицитным путем. Так, из поля зрения исследователей выпадает целый класс имплицитных высказываний-угроз, т.е. таких высказываний, в которых значение побуждения под действием возможного наказания не выражено эксплицитным путем [Новоселова 2019]. Совершенно ясно, что обозначенный подход к пониманию угрозы не только ограничивает коммуникативное пространство вербальной угрозы в экспертной деятельности и затрудняет оценку того или иного высказывания как угрозы, но и указывает на необходимость применения лингвистической методологии для определения функционального предназначения высказываний.

Например, определенную сложность для лингвистической экспертизы представляет высказывание Джо Байдена *There's not much time left* (Biden, 2019), которое не содержит эксплицитного указания на возможность наступления негативных последствий для избирателей или представителей оппозиции, так как политик декларирует массовому адресату недостаток времени для осуществления необходимых реформ в стране. Тем не менее, оценка интенциональной направленности такого высказывания позволяет считать его менасивом в контексте предвыборной дискуссии [см. также: Романов, Новоселова 2023; Новоселова 2023]. Иначе говоря, отсутствие в поверхностной манифестации высказывания эксплицитного указания на негативные последствия не означает, что в нем отсутствует коммуникативная интенция угрозы.

Действительно, условия предвыборной дискуссии позволяют полагать, что реализация высказывания *There's not much time left* основана на следующей логической цепочке: политик декларирует избирателем факт отсутствия времени (в частности, отсутствие времени у граждан США для того, чтобы понять необходимость срочного решения проблемы,

связанной с загрязнением окружающей среды и изменением климата) и подразумевает необходимость смены власти в стране и выбора нового Президента, который сможет быстро и эффективно решить обозначенную проблему. Следовательно, высказывание Джо Байдена направлено на побуждение избирателей проголосовать за политика при косвенном упоминании возможных негативных последствий. Кроме того, из высказывания Джо Байдена понятно, что подразумеваемые политиком негативные последствия будут затрагивать благополучие избирателей. Ср. также предвыборные имплицитные менасивы: *We have a very short period of time to act* (Inslee, 2019); *It's time for a new era of progress to reform our political system* (Bennet, 2019).

Таким образом, для проведения лингвистической экспертизы имплицитных практик-угроз важно не только описать их языковые особенности, но и обратить внимание на аспект функционирования таких высказываний-угроз и их влияние на установление отношений между участниками политической дискурсии. Не вызывает сомнений, что обозначенное состояние изученности феномена вербальной угрозы указывает на необходимость разработки методологического инструментария, позволяющего в когнитивном плане осмыслить вербальную угрозу как целенаправленно реализуемое высказывание в определенной ситуации социального взаимодействия, принимая во внимание языковые средства ее поверхностной репрезентации и функционально-семантические характеристики. В этой связи перспективно обратить внимание на угрозу с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, в основе которого лежит представление об угрозе как о конструкте [Романов, Новоселова 2012; 2023]. Предлагаемый подход к описанию практик-угроз привлекает все большее число лингвистов в последние десятилетия, так как существенно расширяет стандартное представление об исследовании коммуникативных характеристик высказываний, позволяя не только описать языковые структуры, участвующие в формировании воздействующего потенциала высказываний-угроз, но и решить задачу всестороннего изучения интерактивного пространства жизненного сценария «угроза», используемого одним из коммуникантов для оказания определенного прагма-эмоционального воздействия на собеседника.

Gales T. Threatening Stances: a corpus analysis of realized vs. non-realized threats // *Language and Law*. – 2015, Vol. 2(2). – P. 1–25.

Turner J.T., Gelles M.G. Threat assessment: A risk management approach. – New York: Haworth Press, 2003. – 206 p.

Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2014. – №4 (36). – С. 139–147.

Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ставрополь, 2004. – 25 с.

Новоселова О.В. ИмPLICITные менасивы российского предвыборного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019. – № 4. – С. 153-168. – Режим доступа: www.tverlingua.ru.

Новоселова О.В. Менасивные высказывания в предвыборном дискурсе Д. Байдена // Языки и культуры в современном мире: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва, 13–14 ноября 2022 г.). – М.: Издательство МЭИ, 2023. – С. 221-223.

Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Юридические науки. – 2015. – № 9. – С. 108–111.

Романов А.А., Новоселова О.В. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2012. – №3. – С. 6-16.

Романов А.А., Новоселова О.В. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США. – М.: Флинта, 2023. – 240 с.

Фокин М.С., Дворцов В. Е. Уголовно-правовая характеристика угрозы как вида психического насилия // Вестник ТОГУ. Политология, социология и юриспруденция. – 2013. – №4(31). – С. 273–278.

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова (Тверь)

СПЕЦИФИКА СУДЕБНОГО ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОФАЙЛИНГА

Аннотация. В работе делается акцент на значимости ряда профайлинговых черт (вербально-семиотических факторов), способствующих выявлению установок личности, персонального «голоса» своего Я и демонстративной Я-модальности говорящего субъекта и как homo loquens, и как когнитивного агента, и как участника судебного процесса на предмет верификации спродуцированных им вербально – авербальных действий. Авторы предлагают экспертам-верификаторам шире использовать элементы профайлинга для выявления личностных установок говорящего субъекта на истину / ложь и на репрезентацию фактуальности (или референтности: «было / не было») семантико-тематического содержания продуцируемых вербально – авербальных действий.

Ключевые слова: верификация, демонстратив, дискурсивная практика, лингвист-профайлер, профайлинг, семантико-тематическое поле, факт

Abstract. The work focuses on the importance of a number of profiling traits (verbal-semiotic factors) contributing to the identification of personality settings, the personal "voice" of the self and demonstrative I-modality of the talking subject both as homo loquens and as a cognitive agent, and as a litigant for the verification of his verbal – non-verbal actions. The authors suggest that verifiers-experts more widely use elements of profiling to identify the personality settings of the talking subject to the truth / lie and representation of factuality (or reference: «was / was not») semantic-thematic content of the resultant verbal – non-verbal actions.

Keywords: verification, demonstrative, discursive practice, linguist-profiler, profiling, semantic-thematic field, fact

Междисциплинарное направление, условно именуемое как «дискурсивизация социального мира» или «критический дискурс-анализ», проявившее себя в последнюю четверть XX века в качестве центра («антропоцена») аналитических исследований социально-вербального поведения человека в «сценариях жизни» окружающей его действительности, способствовал не только выработке интегративных методов изучения социально-вербальных действий самого человека говорящего (*homo loquens*), но и уточнению методов анализа его социально-вербальных действий и как говорящего субъекта, и как когнитивного агента с целью вскрыть и описать характеристики механизма «речи, присваиваемой говорящим» [Бенвенист 1974] в процессе коммуникативного обмена.

Мысль о том, что в интерактивном процессе коммуникативного обмена информационными посланиями невозможно адекватно описать функциональную природу языка и его единиц без учета когнитивных процессов и механизмов человека говорящего как *homo loquens* была высказана отечественными и зарубежными учеными более четырех десятилетий тому назад [Леонгард 2023; Найссер 1981]. В частности, И.П. Сусов особо подчеркивал инструментально-посредническую функцию языка между человеком и окружающим его миром, отмечая, что «функции языка как орудия коммуникации и как орудия познания мира связаны неразрывно. Язык есть по своему назначению когнитивно-коммуникативная система. Изучая тот или иной язык, надо не упускать из вида неразрывную связь двух главных его функций – когнитивной и коммуникативной» [Сусов 2007, с. 51].

Исследователи зафиксировали, что язык способен формировать (образовывать) такие структуры и дискурсы в виде «особых способов общения и понимания окружающего мира или его отдельных аспектов», которые в процессе интерактивной реализации их участниками того или иного способа общения «не только отражают мир его идентичности и социальные взаимоотношения [*т.е. мир своих личных, национальных, социальных и культурных идентичностей.* – Прим. А.Р., Л.Р.], но, напротив, они играют активную роль в его создании и изменении» [Филлипс, Йоргенсен 2004, с. 15].

Становится очевидным, что дискурсивные структуры в виде дискурсивных практик активно принимают участие в создании и изменении как окружающего мира, так и самого человека в нем. Тем самым признается, что мир не дан человеку непосредственно, а создается (конструируется) человеком говорящим и интерпретируется им в процессе активного общения или коммуникативно-дискурсивного обмена вербальными структурами. В этом процессе любой его участник не только интерпретирует наблюдаемый им процесс взаимодействия (*т.е. саму суть коммуникативного обмена*) с собеседником / собеседниками, но также он

интерпретирует одновременно и саму *ситуацию, событие* и сложившееся *положение дел вокруг себя* с учетом (или в зависимости от) своих личностных установок, понимания и оценки того, что его окружает [Демьянков 2023; Карасик 2015; Мисонжников 2023; Романов 1988; Романов 2020]. В таком интерпретативном комплексе человек говорящий как когнитивный агент использует (опирается на) имеющуюся у него интегративную систему знаний, которая способствует возникновению в его конциентальной (ментальной) сфере некоторого целостного коммуникативно-когнитивного образования или «коммуникативно-когнитивного дискурса-конструкта» [Романов 1988; Романов 2020; Романов, Сорокин 2004; Романова 2005].

Существующая практика интенсивного изучения динамики процессов и явлений вербально-социального поведения человека с использованием методологии дискурсивного анализа показывает, что на современном этапе развития лингвистики становится всё более очевидным стремление к неизбежному сближению или «синтезу» лингвистики, коммуникативистики и когнитивистики [Мисонжников 2023; Романов 1988; Романов 2020; Романов, Сорокин 2004; Романова 2005]. При этом отмечается, что характерной и отличительной чертой любого дискурсивного взаимодействия является наличие акта взаимной презентации своего внутреннего мира одного участника другому участнику. При этой презентации каждый участник такого взаимодействия пресуппозитивно исходит из того, что его партнер (или собеседник) обладает наличием своего внутреннего мира.

Понятие внутреннего мира трактуется в данном случае достаточно широко и охватывает установочные знания (установки) участников на дискурсивное взаимодействие, т.е. на развертывание типовой фрейм-структуры (Ф-структуры) тематического пространства как комплексного единства (конструкта), объединяющего в ментальном пространстве субъекта языковую форму, набор типовых («тематических», по В.Н. Волошинову [Волошинов 1929]), знаний и соответствующий скрипт («программу», которой следует мозг) в виде фиксированного набора дискурсивных действий [Романов 2020, с. 44-86]. Отметим, что установочные знания тесно взаимодействуют с прагматическими знаниями, иллюкативными знаниями, а также языковыми, энциклопедическими, ситуативными, регулятивными знаниями и знаниями логических предпосылок [Романов 1988; Романов 2020].

Становится очевидным, что при производстве психолингвистической экспертизы (от: «психолингвистики») как самостоятельного научного направления, предметом которого является речевое поведение человека в его комплексном виде) для исследования верификации («истинно» versus «ложно») функционально-семантического объема и иллюкативно-прагматической (целевой) направленности продуцируемых дискурсивных

практик лингвист-верификатор реализует свою компетенцию, которая призвана решать задачи по *а)* установлению фактуальной референтности таких практик и *б)* выявлению условий целевой реализации личностной установки (т.е. «голоса» Я-модальности) автора таких практик.

Реализуя такую компетенцию, лингвист-верификатор стремится использовать наряду с инструментальными методами психолингвистической экспертизы также и элементы профайлингового метода или профайлинга (от англ. «profile» в значении «профиль»). По сути, профайлинг представляет собой «синтезированную» совокупность элементов ряда лингвопсихологических, психолингвистических, лингвосемиотических и лингвокогнитивных методов, призванных дать прогностическую «оценку» «демонстративного» вербально-авербального поведения человека говорящего [Енгальчев, Кравцова, Холопова 2017; Леонгард 2023; Романов, Сорокин 2004; Малышева 2021, 2022; Романов, Малышева 2019].

Основу такого анализа составляют отдельные, точнее – частные, но наиболее информативно-значимые признаки или факторы [Енгальчев, Кравцова, Холопова 2017; Леонгард 2023; Романов, Сорокин 2004; Романова 2005]. К таковым чаще всего относят существенные характеристики внешности, костюма, наблюдаемые особенности дискурсивного (вербального или речевого, словесного) и авербального (несловесного, неречевого, соматического, телесного) поведения, а также вегетатику, принятые этнические формы культуры, психосоматические и соматографические карты и их вербо-культурные субстраты [Романов, Сорокин 2004]. Другими словами, анализируется всё то, что может способствовать «неинструментальной» детекции лжи. Верификаторы-практики утверждают, что, например, оценка детекции лжи, полученная «неинструментальными» методами (ср. у В.С. Выготского: «неинструментальные» методы в психологии [Выготский 1982]) сопоставима в плане точности, достоверности и «надежности» с оценкой, полученной методами «инструментальной» оценки с помощью полиграфа или детектора лжи.

Рассмотрим пример анализа текстового скрипта видеофрагмента (2) с применением элементов профайлингового метода, используемого для проверки показаний несовершеннолетнего истца (А) по обращению представителя защиты (Э) с участием матери истца (М), штатного психолога (П) и оператора съемки (О).

Курсивом выделены авербальные действия участников видеофрагмента, используемого для проверки показаний несовершеннолетнего истца.

Видеофрагмент (2):

М: держит А за левую руку. Вторая рука находится в кармане куртки.

Э: А что было на полу здесь? Когда ты искала здесь печенья (взгляд М опускается вниз на пол и вновь поднимает глаза)?

А: Про ковер? Ну, ковер был (М бросает взгляд вниз вновь и резко смотрит в глаза А, но А не уловила ее взгляд).

Э: Ковер был?

А: Ну, ковер был. И... Вот тут сумка наша, обувь с вещами. И всё (мать А одобрительно кивает головой, когда А говорит про сумку). Ну и миска с этой... с собакой (рукой показывает в направлении, где была миска. М вновь смотрит быстро в глаза А). И это ммм... (интонация меняется, произносит уверенно) ботинки (и опускает руку М; М начинает внимательно следить за А). И всё.

Э: Где были ботинки? (во время вопроса М и А посмотрели в одну точку / вниз (не в разные места), где предположительно стояли ботинки; руки А соединены «в замок» / одна покрывает другую; мать (М) А не вынимает левую руку из кармана, но правая рука свободна, слегка направлена к А).

А: Ммм... здесь (указательным пальцем правой руки показывает под ноги; рука движется из стороны в сторону). Ну, нет (поднимает руку выше, указательным пальцем показывает в сторону; мама выравнивает руку). Ботинки были за дверью там (мать (М) А глазами внимательно следит за жестами А, одобрительно моргает (опускает веки). При произнесении слов девочка заключает руки «в замок» / кладет одну руку на другую). Там стояли. Вот и все (глубокий вздох. мать (М) А откидывает голову, зрачки быстро двигаются) больше ничего не было (немного мотает головой).

Э: Ясно. А ботинки чьи за дверью стояли? (после этого вопроса мать (М) А резко бросает взгляд на А и следит за ее дальнейшими словами).

А: Ммм... Мои (Мать опускает голову, смотрит в пол)... мамыны... брата... и (А опускает голову вниз, глаза смотрят в одну точку, также вниз и влево).

М: После длинной паузы на слове «брата» резко смотрит на А, толкает ее в бедро (между М и А расстояние не менее 10-15 см. А слегка повернулась к М).

М: (еще раз толкает А в бедро несколько раз более интенсивно, на уровне кисти руки А, поворачивается к ней, пытается уловить взгляд) Если ты не можешь вспомнить, то и...

Э: А что означают ваши движения?

М: Ничего (поднимает резко свою руку, пытается схватить руку А). Я просто держу ребенка (хватает своей рукой руку ребенка «в замок»), чтобы она не переживала.

Э: Нет-нет.

М: Я взяла ее за руку, чтобы она не переживала (речь становится прерывистой, волнение).

Э: Вы начали толкать ее в бедро.

М: Я взяла ее за руку (поднимает руку дочери своей рукой, демонстративно показывая руки), чтобы она не переживала.

Э: Но перед этим вы начали толкать ее в бедро (во время вопроса М отвернулась, смотрит в бок и в пол).

М: Вот вы прям сейчас чего добиваетесь?

Э: Я фиксирую и вас прошу...

М: (перебивает) Вот вы зафиксировали? Вот... вот это? И всё (волнение).

Э: Но перед этим вы начали с того, что вы начали толкать. Увидев, что...

М: (перебивает, повышает голос) Потому что у ребенка рука была спрятана!

Э: Увидев, что я обратил на это внимание, вы взяли ребенка за руку.

М: Если вы не заметили, я всё следственное действие держу ребенка за руку (вновь поднимает руку дочери своей рукой, демонстративно показывая руки).

Голоса за кадром (П): Давайте, вопрос – ответ.

А начинает смотреть из стороны, подносит свободную руку к лицу.

Э: Штатный психолог?

Голос за кадром (П): Да

Э: Ну так, которая составляла справку?

Голос за кадром (П): Да

Э: Ясно.

П: Всё как я понимаю. Каких-либо замечаний нет.... (*спрашивает всех...*)

Во время дальнейшего разговора А постоянно трогает маску на лице, дотрагивается пальцами до носа, трет двумя пальцами нос, поправляет маску, склоняет голову, подносит и держит руку у кончика носа, ближе ко рту, трет рот, проводит руками по рту. Затем опускает руку ниже и начинает трогать волосы и накручивать их на палец, движение глазами, в том числе вниз и влево.

Голос за кадром (П): Просто прекращаем перепалку. *Обращается к истцу по имени:* А, у тебя есть что-то еще дополнить?

А: Мотает отрицательно головой.

О: На этом видеозапись приостанавливается для дальнейшего направления в ... межрайонный следственный отдел Следственного управления Следственного отдела Российской Федерации по ... области для просмотра видеозаписи следственных действий и составления протокола (Мать А одобрительно моргает, кивая головой).

Дополним некоторые авербальные действия участников общения лексикографическими сведениями, способствующими декодированию этих невербальных знаков:

Толкать – содействовать своим вмешательством развитию чего-либо, побуждать к чему-нибудь (Ожегов 2011, с. 1177).

Толкать – Касаться кого-либо коротким, резким движением, толчком // Несильным толчком подавать какой-либо знак, обращать чье-либо внимание на что-либо. *Батюшка Петр Анореч! – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямся!* Пушкин, Капитанская дочка (Словарь русского языка, т. 4, 1961, с. 512).

Толчок – резкое прикосновение или удар (производимый движением от себя). *Ночью Дубов проснулся от сильного толчка в бок.* Фадеев. Разгром (Словарь русского языка, т. 4, 1961, с. 516).

Толчок – резкий, короткий толкающий удар. *Толчок в бок* (Универсальный словарь по русскому языку 2009, с. 953).

Держать – 1. Взяв в руки (в зубы, в рот и т.п.) ухватить за что-нибудь, не давать выпасть, вырваться. *Держать ребенка за руку.* 2. Придав чему-нибудь какое-нибудь положение, сохранять в нем. 3. Заставлять находиться или оставлять в каком-нибудь месте, состоянии (Ожегов 2011, с. 251).

Держать – 1. Взяв в руки (в зубы, в рот и т.п.), не давать выпасть. *Большая птица с горбатым клювом сидит на платане. И эта птица держит в клюве другую, маленькую. Каверин, Два капитана.* 2. Схватив, ухватив за что-либо, не отпускать от себя и не давать двигаться. 3. Заставлять находиться в каком-либо состоянии, положении (Словарь русского языка, т. 1, 1961, с. 525-526).

Держаться – приложив руку к чему-либо или взявшись рукой за что-либо, сохранять ее в этом положении (Словарь русского языка, т. 1, 1961, с. 525).

При проверке показаний участников судебного разбирательства важно принять во внимание слова Пола Экмана о том, что верификатор «никогда не должен полагаться только на один признак обмана, их обязательно

должно быть несколько. Выражения лица должны сопровождаться соответствующими интонациями, словами или жестами. Даже если рассматривать только лицо, не стоит судить по отдельным проявлениям, если они не повторяются или, еще лучше, не подтверждаются другими выражениями.

Что же касается всех остальных эмоциональных выражений, то для них обычно достаточно и доли секунды, и лишь иногда некоторые из них могут длиться до нескольких секунд. Их появление и исчезновение могут быть как резкими, так и постепенными – это зависит от окружающих условий» [Экман 2010, с. 84].

Уместно также привести замечание П. Экмана о том, что «иллюстраций становится меньше и когда человек говорит нерешительно. Если кто-то тщательно взвешивает каждое слово, предварительно обдумывая сказанное, он не будет много иллюстрировать. Число иллюстраций снижается всегда, когда говорят с осторожностью» [Экман 2010, с. 61].

Дополним авербальные действия участников общения в видеофрагменте (2) еще некоторыми лексикографическими сведениями:

Бегающие глаза, взгляд, отведенный в сторону или направленный в пол (что у ребенка служит признаком в крупном проступке или глупости), входят в число телодвижений или поз, призванных скрыть что-либо (Мессинджер 2015, с. 273).

Дотронуться до носа – *жест лжи* (Мессинджер 2015, с. 275).

Руки, которые не держат на виду, – *это руки лжеца*. Таково правило (Мессинджер 2015, с. 276).

Левый карман. «Маньяки левого кармана» – это чистой воды эмоциональные личности. Данный рефлекс проявляется у них в тот момент, когда они чувствуют, что не справляются с ситуацией или сбиты с толку возникшим контекстом событий (Мессинджер 2015, с. 219).

Кивок головой – одобрение речи собеседника (Мессинджер 2015, с. 217).

Человек, у которого при переплетении пальцев большой палец левой руки оказывается сверху, идет на поводу у мимолетного порыва и ориентируется на вдохновение. Очень часто он в большей степени полагается на знания или опыт, приобретенные за счет собственных усилий и ошибок, и руководствуется инстинктом или интуицией (Мессинджер 2015, с. 553).

Теперь обратим внимание на речевой акт оправдания, который используют в следующих речевых фрагментах участники А, М и Э. Так, М в ответ на вопрос, заданный Э «А что означают ваши движения?», отвечает: «Ничего» и сопровождает свой ответ невербальными элементами «*поднимает резко свою руку, пытается ухватить руку ребенка*». В ответ на утверждение Э «*Вы начали толкать ее в бедро*» М повторяет аналогичное комплексное вербально-невербальное действие «*Я взяла ее за руку, чтобы она не переживала*» (речь сопровождается невербальными элементами «*поднимает руку дочери со своей рукой и демонстративно показывает руки*»).

В ответ на утверждение Э: «Увидев, что я обратил на это внимание, вы взяли ребенка за руку», М третий раз повторяет данное комплексное действие: «Если вы не заметили, я всё следственное действие держу ребенка за руку (*вновь поднимает руку дочери своей рукой, демонстративно показывая руки*)». Кроме того, во время ответов М повышает голос и перебивает Э, не дав закончить ему начатого предложения.

Таким образом, становится очевидным, что проведенный анализ демонстративных практик с видеоматериалами подтверждает целесообразность применения элементов профайлинга [Профайлинг 2023] в сетевом ресурсе Интернет, а также при описании видеоматериалов проверки показаний на месте предполагаемых происшествий с целью выявления психолингвистических и лингвопсихологических признаков (факторов) достоверности или недостоверности сообщаемых сведений (информации) лицами, участвующими в уголовном деле для ответов на поставленные органами следствия вопросы.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л.: Прибой, 1929. – 157 с.

Демьянков В.З. Маневрирование в обыденной коммуникации и в поэзии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. – 2023. – № 2. – С. 6–18 (дата обращения: 21.08.2023).

Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. О возможности производства судебной психологической экспертизы по выявлению признаков достоверности / недостоверности информации, получаемой от участников уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 3 (32). – С. 237–242.

Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2015. – № 1. – С. 73–79.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

Леонгард К. Акцентуированные личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Онлайн Библиотека <http://www.koob.ru> (дата обращения: 21.08.2023).

Мальшева Е.В. «Диалог без слов» или прикосновение как базовая единица диалогического взаимодействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – № 4. – С.111–128. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.10.2023).

Мальшева Е.В. Особенности маркирования вербальных компонентов в английской диалогической речи [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022. – № 1. – С. 88–102. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.10.2023).

Романов А.А., Мальшева Е.В. Место и роль вербально-тактильных коннекторов в формировании комплексных регулятивных конструкций диалога // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 22-23 ноября 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), С.В. Мыскин, В.П. Синячкин. – М.: ООО «Агентство социально-

гуманитарных технологий», 2019. – С. 33–43.

Мисонжников Б.Я. Когнитивная лингвистика: концептуализация мира в процессе формирования сознания // Прологомены когнитивной безопасности: монография. / Под ред. И.Ф. Кефели. – СПб.: ИД «Петрополис», 2023. – С. 151–182.

Найссер У. Познание и реальность. – М.: Мысль, 1981. – 232 с.

Профайлинг // Wikipedia.org [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.08.2023).

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: Системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – 253 с.

Романова Л.А. Принцип контрарности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. «Акмеология образования». – 2005. – Т. 11. – № 2. – С. 36–43.

Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник. – М.: Восток – Запад, 2007. – 379 с.

Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 103–108.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 479 с.

Лексикографические источники

Мессинджер Ж. Словарь жестов. Как читать мысли без слов. – М.: Рипол Классик, 2015. – 716 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: ООО «Издательство Оникс», Издательство «Мир и образование», Издательство «Астрель», 2011. – 736 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Ред.: Кожина Л.А., Резникова З.А., Гороховникова Е.Н., Шевелева М.С. Том I. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 750 с.

Универсальный словарь по русскому языку. – СПб.: ИГ «Весь», 2009.

Е.Е. Смолицкая (Воронеж)

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье исследуются термины, обозначающие способы обеспечения исполнения обязательств, которые используются в гражданском и налоговом праве. Подробно изучены значения терминов «поручительство», «залог», «банковская гарантия», «пена». Сделан вывод о том, что данные термины в гражданском и налоговом праве имеют различные значения по причине того, что налоговое право предполагает повышенную защиту интереса государства и привносит дополнительные признаки в содержание понятий.

Ключевые слова: налоговое право; гражданское право; способы обеспечения исполнения обязательств; поручительство; залог; банковская гарантия; пеня

Abstract. The article investigates the terms referring to the methods of securing the performance of obligations that are used in Tax law and Civil law. The meaning of such terms as «surety»; «bail»; «bank guarantee»; «penalty» has been thoroughly studied. Conclusion is made that these terms have different meanings in Tax law and in Civil law, because the Tax law provides enhanced protection of the state interests and introduces additional features into the content of the concepts.

Keywords: Tax law; Civil law; methods of securing the performance of obligations; surety; bail; bank guarantee; penalty

В Налоговый кодекс России (далее – НК РФ) включена глава 11, посвященная **способам обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов**, к которым отнесены поручительство, залог, банковская гарантия, пеня, приостановление операций по счетам в банке и арест имущества.

В гражданском праве намного раньше появились и существуют **способы обеспечения исполнения обязательств**, к которым, согласно ст. 329 Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ), относятся поручительство, залог, независимая гарантия, неустойка, удержание вещи должника, задаток, обеспечительный платеж и др.

Обращает на себя внимание использование в двух различных отраслях права терминов «поручительство» и «залог». Кроме того, системный анализ текстов ГК РФ и НК РФ, который мы осветим ниже, показывает, что в обеих отраслях также используются термины «пеня» и «банковская гарантия». В связи с этим возникает научный и практический интерес соотнесения значений перечисленных четырех терминов и выявления проблем их использования. Для решения указанных задач на стыке лингвистики и юриспруденции наиболее удачным представляется функциональный подход к анализу терминов в юридическом тексте, который позволит понять, какие функции в механизме правового регулирования они выполняют и почему так происходит.

Начнем анализ с родовых понятий и сразу обратим внимание, что родовое понятие изменено: вместо привычной в гражданском праве фразы «способ обеспечения исполнения обязательств» в налоговом праве используется формулировка «способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов». В этих терминологических сочетаниях схожая структура: второе будто бы «под копирку» списано с первого: только в нем вместо обязательства – обязанность и конкретизирован конкретный вид обязанности («уплата налогов, сборов, страховых взносов»).

Термин «**обязательство**» закреплен и активно используется в ГК РФ. В п. 1 ст. 307 ГК РФ закреплено: «*В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу,*

оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

П. 2 указанной статьи содержит основания возникновения обязательств, к которым отнесены: сделки, причинение вреда, неосновательное обогащение. Перечень в этом пункте является открытым, поскольку указано, что обязательства могут возникать и из иных оснований, указанных в ГК РФ.

Как видим, в семантике «обязательства» широкий круг предметов, две стороны (должник и кредитор), а также широкий круг оснований возникновения, включающий чаще всего волевые действия сторон.

Термин «**обязанность**» является общеправовым, встречается во многих отраслях права и обозначает конкретное действие, которое необходимо совершить обязанному лицу.

Обязательство в гражданском праве порождает обязанность, например, *обязательство по договору купли-продажи порождает обязанность продавца передать товар и обязанность покупателя оплатить его*. Т.е. обязанность – понятие более конкретное, чем обязательство.

Термин «**обязанность по уплате налогов, сборов, страховых взносов**» характерен исключительно для налогового права.

В силу ст. 44 НК РФ такая обязанность возникает при наличии оснований, установленных налоговым законодательством, а *обязанность по уплате конкретного налога (сбора, страхового взноса) возлагается на налогоплательщика, плательщика сбора и плательщика страховых взносов с момента возникновения конкретных обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога (сбора, страхового взноса)*. Эти обстоятельства установлены в специальных статьях НК РФ, посвященных отдельным налогам, сборам, страховым взносам. Например, обязанность по уплате налога на имущество физических лиц возникает с появлением у человека права собственности на это имущество (ст. 400, 401 НК РФ); для налога на прибыль организаций – с момента получения прибыли (ст. 247 НК РФ); для государственной пошлины – при обращении в органы власти за совершением юридически значимых действий либо если ответчик в суде проигрывает дело (ст. 333.17 НК РФ) и т.д.

С учетом контекстуального анализа налогового законодательства можно заключить, что в семантике «**обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов**» узкий круг предметов, четко определенные стороны и четкие основания возникновения, не подразумевающие проявления воли сторон, что отличает ее от семантики понятия «**обязательство**».

Таким образом, понятие «обязанность по уплате налогов, сборов, страховых взносов» не входит в объем понятия «обязательство» и существует параллельно с ним в другой области знания.

Вернемся к способам обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов.

В процессе налогового правотворчества наименования соответствующих институтов были заимствованы с той или иной степенью видоизменения (трансформации): от установления некоторых особенностей в НК РФ (залог, поручительство, банковская гарантия) до полной переработки и самостоятельного регулирования налоговым правом (например, пеня). Соответственно, значение соответствующих терминов также меняется под влиянием сферы их употребления.

Как известно, понятие конструируется из существенных признаков объекта или явления. Кроме существенных признаков, составляющих ядро понятия, оно включает в себя и дополнительные признаки, обусловленные спецификой сферы его употребления [Мигирин 1969, с. 249-254; Михайлова 1998, с. 39]. Их как раз и обуславливает контекст употребления. Если понятие долгое время используется в определенной сфере со своей спецификой, то со временем его семантическая структура вбирает в себя признаки, характерные для этой сферы. В результате значение соответствующего термина меняется [Петров 1982, с. 31-70].

В качестве первого примера сравним определения понятия **«поручительство»** в гражданском и в налоговом праве.

Согласно ст. 361 ГК РФ, *«по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части»*.

В п. 2 ст. 74 НК РФ сказано: *«В силу поручительства поручитель обязывается перед налоговыми органами исполнить в полном объеме обязанность налогоплательщика по уплате налогов, если последний не уплатит в установленный срок причитающиеся суммы налога и соответствующих пеней»*.

Компонентный анализ показывает, что в налоговом праве понятие поручительства включает специфичных участников отношений (налогоплательщика и налоговый орган), а также появился новый признак – ответственность поручителя в полном объеме. Этот признак создает повышенную гарантию защиты интересов государства, которому нужно получить в казну всю сумму налога целиком.

Исследовав другие положения ст. 74 НК РФ, можно выделить еще один признак поручительства в налоговом праве: согласно п. 3 этой статьи налоговый орган взыскивает с поручителя необходимую сумму в том же порядке, в каком взыскивал бы с налогоплательщика. Отметим, что с налогоплательщика-организации или индивидуального предпринимателя налоговая задолженность может быть списана без суда посредством

обращения налогового органа в банк, где имеются счета. К поручителю тоже может быть применен этот упрощенный порядок. В гражданском праве это невозможно. Выделенный нами из контекста признак поручительства очень важен, т.к. он влияет на степень защиты прав поручителя. А причина появления в налоговом праве этого отличительного признака – опять же, повышенная защита интересов государства, которое благодаря упрощенному порядку быстрее и легче получит деньги в казну.

Таким образом, экономико-политический мотив привнес дополнительные компоненты значения в содержание заимствованного понятия. Чтобы ответить на вопрос, возникло ли новое понятие поручительства в налоговом праве, нужно разобраться, являются ли дополнительные признаки поручительства существенными (т.е. входят в ядро понятия) или же они периферийные.

С одной стороны, суть поручительства не изменилась: поручитель обязуется отвечать за другое лицо. Но, с другой стороны, для поручителя важными являются такие аспекты, как то, что он отвечает перед налоговым органом, всегда в полном объеме и с более жестким порядком взыскания. Это влияет на его имущество и безопасность. В силу закона данные признаки являются постоянными для поручительства в налоговом праве. Таким образом, перечисленные аспекты являются существенными признаками и входят в ядро понятия поручительства в налоговом праве.

В результате в налоговом и в гражданском праве понятия поручительства не совпадают по объему и содержанию, хотя поручительство в налоговом праве создано на базе гражданско-правового.

Перейдем к анализу значений термина «залог» в гражданском и налоговом праве.

Согласно ст. 334 ГК РФ, *«в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя)».*

В НК РФ понятия залога не содержится, но в ст. 73 кодекса в целом регулируется залог имущества. Проведя контекстуальный анализ указанной статьи, можно заключить, что также закреплён особый состав участников отношений: налоговый орган и залогодатель, которым может быть как сам налогоплательщик (плательщик сбора, плательщик страховых взносов), так и другое лицо, а также установлена особенность: предмет залога по договору между налоговым органом и залогодателем не может быть предмет залога по другому договору (п. 4 ст. 73 НК РФ). Мы вновь видим повышенную защиту интереса государства, который заключается в том, что заложенное имущество должно обеспечивать только его интерес и не может быть реализовано по другим долгам.

Теперь исследуем понятие **«банковская гарантия»**. В силу *банковской гарантии* банк (гарант) обязывается перед налоговым органом в полном объеме исполнить обязанность налогоплательщика по уплате налога, если последний не уплатит свои налоги в срок, в соответствии с условиями даваемого гарантом обязательства уплатить денежную сумму по требованию налогового органа (ст. 74.1 НК РФ).

В гражданском праве используется более широкое понятие – **«независимая гарантия»**.

По независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица обязательство уплатить указанному им третьему лицу определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства (п. 1 ст. 368 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст. 368 ГК РФ независимая гарантия может предоставляться любой коммерческой организацией, а не только банком.

Соотнесение рассматриваемых понятий позволяет прийти к выводу, что банковская гарантия является разновидностью независимой гарантии.

В налоговом праве установлен ряд требований к банковской гарантии: она должна быть безотзывной и непередаваемой; срок ее действия должен охватывать минимум 6 месяцев после истечения срока уплаты налога; банковская гарантия должна полностью покрывать сумму подлежащих уплате обязательных платежей и т.д. (п. 5 ст. 74.1 НК РФ), а также установлены требования к банку, который может выдавать банковские гарантии, в частности, к размеру его капитала (п. 3 ст. 74.1 НК РФ).

При этом в гражданском праве независимая гарантия может отзываться и передаваться другим (ст. 371, 372 ГК РФ), не предъявляются такие жесткие требования к гаранту, даже если он является банком.

Таким образом, понятие «банковская гарантия» не просто у́же понятия «независимая гарантия», но из-за ряда дополнительных признаков оно является и более узким по отношению к понятию «независимая гарантия, выданная банком», которое имеет место в гражданском праве. В гражданском праве банк мог бы выдать гарантию на срок менее 6 месяцев, с условием возможного отзыва и не на полную сумму долга, а в налоговом праве это невозможно из-за перечисленных выше требований закона.

Итак, содержание понятия банковской гарантии в налоговом праве из-за дополнительных признаков расширилось, а объем – сузился.

Желая сохранить банковскую гарантию в качестве высоконадежного способа обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, законодатель не стал использовать в НК РФ термин «независимая гарантия», ибо при замене термина утратились бы все дополнительные признаки, которые обеспечивают надежность банковской гарантии в налоговом праве, а эта надежность нужна государству и его казне.

Термин **«пеня»** также представляет исследовательский интерес.

Пеней признается установленная ст. 75 НК РФ денежная сумма, которую налогоплательщик должен уплатить в бюджет в случае неисполнения обязанности по уплате налогов в установленные сроки.

Такую пеню можно увидеть в требовании об уплате налога, которое приходит тогда, когда уже прошел установленный срок для его уплаты.

В гражданском праве пеня (наряду с гражданско-правовым штрафом) является разновидностью неустойки – денежной суммы, определенной законом или договором на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в том числе просрочки его исполнения (п. 1 ст. 330 ГК РФ). Напомним, что неустойка в ст. 329 ГК РФ названа в качестве одного из способов обеспечения исполнения обязательств. Примером пени в гражданском праве будут проценты за нарушение сроков оплаты товара покупателем поставщику, а также пеня в квитанции управляющей компании за оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства при просрочке оплаты таковых в прошлом месяце.

В налоговом праве пеня рассчитывается по строго определенной формуле, закрепленной в ст. 75 НК РФ, в процентах от суммы неуплаченного налога за каждый день просрочки.

Гражданское право регулирует пеню во многом посредством правовых обычаев, согласно которым пеня взыскивается в процентах и за каждый день просрочки [Кутафин 2002, с. 354].

«Пеня» в налоговом и в гражданском праве имеет общие признаки:

- это денежная сумма,
- взыскивается в случае просрочки исполнения денежного обязательства (в налоговом праве – обязанности уплатить налог),
- рассчитывается в процентах,
- начисляется за каждый день просрочки,
- пеня отнесена к обеспечительным способам и гражданским, и налоговым законодательством.

Однако в налоговом праве пеня имеет дополнительные признаки:

- уплачивается налогоплательщиком,
- уплачивается в бюджет, а не стороне договора, как в гражданском праве,
- основанием уплаты является нарушение не любого обязательства, а налоговой обязанности,
- размер пени рассчитывается в порядке, установленном ст. 75 НК РФ и ни при каких обстоятельствах не может быть изменен (безусловно, это сделано в интересах казны).

В гражданском праве размер пени может быть уменьшен в соответствии со ст. 333 ГК РФ, которая называется «Уменьшение неустойки», поскольку пеня в гражданском праве является разновидностью неустойки.

Поскольку все выявленные нами признаки пени в налоговом праве и в гражданском праве определяют правовое положение участников соответствующих отношений и влияют на их имущественное положение, мы считаем перечисленные признаки существенными.

В аспекте родо-видовых отношений понятия пени интересно также его соотношение с мерами юридической ответственности в гражданском и в налоговом праве. Анализ законодательства и научной правовой литературы показывает, что в гражданском праве мерой юридической ответственности пеня является, а в налоговом праве – нет.

Теория юридической ответственности предусматривает обязательное наличие вины, учет смягчающих обстоятельств, устанавливает сроки давности, по истечении которых привлекать к ответственности уже нельзя.

Т.е. вопрос об отнесении пени к юридической ответственности – это не просто классификационный ход, а создание контекста для применения соответствующего понятия. И, как известно, понятие нижнего классификационного уровня включает в себя признаки понятия верхнего классификационного уровня.

Тот факт, что пеня в НК РФ исключена из мер налоговой ответственности, очевидно, гарантирует реализацию финансового интереса государства, ведь взыскание пени независимо от вины, смягчающих обстоятельств и срока давности имеет более крупные масштабы и легче в реализации на практике.

Подводя итог исследованию **пени**, констатируем, что понятие пени в гражданском праве и понятие пени в налоговом праве при всех своих сходствах являются разными понятиями, а термины – многозначными. Более того, понятия пени в гражданском и налоговом праве имеют различную родовую принадлежность и занимают разное место в системе понятий.

В целом по результатам анализа способов обеспечения исполнения обязательств можно заключить, что на содержание всех рассмотренных понятий оказал влияние контекст, который, в свою очередь, обусловлен таким экстралингвистическим фактором, как специфика налогового права с его составом участников и повышенным государственным интересом.

Содержание соответствующих понятий включает в себя дополнительные признаки, характерные для налогового права, а соответствующие термины становятся многозначными. Следовательно, для понимания их значения необходимо учитывать контекст, т.е. правовую сферу использования.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; Часть вторая : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410.

Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 31 июня 1998 г. № 146-ФЗ; Часть вторая : Федеральный закон от 05 августа 2000 г.

№ 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; 2000. № 32. ст. 3340.

Мигирин В.Н. Ограничения в применении метода дифференциальных признаков при определении семантических оборотов // Вопросы филологии. – М., 1969. – С. 249-254.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике русского слова: дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 341 с.

Петров В.В. Семантика научных терминов. – Новосибирск: Наука, 1982. – 127 с.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 559 с.

К.А. Щелкунов (Воронеж)

ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА НА ПРЕДМЕТ НАЛИЧИЯ В НЕМ ПРИЗЫВОВ

(на материале письма В.И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете)

Аннотация: В статье представлена попытка провести практический лингвокриминалистический анализ текста письма В.И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете на предмет выявления в нем экстремистского содержания. Исследование текста проводится с учетом принципов методики специального дискурсивного лингвокриминалистического анализа. Внимание автор акцентирует на призывах, поскольку они составляют объективную сторону словесного экстремизма.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, словесный экстремизм, призыв

Abstract. There is the attempt of forensic-linguistic analysis of the letter to the Combat committee of the Saint-Petersburg committee by Vladimir Lenin. It is established the fact of the presence or the lack of extremist content in the text. The research is conducted with the principles of the special discursion forensic-linguistic analysis. The author focuses on the appeals, because it is the objective side of the verbal extremism.

Keywords: linguistic examination, verbal extremism, appeal

Ранее нами было систематизировано научное знание о призыве как о категории лингвистической экспертизы экстремистских материалов, с помощью классических методов анализа текста, актуализированных в рамках методики дискурсивного анализа, выявлен ряд диагностически значимых в контексте дискурса экстремизма признаков текста В.И. Ленина «Задачи отрядов революционной армии» (1905) [Щелкунов 2023].

В данном исследовании обратимся к тексту письма В.И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете и попытаемся проследить особенности реализации в нем речевого жанра призыва.

В своих рассуждениях отталкиваться будем от двух положений, к которым пришли в ходе предпринятого ранее исследования [Щелкунов 2023]:

1. Рассмотрение категории призыва в контексте лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму во всех его проявлениях, обусловлено высоким суггестивным потенциалом призывных высказываний. Словесный экстремизм как целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных высказываний в основном обнаруживается в публичном **оправдании** терроризма; **возбуждении** социальной, расовой, национальной или религиозной розни и вражды; **пропаганде** исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [О противодействии экстремистской деятельности 2002]. Средствами создания экстремистского текста, в свою очередь, являются инициирование или руководство противоправной деятельностью, призывы и подстрекательство к ней [Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды 1999]. В связи с этим очевидна важность роли призыва в экстремистском дискурсе.

Находим этому подтверждение и в юридической литературе: например, Э.С.-М. Ахьядов, рассматривая ст. 280 УК РФ исходит из положения о том, что объективная сторона рассматриваемого преступления выполняется путем призывов [Ахьядов 2016, с. 172].

2. Призыв в рамках лингвистической экспертизы экстремистских материалов стоит рассматривать как директивный иллюкутивный акт прескриптивного типа. Особенности речевых актов такого типа являются облигаторность выполнения действия для адресата и приоритетность позиции говорящего. Исполнителем действия является адресат, находящийся в неприоритетной позиции и не обладающий правом решения о выполнении или невыполнении предписываемого действия [Любавина 2009, с. 78-79].

Центральным в понятийном аппарате исследования является понятие призыва как отнесенного к адресату обращения, содержащего актуализированное побуждение к какому-либо действию [Иваненко 2013, с. 83].

Актуальной в контексте исследования является классификация призывов М.А. Осадчего. Ученый описывает вербальную составляющую успешного призыва, выделяя в ней 4 компонента:

- 1) наличие в высказывании вербального императива (условное обозначение – «И»);
- 2) наличие в высказывании способа совершения действия (Д);
- 3) наличие в высказывании образа объекта действия (О);

4) наличие в высказывании образа адресата, в успешном призыве всегда равного адресату речи – декларированному или фактическому (А) [Осадчий 2012].

По мнению ученого, призывы, в которых нет ни одного из указанных признаков, являются **скрытыми**. Противопоставлены им **открытые** призывы, парадигма вариантов реализации которых выглядит следующим образом:

- 1) **А - Д - О - И** (сильный полный);
- 2) **А - Д - О - И** (сильный действенно-объектный);
- 3) **А - Д - О - И** (слабый объектный);
- 4) **А - Д - О - И** (слабый действенный);
- 5) **А - Д - О - И** (слабый адресатный);
- 6) **А - Д - О - И** (слабый адресатно-объектный)
- 7) **А - Д - О - И** (слабый адресатно-действенный) [Осадчий 2012].

На основании наличия / отсутствия в высказывании вербального императива исследователь выделяет **прямой** и **косвенный** призывы. В косвенном призыве вербальный императив остается неэксплицированным и заменяется на одну из форм мягкого волеия.

Сильным является призыв, в котором эксплицитно реализованы все четыре компонента. При этом автор отмечает, что «выпадение» образа адресата (А) не снижает силу призыва, поскольку адресованность призыва не коррелирует с каким-либо квалификационным признаком призыва, закрепленным в диспозиции ст. 280 УК РФ [Осадчий 2012].

Классификация призывных высказываний, по М.А. Осадчему: выглядит так:

1. Открытый – прямой (сильный или слабый) и косвенный (сильный или слабый).
2. Скрытый.

Важной в контексте исследования является мысль о том, что грамматические особенности экстремистского призыва в целом не отличаются от призывов других типов [Лаврик 2016, с. 422]. Отсюда выводим следующее положение: к призыву конкретный речевой материал стоит относить по формальным признакам, к экстремистскому призыву – по содержательным.

В соответствии с указанными принципами исследования, основываясь на приведенных теоретических данных, проведем анализ текста письма В.И. Ленина в Боевой комитет.

Предметом исследования являются призывы, используемые автором письма; **целью** – выявление особенностей реализации речевого акта призыва в тексте. Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) определение в тексте доли высказываний, которые можно квалифицировать как призывы, по отношению к общему количеству высказываний; 2) характеристика выявленных призывных высказываний с

точки зрения приведенных принципов классификации призывов; 3) определение содержательных особенностей выявленных призывных высказываний в контексте лингвистической экспертизы текста по делам, связанным с противодействием экстремизму.

1. В контексте выполнения первой поставленной задачи важно актуализировать термин «высказывание». В рамках данного исследования под высказыванием понимается любой линейный отрезок речи в данной речевой обстановке, достаточный для понимания сообщения [Краснова 2007]. Видится продуктивным рассмотрение понятия высказывания с точки зрения содержательного подхода, поскольку эксперта-лингвиста и интересует содержание текста. При таком подходе к структурно-семантической схеме предложения в высказывание включаются модально-коммуникативный аспект, проявляющийся в интонации и актуальном членении предложения [Ярцева 1990].

Особенности бытования изучаемого текста, а именно письменная его форма, затрудняют разговор о высказываниях в тексте с точки зрения интонации. Вместе с тем содержательный подход позволяет включать самодостаточную грамматическую единицу «предложение» – базу высказывания – в контекст речевой ситуации, что позволяет выявить **смысл** каждого конкретного высказывания в соотношении с доминантным смыслом текста как речевого продукта.

Итак, всего в тексте удалось выявить 13 призывов, что составляет примерно 32% от общего количества высказываний. Таким образом, прогнозируем высокий уровень суггестивного воздействия письма на адресата: треть текста представляет собой побуждения к каким-либо действиям.

Действительно, хоть автор и оговаривает, что письмо является лишь «товарищеским обменом мнений», что он «не берется судить о практической постановке дела» и что «своего взгляда отнюдь не навязывает», сам текст его как речевой продукт, без сомнений, представляет развернутое высказывание, характеризующееся и апеллятивностью (*Дорогие товарищи!* – обращение в начале), и директивностью (о чем говорит обильное использование императивов и модальных частиц со значением долженствования – *пусть, должна*).

Облигаторность данного развернутого высказывания снимается самим автором, о чем уже было сказано, однако привлечение экстралингвистических факторов позволяет сделать вывод о том, что к письму должно было прислушаться: на момент написания текста (1905 год) Ленин уже успел проявить себя убежденным революционером (причем, осужденным властью, что является важной составляющей формирования его политического и идеологического имиджа), стать одним из видных теоретиков русской революции и возглавить партию большевиков.

Таким образом, облигаторность текста заключена не в формальной, но в содержательной его составляющей. Неприоритетная позиция адресата как один из признаков призыва как речевого акта, следовательно, реализуется.

2. В характеристике призывов будем двигаться вслед за принятой схемой классификации. Первое деление в ней – на открытые и скрытые.

Большинство призывов в тексте – открытые, то есть в них эксплицирован хотя бы один из указанных компонентов: более того, на основании факта адресации всего текста как развернутого высказывания кругу лиц (получают номинацию «товарищи») мы можем и вовсе во всех призывах текста усмотреть компонент «А» – адресата. Если руководствоваться такой логикой, все 13 призывов текста открытые.

Тем не менее, один случай не вполне вписывается в принятую парадигму: призыв *Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!*, видимо, можно классифицировать как скрытый. Он реализуется через отрицательную оценку (*с ужасом вижу*) факта отсутствия готовых бомб.

Остальные 12 интересных нам высказываний, таким образом, суть открытые призывы: *Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих, особенно, и т.д. и т.д. Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же и др.*

На этапе выделения косвенных и прямых призывов необходимо актуализировать понятие «императив». По М.А. Осадчому, это – элемент речи с побудительным значением. Данный элемент может быть выражен императивной формой глагола или семантически эквивалентными ему формами: инклюзивным волитивом (*Поборемся!*), глаголом в форме прошедшего времени в составе восклицательных высказываний (*Пошли!*), глаголом в форме инфинитива в составе восклицательных высказываний (*Взять!*), инфинитивом в сочетании с частицами «давай», «пусть» (*Давай бороться!*) или неглагольными формами со значением побуждения в составе восклицательных высказываний (*В бой!*).

На основании приведенных данных в тексте прямыми будут являться 8 призывов: *Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, спасающее средство. Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих, особенно, и т.д. и т.д. Пусть тотчас же организуются отряды до 3-х, до 10, до 30 и т.д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т.д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и связываются, по возможности, с Боевым комитетом при Петербургском комитете. Пусть 5-10 человек обойдут в неделю сотни кружков рабочих и студентов, влезут всюду, куда только можно, и везде предложат*

ясный, короткий, прямой и простой план: образуйте тотчас же отряд, вооружайтесь, чем можете, работайте изо всех сил, мы поможем вам, чем сможем, но не ждите от нас, работайте сами. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избитии городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч.

К косвенным призывам будут относиться следующие высказывания: *Тут надо действовать широкой проповедью. Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений.*

Они реализуются, как видно, при помощи модальных элементов «должны», «надо», «обязательно». Данные слова, по М.А. Осадчому, императивами не являются, что и становится основанием квалификации этих призывов как косвенных.

Охарактеризуем теперь прямые призывы с точки зрения силы/слабости. Все прямые призывы данного текста сильные, так как в них эксплицированы и вербальный императив, и способ совершения действия, и образ объекта воздействия, и адресат. Последний, как мы уже отмечали, можно усмотреть во всех призывах, поскольку первое высказывание текста является обращением. Таким образом, все прямые призывы текста квалифицируем как **сильные полные**.

Косвенные призывы текста содержат также все, кроме императивов, компоненты. Таким образом, все косвенные призывы текста тоже сильные.

Анализ призывов письма с точки зрения их формальных особенностей показывает, что Ленин в данном тексте использует в основном сильные призывы, в большинстве случаев – прямые. Это, очевидно, связано с коммуникативной установкой автора при создании текста. Перед ним (как перед лидером организации революционного толка) стояла задача отдать конкретные распоряжения своим подчиненным: думается, высказывания с имплицитно выраженными смыслами здесь не так продуктивны.

3. Поскольку данное исследование представляет собой опыт лингвокриминалистического анализа текста, стоит в анализе содержательных особенностей призывов данного текста обратиться к традиционным формам постановки экспертной задачи.

Если бы перед экспертом-лингвистом был поставлен вопрос: «Содержит ли текст письма В.И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете высказывания, побуждающие к каким-либо действиям?», то ответ на него был бы положительный.

Действия, к которым призывает автор письма, включают в себя: 1) организацию «отрядов» и «дружин», то есть групп людей, готовых

выполнять определенные задачи; 2) вооружение членов этих групп; 3) столкновения с представителями власти, нападения на них, в том числе в форме спланированных операций.

Выбранный подход к данному тексту, как кажется, доказал свою продуктивность: анализ конкретного пласта текста – его призывов – с учетом принципов разрабатываемой еще методики специального дискурсивного анализа позволяет справедливо определить авторские интенции, их речевые реализации и языковые формальные маркеры, что, конечно, является серьезным подспорьем для дальнейшей работы с текстом эксперта-юриста.

Ахьядов Э.С.-М. Анализ состава публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) // Евразийский научный журнал. – №3. – Курск, 2016. – С. 172-174.

Иваненко Г.С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 82-87.

Краснова Т.И. Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение: материалы лекций. – Санкт-Петербург: Сударыня, 2007. – 95 с.

Лаврик Э.П. Маркеры имплицитных призывов в спорном тексте // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Т. 12. – №3. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 421-430.

Любавина А.Ю. Функционально-прагматический анализ директивных речевых актов в агитационных текстах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №27 (165). – С. 78-81.

Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды: методические рекомендации. – Москва, 1999.

О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ // Российская газета. – 2002. – №138-139.

Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. – 2012. – №11 (19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva/viewer> (дата обращения: 23.10.2023).

Щелкунов К.А. Методика дискурсивного анализа текста при производстве лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму // Психоллингвистика и лексикография: сборник научных трудов. – Вып. 10. – Москва: Издательство ООО «Ритм», 2023. – 156 с.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990.

Информация о сборниках и конференциях

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
 Воронежская теоретико-лингвистическая школа
 в области общего и русского языкознания
 Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
 Кафедра общего языкознания и стилистики
 Центр коммуникативных исследований имени проф. И.А. Стернина

Готовится к изданию 30-й выпуск продолжающегося научного издания «Язык и национальное сознание».

Прием статей объемом от 5 до 8 страниц до **10 декабря 2023 г.** включительно.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см)

- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.

- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)

- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Сборник издается на основе самокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей. Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.**

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника иногородним участникам будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы: **250 рублей** для участников из РФ, **600 рублей** для участников из стран ближнего зарубежья.

*Срок выхода сборника – январь 2024 г.,
 сборник будет датирован 2024 годом.*

Заявки и электронные варианты статей просьба направлять по электронной почте научному редактору сборника, профессору Марине Абрамовне Стернинной (sternina@vmail.ru).

При подтверждении принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований имени проф. И.А. Стернина

Дорогие коллеги!
Приглашаем вас принять участие
в *X Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Стернинские чтения: Сопоставительные методы
в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и
внутриязыковое сопоставление»*

2 февраля 2024 г.

НА ПЛАТФОРМЕ ZOOM

На конференции предполагается широкое обсуждение различных сопоставительных методик, получаемых в итоге сопоставления результатов и перспектив их использования как при межъязыковом, так и при внутриязыковом сопоставлении различных явлений языка.

К обсуждению предлагаются следующие проблемы:

- Теоретические проблемы сопоставительных и контрастивных исследований
- Методики сопоставительных и контрастивных исследований
- Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии
- Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики
- Сопоставительные исследования в области концептологии и лингвокультурологии
- Сопоставительные исследования коммуникативного поведения
- Сопоставительные исследования и перевод
- Сопоставительные исследования и лингводидактика
- Гендерное и возрастное сопоставление языковых явлений
- Эндемичные и лакунарные языковые явления
- Сопоставительная лексикография
- Национальная специфика языка и сопоставительные методы
- Внутриязыковое сопоставление конкретных языковых явлений и процессов

Материалы конференции будут опубликованы в двадцатом выпуске индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2024».

Желающие принять участие в конференции должны выслать в адрес оргкомитета материал статьи объемом от 5 до 8 стр., а также заявку на участие.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см)

- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.

- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках

- Сноски в тексте оформляются следующим образом: *(Попова 1989, с. 32)*

- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Образец оформления заявки

Фамилия, имя и отчество автора (-ов)

Название выступления

Должность и место работы

Адрес с почтовым индексом (для иногородних авторов)

e-mail

Телефон

Статьи и заявки присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_заявка.doc

Статьи должны быть представлены по электронной почте до **31 декабря 2023 г.**

Сборник материалов будет издан к началу конференции на основе самокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей. Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.**

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника иногородним участникам будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы: **250 рублей** для участников из РФ, **600 рублей** – для участников из стран ближнего зарубежья.

Заявки и электронные варианты статей просьба направлять по электронной почте председателю оргкомитета конференции, научному

редактору сборника «Сопоставительные исследования 2024», профессору Марине Абрамовне Стерниной (sternina@vmail.ru).

При подтверждении принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Обращаем внимание участников:

• конференция «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях» **ТЕМАТИЧЕСКАЯ** (не *Актуальные проблемы лингвистики*), принимаются статьи и доклады **только по сопоставительной тематике**. Сопоставление может быть межъязыковым и внутриязыковым, но должно обязательно присутствовать как цель исследования или используемый метод. Все материалы должны быть посвящены сопоставлению языковых единиц или явлений и содержать соответствующие выводы из сопоставления. Сопоставляться могут единицы любых языковых уровней;

• конференция *лингвистическая*, доклады и статьи литературоведческого характера не принимаются.

НАШИ АВТОРЫ

Акованцева Надежда Валерьевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Бекмурзаева Феруза Шухратовна, к.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова

Белова Полина Евгеньевна, аспирант НИУ «Высшая школа экономики», эксперт-лингвист, эксперт-фоноскопист ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН»

Бондарева Татьяна Владимировна, студентка 3 курса, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Бурносова Владислава Юрьевна, магистр филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ Гимназия имени И.А. Бунина

Бутешова Айзат Раисовна, к.ф.н., и.о. доцента кафедры гуманитарных дисциплин, Международная высшая школа медицины

Васильева Ангелина Валерьевна, студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Васкадуве Сири Сарана Тхеро, лаборант, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Институт лингвистики и международных коммуникаций

Гарколь Наталья Станиславовна, канд. пед. наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет

Глоба Надежда Николаевна, преподаватель кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Гостищева Дарья Павловна, преподаватель кафедры иностранных языков, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина

Дедова Ольга Михайловна, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой русского языка, Воронежская государственная медицинская академия им. Н.Н. Бурденко

Дзундза Надежда Владимировна, аспирант 3 курса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Дьяконова Евгения Александровна, к.ф.н., директор по научной работе, Центр иностранных языков COSHCO

Епифанова Валентина Валерьевна, к.ф.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Захарова Наталия Егоровна, к.ф.н., старший научный сотрудник отдела северной филологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Республика Саха

Земцова Ольга Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, Институт филологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Иванова Нина Иннокентьевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Республика Саха

Ильина Татьяна Вячеславовна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ипполитов Олег Олегович, к.ф.н., доцент, преподаватель, ГБПОУ ВО «Воронежский техникум пищевой и перерабатывающей промышленности»

Калинин Степан Сергеевич, к.ф.н., научный директор НОЦ русского языка и славянской культуры, Международный славянский институт

Камбаралиева Уулкан Джолдошбековна, д.ф.н., профессор, Американский университет в Центральной Азии, Кыргызская Республика

Кириллов Сергей Александрович, магистрант филологии, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Кокора Юлия Васильевна, преподаватель, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Ланская Ольга Владимировна, к.ф.н., учитель МБОУ СШ №14, г. Липецк

Ластович Дарья Сергеевна, магистр филологии, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Литвинова Людмила Алексеевна, преподаватель английского языка, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова

Лоскутова Светлана Витальевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Лыткина Оксана Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры русского и иностранных языков, Московская академия СК РФ

Малышева Екатерина Валерьевна, д.ф.н., профессор кафедры международных отношений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Мартиросова Анастасия Витальевна, лаборант кафедры современного русского языка, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Медведева Екатерина Станиславовна, аспирант кафедры «Теория английского языка и переводоведения», ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского» (Брянск)

Медведева Татьяна Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Мкртычян Светлана Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Моргунова Александра Игоревна, делопроизводитель, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Морозова Оксана Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Новоселова Ольга Владимировна, д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна, филиал Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина

Первухина Валерия Алексеевна, преподаватель, БУ ВО ХМАО–Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Передриенко Татьяна Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет

Попова Татьяна Георгиевна, д.ф.н., профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Романов Алексей Аркадьевич, д.ф.н., профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Романова Лариса Алексеевна, д.ф.н., профессор кафедры социальной работы и педагогики, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рудакова Александра Владимировна, д.ф.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой общего языкознания и стилистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Селезнева Кристина Олеговна, к.ф.н., старший преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков

Синелева Анастасия Васильевна, д.ф.н., профессор кафедры преподавания русского языка в других языковых средах, ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Смолицкая Елена Евгеньевна, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры финансового права, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Старостина Евгения Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Степанов Сергей Анатольевич, профессор кафедры иностранных языков, Московский авиационный институт

Стернина Марина Абрамовна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой английского языка естественнонаучных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ткаченко Маргарита Максимовна, студент 3 курса технологического факультета, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Торопчина Ольга Викторовна, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина

Трофимова Ульяна Михайловна, к.ф.н., научный сотрудник, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина

Тумов Виктор Викторович, канд. юрид. наук, доцент, Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского

Ужегова Елена Николаевна, учитель русского языка и литературы, МАОУ «Лицей №10», г. Пермь

Федосова Валентина Игоревна, преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Харченко Елена Владимировна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Институт лингвистики и международных коммуникаций

Чалый Виктор Валентинович, к.ф.н., доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Чвягина Татьяна Владимировна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Чернова Анна Юрьевна, студент 3 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Чэнь Цзюньтин, магистрант филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Шапошникова Дарья Константиновна, магистрант 2 курса филологического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Шарипова Гульнара Султанбековна, к.ф.н., и.о. доцента, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

Щелкунов Кирилл Александрович, магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ ОСОШ №11

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	3
Экспериментальное описание семантики языковых единиц	
<i>Акованцева Н.В.</i> Психолингвистическое значение слова «деньги»	4
<i>Бондарева Т.В., Селезнева К.О.</i> Лексема «учитель» в русском языковом сознании студентов (на материале направленного ассоциативного эксперимента)	10
<i>Бурносова В.Ю.</i> Семантика наименований птиц в языковом сознании школьников (на материале слова «соловей»)	14
<i>Дьяконова Е.А., Е.А. Федосова Е.А.</i> Психолингвистические значения предлогов «в», «из», «на» (по результатам психолингвистического эксперимента)	19
<i>Земцова О.В.</i> Опыт описания психолингвистического значения слов «коуч», «ментор», «фасилитатор»	23
<i>Иванова Н.И.</i> Направленный ассоциативный эксперимент как качественный метод в исследовании языковой ситуации в условиях дву- и многоязычия	28
<i>Лыткина О.И.</i> Психолингвистическое значение лексемы «пятиэтажка» в современном русском языке	34
<i>Морозова И.А., Ткаченко М.М.</i> Психолингвистическое исследование лексемы «учитель» (описание полевой структуры ассоциативного поля)	39
<i>Рудакова А.В.</i> Психолингвистическое описание семантики устойчивых выражений (на материале ФЕ «нектар и амброзия» и «яблоко раздора»)	44
<i>Синелева А.В.</i> Фреймовый метод описания ассоциативно-семантических полей (на материале свободного ассоциативного эксперимента)	50
<i>Старостина Е.В., Шапошникова Д.К.</i> Языковое сознание и ассоциативное значение слова: динамический аспект	58
<i>Харченко Е.В., Васкадуве С.С.Т.</i> Образ свободы в языковом сознании носителей сингальской и русской лингвокультур	66
Когнитивный подход к описанию семантики языковых единиц	
<i>Бекмурзаева Ф.Ш.</i> Энтомологический концепт как отражение божественного начала в языковом сознании носителей русского языка	77
<i>Белова П.Е.</i> Городские площади: взаимосвязь функций и пространства в русской языковой картине мира	84
<i>Бутешова А.Р.</i> К проблеме языкового сознания носителей кыргызского языка	93
<i>Захарова Н.Е.</i> Семантическое пространство «тыя киһитэ/долган»: концепт «киһи/человек» и тыя/тундра»	99
<i>Инполитов О.О., Дедова О.М.</i> Частные замечания о когнитивном образвании «Народное сопротивление»	105
<i>Камбаралиева У.Д., Шарипова Г.С.</i> Экспликация языковой картины мира в русских и тюркских глуттонических номинациях	110

<i>Кокора Ю.В.</i> Художественный дискурс с позиции психолингвистики: концепт «Мечта» в индивидуально-авторской картине мира (на материале русской поэзии XX века)	115
<i>Первухина В.А.</i> Понятийное ядро оценочного концепта «Важность» ...	121
<i>Ужегова Е.Н.</i> Дефиниция понятия «концепт»: от истоков проблемы к ее решению	124

Коммуникативные и дискурсивные аспекты семантики языковых единиц

<i>Гарколь Н.С.</i> Лингвистические особенности дискурса переговоров в деловой коммуникации с носителями китайского языка	130
<i>Глоба Н.Н., Васильева А.В.</i> Лингвокультурный типаж «femme fatale» ...	135
<i>Дзундза Н.В.</i> Типология манипуляторов Э. Шострома как основа моделирования манипулятивных коммуникативных стилей	142
<i>Ильина Т.В., Чэнь Ц.</i> Особенности изучения фразеологизмов в китайской аудитории	149
<i>Калинин С.С.</i> Особенности передачи семантики библеизмов в переводе фрагмента евангелия от луки на кетский язык	154
<i>Кириллов С.А.</i> Когнитивные технологии в теории текстовых систем как основа межкультурной коммуникации (на материале стихотворения А.А. Ахматовой «Молитва» и его перевода на английский язык). Герменевтика текста	160
<i>Ланская О.В.</i> Языковое воплощение пространства (<i>сад, дом, земля и небо</i>) в драме А.Н. Островского «Гроза»	172
<i>Ластович Д.С.</i> Языковые средства выражения субъективной модальности в романе В.О. Богомолова «Иван»	178
<i>Медведева Е.С.</i> Стратегическая природа грамматической ошибки в устной и письменной речи в ситуации учебного двуязычия	181
<i>Мкртычян С.В.</i> Использование антропометрических методов в дискурсивных исследованиях	187
<i>Торопчина О.В., Трофимова У.М., Гостищева Д.П.</i> Редукция и избыточность при установлении тождества и противоречия понятий в текстах для оценки читательской грамотности	193
<i>Чалый В.В.</i> ИмPLICITный смысл языковых единиц монолога рассказчика в произведении А.П. Чехова «К сведению мужей»	199

Семантические исследования языковых единиц

<i>Епифанова В.В.</i> Исследование семантики немецких лексем, обозначающих иерархичность отношений, на основе компонентного анализа	203
<i>Литвинова Л.А.</i> Лексикографический индекс яркости семемы как инструмент определения семантической иерархии семантемы	208
<i>Медведева Т.Н.</i> Литературно-книжная лексика в традиционной культуре диалектного общения	211
<i>Передриенко Т.Ю.</i> «Цветной» шум как явление языковой синестезии ...	216
<i>Попова Т.Г., Лоскутова С.В.</i> Семантика поэтического текста во взаимоотношении языка и культуры	220

<i>Степанов С.А.</i> О содержательном ядре военного термина	224
<i>Стернина М.А.</i> Сопоставительно-параметрический метод и изучение значения слова	229
<i>Тумов В.В.</i> Динамика функциональных омоформ и приоритетного значения лексемы <i>право</i> в русском литературном языке XVII-XXI вв. ...	234
<i>Чвягина Т.В.</i> Актуальные тенденции семантического развития английской экологической лексики в современных реалиях русского языка	240
<i>Чернова А. Ю.</i> Из наблюдений над языковой картиной мира в диалектной лексике воронежского края XVII-XVIII вв. (на материале названий посуды)	245

Юрислингвистический аспект исследования языковых единиц

<i>Мальшева Е.В.</i> Экспертная специфика речевых актов оскорбления (по разным категориям дел)	253
<i>Мартиросова А.В., Моргунова А.И.</i> Категория эмотивности в текстах экстремистского характера	257
<i>Новоселова О.В.</i> Проблема лингвистической экспертизы имплицитных практик-угроз	264
<i>Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.</i> Специфика судебного психолингвистического исследования с элементами профайлинга	267
<i>Смолицкая Е.Е.</i> Термины, обозначающие способы обеспечения исполнения обязательств	275
<i>Щелкунов К.А.</i> Опыт практического лингвокриминалистического анализа текста на предмет наличия в нем призывов (на материале письма В.И. Ленина в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете)	283

Информация о сборниках и конференциях 290

НАШИ АВТОРЫ 294

Научное издание

**Значение как феномен
актуального языкового сознания
носителя языка**

Выпуск 9

Научный редактор *А.В. Рудакова*
Компьютерная верстка *А.В. Рудакова*

Издание публикуется
в авторской редакции и авторском наборе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ООО «РИТМ»

Подписано в печать 29.11.2023. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,4 Тираж 300 экз. Заказ № 122

Обложка, текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53